БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В.РАЙХ

Основатель телесно-ориентированного психоанализа Вильгельм Райх (1897-1957) окончил в 1922 году медицинский факультет Венского университета. С 1919 года член Венского Психоаналитического Общества. Райх стал первым клиническим ассистентом Фрейда, а позже — вице-директором психоаналитической клиники, основанной Фрейдом.

В 1939 году переехал в США, где стал ассистент-профессором Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке. В 1950 году Райх основал собственный институт. В 1954 году его теория и практика объявлены несостоятельными, применение его методов, а также большинство книг и журналов оказались под запретом.

В книге "Психология масс и фашизм" показано, что самой характерной чертой реакционного политика является его стремление защищать главенство государства над обществом, что неизбежно приводит к диктаторскому абсолютизму, готовому принести в жертву тысячи людей для защиты своих "имперских интересов".

Университетская книга

В.РАЙХ

психология масс и фашизм

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В.РАЙХ

психология масс и фашизм

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

WILHELM REICH

The mass psychology of fascism

A Condor Book
Souvenir Press (Educational) & Academic LTD

В.РАЙХ

Психология масс и фашизм

Перевод с английского Ю.М.Донца

Университетская книга
Санкт-Петербург 1997

ББК Р. (Герм.)
В. Райх 1997

Издание осуществлено при поддержке
ООО «Издательский дом «П. Э. Т.»

Предлагаемая вниманию читателя работа В. Райха представляет собой классическое исследование взаимосвязи психологии масс и фашизма Она была написана в период экономического кризиса в Германии (1930 — 1933 гг.), впоследствии была запрещена нацистами. К несомненным достоинствам книги следует отнести ее уникальный вклад в понимание одного из важнейших явлений нашего времени — фашизма. В этой книге В. Райх использует свои клинические знания характерологической структуры личности для исследования социальных и политических явлений. Райх отвергает концепцию, согласно которой фашизм представляет собой идеологию или результат деятельности отдельного человека; народа; какой-либо этнической или политической группы. Не признает он и выдвигаемое марксисткими идеологами понимание фашизма, которое ограничено социально-политическим подходом. Фашизм, с точки зрения Райха, служит выражением иррациональности характерологической структуры обычного человека, первичные биологические потребности которого подавлялись на протяжении многих тысячелетий. В книге содержится подробный анализ социальной функции такого подавления и решающего значения для него авторитарной семьи и церкви.

Значение этой работы трудно переоценить в наше время. Характерологическая структура личности, служившая основой возникновения фашистских движений, не прекратила своего существования и по-прежнему определяет динамику современных социальных конфликтов. Для обеспечения эффективности борьбы с хаосом страданий необходимо обратить внимание на характерологическую структуру личности, которая служит причиной его возникновения. Мы должны понять взаимосвязь между психологией масс и фашизмом и другими формами тоталитаризма.

© Донец Ю. М. — перевод с немецкого, 1997 г.
© Издательство «Университетская книга» (СПб)
© Издательство «Прогресс» (Москва) —художественное оформление

ISBN 5-7914-0002-0

"Любовь, труд и познание —
вот источники нашей жизни.
Они должны определять ее ход".
Вильгельм Райх

ОТКРЫТИЯ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА РАЙХА

Основатель телесно-ориентированного психоанализа Вильгельм Райх родился 24 марта 1897 года в Галиции. Эта территория в то время являлась частью Австро-Венгерской империи. Отец его был мелким фермером и, несмотря на свое еврейское происхождение, убежденным немецким националистом. В семье говорили только на немецком языке, и маленькому Вильгельму запрещалось общаться с детьми украинского или еврейского происхождения. Когда Райху было 17 лет, его мать, которую он боготворил, покончила с собой, а через три года умер и отец. Оставшаяся после смерти отца ферма была разрушена войной. В 1916 году Райх вступил в австрийскую армию, стал офицером и принимал участие в сражениях первой мировой войны в Италии. В 1918 году, вернувшись с фронта, он поступил на медицинский факультет Венского университета, который окончил в 1922 году. С 1919 он был членом Венского Психоаналитического Общества и вскоре начал практиковать как психоаналитик. Райх стал первым клиническим ассистентом Фрейда, а позже — вице-директором основанной Фрейдом психоаналитической клиники.

В 1924 он стал руководителем Семинара по психоаналитической терапии, фактически первого учебного института психоанализа. Здесь он проявил себя как блестящий клиницист и исследователь.

Сам Райх проходил сеансы психоанализа у нескольких аналитиков, но по разным причинам они не доводились до конца.

В 1927 году он хотел пройти психоанализ у Фрейда, но получил отказ. Это послужило формальной причиной кофликта. На самом же деле конфликт был связан с политическими взглядами Райха, который увлекся марксистскими идеями и вступил в Германскую коммунистическую партию.

В 1929 году он участвовал в создании первых клиник сексуальной гигиены для рабочих, предоставлявших бесплатно информацию о контроле рождаемости, воспитании детей и сексуальном просвещении. В 1930 году Райх перебрался в Берлин, чтобы пройти свой личный анализ у одного из ведущих психоаналитиков Радо. Там он активно участвовал в коммунистически ориентированном движении психического здоровья. Он организовывал гигиенические центры и выступал с лекциями по всей Германии. Однако психоаналитики не одобряли его политическую деятельность, а его товарищи по партии — предлагаемые им радикальные программы сексуального воспитания и образования. В результате Райх в 1933 году был исключен из Германской коммунистической партии, а в 1934 году — из Ин-

тернациональной психоаналитической ассоциации. Райх стал свидетелем становления германского фашизма и в 1933 году эмигрировал в Данию. За свои взгляды и пропаганду «сексуальной революции» он был изгнан из Дании, а затем из Щвеции и с 1934 года работал в Осло, где продолжал читать лекции и заниматься психологическими и биологическими исследованиями. В 1939 году Райх переехал в США, где стал адъюнкт-профессором медицинской психологии Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке. В своих лабораторных исследованиях он пришел к выводу о существовании фундаментальной жизненной энергии, присущей всем живым организмам. Он назвал ее оргоном и считал, что эта энергия лежит в основе фрейдовской концепции либидо. Райх основал Институт Оргона и с 1950 года экспериментировал с аккумуляторами оргонной энергии. Он считал, что причиной многих заболеваний, таких, как рак, стенокардия, эпилепсия и др. является нарушение свободного тока оргонной энергии в организме.

Он начал использовать в терапии оргонные аккумуляторы, которые, как он считал, ликвидировали это нарушение. В 1954 году его теория и практика были объявлены несостоятельными, было запрещено применение его метода, а также большинство его книг и журналов. Райх пытался протестовать, но, несмотря на то, что результаты его опытов никогда не были научно опровергнуты, все публикации, касающиеся применения и производства оргонных аккумуляторов, были сожжены, а самого его обвинили в неуважении к суду и заключили в федеральную тюрьму, где он и умер от сердечного приступа в 1957 году.

Следует признать, что Райх в своих исследованиях, несмотря на многие заблуждения, далеко опередил свое время. Его взгляды на половое воспитание, «сексуальную революцию», причины развития неврозов, биоэнергетику вполне современны. Его техники освобождения «мышечных панцирей» успешно используются в современной психотерапевтической практике и получили дальнейшее развитие. Его книги и статьи постоянно переиздаются.

Райх считал, что тоталитарное государство подавляет естественные, прежде всего сексуальные, влечения человека, вытесняя их в бессознательное и превращая человека в существо, неспособное к сопротивлению и готовое выполнить любой приказ «фюрера».

Он преувеличивал значение подавления сексуальных влечений в формировании «рабской» психологии масс, хотя этот фактор нельзя сбрасывать со счетов. Его политические взгляды и рекомендации отличаются некоторой наивностью. Так, он безусловно заблуждается в своей оценке личности Ленина, что было характерно для многих представителей западной интеллигенции в

то время. На самом же деле тот режим, который был создан Лениным и его товарищами по партии, с самого начала был тоталитарно-репрессивной системой, беспощадно подавлявшей любое сопротивление. Этот режим, выражаясь языком Райха, формировал психологическую структуру характера «Гомо Советикус», которая является исключительно ригидной и меняется очень медленно. В принципе, психологические структуры характера масс имеют сходные черты при всех тоталитарных системах. Это прежде всего нежелание и неумение брать на себя ответственность за свою жизнь, проявлять инициативу, уважать личность и мнение другого человека и др. Абсолютно прав Райх, утверждая, что фашизм порождается не столько экономическими и политическими обстоятельствами, сколько самой структурой характера масс, подготовленной для принятия идеи Вождя. Основными проявлениями такой психологии являются откровенный национализм и шовинизм, поиск виновного в своих собственных бедах не в самих себе, а в других.

Райх в этой книге показал, что самой характерной чертой реакционного политика является «его стремление защищать главенство государства над обществом», что неизбежно приводит к диктаторскому абсолютизму, готовому принести в жертву тысячи и тысячи людей для защиты своих «имперских интересов».

«Для того, чтобы занять высшее общественное положение в условиях социального хаоса, необходимо лишь обладать достаточной хитростью, невротическим честолюбием, волей к власти и грубостью». Не напоминает ли эта характеристика, данная Райхом, некоторых людей, находящихся на вершинах политической власти в сегодняшней России?

Значение этой книги в наше время трудно переоценить. Структура характера масс, доставшаяся нам в наследство от одного из самых жестоких тоталитарных режимов за всю человеческую историю, во многом определяет динамику современных социальных конфликтов. Мы должны понять взаимосвязь между психологией масс и различными формами тоталитаризма и сделать все для изменения характерологической структуры ближайшего поколения. Только это может гарантировать, что прошлый кошмар больше не повторится.

Л. М. Шлионский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обширные и кропотливые терапевтические исследования человеческого характера позволили мне сделать вывод, что при оценке человеческих реакций мы, как правило, имеем дело с тремя различными слоями биопсихической структуры. Как показано в моей книге «Анализ характера», эти слои характерологической структуры возникают в результате общественного развития и функционируют независимо друг от друга. Для поверхностного уровня личности среднего человека характерны сдержанность, вежливость, сострадание, ответственность, добросовестность. Не было бы никаких общественных трагедий, если бы этот поверхностный пласт личности человека находился в непосредственном контакте с его глубинной, естественной основой. К сожалению, дело обстоит иначе. Поверхностный слой личности не соприкасается с глубинной биологической основой индивидуальности; он опирается на второй, промежуточный слой характера, который состоит исключительно из импульсов жестокости, садизма, сладострастия, жадности и зависти. Это то, что Фрейд называл «бессознательным». На языке сексуальной энергетики «бессознательное» — совокупность всех так называемых «вторичных влечений».

Биофизика оргона позволила понять фрейдовское бессознательное, т. е. антисоциальное, в человеке как вторичный результат подавления первичных биологических влечений. После прохождения второго слоя «извращений» и погружения в биологический субстрат человека всегда обнаруживается третий, самый глубокий слой, который мы называем биологической основой. В этой основе, при благоприятных условиях, человек, как правило, представляет собой искреннее, трудолюбивое, склонное к сотрудничеству, любящее и, при наличии достаточной мотивации, рационально ненавидящее существо. В то же время представляется совершенно невозможным освобождение характерологической структуры современного человека путем проникновения в этот самый глубокий и столь перспективный слой без предварительного удаления ложного, социального поверхностного слоя. Сбросьте маску воспитания, и пред вами предстанет не естественная общительность, а лишь извращенный, садистский слой характера.

В результате неудачной структурной компоновки каждый естественный, социальный, либидозный импульс, стремящийся к реализации на биологической основе, вынужден проходить через слой вторичных извращенных влечений и таким образом подвергаться искажению. Это искажение трансформирует и извращает исходную социальную природу естественных импульсов, препятствуя любому подлинному проявлению жизни.

Теперь мы перенесем нашу структуру личности в социально-политическую сферу.

Нетрудно заметить, что различные распределения общества по политическим и идеологическим группам соответствуют различным слоям характерологической структуры. И тем не менее мы отказываемся признать ошибку идеалистической философии, которая настаивает на вечной неизменности этой структуры. После преобразования исходных биологических потребностей человека и включения их в состав его характерологической структуры, под влиянием общественных условий и изменений эта структура воспроизводит социальный строй общества и его идеологию.

После распада первичной рабоче-демократической формы общества биологическая основа человека осталась без социального представительства. Все «естественное» и «возвышенное» в человеке, все, что объединяло его с космосом, находило подлинное выражение в великих произведениях искусства, особенно в музыке и живописи. И тем не менее оно до сих пор не оказало существенного влияния на формирование человеческого общества, если под обществом понимать общество всех людей, а не культуру малочисленного сословия богачей.

В этических и общественных идеалах либерализма мы видим защиту особенностей поверхностного слоя характера, который центрируется на самообладании и терпимости. В либерализме такого вида подчеркивается значение этики для удержания в повиновении «чудовища в человеке», то есть нашего слоя «вторичных влечений», фрейдовского «бессознательного». Естественная общительность самого глубокого, третьего слоя, не свойственна либералу. Он сожалеет об извращении человеческого характера и стремится преодолеть его с помощью этических норм, тем не менее общественные потрясения XX века свидетельствуют о том, что при таком подходе ему не удалось достичь значительных успехов.

Все подлинно революционное (подлинное искусство и наука) возникает на естественной, биологической основе личности. Ни одному истинному революционеру, художнику и ученому пока не удавалось завоевать расположение народных масс и выступить в качестве их руководителя; а если даже и удавалось, то он не мог удержать их интереса к жизненно важной сфере в течение сколько-нибудь продолжительного периода времени.

В отличие от либерализма и подлинной революции в случае фашизма дело обстоит совершенно иначе. В его сущности воплощаются не поверхностный и глубинный слои, а, как правило, второй, промежуточный характерологический слой вторичных влечений.

Когда я работал над первым вариантом этой книги, фашизм было принято рассматривать как «политическую партию», которая, подобно другим «общественным группам», отстаивала организованную «политическую идею». Согласно этой оценке «фашистская партия» стремилась институировать фашизм с помощью силы и политических интриг.

В отличие от вышеприведенной оценки мой врачебный опыт работы с мужчинами и женщинами различных сословий, рас, наций, религиозных верований и т. д. позволяет мне утверждать, что «фашизм» лишь служит организованным политическим выражением характерологической структуры среднего человека, существование которой не ограничивается определенными расами, нациями и партиями, а носит всеобщий и интернациональный характер. С точки зрения характера человека «фашизм» представляет собой основное, эмоциональное отношение «подавленного» в человеке к нашей авторитарной, машинной цивилизации и ее механистически мистическому пониманию жизни.

Механистически мистический характер современного человека порождает фашистские партии, а не наоборот.

В результате ошибочного политического мышления даже теперь фашизм рассматривается как определенная национальная особенность немцев и японцев. Все дальнейшие ошибочные интерпретации следуют из этой исходной ошибочной концепции.

В противоположность подлинному стремлению обрести свободу, фашизм рассматривался, да и поныне рассматривается, как диктатура немногочисленной реакционной клики. Живучесть этого заблуждения объясняется нашей боязнью взглянуть в лицо реальности, а именно: фашизм — это международное явление, проникшее во все общественные органы всех стран. Это заключение вполне подтверждается международными событиями последних пятнадцати лет.

Опыт, приобретенный в области характерологического анализа, позволил мне убедиться в том, что не существует ни одного индивидуума, в структуре которого не содержались бы элементы фашистского восприятия и мышления. Как политическое движение фашизм отличается от других реакционных партий тем,

что в качестве его носителя и поборника выступают народные массы.

Я вполне сознаю огромную ответственность, связанную с таким утверждением, и в интересах этого разорванного на части мира я хотел бы, чтобы и трудящиеся массы так же ясно осознали свою ответственность за фашизм.

Необходимо проводить различие между обычным милитаризмом и фашизмом. Германия времен кайзера Вильгельма была милитаристской, но не фашистской.

Поскольку фашизм, независимо от времени и места его появления, является движением народных масс, он обладает всеми особенностями и противоречиями, присущими характерологической структуре массового индивида. В отличие от общепринятого мнения фашизм — это не чисто реакционное движение, он представляет собой сплав мятежных эмоций и реакционных социальных идей.

Если под революционностью понимать разумный протест против невыносимых условий жизни в человеческом обществе, разумное стремление «добраться до корня всех вещей» и изменить жизнь к лучшему, — тогда фашизм никоим образом не является революционным. Разумеется, он может появляться под маской революционных эмоций. Однако революционным мы называем не того врача, который лечит болезнь с помощью безответственных инвектив, а того, кто спокойно, мужественно и скрупулезно исследует причины болезни и ведет с ней борьбу. Фашистский протест всегда возникает там, где из-за страха перед истиной революционная эмоция искажается, принимая иллюзорный характер.

В чистом виде фашизм представляет собой совокупность всех иррациональных характерологических реакций обычного человека. Для недалёкого социолога, которому недостает мужества признать ведущую роль иррациональности в истории человечества, фашистская расовая теория отражает лишь империалистическое стремление или, мягко выражаясь, является «предрассудком». Это утверждение справедливо и для безответственного политика-болтуна. Масштаб и широта распространения «расовых предрассудков» свидетельствует о том, что их источником является иррациональная область человеческого характера. Расовая теория не проистекает из фашизма. Напротив, фашизм возникает на основе расовой ненависти и служит ее политически организованным выражением. Отсюда следует, что существует немецкий, итальянский, испанский, англосаксонский, еврейский и арабский фашизм. Расовая идеология — это чисто биопатическое выраже-

ние характерологической структуры оргастически импотентной личности.

Садистски извращенный характер расовой идеологии проявляется и в ее отношении к религии. Полагают, что фашизм воплощает возвращение к язычеству и является заклятым врагом религии. Это совершенно неверно. Фашизм служит высшим выражением религиозного мистицизма, который принимает определенную общественную форму. Фашизм поддерживает религиозность, которая возникает в результате сексуального извращения, и трансформирует мазохистский характер древней религии. Короче говоря, он переводит религию из «потусторонней» области философии страдания в «посюстороннюю» область садистского убийства.

Фашистская ментальность — это ментальность «маленького человека», порабощенного, стремящегося к власти и в то же время протестующего. Не случайно, что все фашистские диктаторы происходят из реакционной среды «маленьких людей». Магнат-промышленник и милитарист-феодал используют этот социальный факт для своих целей после его выявления в контексте общего подавления жизненных импульсов. В форме фашизма механистическая, авторитарная цивилизация извлекает из подавленного «маленького человека» то, что в течение многих веков она насаждала в порабощенном человечестве с помощью мистицизма, милитаризма и автоматизма. Этот «маленький человек» досконально изучил поведение «большого человека» и поэтому воспроизводит его в искаженном и гротескном виде. Фашизм — это сержант колоссальной армии нашей глубоко больной, промышленно развитой цивилизации Высокая политика превратилась перед «маленьким человеком» в балаганное представление. Маленький сержант превзошел генерала-империалиста во всем: в маршевой музыке, в «гусином шаге», в умении командовать и подчиняться; в способности съеживаться от страха перед идеями; в дипломатии, стратегии и тактике; в умении одеваться и проводить парады; в знаках отличия и почетных наградах. Во всех этих вещах кайзер Вильгельм выглядит жалким фальсификатором по сравнению с Гитлером, сыном голодного чиновника. Увешивая всю грудь медалями, «пролетарский» генерал показывает, что «маленький человек» «ничем не хуже» «настоящего» большого генерала.

Широкие и тщательные исследования характера подавленного «маленького человека», а также близкое знакомство с его закулисной жизнью совершенно необходимы для понимания сил, на которые опирается фашизм.

В мятеже огромного числа оскорбленных людей против пустой благовоспитанности ложного либерализма (который не следует смешивать с подлинным либерализмом и подлинной терпимостью) проявился характерологический слой, состоящий из вторичных влечений.

Безумного фашиста невозможно обезвредить, если искать его в соответствии с существующими политическими обстоятельствами только в немце или японце, а не одновременно и в американце, и в китайце; если не обнаруживать его в себе самом; если мы не знакомы с социальными институтами, в которых ежедневно занимаются его воспитанием.

Фашизм можно сокрушить только в том случае, если вести с ним борьбу объективно и практически на основе глубокого знания жизненных процессов. В области политической интриги, дипломатии и зрелищ он не знает себе равных. И все же он должен дать ответ на практические вопросы жизни, поскольку он видит все только в зеркале идеологии или в форме национального мундира.

Когда вам доведется услышать, как фашистский деятель, независимо от разновидности, читает проповеди о «чести нации» (а не о чести человека) или «спасении священной семьи и расы» (а не общества трудящегося человечества), когда вы увидите, как, раздуваясь от важности, он выкрикивает лозунги, — пусть ему при всем народе спокойно и просто зададут следующие вопросы:

«Что вы делаете на практике, чтобы накормить народ без уничтожения других народов? Что вы делаете как врач для борьбы с хроническими заболеваниями? Что вы делаете как педагог, чтобы ребенок радовался жизни? Что вы делаете как экономист для искоренения бедности? Что вы делаете как работник социального обеспечения для облегчения жизни многодетных матерей? Что вы делаете как архитектор для улучшения санитарно-гигиенических условий жизни в жилых помещениях? Хватит болтовни. Дайте нам прямой и конкретный ответ или замолчите!»

Отсюда следует, что международный фашизм невозможно победить с помощью политических интриг. Его победит естественная организация труда, любви и познания на международном уровне.

В нашем обществе любовь и знание еще пока не определяют человеческое существование. Действительно, эти мощные силы позитивного принципа жизни не сознают своей глобальности, своей необходимости, своего огромного значения для общества. По этой причине в настоящее время, год спустя после военной победы над партийным фашизмом, общество все еще стоит на краю бед-

ности. Падение нашей цивилизации станет неизбежным, если трудящиеся, ученые, работающие во всех областях живого (а не мертвого) знания, и лица, которые дарят и получают естественную любовь,как можно быстрее не осознают свою огромную ответственность.

Жизненный порыв может существовать без фашизма, а фашизм без него существовать не может. Фашизм — это вампир, присосавшийся к телу живого существа, получившее свободу влечение к убийству, так же как весной любовь стремится к свершению.

Каким путем будет развиваться индивидуальная и общественная свобода, саморегуляция нашей жизни и жизни наших потомков? Мирным или насильственным? Никто не знает ответа на этот вопрос.

И все же ответ известен тому, кто понимает, как протекает жизнь в животном и новорожденном ребенке, тому, кто понимает смысл беззаветной работы — независимо от того, является он механиком, исследователем или художником. Такой человек перестает мыслить понятиями, получившими распространение в обществе благодаря деятельности партийных функционеров. Жизненный порыв не может «захватить власть насильственным путем», так как он не знает, что с ней делать. Означает ли этот вывод, что жизненный импульс всегда будет его жертвой и мучеником? Означает ли это, что псевдополитик всегда будет сосать кровь жизни? Это — ложный вывод.

Моя работа как врача заключается в лечении болезней. В качестве исследователя я должен пролить свет на неизвестные взаимосвязи в природе. Таким образом, если появится пустозвон-политик и попытается заставить меня покинуть своих пациентов и отложить в сторону свой микроскоп, я не позволю, чтобы мне мешали. Я просто вышвырну его вон, если он откажется уйти добровольно. Необходимость применения силы против незваных гостей для защиты моей работы с живыми людьми зависит не от меня и моей работы, а от степени наглости незваных гостей. Представим себе теперь, что все те, кто занят важной, живой работой, смогли бы сразу узнать в политике пустозвона. Они поступили бы так же, как и я. В этом упрощенном примере, возможно, содержится в общих чертах ответ на вопрос, каким образом жизненный порыв должен будет, рано или поздно, защищаться от незваных гостей и разрушителей.

«Психология масс и фашизм» обдумывалась в годы кризиса в Германии с 1930 по 1933 г. Книга была написана в 1933 году;

первое издание появилось в сентябре 1933 года, а второе — в апреле 1934 года в Дании.

Десять лет минуло с тех пор. Разоблачение иррациональной природы фашистской идеологии в этой книге нередко получало шумное одобрение всех политических лагерей. Через немецкую границу перевозилось большое количество экземпляров этой книги, порой изданной под псевдонимом. Нелегальное революционное движение в Германии оказало книге теплый прием. В течение многих лет она служила источником связи с немецким антифашистским движением.

В 1936 году фашисты запретили эту книгу наряду со всеми публикациями по политической психологии *. Выдержки из книги печатались во Франции, Америке, Чехословакии, Скандинавии и других странах. Она подвергалась анализу в статьях. И лишь социалисты, с их узкоэкономическим подходом, а также платные партийные чиновники, контролировавшие органы политической власти, не знали, да и теперь не знают, как к ней относиться. В Дании и Норвегии, например, она подвергалась яростной критике со стороны руководства коммунистической партии и была осуждена как «контрреволюционная». С другой стороны, представляется знаменательным, что сексуально-энергетическое объяснение иррациональной природы расовой теории нашло понимание у молодежи из фашистских групп с революционной ориентацией.

В 1942 году один из английских корреспондентов предложил осуществить перевод книги на английский язык. Таким образом, передо мной встала задача проверить правильность книги через десять лет после ее написания. Результат проверки точно отража-

---

* «Дойчес Рейхсгазетцблатт» (официальная газета, в которой сообщалось о новых законах) № 3, 13 апреля 1935 г. В соответствии с Постановлением от 4 февраля 1933 г. издание «В чем заключается классовое сознание» Эрнста Парелла (псевдоним Райха), «Диалектический материализм и психоанализ» Вильгельма Райха, № 1 и № 2 политико-психологической серии «Издатели за сексуальную политику» (Копенгаген — Прага — Цюрих), а также все остальные публикации, которые должны появиться в этой серии, подлежат конфискации и изъятию из обращения силами прусской полиции, поскольку они представляют опасность для порядка и общественной безопасности.

41230/35 П 2 В 1 Берлин
9/4/35 Гестапо

№ 2146, 7 мая, 1935. В соответствии с Постановлением президента государства от 28 февраля 1933 г. запрещается до особого распоряжения распространение в государстве всех иностранных изданий политико-психологической серии «Издатели за сексуальную политику» (Копенгаген, Дания; Прага, Чехословакия; Цюрих, Швейцария)

Ш. Р. 3952 53. Берлин
6/5/35 Р. М. Д. И.

ет колоссальные изменения которые произошли в мышлении за последнее десятилетие. Кроме того, это была проверка обоснованности сексуально-энергетической социологии и ее влияния на социальные революции нашего столетия. Я не держал книгу в руках в течение ряда лет. Когда я начал вносить в книгу исправления и дополнения, я был ошеломлен ошибками в рассуждениях, которые я сделал 15 лет назад, кардинальными изменениями, происшедшими в мышлении за это время, а также теми огромными усилиями, которые потребовались от науки, чтобы преодолеть фашизм.

Прежде всего, я вполне мог позволить себе отпраздновать великую победу. За прошедшее время анализ фашистской идеологии с позиций сексуальной энергетики выстоял под огнем критики и его основные положения были полностью подтверждены событиями последнего десятилетия. Он пережил крушение чисто экономической, вульгарной концепции марксизма, с помощью которой марксистские партии Германии пытались одолеть фашизм. Тот факт, что через 10 лет после первого издания понадобилось вновь издать «Психологию масс и фашизм», говорит в ее пользу. На новое издание не может претендовать ни одна из марксистских работ, авторы которых осуждали сексуальную энергетику.

В переработке второго издания нашли отражение кардинальные изменения, происшедшие в моем мышлении.

В 1930 году у меня не было никакого представления о естественных демократических отношениях между трудящимися — мужчинами и женщинами. Рудиментарные сексуально-энергетические открытия в области структуры личности вплетались в интеллектуальную канву деятельности марксистских партий. В то время я принимал активное участие в деятельности либеральных, социалистических и марксистских культурных организаций, и поэтому при изложении идей сексуальной энергетики мне приходилось периодически пользоваться социологическими понятиями, которые были общеприняты в марксизме. И даже тогда в нелицеприятных спорах с различными партийными функционерами выявлялось существенное расхождение между сексуально-энергетической социологией и вульгарным экономизмом. Поскольку я все еще верил в фундаментально научный характер марксистских партий, мне трудно было понять, почему члены этих партий обрушивались с острой критикой на социальные последствия моих медицинских исследований именно в то время, когда массы служащих, промышленных рабочих, мелких предпринимателей, студентов и т. д. устремлялись в сексуально-

энергетические организации, чтобы получить знания о живой жизни. Я никогда не забуду «красного профессора» из Москвы, которому было поручено в 1928 году посетить одну из моих лекций в Вене, чтобы защитить от меня «партийную линию». Между прочим этот профессор заявил, что «Эдипов комплекс — полнейшая чепуха» и что такой вещи вообще не существует. Четырнадцать лет спустя его русские товарищи гибли под танками порабощенных фюрером немцев.

Разумеется, можно было ожидать, что партии, провозглашавшие борьбу за свободу человечества, будут вполне удовлетворены результатами моей политической и психологической деятельности. Как убедительно свидетельствуют архивы нашего института, дело обстояло совсем иначе. Чем значительнее были социальные последствия нашей деятельности в области массовой психологии, тем решительнее были контрмеры, принимавшиеся партийными политиками. Еще в 1929—30 годах австрийские социал-демократы закрыли двери своих культурных организаций для лекторов нашей организации. В 1932 году, несмотря на энергичные протесты своих членов, социалистические и коммунистические организации запретили распространение публикаций серии «Издатели за сексуальную политику» (издательство находилось в Берлине). Меня лично предупредили, что я буду расстрелян, как только марксисты придут к власти в Германии. В том же году коммунистические организации Германии запретили врачам, выступавшим в защиту сексуальной энергетики, присутствовать в своих залах для собраний. Это решение также было принято вопреки воле членов этих организаций. Меня исключили из обеих организаций на том основании, что я внедрял сексологию и показывал ее влияние на формирование структуры личности. В период с 1934 по 1937 год функционеры коммунистической партии всегда предупреждали фашистские круги в Европе об «опасности» сексуальной энергетики. Это можно доказать на основании документов. Публикации по сексуальной энергетике задерживались на границе Советской России и отправлялись обратно, как, впрочем, и толпы беженцев, стремившихся спастись от немецкого фашизма. Этому нет никакого оправдания.

Вышеупомянутые события, представлявшиеся мне в то время бессмысленными, приобрели полную ясность в процессе переработки книги «Психология масс и фашизм». Сведения из области сексуальной энергетики и биологии были втиснуты в терминологию вульгарного марксизма как слон в лисью нору. Во время пе-

реработки своей книги о молодежи * в 1938 году я заметил, что по прошествии восьми лет все термины сексуальной энергетики сохранили свое значение, тогда как все партийные лозунги, которые я включил в книгу, стали бессмысленными. Это утверждение справедливо и для третьего издания «Психологии масс и фашизма».

Вообще говоря, теперь ясно, что фашизм — это не дело рук какого-нибудь Гитлера или Муссолини, а выражение иррациональной структуры массового человека. В настоящее время стало более очевидным, чем десять лет назад, что расовая теория является биологическим мистицизмом. Кроме того, мы располагаем значительно большим объемом сведений, которые позволяют нам понять оргастические влечения человека, и поэтому мы уже начали интуитивно понимать, что фашистский мистицизм представляет собой оргастическое влечение, ограниченное мистическим искажением и подавлением естественной сексуальности. Положения сексуальной энергетики, относящиеся к фашизму, теперь представляются более обоснованными, чем десять лет назад.

Означает ли это, что марксистская экономическая теория по сути своей неверна? Я хотел бы ответить на этот вопрос с помощью примера. Был ли «неверным» микроскоп времен Пастера или построенный Леонардо да Винчи водяной насос? Марксизм является научной теорией экономики, которая возникла в общественных условиях начала и середины XIX столетия. Однако процесс общественного развития не остановился и принял в XX веке совершенно иную форму. В этом новом социальном процессе мы находим все существенные особенности, существовавшие в XIX веке, подобно тому, как мы вновь открываем принципиальную конструкцию пастеровского микроскопа в современном микроскопе или основной принцип насоса Леонардо да Винчи в современной системе водоснабжения. И все же в настоящее время оказываются бесполезными как микроскоп Пастера, так и насос Леонардо да Винчи. Они устарели благодаря совершенно новым процессам и функциям, соответствующим совершенно новой концепции и технологии. Деятельность марксистских партий в Европе не увенчалась успехом (говоря это, я отнюдь не испытываю злорадного чувства радости), поскольку на основе понятий XIX века они пытались понять фашизм XX века, являвший собой нечто совершенно новое. В качестве общественных организаций они утратили энергию, поскольку им не удалось сохранить и развить

* Здесь имеется в виду «Сексуальная борьба молодежи».

существенные возможности, присущие всем научным теориям. Я не сожалею о том, что в течение многих лет принимал участие в качестве врача в деятельности марксистских организаций. Мое знание общества не основано на книгах; по существу, оно было приобретено благодаря практическому участию в борьбе народных масс за достойную и свободную жизнь. Фактически мои лучшие интуитивные открытия в области сексуальной энергетики были сделаны на основе ошибок в мышлении тех же самых народных масс, т. е. ошибок, подготовивших их к приходу фашистской чумы. В качестве врача я так понимал рабочих с их проблемами, как их не мог понять партийный политик. Партийный политик видел только «рабочий класс», которому он стремился «внушить классовое сознание». Я рассматривал человека как живое существо, оказавшееся во власти наихудших из всех возможных общественных условий, которые он сам создал, носил в себе как часть своего характера и тщетно стремился освободиться от них. Разрыв между чисто экономическим и биосоциологическим подходом стал непреодолим. Теория «классового человека» противопоставлялась иррациональной природе общества живых людей.

В настоящее время всем известно, как глубоко марксистские экономические идеи проникли в мышление современного человека. И все же отдельные экономисты и социологи нередко не сознают источник своих идей. Общеизвестны такие понятия, как «класс», «прибыль», «эксплуатация», «классовое противоречие», «товар» и «прибавочная стоимость». Несмотря на это, ни одну партию нельзя считать в настоящее время наследником и живым представителем научного богатства марксизма, когда речь идет о реальном развитии социологии, а не о лозунгах, утративших свой первоначальный смысл.

В период с 1937 по 1939 год была разработана новая сексуально-энергетическая концепция — «рабочая демократия». В третье издание этой книги включено изложение основных особенностей новой социологической концепции. Она содержит лучшие, все еще действенные, социологические достижения марксизма. В ней учитываются социальные изменения, которые произошли в понятии «рабочий» за последние сто лет. По своему опыту я знаю, что «единственные представители рабочего класса», а также прежние и новые «руководители международного пролетариата» выступают против указанного расширения социального понятия «рабочий» на том основании, что оно является «фашистским», «троцкистским», «контрреволюционным», «враждебным по отношению к партии» и т. д. Организации рабочих, которые изгоняют из сво-

их рядов негров и осуществляют на практике гитлеризм, не могут считаться творцами нового свободного общества. Гитлеризм, однако, не ограничивается нацистской партией или границами Германии; он проникает как в рабочие организации, так и в либеральные и демократические круги. Фашизм — это не политическая партия, а особая концепция жизни, отношения к человеку, любви и труду. Этого не меняет тот факт, что политические методы предвоенных марксистских партий исчерпали себя и не имеют будущего. Аналогично тому, как в психоанализе была утрачена концепция сексуальной энергии, которая вновь возродилась при открытии «оргона», так и концепция интернационального рабочего утратила свое значение в деятельности марксистских партий, чтобы возродиться в рамках сексуально-энергетической социологии. Это связано с тем, что деятельность сторонников сексуальной энергетики может быть реализована только в рамках общественно необходимого труда, а не в рамках реакционно-иллюзорной бездеятельности.

Сексуально-энергетическая социология возникла на основе стремления привести глубинную психологию Фрейда в соответствие с экономической теорией Маркса. Инстинктивные и социально-экономические процессы определяют жизнь человека. В то же время нам необходимо отказаться от эклектических попыток произвольно объединять «инстинкт» и «экономику». Сексуально-энергетическая социология разрешает противоречие, которое побудило психоанализ предать забвению социальный фактор, а марксизм — происхождение человека от животного. В другом месте я отметил, что психоанализ является матерью сексуальной энергетики, а социология — ее отцом. Однако ребенок — это нечто большее, чем суммарный итог своих родителей. Он представляет собой новое, независимое существо — семя будущего.

В соответствии с новым, сексуально-энергетическим, пониманием концепции «труда» в терминологию настоящей книги были внесены следующие изменения. Термины «коммунистический», «социалистический», «классовое сознание» и т. д. были заменены на такие более конкретные социологические и психологические термины, как «революционный» и «научный». Они означают «радикальное революционизирование», «разумную деятельность», «постижение сути».

При этом учитывается нарастающее революционизирование не коммунистических и социалистических партий, а (в отличие от них) множества групп и общественных классов, которые не примыкают ни к какой партии. Другими словами, учитывается стремление многих аполитичных групп и классов к установлению принципиально нового, разумного общественного строя. В результате борьбы с фашистской чумой общество включилось в процесс огромных международных революционных изменений. Это явление нашло отражение в нашем общественном сознании и было отмечено даже старыми буржуазными политиками. Слова «пролетарий» и «пролетарский» были созданы более ста лет назад для обозначения обманутого класса общества, который был обречен на массовое обнищание. Разумеется, такие социальные группы и теперь существуют, однако взрослые внуки пролетариев XIX века стали высококвалифицированными промышленными рабочими, которые сознают свое мастерство, незаменимость и ответственность. «Классовое сознание» было заменено на «сознание своего мастерства» и «социальную ответственность».

В марксизме XIX века применение термина «классовое сознание» ограничивалось работниками физического труда. Лицам других необходимых профессий, без которых не могло функционировать общество, приклеивались ярлыки «интеллигентов» и «мелкой буржуазии». Их противопоставляли «пролетариату физического труда». Это схематическое и теперь уже неприемлемое сопоставление сыграло весьма существенную роль в победе фашизма в Германии. Концепция «классового сознания» характеризуется не только чрезмерной узостью, она вообще не соответствует структуре класса работников физического труда. Поэтому термины «промышленная работа» и «пролетариат» были заменены на «жизненно важный труд» и «трудящийся». Эти два термина распространяются на всех лиц, которые выполняют важную для жизни общества работу. Наряду с промышленными рабочими к таким лицам следует причислять врачей, учителей, техников, лаборантов, писателей, общественных деятелей, фермеров, научных работников и т. д. Эта новая концепция устраняет разрыв, который немало способствовал расколу общества трудящихся и поэтому привел к фашизму как черной, так и красной разновидности.

Благодаря незнанию массовой психологии марксистская социология противопоставляла «буржуазию» «пролетариату». С точки зрения психологии такое противопоставление следует признать неверным. Характерологическая структура не ограничивается капиталистами, она существует и среди трудящихся всех профессий. Существуют либеральные капиталисты и реакционные рабочие. Характерологический анализ не признает существования классовых различий. Поэтому чисто экономические понятия «буржуазия» и «пролетариат» были заменены понятиями «реакционный» и

«революционный» или «свободомыслящий», которые соотносятся не с принадлежностью человека к определенному общественному классу, а с его характером. Эти изменения были навязаны нам фашистскими извергами.

Диалектический материализм, обрисованный в общих чертах в «Анти-Дюринге» Энгельса, превратился в энергетический функционализм». Это развитие стало возможным благодаря открытию биологической энергии, или «оргона» (1936—38 г г.). Социология и психология приобрели таким образом прочную биологическую основу. Такое развитие должно было неизбежно оказать влияние на наше мышление. Расширение сферы нашего познания вызывает изменения в старых концепциях; новые концепции занимают место утративших силу концепций. Марксистский термин «сознание» заменен на «динамическую структуру», «потребность» — на «оргонные инстинктивные процессы», «традиция» — на «биологическую и характерологическую ригидность» и т. д.

Благодаря иррациональной природе человека общепринятая в вульгарном марксизме концепция «частного предпринимательства» была совершенно неправильно истолкована в том смысле, что социалистическое развитие общества исключает любую форму частного владения. Естественно, что такое толкование было широко использовано политической реакцией в своих целях. Представляется вполне очевидным, что общественное развитие и индивидуальная свобода не имеют отношения к так называемой отмене частной собственности. Марксистская концепция частной собственности не распространяется на брюки, рубашки, пишущие машинки, туалетную бумагу, книги, кровати, сбережения, дома, недвижимость и т. д. Эта концепция использовалась исключительно в связи с частной собственностью на общественные средства производства, т. е. такие средства производства, которые определяют развитие общества в целом. К таким средствам производства относятся: железные дороги, гидротехнические сооружения, электростанции, угольные шахты и т. д. «Обобществление средств производства» стало камнем преткновения потому, что было истолковано в соответствии с идеологией экспроприированных лиц как «лишение права частной собственности» на кур, рубашки, книги, дома и т. д. В течение прошлого столетия национализация общественных средств производства стала вторгаться в область частной собственности на такие средства производства. В той или иной мере этот процесс затронул все капиталистические страны.

Поскольку структура личности трудящегося и его способность к восприятию свободы были настолько придавлены, что он не мог

приспособиться к быстрому темпу развития общественных организаций, «государство» выполняло те функции, право на которые фактически резервировалось за «обществом» трудящихся.

Что касается Советской России, этой, как утверждают, цитадели марксизма, то здесь не приходится говорить об «обобществлении средств производства». Марксистские партии просто смешали «обобществление» с «национализацией». Во время последней войны выяснилось, что правительство Соединенных Штатов обладает юридическими правами и средствами для национализации слабых отраслей промышленности. Обобществление средств производства, передача их из частного владения отдельными лицами в общественное владение воспринимается менее ужасно, когда понимаешь, что в настоящее время в результате войны в капиталистических странах осталось немного независимых собственников, тогда как многие концерны теперь подотчетны в своей деятельности перед государством; и не столь уж ужасным представляется обобществление, когда сознаешь, что в Советской России отрасли промышленности управляются не теми, кто в них трудится, а группами государственных функционеров. Обобществление средств производства станет актуальным или возможным лишь тогда, когда массы трудящихся будут структурно готовы, т. е. осознают свою ответственность за управление ими. В настоящее время массы, в своем подавляющем большинстве, не только не стремятся к такому управлению, но и недостаточно готовы к нему. Более того, с социологической и экономической точки зрения обобществление крупных отраслей промышленности, в результате которого управление ими перейдет в руки только работников физического труда без участия техников, инженеров, директоров, администраторов, брокеров и др., представляется бессмысленным. В настоящее время работники физического труда сами отказались от этой идеи. Если бы дело обстояло иначе, марксистские партии уже повсюду пришли бы к власти.

В этом заключена суть социологического объяснения того, что свободное предпринимательство XIX века всё больше и больше превращается в государственную капиталистическую плановую экономику. Необходимо подчеркнуть, что даже в Советской России существует не государственный социализм, а государственный капитализм в строго марксистском смысле этого понятия. По словам Маркса, да и по мнению вульгарных марксистов, существование «капитализма» определяется наличием не отдельных капиталистов, а определённых «капиталистических способов производства». Короче говоря, в основе капитализма лежит рыночная

экономика, оплаченный труд народных масс и избыток продукта производства — независимо от того, происходит накопление такого избытка за счёт государства или отдельных капиталистов путём присвоения результатов общественного производства. В таком строго марксистском понимании капиталистическая система продолжает существовать в России, причем она будет существовать до тех пор, пока в народных массах будут существовать иррациональная мотивация и стремление к власти.

Сексуально-энергетическая психология личности дополняет экономический подход к обществу новой интерпретацией характера и биологии человека. Устранение индивидуальных капиталистов и установление в России государственного капитализма вместо частного капитализма не внесло никаких изменений в типичную бессильную рабскую психологию народных масс.

Кроме того, политическая идеология европейских марксистских партий опиралась на экономические условия, существование которых ограничивается двухсотлетним периодом, с семнадцатого по девятнадцатый век, когда происходило развитие машин.С другой стороны, фашизм XX века поставил основной вопрос характера человека, его мистицизма и стремления подчиняться власти, который охватывает период от четырех до шести тысячелетий. И в этом случае вульгарный марксизм также стремился затолкать слона в лисью нору. Развитие структуры личности, которая составляет основной предмет сексуально-энергетической социологии, не ограничивается последним двухсотлетним периодом; напротив, она отражает авторитарно-патриархальную цивилизацию, которая возникла много тысячелетий тому назад. Действительно, сексуальная энергетика берет на себя смелость утверждать, что неприглядные крайности капиталистической эры (хищнический империализм, обман трудящихся, покорение рас и т. д.) были возможны только потому, что психологическая структура безымянных масс, на долю которых выпали все эти лишения, оказалась в полной зависимости от авторитета, утратила способность к свободе и стала в высшей степени доступной влиянию мистицизма. Тот факт, что эта структура не является врожденной и была навязана общественными условиями, отнюдь не устраняет последствий ее деятельности; однако здесь содержится указание на выход из создавшегося положения, который заключается в изменении структуры. Если под радикальностью понимать стремление «добраться до сути», тогда точка зрения сексуально-энергетической биофизики характеризуется неизмеримо большей радикальностью в строгом и позитивном смысле этого слова, чем точка зрения вульгарного марксизма.

Из вышесказанного следует, что меры социальной защиты, выработанные за последние три столетия, можно считать не более эффективными в борьбе с массовой фашистской чумой, чем попытки затолкать слона (шесть тысячелетий) в лисью нору (три столетия).

Таким образом, победить фашизм можно на основе открытия существования естественной биологической основы рабочей демократии в международных связях человечества. Это утверждение останется справедливым даже в том случае, если никому из современных сторонников сексуальной энергетики, оргонных биофизиков или рабочих демократов не удастся дожить до того времени, когда полностью реализуется рабочая демократия и будет одержана победа над иррациональностью в общественной жизни.

Вильгельм Райх
Майн, август 1942 г.

ГЛОССАРИЙ

БИОНЫ Структуры, представляющие собой переходные стадии между неживой и живой материей. В природе они постоянно формируются в процессе распада неорганической и органической материи. Этот процесс можно воспроизвести экспериментально. Бионы заряжены энергией оргона и в процессе развития превращаются в бактерии и микроорганизмы.

БИОПАТИЯ Расстройство, возникающее в результате нарушения биологической пульсации во всем организме. Биопатия включает все патологические процессы, которые возникают в автономной жизненной системе. Суть биопатии заключается в нарушении разрядки биосексуального возбуждения.

ВЕГЕТОТЕРАПИЯ После открытия существования мышечного панциря терапевтический метод характерологического анализа был использован для освобождения ограниченной вегетативной энергии и восстановления таким образом биофизической подвижности пациента. Объединение характерологического анализа с вегетотерапией получило название характерологической вегетотерапии. Открытие организмической энергии оргона (биоэнергии) и возможности концентрации атмосферной энергии оргона с помощью аккумулятора оргонной энергии впоследствии привели к дальнейшему развитию характерологической вегетотерапии, в результате которого возникла универсальная биофизическая оргонная терапия.

ОРГАЗМИЧЕСКАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ Сексуальная тревожность, возникающая из-за наличия внешних факторов, препятствующих удовлетворению инстинктивных побуждений. Ее внутреннее закрепление вызвано страхом перед запретным сексуальным возбуждением. Она служит основой общего страха получения удовольствия, который преобладает в структуре личности.

ОРГАСТИЧЕСКАЯ ИМПОТЕНЦИЯ Отсутствие оргастической потенции, т. е. неспособность к полной самоотдаче из-за непроизвольного спазма организма и к полной разрядке возбуждения в кульминационный момент полового контакта. Она является наиболее существенной характеристикой обычного современного человека и благодаря подавлению биологической (оргонной) энергии организма служит источником энергии для всех видов биопатических симптомов и социального иррационализма.

ОРГОНОМИЧЕСКИЙ (ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ) ФУНКЦИОНАЛИЗМ Функциональная психотехника для проведения клинических и экспериментальных исследований оргона. Руководящим является принцип тождественности изменений общей закономерности функционирования. Данная психотехника возникла в процессе исследования формирования характера личности, привела к открытию функционально-организмической и космической энергии оргона.

РАБОЧАЯ ДЕМОКРАТИЯ Рабочая демократия не является идеологической системой. Не является она и «политической» системой, которая с помощью пропаганды может быть навязана обществу партией, отдельными политиками или группой лиц с общей идеологией. Естественная рабочая демократия представляет собой суммарный итог всех жизненных функций, определяемых разумными межличностными отношениями, возникновение и развитие которых имеет естественный и органический характер. Новым в рабочей демократии является то, что впервые за всю историю социологии она дает обоснование возможности осуществления в будущем управления обществом не на основе идеологий и условий, которые необходимо создать, а на основе изначально существующих и развивающихся естественных процессов. Рабочедемократическая «политика» характеризуется отказом от всех форм политики и демагогии. Массы трудящихся — мужчин и женщин — не будут освобождаться от социальной ответственности. Они будут обременены ею. Рабочие демократы не стремятся стать политическими фюрерами. Рабочая демократия сознательно участвует в развитии официальной демократии, чтобы превратить ее в подлинную, реальную, практическую демократию на международном уровне. В настоящее время это участие выражается лишь в избрании политических представителей и не влечет за собой дальнейшей ответственности со стороны электората. Деятельность рабочей демократии развивается органически и опирается на любовь, труд и знание. Она ведет борьбу с мистицизмом и идеей тоталитарного государства не с политических позиций, а на основе практической любви, которая следует своим законам. Короче говоря, естественная рабочая демократия представляет собой

вновь открытую основную естественную биосоциологическую деятельность общества. Это не политическая программа.

СЕКСПОЛ Название немецкой организации, которая осуществляла сексуальную политику на массовой основе.

СЕКСУАЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИКА Этот термин указывает на способ регулирования биологической энергии или, что то же самое, расход различных видов сексуальной энергии индивида. Сексуальная энергетика означает способ осуществления индивидом контроля над своей биологической энергией, т. е. способ блокировки и оргастической разрядки определенной части биологической энергии. Факторы, оказывающие влияние на этот способ регулирования, имеют социологический, психологический и биологический характер. Как наука сексуальная энергетика содержит совокупность знаний, приобретенных на основе исследования указанных факторов. Этот термин использовался Райхом в его работе начиная с периода критики духовных принципов Фрейда и вплоть до открытия оргона, когда он был вытеснен термином «оргономия», т. е. наука о жизненной энергии

СЕКСУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА Термин «сексуальная политика» или «сексуально-политический» указывает на практическое применение концепции сексуальной энергетики в социальной сфере на массовой основе. Такое применение осуществлялось в рамках революционных движений за свободу и психогигиену, которые существовали в Австрии и Германии с 1927 по 1933 год.

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Модификация обычного психоаналитического метода анализа симптомов с использованием в терапевтическом процессе особенностей характера личности

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА Типовая структура личности, определяющая стереотип ее поведения и реакций. В отличие от статической, психологической или моралистической концепции, оргономической концепции личности свойственны функциональность и биологизм.

ЭНЕРГИЯ ОРГОНА Предвечная Космическая Энергия; ее существование носит повсеместный характер и может быть выявлено с помощью средств визуального наблюдения, измерения температуры, электроскопов и счетчиков Гейгера — Мюллера. В живых организмах: биологическая энергия, жизненная энергия Открыта Вильгельмом Райхом в период с 1936 по 1940 год.

Глава I

ИДЕОЛОГИЯ КАК МАТЕРИАЛЬНАЯ СИЛА

РАСКОЛ

В годы, предшествовавшие приходу Гитлера к власти, движение за свободу в Германии опиралось на социально-экономическую теорию Карла Маркса. Поэтому понимание немецкого фашизма должно проистекать из понимания марксизма.

В первые месяцы после захвата национал-социалистами власти в Германии даже те люди, чья революционная стойкость и готовность к действию получили неоднократное подтверждение, выражали сомнения в правильности выдвинутой Марксом основной концепции социальных процессов. Появление этих сомнений было вызвано тем вначале непостижимым, хотя и неопровержимым фактом, что фашизм, который по своим задачам и природе был наиболее крайним представителем политической и экономической реакции, стал международной реальностью и, бесспорно, одержал вполне очевидную победу над социалистическим революционным движением. Тот факт, что эта реальность нашла наиболее сильное выражение в нескольких промышленно развитых странах, лишь обострил проблему. Подъем национализма во всех странах мира компенсировал неудачу рабочего движения на этапе современной истории, когда, как утверждали марксисты, «капиталистический способ производства экономически созрел для взрыва». Положение усугублялось еще и глубоко укоренившейся памятью о неудаче III Интернационала в начале второй мировой войны и о разгроме революционных восстаний за пределами России в годы с 1918 по 1923. Короче говоря, появление сомнений было вызвано серьезными событиями, и в случае их обоснованности следовало признать неправильность основной марксистской концепции и необходимость кардинальной переориентации рабочего движения, если оно все еще стремилось к достижению своих целей. В случае их необоснованности и правильности основной социологической кон-

цепции Маркса необходимо не только подвергнуть тщательному и всестороннему анализу причины постоянных неудач рабочего движения, но и — в первую очередь — дать исчерпывающее объяснение небывалому участию масс в фашистском движении. Только на этой основе может возникнуть новая революционная практика.

Об изменении существующего положения не могло быть и речи до тех пор, пока не будет доказана справедливость того или иного утверждения. Очевидно, что этой цели невозможно было достигнуть ни с помощью взываний к «революционному классовому сознанию» рабочих, ни с помощью уловок в духе Куэ, т. е. скрывая, как это было тогда в моде, поражения и очевидные факты под покровом иллюзий. Никого не могли удовлетворить заверения в том, что рабочее движение также «развивалось»: в различных местах вспыхивали очаги сопротивления и объявлялись забастовки. Существенным был не факт, а темп развития рабочего движения по отношению к темпу развития и укрепления международных позиций политической реакции.

Молодое сексуально-энергетическое движение рабочей демократии заинтересовано в выяснении этого вопроса не только потому, что он входит в общий контекст социально-освободительной борьбы, но главным образом потому, что достижение его целей неразрывно связано с достижением политических и экономических целей естественной рабочей демократии. Поэтому мы стремимся дать объяснение с точки зрения рабочего движения взаимосвязи между конкретными сексуально-энергетическими и общими социальными вопросами.

В 1930 году на некоторых собраниях в Германии выступали интеллигентные, искренние, хотя и с националистически-мистической ориентацией, революционеры, к числу которых, например, можно отнести Отто Штрассера. Их возражения марксистам обычно сводились к следующему: «Вы, марксисты, любите в свою защиту цитировать теории Маркса. Маркс учил, что теория проверяется только практикой. Но ваш марксизм потерпел неудачу. Вы всегда находите оправдания поражению Рабочего Интернационала. Поражение 1914 года вы оправдываете «отступничеством социал-демократов»; для объяснения поражения 1918 года вы указываете на их обман и «предательскую политику». В ситуации существующего мирового кризиса массы обращаются не к левым, а к правым партиям, и этому факту у вас тоже есть готовые «оправдания». Но ваши оправдания не скрывают факта ваших поражений! Прошло восемьдесят лет, и где же конкретное подтверж-

дение теории социальной революции? Ваша основная ошибка заключается в том, что вы отвергаете и осмеиваете душу и ум, вы не понимаете того, что движет всем». На такие доводы у сторонников марксизма не было ответа. Становилось все более очевидным, что их политическая массовая пропаганда, которая сводилась исключительно к обсуждению объективных социально-экономических процессов в кризисный период (капиталистические способы производства, экономическая анархия и т. д.), не интересовала никого, кроме немногочисленных новобранцев левого фронта. Розыгрыша таких политических карт, как нужда и голод, было недостаточно, так как эти карты разыгрывались всеми политическими партиями, даже церковью. Таким образом, мистицизм национал-социалистов одержал победу над экономической теорией социализма, причем в то время, когда обнищание и экономический кризис достигли кульминации. Поэтому следует признать, что в пропаганде и концепции социализма в целом существовало вопиющее упущение; более того, это упущение служило источником его «политических ошибок». Ошибка заключалась в Марксовом понимании политической реальности, и тем не менее в методах диалектического материализма содержались все предпосылки для ее исправления. Они просто никогда не использовались на практике. Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что в своей политической практике марксисты не учитывали характерологической структуры масс и социальных последствий мистицизма.

Сторонники революционного левого движения, принимавшие участие в практическом применении марксизма в годы с 1917 по 1933, должны были заметить, что такое применение ограничивалось сферой объективных экономических процессов и политикой правительства. При этом они не учитывали и не понимали развития и противоречий так называемого «субъективного фактора» истории, т. е. идеологии масс. Самое важное заключается в том, что революционное левое движение не смогло найти новое применение своему методу диалектического материализма, поддержать в нем жизнь и с его помощью по-новому взглянуть на все новые политические реальности.

Диалектический материализм не применялся для осмысления новых исторических реальностей. А ведь фашизм был реальностью, о существовании которой было неведомо ни Марксу, ни Энгельсу. И только Ленин обратил внимание на зарождавшийся фашизм. Реакционная концепция реальности закрывает глаза на действительные условия и противоречия фашизма. Реакционная политика автоматически использует социальные силы, препятст-

вующие прогрессу, и будет преуспевать в этом до тех пор, пока наука не обнаружит такие революционные силы, которые неизбежно должны одержать победу над реакционными силами. В дальнейшем мы убедимся, что в протесте мелкой буржуазии, которая впоследствии составила массовую основу фашизма, нашли проявление не только регрессивные, но и весьма энергичные, прогрессивные социальные силы. Это противоречие осталось без внимания. Действительно, на роль мелкой буржуазии не обращали никакого внимания вплоть до захвата Гитлером власти.

Революционная деятельность во всех областях жизни человека спонтанно возникнет, когда будут поняты противоречия каждого нового процесса. Она будет заключаться в отождествлении с теми силами, которые осуществляют движение в направлении подлинного прогресса. Радикальность, по словам Маркса, заключается в «постижении сути всех явлений». Постижение сути всех явлений и противоречивости их функций обеспечит победу над политической реакцией. Если суть явлений не постигается, тогда, хотите вы того или нет, в итоге вы придете к механицизму, экономизму или даже метафизике и неизбежно утратите точку опоры. Поэтому критика может быть эффективной и иметь практическое значение только тогда, когда она сможет показать, где остались без внимания противоречия социальной реальности. Революционность Маркса заключалась отнюдь не в составлении прокламаций и указании революционных целей; его основное революционное достижение заключалось в признании за промышленными производительными силами прогрессивной роли и в показе противоречий капиталистической экономики в их взаимосвязях с реальной жизнью. Неудача рабочего движения должна означать, что наше знание сил, препятствующих социальному прогрессу, весьма ограниченно и некоторые основные факторы все еще остаются совершенно непознанными.

Марксизм, подобно многим достижениям великих мыслителей, превратился в пустые формулы, и в руках марксистких политиков утратил свою научную и революционную действенность. Они настолько втянулись в повседневную политическую борьбу, что упустили из виду необходимость развития принципов философии жизни, унаследованной от Маркса и Энгельса. Чтобы убедиться в этом, достаточно лишь сравнить книгу Сауэрланда, посвященную диалектическому материализму, или любую из книг Залкинда или Пека с «Капиталом» Маркса или с «Развитием социализма от утопии к науке» Энгельса. Гибкие методы свелись к формулам, а научный эмпиризм — к застывшей ортодоксии. Тем временем «про-

летариат» времён Маркса превратился в большой класс промышленных рабочих, тогда как средний класс лавочников превратился в колосса промышленных и государственных служащих. Вырождаясь, научный марксизм превратился в «вульгарный марксизм». Многие видные марксистские политики употребляли это название для обозначения экономизма, который сводит всю человеческую жизнь к проблеме безработицы и ставкам заработной платы.

Представители вульгарного марксизма полагали, что экономический кризис 1929—1933 годов достиг такого масштаба, что угнетённые массы неизбежно придут к идеологической ориентации левого крыла. Несмотря на то, что даже после январского поражения в 1933 году по-прежнему обсуждалось «революционное возрождение» в Германии, реальное положение дел свидетельствовало о том, что в результате экономического кризиса, который, как ожидалось, должен был привести массы в стан левого крыла, в пролетарских слоях населения произошел существенный идеологический сдвиг в сторону правого крыла. Таким образом, появился раскол между экономическим базисом, тяготевшим к левому крылу, и идеологией широких слоев общества, тяготевших к правому крылу. Этот раскол остался незамеченным, и никто не задумался над вопросом, почему широкие слои населения, оказавшиеся в крайней нищете, пришли к национализму. Такие объяснения, как «шовинизм», «психоз» и «последствия Версаля», следует признать несостоятельными, поскольку они не позволяют нам преодолеть стремление бедствующего среднего класса присоединиться к радикалам правого толка. Кроме того, в этих столкновениях фактически не учитываются характерные для такого стремления процессы. Действительно, к правому крылу обратились не только средние сословия, но и многие, притом далеко не худшие представители пролетариата. Остался незамеченным тот факт, что напуганные успехом революции в России средние классы прибегли к новым, на первый взгляд странным, превентивным мерам (таким, как «Новый курс» Рузвельта), которые не были поняты и проанализированы рабочим движением. Кроме того, остался без внимания и тот факт, что в самом начале и на первых этапах превращения в массовое движение фашизм был направлен против крупной буржуазии, и поэтому от него нельзя было отмахнуться на том основании, что он был «лишь оплотом финансовых воротил».

В чем заключается проблема?

Основная марксистская концепция учитывала следующие моменты: труд эксплуатировался как товар, капитал сосредоточился в руках меньшинства, а это приводило к дальнейшему обнищанию большинства трудящихся. На основе этого процесса Маркс пришел к выводу о необходимости «экспроприации экспроприаторов». В соответствии с этой концепцией производительные силы капиталистического общества выходят за пределы способов производства. Противоречие между общественным производством и частным распределением продуктов труда можно устранить, приведя способы производства в соответствие с уровнем производительных сил. Общественное производство необходимо дополнить общественным распределением продуктов. Первым актом обеспечения указанного соответствия является социальная революция. Таков основной экономический принцип марксизма. Соответствие, как утверждают, может быть обеспечено только в том случае, если обнищавшее большинство установит «диктатуру пролетариата» как диктатуру большинства трудящихся над меньшинством подвергнутых экспроприации собственников средств производства.

С точки зрения теории Маркса существуют экономические предпосылки социальной революции: капитал сосредоточен в руках меньшинства; превращение национальной экономики в мировую находится в полном противоречии с таможенно-тарифной системой национальных государств; капиталистическая экономика с трудом достигает половины своей производственной мощности, и в ней, несомненно, царит анархия. Население высокоразвитых промышленных стран в большинстве своем живет в безысходной нищете; в Европе насчитывается около пятидесяти миллионов безработных; сотни миллионов рабочих влачат голодное существование. Тем не менее экспроприация экспроприаторов не состоялась и, вопреки ожиданиям, на перекрестке дорог к «социализму и варварству» общество остановило свой выбор на дороге к варварству. Это свидетельствовало об укреплении международных позиций фашизма и отставании рабочего движения. Те, кто все еще надеялся, что революция вспыхнет в результате давно ожидаемой второй мировой войны, которая тем временем стала реальностью (т. е. те, кто рассчитывал, что массы обратят вложенное им в руки оружие против внутреннего врага), упустили из виду развитие новых методов ведения войны. Трудно было отказаться от мысли о маловероятности вооружения масс во время следующей войны. В соответствии с этой концепцией борьба будет направлена против безоружных масс крупных промышленных центров, причем

такую борьбу будут вести в высшей степени надежные, отборные военные профессионалы. Поэтому непременным условием новой революционной практики была переориентация своего мышления и оценок. Вторая мировая война подтвердила эти ожидания.

ЭКОНОМИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НЕМЕЦКОГО ОБЩЕСТВА 1928—1933 гг.

С рациональной точки зрения можно было полагать, что обнищавшие массы рабочих ясно осознают свое социальное положение. Далее, можно было ожидать, что это сознание окрепнет и превратится в решимость избавиться от социальной несправедливости. Короче говоря, можно было полагать, что социально обездоленный рабочий восстанет против вопиющей несправедливости и скажет: «В конце концов, я выполняю общественно важную работу. От таких, как я, зависит благосостояние общества. Я лично беру на себя ответственность за работу, которую необходимо выполнить». В таком случае мышление («сознание») рабочего будет соответствовать его социальному положению. Марксисты называют это «классовым сознанием». Мы хотели бы назвать это «сознанием своего мастерства» или «сознанием своей социальной ответственности». Наличие раскола между социальным положением трудящихся масс и их осознанием этого положения означает, что вместо улучшения своего социального положения рабочие массы ухудшают его. Именно эти обнищавшие массы помогли фашизму — крайней политической реакции — прийти к власти.

Проблема заключается в роли идеологии и эмоционального отношения вышеупомянутых масс как исторического фактора, т. е. в воздействии идеологии на экономический базис. Если значительное обнищание широких масс не привело к революции и если, в результате кризиса, объективно возникли революционные идеологии противоположного направления, тогда развитие идеологии масс в годы кризиса мешало «расцвету производительных сил» и, говоря марксистским языком, препятствовало «революционному разрешению противоречий между производственными силами монополистического капитализма и его способами производства».

Классовый состав населения Германии выглядит следующим образом. (См. Куник, «Попытка установить социальный состав населения Германии», Ди Интернационале, 1928; «Пролетарская политика», под редакцией Ленца, Интернационалер Арбайтерферлаг, 1931).

	Рабочие, получающие зарплату (тыс)	*с семьями (мил.)*
Промышленные рабочие; *	21789,	40,7
Средняя городская буржуазия	6157	10,7
Мелкие и средние фермеры	6598	9,0
Буржуазия (в том числе собственники и крупные фермеры)	718	2,0
Население (за исключением детей и жен)	34762	итого 62,4

СОСТАВ СРЕДНЕЙ ГОРОДСКОЙ БУРЖУАЗИИ

	тыс.
Мелкие ремесленники (ремесленное производство, фермеры-арендаторы, мастерские с одним работником, мастерские, в которых занято не более трех работников)	1196
Лавки с тремя и более работниками	1403
Инженерно-технические работники и государственные служащие	1763
Лица свободных профессий и студенты	431
Лица с независимыми средствами существования и мелкие собственники	644
итого	6157

СОСТАВ РАБОЧЕГО КЛАССА

Рабочие (занятые в промышленности, крупном производстве, коммерции и т. д.)	11826
Сельскохозяйственные рабочие	2607
Надомные рабочие	130
Получатели социального пособия	1717
Нижние слои «белых воротничков» (менее 250 марок в месяц)	2775
Мелкие государственные служащие и пенсионеры	1400
итого	21789

СРЕДНЯЯ СЕЛЬСКАЯ БУРЖУАЗИЯ

Мелкие фермеры и фермеры-арендаторы (менее 5 га)	2366
Средние фермеры (от 5 до 50 га)	4232
итого	6598

Эти данные взяты из переписи населения Германии за 1925 г.

В то же время следует отметить, что они отражают состав населения с точки зрения социально-экономического положения;

* «Пролетариат» — по терминологии Маркса

идеологическое распределение будет иным. Так, с социально-экономической точки зрения Германия 1925 года выглядит следующим образом:

	получающие заработную плату	*с семьями*
Рабочие	21 789 000	40 700 000
Средняя буржуазия	12 755 000	19 700 000

С другой стороны, приближенная оценка состава населения с идеологической точки зрения дала следующее распределение:

Рабочие, занятые в промышленности, ремесленники и т. п., а также сельскохозяйственные рабочие	14 433 000
Мелкая буржуазия	20 111 000
Лица, работающие на семейном предприятии (индивидуальное производство)	138
надомные работники	1326
Получатели социального пособия	1717
Мелкие инженерно-технические работники (занятые в отраслях крупной промышленности, например «Нордстерн» в Берлине)	2775
Мелкие государственные служащие (например, налоговые ревизоры, почтовые работники)	1400
	7356 (от всего состава экономического «пролетариата»)
Городская средняя буржуазия	6157
Сельская средняя буржуазия	6598
итого	20111

Примечательно, что независимо от числа представителей среднего класса, отдавших свои голоса за партии левого крыла, и числа рабочих, отдавших свои голоса за партии правого крыла, полученные нами показатели идеологического распределения приближенно соответствуют данным выборов 1932 г. Коммунисты и социал-демократы получили 12—13 миллионов голосов, тогда как НСДАП * и немецкие националисты получили 19—20 миллионов голосов. Таким образом, с точки зрения практической политики решающую роль сыграло не экономическое, а идеологическое распределение. Короче говоря, политическое значение мелкой буржуазии оказалось выше, чем предполагалось.

В период быстрого спада экономической активности в Германии рост числа голосов, отданных за НСДАП, выглядел следую-

* Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

щим образом: 800 000 в 1928 г., 6 400 000 осенью 1930 г., 13 000 000 летом 1932 г. и 17 000 000 в январе 1933 г. По подсчетам Егера («Гитлер» — «Ротер Ауфбау», октябрь, 1930), число голосов, отданных рабочими, составило 3 000 000 из 6 400 000 голосов, полученных национал-социалистами в 1930 г.

Карл Радек, насколько мне известно, уже в 1930 году, после первого подъема НСДАП достаточно ясно осознал проблематику указанного социологического процесса. Он писал:

> «Этому нет аналогий в истории политической борьбы, особенно в стране с твердо установленной политической дифференциацией, при которой каждая новая партия вынуждена отвоевывать каждую позицию у старых партий. В высшей степени характерным представляется тот факт, что ни в буржуазной, ни в социалистической литературе ничего не говорится о партии, которая занимает второе место в политической жизни Германии. У этой партии нет прошлого. Ее появление на сцене политической жизни Германии произошло столь же неожиданно, как появление посреди моря острова под действием вулканических сил».
>
> *«Выборы в Германии» — «Ротер Ауфбау», октябрь, 1930.*

У этой партии, несомненно, есть свое прошлое и ее появление следует своей внутренней логике.

На основе всего предшествующего опыта можно утверждать, что выбор между «откатом к варварству» и «восхождением к социализму» (марксистская альтернатива) должен определяться идеологической структурой угнетенных классов. Либо эта структура соответствует экономической ситуации, либо не соответствует, как, например, в крупных обществах Азии, где народ безропотно переносит страдания, или в современной Германии, где существует раскол между экономической ситуацией и идеологией.

Таким образом, основная проблема заключается в следующем: что служит причиной этого раскола или, другими словами, что препятствует совпадению экономической ситуации с психологической структурой масс? Короче говоря, проблема заключается в понимании природы психологической структуры масс и ее соотношения с экономическим базисом, на основе которого она возникла.

Для такого понимания мы в первую очередь должны освободиться от концепций вульгарного марксизма, которые лишь преграждают путь к пониманию фашизма. В принципе, эти концепции сводятся к следующим положениям.

В соответствии с одной из своих формул вульгарный марксизм полностью отделяет экономику от социальной жизни в целом и утверждает, что «идеология» и «сознание» человека определяются

исключительно и «непосредственно» его экономической жизнью. Таким образом, механистически устанавливается антитеза между экономикой и идеологией, между «базисом» и «надстройкой». Кроме того, устанавливается жесткая и односторонняя зависимость идеологии от экономики и упускается из виду зависимость развития экономики от развития идеологии. Поэтому для вульгарного материализма не существует проблемы так называемого «влияния идеологии». Несмотря на то, что вульгарные марксисты теперь говорят об «отставании субъективного фактора» в том смысле, как его понимал Ленин, на практике они ничего не могут с ним поделать, так как их прежняя концепция идеологии как продукта экономической ситуации в значительной мере утратила гибкость. Вульгарные марксисты не занимаются исследованием экономических противоречий в области идеологии и не считают идеологию исторической силой.

Действительно, вульгарные марксисты стараются изо всех сил не замечать структуру и динамику идеологии; они отметают ее как «психологию», которая не может быть «марксистской», и оставляют субъективный фактор, так называемую «психическую жизнь» в истории, на усмотрение метафизического идеализма политической реакции, варварам и розенбергам, которые полностью возлагают ответственность за прогресс истории на «ум» и «душу» и, как ни странно, благодаря этому тезису добиваются огромного успеха. Забвение этого аспекта социологии в материализме XVIII века подвергалось критике самим Марксом. С точки зрения вульгарных марксистов, психология, несомненно, является метафизической системой, и поэтому они не проводят абсолютно никакого различия между метафизическим характером реакционной психологии и основными элементами психологии, которые были открыты в процессе новаторских психологических исследований и подлежат дальнейшему развитию. Вместо конструктивной критики вульгарные марксисты предлагают «голое» отрицание и, отвергая в качестве «идеалистических» такие реальности, как «влечение», «потребность» и «внутренний процесс», чувствуют себя «материалистами». В результате этого они сталкиваются с трудностями и терпят одну неудачу за другой, так как в политической деятельности они вынуждены постоянно обращаться к помощи практической психологии и говорить о «потребностях масс», «революционном сознании», «воле к забастовке» и т. д. Чем энергичнее вульгарные марксисты отрицают психологию, тем чаще они прибегают на практике к метафизическому психологизму и безжизненному лицемерию. Так, например, они пытаются объяс-

нить историческую ситуацию «психозом Гитлера», утешить массы и убедить их не терять веру в марксизм. Несмотря ни на что, они заверяют, что прогресс не остановился, революцию не сломить и т. д. Не говоря ничего существенного о сложившейся ситуации и не понимая, что произошло, они, наконец, опускаются до попыток внушить людям иллюзорное мужество. То, что политическая реакция неизменно находит выход из трудного положения, а острый экономический кризис может привести как к варварству, так и к социальной свободе, остается для вульгарных марксистов книгой за семью печатями. Их мысли и поступки не определяются социальной реальностью. Напротив, они преобразуют реальность в своем воображении так, чтобы она соответствовала их желаниям.

Наша политическая психология может заниматься только исследованием «субъективного фактора истории», характерологической структуры человека в данную эпоху, а также идеологической структуры общества, которая формируется на его основе. В отличие от реакционной психологии и психологической экономики она не помыкает марксистской социологией, швыряя ей в лицо «психологические концепции» социальных процессов. Напротив, наша политическая психология отдает должное её концепции приоритета материи над сознанием.

Марксистский тезис о первоначальном превращении «материалистического» (существования) в «идеологическое» (сознание) оставляет открытыми два вопроса: (1) каким образом это происходит, что происходит в мозгу человека при таком процессе; (2) как реагирует сформированное таким образом «сознание» (в дальнейшем мы будем называть его психической структурой) на экономический процесс. Характерологическая психология преодолевает этот разрыв, обнаружив в психической жизни человека процесс, который определяется условиями существования. Таким образом, он прямо указывает на «субъективный фактор», который остался непонятым вульгарными марксистами. Поэтому перед политической психологией стоит четко очерченная задача. Она не может дать объяснения возникновению классового общества или капиталистического способа производства (такие попытки неизменно приводят к реакционной бессмыслице, например: капитализм — это симптом человеческой алчности). Тем не менее именно политическая психология, а не социальная экономия способна исследовать характерологическую структуру личности в данную эпоху, мышление и поведение человека, пути разрешения проблем и противоречий его существования и т. д. Разумеется, она изучает только отдельных мужчин и женщин. Если же политическая психология обращается к исследованию типичных психических процессов, общих для одной категории, класса, профессиональной группы и т. д., тогда она превращается в психологию масс.

Таким образом, политическая психология исходит непосредственно из положений самого Маркса.

> «Наши исходные предпосылки — это не произвольные предпосылки; это не догмы; это реальные предпосылки, от которых можно абстрагироваться только в воображении. Это реальные индивиды, их действия и материальные условия их жизни, как существующие, так и возникающие на основе действий».
>
> *«Немецкая идеология»*

> **«Сам человек служит базисом своего материального производства, как, впрочем, и любого другого, осуществляемого им производства.** Другими словами, все условия оказывают влияние и, в той или иной мере, изменяют все виды функций и деятельности человека — субъекта производства и творца материальных благ. В этой связи действительно можно доказать, что **все психологические условия и функции людей, независимо от формы и времени их проявления, влияют на материальное производство и в той или иной мере оказывают на людей определённое воздействие»** (выделено В.Р.).
>
> *«Теория прибавочной стоимости»*

Таким образом, мы не говорим ничего нового и не пересматриваем Маркса, как это нередко утверждается. «Все психологические условия», — это не только присущие рабочему процессу условия, но и самые сокровенные, личные, высшие достижения человеческого инстинкта и мысли. Другими словами, это определение также распространяется на сексуальную жизнь людей, социологические исследования этих условий и использование полученных результатов для решения новых социальных вопросов. При определённых «психологических условиях» Гитлеру удалось создать историческую ситуацию, от существования которой невозможно отделаться, выставляя её на посмешище. Маркс не мог разработать социологию секса, поскольку в то время сексология ещё не существовала. Поэтому проблема теперь заключается в том, чтобы включить в социологию исследование как чисто экономических, так и сексуально-энергетических условий и ликвидировать гегемонию мистиков и метафизиков в этой области.

Когда «идеология в свою очередь начинает оказывать воздействие на экономический процесс», это означает, что она превратилась в материальную силу. Когда идеология превратится в материальную силу, т. е. как только она приобретёт способность

приводить в действие массы, тогда мы должны задать вопрос: каким образом это произошло? Каким образом идеологический фактор может привести к материалистическому результату? Другими словами, каким образом теория может оказывать революционное воздействие? Ответ на этот вопрос также должен быть ответом на вопрос реакционной массовой психологии, т. е. этот ответ должен внести ясность в проблему «психоза Гитлера».

Задача идеологии любой общественно-экономической формации заключается не только в том, чтобы отразить экономический процесс данного общества, но и (что более существенно) в том, чтобы внедрить его основные принципы в структуру характера людей, живущих в таком обществе. Зависимость человека от условий существования реализуется двумя путями: непосредственно через влияние его общественно-экономического положения и опосредованно — через влияние идеологической структуры общества. Другими словами, в психологической структуре человека возникает противоречие, соответствующее противоречию между влиянием его материального положения и влиянием идеологической структуры общества. Например, жизнь рабочего обусловливается его экономической ситуацией и общей идеологией общества. Поскольку же человек, независимо от его классовой принадлежности, является не только объектом указанных влияний, но и воспроизводит их в своей деятельности, то его мышление и поступки должны быть столь же противоречивыми, как и общество, которое служит источником их возникновения. В то же время, поскольку социальная идеология изменяет психологическую структуру человека, она не только репродуцируется в человеке, но и, что более важно, превращается в материальную силу, действующую в человеке, который, в свою очередь, претерпевает определенные изменения, и вследствие этого его действия приобретают иной, противоречивый характер. Именно таким, и только таким образом обеспечивается возможность воздействия идеологии общества на экономический базис, который служит источником ее возникновения. При рассмотрении «воздействия» с точки зрения функционирования характерологической структуры социально активной личности оно, несомненно, утрачивает метафизический и психологический характер и становится объектом естественно-научных характерологических исследований. Таким образом, утверждение о том, что скорость изменения «идеологии» ниже скорости изменения экономического базиса, представляется неопровержимым. Основные особенности характерологических структур, соответствующие определенной исторической ситуации, формируются

в раннем детстве и характеризуются значительно большей консервативностью, чем силы технического производства. В результате этого психологические структуры со временем начинают отставать от быстрых изменений общественных условий, в которых они возникли, и затем вступают в противоречие с новыми формами жизни. В этом проявляется основная особенность так называемой традиции, т. е. противоречия между старой и новой социальными ситуациями.

ПРОБЛЕМА РАСКОЛА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ МАСС

Теперь мы начинаем понимать, что экономическая и идеологическая ситуация масс необязательно должны совпадать и в действительности между ними существует значительный разрыв. Экономическая ситуация не преобразуется непосредственно в политическое сознание. Если бы дело обстояло таким образом, тогда произошла бы социальная революция. В соответствии с указанной дихотомией общественного состояния и общественного сознания исследование общества необходимо осуществлять в двух различных направлениях. Несмотря на производность психологической структуры от экономического существования, для понимания экономической ситуации необходимо применять иные методы, чем для понимания характерологической структуры: в первом случае — социально-экономические, во втором — биопсихологические. Покажем это на простом примере. Когда рабочие, голодающие из-за снижения заработной платы, объявляют забастовку, такое действие определяется непосредственно их экономическим положением. Это относится и к голодному человеку, который ворует продукты питания. Воровство продуктов питания голодным и забастовка эксплуатируемых рабочих не нуждаются в дальнейших психологических пояснениях. В обоих случаях идеология и действие соответствуют экономическим затруднениям. Экономическая ситуация и идеология совпадают друг с другом. Реакционная психология обычно объясняет воровство и забастовку, основываясь на предположении о наличии иррациональных мотивов, что неизменно приводит к реакционным выводам. Социальная психология видит проблему в совершенно ином свете. В объяснении нуждаются не факты воровства голодными и забастовок, проводимых эксплуатируемыми людьми, а причины, по которым большинство голодных не воруют и большинство эксплуатируемых не бастуют. Таким образом, социальная экономика может дать полное объясне-

ние социальному явлению, которое служит разумной цели, т. е. удовлетворяет непосредственную потребность, отражает и делает выпуклой экономическую ситуацию. С другой стороны, социально-экономическое объяснение утрачивает силу в тех случаях, когда мысли и действия человека не соответствуют экономической ситуации, т. е. иррациональны. Вульгарный марксист и ограниченный экономист, не принимающие психологию, бессильны разрешить такое противоречие. Чем больше социолог ориентируется на механицизм и экономизм, тем легче он может стать жертвой поверхностного психологизма в области массовой пропаганды. Вместо исследования и разрешения психологических противоречий, присущих представителям широких масс, он либо прибегает к лицемерию, либо объясняет националистическое движение «массовым психозом» *. Поэтому отправной точкой массовой психологии служит неадекватность непосредственного социально-экономического объяснения. Означает ли это, что массовая психология и социальная экономика преследуют противоположные цели? Нет. Ибо мышление и действия масс, которые противоречат непосредственной социально-экономической ситуации (т. е. иррациональные мышление и действия), сами являются результатом предшествующей, старой социально-экономической ситуации. Для объяснения вытеснения социального сознания обычно обращаются к так называемой традиции. И тем не менее до сих пор не было осуществлено ни одного исследования, чтобы определить, что представляет собой «традиция», какие психические элементы она формирует. Ограниченные экономисты неоднократно упускали из виду тот факт, что основная проблема заключается не в осознании рабочими своей социальной ответственности (это не требует доказательств), а в том, что препятствует развитию такого сознания ответственности.

Незнание характерологической структуры народных масс неизменно приводит к постановке бесполезных вопросов. Например, коммунисты утверждают, что неправильная политика социал-демократов позволила фашистам захватить власть. В действительности такое объяснение ничего не объясняет, так как именно социал-демократы обольщали народ несбыточными надеждами. Короче

* Поскольку экономист не понимает и не принимает существования психических процессов, термин «массовый психоз» имеет для него иное значение, чем для нас, а именно: для нас это социальное явление огромной социальной важности. Для него же этот вопрос не имеет никакого социального значения.

говоря, такой подход не привел к новому виду действий. Объяснение успеха политической реакции в форме фашизма тем, что она «запутала», «развратила» и «загипнотизировала» массы, столь же неэффективно, как и другие объяснения. Фашизм будет преследовать эту цель до тех пор, пока будет существовать. Такие объяснения неэффективны потому, что не предлагают выход. Опыт учит нас, что такие разоблачения не в состоянии убедить массы, сколь бы часто они ни повторялись. Другими словами, одного социально-экономического исследования недостаточно. Не будет ли точнее такая постановка вопроса: какой процесс протекал в массах, в результате которого они не смогли понять цель фашизма? Такие утверждения, как: «Рабочие должны осознать...» или «Мы не поняли...» — совершенно несостоятельны. Почему рабочие не осознали? Почему они не поняли? Вопросы, послужившие основой для дискуссии между правыми и левыми в рабочих движениях, также следует признать бесплодными. Правые утверждали, что рабочие не имеют склонности к борьбе; с другой стороны, левые опровергали это утверждение, заявляя, что рабочие по своей сути революционны и утверждение правых свидетельствует об измене революционным идеям. Поскольку в обоих случаях не учитывается проблематика в полном объеме, оба утверждения следует признать механистическими. При реалистической оценке следовало бы указать, что средний рабочий заключает в себе определенное противоречие, а именно: у него отсутствует ясная очерченность как революционности, так и консервативности. Основой его психологической структуры служит, с одной стороны, социальная ситуация (которая готовит почву для революционных отношений), а с другой стороны — общая атмосфера авторитарного общества. При этом обе основы противоречат друг другу.

Выявление такого противоречия и точное знание механизма приведения в столкновение реакционной и прогрессивно-революционной сторон в самих рабочих имеют огромное значение. Это относится и к средней буржуазии. Её протест против «системы» вполне можно объяснить, хотя с социально-экономической точки зрения нелегко понять, почему, несмотря на ужасающее обнищание средней буржуазии, она испытывает страх перед прогрессом и переходит на сторону крайней реакции. Короче говоря, средняя буржуазия также заключает в себе противоречие между чувствами протеста и реакционными целями и содержанием.

При анализе конкретных экономических и политических факторов, которые непосредственно привели к войне, мы не даём им полного социологического объяснения. Дело в том, что такие факторы, как стремление Германии накануне 1914 года к захвату железных рудников (в Бри и Лонжи), индустриального бельгийского центра и к расширению своих колониальных владений на Ближнем Востоке или имперские устремления Гитлера к бакинским нефтяным скважинам, заводам Чехословакии и т. д., — составляют лишь часть общей картины. Несомненно, экономические интересы немецкого империализма были непосредственными решающими факторами, но при этом не следует преуменьшать роль психологии масс как основы мировых войн. Необходимо задать вопрос: как могло случиться, что психологическая структура масс впитала империалистическую идеологию и превратила империалистические лозунги в деяния, диаметрально противоположные мирным, аполитичным настроениям населения Германии? Утверждение о том, что причиной этому послужило «ренегатство руководителей Второго Интернационала», следует признать недостаточным. Почему бесчисленные массы свободолюбивых рабочих с антиимпериалистической ориентацией позволили, чтобы их предали? Боязнью последствий сознательного протеста можно объяснить лишь незначительное число случаев. Те, кто прошел мобилизацию 1914 года, знают, что в рабочих массах царили различные настроения: от сознательного отказа со стороны меньшинства до странной покорности судьбе (или полной апатии) самых широких слоев населения и вплоть до воинственного воодушевления не только в среде средней буржуазии, но и в различных слоях промышленных рабочих. Несомненно, в психологической структуре масс апатию одних и энтузиазм других людей следует отнести к исходным моментам, обеспечившим возможность войны. Психологию масс, участвовавших в обеих мировых войнах можно понять только с сексуально-энергетической точки зрения, которая заключается в следующем: империалистическая идеология внесла конкретные изменения в структуры характера рабочих масс для обеспечения их соответствия требованиям империализма. Сказать, что социальные потрясения вызываются «военным психозом» или «одурачиванием масс», — значит ничего не сказать. Такие объяснения ничего не объясняют. Кроме того, полагать, что можно достигнуть своей цели только с помощью одурачивания масс, — значит недооценивать массы. Дело в том, что каждый общественный строй создает в массах своих членов психологи-

ческую структуру, которая необходима ему для достижения своих основных целей *. Без создания такой психологической структуры в массах не могла бы состояться ни одна война. Между экономической структурой общества и массовой психологической структурой членов данного общества существует важная взаимосвязь, для которой характерны две особенности: господствующая идеология является идеологией правящего класса и, что более важно для решения конкретных политических задач, противоречия экономической структуры общества включены в психологическую структуру порабощенных масс. В противном случае было бы непонятно, каким образом экономические законы общества обеспечивают достижение конкретных результатов только на основе деятельности масс, подчиняющихся этим законам.

Несомненно, освободительным движениям в Германии было известно о существовании «субъективного фактора истории» (в отличие от механистического материализма Маркс считал человека субъектом истории; на эту сторону марксизма опирался Ленин); им недоставало лишь понимания иррациональных, внешне бесцельных действий или, иначе говоря, раскола между экономикой и идеологией. Нам необходимо объяснить, почему мистицизм одержал победу над научной социологией. Эта задача может быть выполнена только тогда, когда направление наших исследований обеспечит возможность спонтанного зарождения нового типа действий на основе нашего объяснения. При отсутствии ясной очерченности реакционности и революционности рабочего, внимание которого приковано к противоречию между реакционными и революционными тенденциями, мы можем прямо указать на это противоречие, а это должно привести к возникновению нового типа действия, парализующего консервативные психические силы с помощью революционных сил. Высмеивание мистицизма как «запутывания» или «психоза» не приводит к разработке программы борьбы с ним. Однако при правильном понимании мистицизма не-

---

* «В каждую эпоху идеи правящего класса являются господствующими идеями, т.е. класс, который является господствующей силой общества, также конституирует идеологическую власть общества. Класс, который владеет средствами материального производства, также владеет средствами «идеологического» производства, причем те, у кого нет средств идеологического производства, оказываются в подчинении у тех, кто их имеет. Господствующие идеи представляют собой не что иное, как идеалистическое выражение господствующих материальных условий, т.е. господствующих материальных условий, выраженных в виде идей; это те условия, которые позволили одному классу превратиться в господствующий класс, или, иначе говоря, это идеи их правителей». Маркс.

избежно будет найдено противоядие. Для выполнения этой задачи необходимо в полном объеме понять, насколько позволяют наши средства познания, взаимосвязь между социальной ситуацией и структурным формированием, особенно иррациональными идеями, которые не поддаются объяснению только на социально-экономической основе.

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ВЫТЕСНЕНИЯ

Даже Ленин отметил иррациональную особенность поведения масс накануне и в процессе мятежа. Во время солдатского мятежа в 1905 году он писал:

> «Дело крестьян находило понимание у солдат; при одном только упоминании о земле их глаза вспыхивали от сильного чувства. Военная власть несколько раз переходила в руки солдат, но вряд ли эта власть могла быть применена с достаточной решительностью. Солдаты дрогнули. Через несколько часов после того, как они разделались с ненавистным командиром, они освободили остальных офицеров, вступили в переговоры с властями, а затем подверглись расстрелу, наказанию шомполами и снова впряглись в ярмо».

Любой мистик объяснит это поведение на основе вечной нравственной природы человека, которая, по его утверждению, запрещает бунтовать против божественного промысла, «авторитета государства» и его представителей. Вульгарный марксист просто не обращает внимания на такие явления. У него нет для них ни понимания, ни объяснения, так как их невозможно рассматривать с чисто экономической точки зрения. Фрейдовская концепция значительно ближе подходит к вышеупомянутым явлениям, поскольку рассматривает такое поведение как результат младенческих чувств вины по отношению к фигуре отца. Тем не менее она не позволяет понять социальное происхождение и назначение этого поведения и поэтому не приводит к практическому решению. Кроме того, фрейдистская концепция упускает из виду связь между указанным поведением, с одной стороны, и вытеснением и извращением сексуальной жизни широких масс, с другой стороны.

Для разъяснения нашего подхода к вышеупомянутым иррациональным массовым психологическим явлениям необходимо вкратце очертить направление исследований в области сексуальной энергетики, которая подробно рассматривается далее.

Сексуальная энергетика — это область исследований, которая возникла много лет назад на основе социологии сексуальной жиз-

ни человека благодаря применению функционализма в данной сфере. Здесь уже сделан ряд открытий. Она исходит из следующих предпосылок.

Маркс открыл, что общественная жизнь определяется условиями экономического производства и классовыми противоречиями, которые возникают благодаря этим условиям в определенный момент истории. Владельцы средств производства редко прибегают к грубой силе для приведения в повиновение угнетенных классов; их основным оружием является идеологическая власть над угнетенными, поскольку именно идеология служит главной опорой государственного аппарата. Мы уже упоминали о том, что первой исходной предпосылкой истории и политики для Маркса является живой творческий человек, с его психическими и физическими особенностями. Характерологическая структура деятельности личности, так называемый «субъективный фактор истории» в понимании Маркса, осталась неисследованной потому, что Маркс был социологом, а не психологом и в то время научной психологии не существовало. Остался без ответа вопрос: почему человек позволял, чтобы его эксплуатировали и подвергали нравственным унижениям, или, короче говоря, почему он подчинялся рабству на протяжении многих тысячелетий? Удалось выяснить только экономический процесс, протекающий в обществе, и механизм эксплуатации.

Полвека спустя, используя специальный метод (названный Фрейдом психоанализом), Фрейд открыл процесс, который управляет психической жизнью. К его наиболее значительным открытиям, вызвавшим разрушение и крутую ломку большого числа существующих идей (событие, которое вначале вызвало ненависть общества к нему), следует отнести следующее:

1. Сознание занимает лишь небольшое место в психической жизни; оно само контролируется психическими процессами, которые протекают бессознательно и поэтому недоступны для сознательного контроля. Все психические переживания, сколь бы бессмысленными они ни казались (например, сновидения, бесполезные действия, абсурдные высказывания психически больных и т. д.), имеют определенную цель и «значение» и могут быть полностью поняты, если удастся установить их причины. Таким образом, психология, которая в процессе вырождения постепенно превращалась в некую физику мозга («мозговую мифологию») или теорию о таинственном объективном духе (Geist), вошла в область естественной науки.

Второе великое открытие, сделанное Фрейдом, заключается в том, что даже у маленького ребенка активно развивается сексуальность, которая не имеет никакого отношения к размножению. Термины сексуальность и размножение, сексуальное и генитальное не тождественны. Критический анализ психических процессов далее показал, что сексуальность, или, скорее, сексуальная энергия, либидо, которая имеет телесное происхождение, является основным двигателем психической жизни. Поэтому биологические предпосылки и социальные условия жизни частично совпадают

Третье великое открытие заключается в том, что детская сексуальность, в которой особое место занимают отношения ребенка к своим родителям («Эдипов комплекс»), обычно подавляется из-за страха перед наказанием за сексуальные акты и помыслы (в основном из-за «страха перед кастрацией»); детская сексуальная деятельность блокируется и вытесняется из памяти. При этом вытеснение детской сексуальности из сферы влияния сознания не ослабляет ее силы. Напротив, оно усиливает сексуальность и дает ей возможность проявляться в виде различных патологических расстройств психики. Поскольку среди «цивилизованных людей» трудно найти исключение из этого правила, Фрейд мог сказать, что его пациентом является все человечество.

В этой связи следует упомянуть четвертое значительное открытие, которое заключается в том, что нравственные нормы человека (отнюдь не божественного происхождения) обязаны своим появлением применяемым родителями воспитательным мерам и родительским установкам в раннем детстве. В принципе, эти воспитательные меры оказываются весьма действенными в борьбе с детской сексуальностью. Исходный конфликт между желаниями ребенка и родительским подавлением этих желаний в дальнейшем превращается в конфликт между инстинктом и моралью, протекающий внутри самой личности. У взрослых нравственные нормы, которые сами по себе бессознательны, функционируют вопреки пониманию законов сексуальности и бессознательной психологической жизни; эти нормы поддерживают сексуальное подавление («сексуальное сопротивление») и позволяют понять широко распространенное нежелание «раскрывать» детскую сексуальность.

Каждое из этих открытий (мы упомянули лишь те из них, которые имеют существенное значение для нашей темы) наносит сильный удар по основным принципам реакционной морали и религиозной метафизики, которые отстаивают вечные моральные ценности, полагают, что миром правит некая объективная «сила»,

а также отрицают существование детской сексуальности и ограничивают сексуальную сферу функцией произведения потомства. И все же указанные открытия не смогли оказать значительного влияния, поскольку опирающаяся на них психоаналитическая социология задержала развитие их прогрессивного, революционирующего потенциала. Здесь не место доказывать это положение. Психоаналитическая социология пыталась анализировать общество так, как она анализировала отдельного человека, устанавливать абсолютное различие между процессом воспитания и сексуальным удовлетворением, рассматривать деструктивные инстинкты как основные биологические реальности, неизменно определяющие судьбу человека, а также отрицать существование периода первобытного матриархата. В конечном счете, отойдя от результатов своих собственных открытий, она пришла к уродливому скептицизму. Ее враждебность к исследованиям на основе этих открытий имеет многолетнюю историю, и ее представители неизменно оказывают противодействие таким исследованиям. И все же эта позиция не в состоянии поколебать нашу решимость защищать великие открытия Фрейда от любых нападок, откуда бы они ни исходили.

Сексуально-энергетическая социология, в основе которой лежат вышеупомянутые открытия, отнюдь не стремится дополнить, заменить или смешать Маркса и Фрейда. В одном из предыдущих абзацев была упомянута область исторического материализма, в которой психоанализ должен выполнить научную задачу, оказавшуюся не по силам социальной экономике: осмысление структуры и динамики идеологии, а не ее исторической основы. Объединяя интуитивные открытия психоанализа, социология достигает более высокого уровня познания реальности и, в конечном счете, принципов формирования личности. Только ограниченный политик может бранить аналитическую психологию, занимающуюся исследованием характерологической структуры личности, за неспособность делать непосредственные практические выводы. И только крикливый политик подвергает ее огульному порицанию, приписывая ей все искажения консервативной точки зрения. Однако подлинный социолог рассматривает психоаналитическое понимание детской сексуальности как в высшей степени значительный, революционирующий науку акт.

Сексуально-энергетическая социология как наука развивается, опираясь на социологический фундамент, заложенный Марксом, и на психический фундамент, заложенный Фрейдом. По сути своей она является массовой психологией и сексуальной социоло-

гией одновременно. Отвергая фрейдовскую философию культуры*, она начинается там, где заканчивается область клинических психологических исследований, осуществляемых психоанализом.

Психоанализ открывает результаты и механизмы сексуального подавления и вытеснения, а также их патологические последствия в психике индивидуума. Сексуально-энергетическая социология идет дальше и задает вопрос: по каким социологическим причинам осуществляется подавление и вытеснение сексуальности в обществе? Церковь полагает, что это делается ради спасения на том свете; с точки зрения мистической морали подавление и вытеснение сексуальности следуют непосредственно из вечной нравственной природы человека; фрейдовская философия культуры уверяет, что это происходит в интересах культуры. Такие объяснения вызывают сомнение в их справедливости, и тогда возникает вопрос, каким образом мастурбация малолетних детей и половые сношения подростков могут препятствовать строительству газозаправочных станций и производству самолетов. Очевидно, что не культурная деятельность, а лишь существующие в обществе формы этой деятельности требуют подавления и вытеснения сексуальности, и поэтому возникает желание принести в жертву эти формы, если таким образом можно уничтожить ужасающую нищету детей и подростков. Тогда проблема заключается не в культуре, а в общественном строе. При изучении динамики сексуального подавления и этиологии сексуального вытеснения выясняется, что эти процессы не восходят к истокам развития культуры; другими словами, подавление и вытеснение не являются исходными предпосылками развития культуры. Первые признаки подавления сексуальности стали проявляться сравнительно недавно, при установлении авторитарного патриархата и при начале разделения общества на классы. Вообще говоря, на этом этапе сексуальные влечения начинают использоваться меньшинством с целью извлечения материальной прибыли; это положение находит основательное организационное выражение в патриархальном браке и семье. При ограничении и подавлении сексуальности происходит изменение характера человеческих чувств; возникает религия, отрицающая существование секса; эта религия постепенно создает свою сексуально-политическую организацию — церковь, со всеми ее предшественниками, — которая ставит своей целью не что иное, как

* Фрейдовская философия культуры, несмотря на ее идеализм, содержит больше правды о живой жизни, чем все направления социологии и некоторые школы марксистской психологии.

некоренение сексуальных влечений человека, а следовательно, и того малого счастья, что существует на земле. С точки зрения ныне процветающей эксплуатации человеческого труда всему этому найдется вполне приемлемое объяснение.

Для понимания взаимосвязи между сексуальным подавлением и эксплуатацией человека необходимо проникнуть в суть основной социальной организации, в которой переплетаются экономическая и сексуально-энергетическая ситуация авторитарно-патриархального общества. Без анализа этой организации невозможно понять сексуальную энергетику и идеологический процесс, характерный для патриархального общества. Психологический анализ мужчин и женщин всех возрастов, стран и общественных классов показывает, что переплетение социально-экономической структуры с сексуальной структурой общества и структурное воспроизведение общества в человеческом характере происходят в первые 4—5 лет в авторитарной семье. Таким образом, авторитарное государство проявляет большой интерес к авторитарной семье: она превращается в фабрику, на которой формируется структура и идеология государства.

Мы нашли социальную организацию, в которой происходит соединение сексуальных и экономических интересов авторитарной системы. Теперь возникают вопросы: каким образом происходит это соединение и как функционирует эта организация. Безусловно, анализ типичной характерологической структуры людей с реакционной ориентацией (в том числе и рабочих) может дать ответ только при условии понимания важности постановки таких вопросов. В результате морального сдерживания естественной сексуальности ребенка, которая на последнем этапе приводит к существенному ослаблению его генитальной сексуальности, у ребенка развивается пугливость, робость, страх перед авторитетом, покорность, «доброта» и «послушание» в авторитарном смысле этих слов. Такое сдерживание парализует действие мятежных сил в человеке, так как каждый жизненный порыв теперь обременен страхом; поскольку секс стал запретной темой, критическая способность и мысль человека также становятся запретными. Короче говоря, задача морали заключается в формировании покорных личностей, которые, несмотря на нищету и унижение, должны соответствовать требованиям авторитарного строя. Таким образом, семья представляет собой авторитарное государство в миниатюре, в котором ребенок должен научиться приспосабливаться к социальным условиям. Необходимо ясно понимать, что авторитарная структура личности в основном формируется путем погружения

сексуальных запретов и страхов в живую субстанцию сексуальных импульсов.

Рассмотрев ситуацию жены среднего консервативного рабочего, мы без труда поймем, почему сексуальная энергетика считает семью важнейшим источником воспроизведения авторитарной социальной системы. С экономической точки зрения она находится в таком же бедственном положении, как и свободная работающая женщина, и ее жизнь определяется такой же экономической ситуацией, но тем не менее она отдает свой голос за фашистскую партию. Если мы далее проясним действительное различие между сексуальными идеологиями средней свободной женщины и средней реакционной женщины, мы поймем решающее значение сексуальной структуры. Антисексуальные моральные запреты не позволяют консервативной женщине осознать свою социальную ситуацию и прочно привязывают ее к церкви, вызывая страх перед «сексуальным большевизмом». С теоретической точки зрения ситуация выглядит именно так. Вульгарный марксист, с его механистическим мышлением, допускает, что анализ социальной ситуации приобретает большую остроту, если к экономическим причинам страдания присоединить сексуальные причины. Если бы это допущение было справедливым, тогда поведение большинства подростков и женщин было бы более мятежным, чем поведение большинства мужчин. Реальность открывает нам совершенно иную картину, и поэтому экономист совершенно не понимает, как ее необходимо рассматривать. Ему непонятно, почему реакционная женщина не желает даже ознакомиться с его экономической программой. Объяснение заключается в следующем. Подавление примитивных материальных потребностей приводит к иному результату, чем подавление сексуальных потребностей. Если подавление материальных потребностей побуждает к сопротивлению, то подавление сексуальных потребностей предотвращает сопротивление обеим формам подавления. Во втором случае подавление приводит к вытеснению сексуальных потребностей из сознания, причем само подавление принимает форму моральной защиты. В действительности торможение самого сопротивления осуществляется бессознательно. В сознании среднего аполитичного человека мы не найдем даже следа сопротивления.

Вышеупомянутый процесс приводит к возникновению консерватизма, страха перед свободой — одним словом, реакционного мышления.

С помощью этого процесса сексуальное вытеснение усиливает политическую реакцию, превращает массового индивидуума в пассивную аполитичную личность и создает вторичную силу в структуре личности — искусственную потребность, которая активно поддерживает авторитарный строй. Благодаря процессу вытеснения сексуальность не достигает естественного удовлетворения и поэтому стремится к различным заменителям удовлетворения. Так, например, в результате извращения естественная агрессивность выражается в форме грубого садизма, который занимает значительное место в массово-психологической основе империалистических войн, разжигаемых немногочисленной группой лиц.

Приведем еще один пример. С точки зрения массовой психологии в основе милитаристского феномена лежит либидозный механизм. Сексуальное воздействие военного мундира, эротически провоцирующее воздействие ритмического «гусиного шага» и экспибиционистский характер военных распорядков оказались более доступными пониманию молоденьких продавщиц и секретарш, чем речи всесторонне образованных политиков. С другой стороны, политическая реакция сознательно использует в своих интересах сексуальные влечения. Она не только создает для мужчин модели бросающихся в глаза мундиров, но и поручает привлекательным женщинам вести вербовку добровольцев. В заключение напомним тиражируемые воинственными властями вербовочные плакаты, на которых были примерно такие надписи: «Хочешь побывать в других странах? Поступай на службу в королевский флот!» При этом другие страны изображались в виде экзотических женщин. Почему эти плакаты эффективны? Потому что в силу сексуального подавления наша молодежь испытывает сексуальный голод.

Сексуальная мораль, препятствующая реализации воли к свободе, и силы, реализующие авторитарные стремления, получают энергию от вытесненной сексуальности. Теперь мы лучше понимаем значение процесса «возведения идеологии на экономический базис»: сексуальное торможение так изменяет структуру личности экономически подавленного человека, что он действует, чувствует и мыслит вопреки своим материальным интересам.

Так, в 1905 году солдаты воспринимали своих офицеров как своих отцов в детстве (трансформированных в представлении о боге), отрицавших существование сексуальности, которых нельзя было убить, — несмотря на то, что они лишили их радости жизни. Чувства раскаяния и нерешительности, охватившие солдат после захвата власти, служат выражением противоположного чувст-

ва ненависти, превратившейся в жалость, которая как таковая не может реализовываться в виде действия.*

Практическая задача психологии масс заключается в активизации пассивного большинства населения, которая всегда помогает политической реакции одержать победу, а также в устранении торможений, препятствующих развитию стремления к свободе, которое возникает благодаря социально-политической ситуации. Освобожденная от оков и направленная на достижение разумных целей освободительного движения психическая энергия обычных людей, которые увлекаются футболом и дешевыми мюзиклами, не позволит себя закабалить. В своем сексуально-энергетическом исследовании мы будем придерживаться вышеизложенной точки зрения.

* Здесь речь идет о русской революции 1905—1906 гг. *(Прим. редактора.)*

Глава II

АВТОРИТАРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ СЕМЬИ, ПСИХОЛОГИЯ МАСС И ФАШИЗМ

ФЮРЕР И ПСИХОЛОГИЯ МАСС

Если когда-нибудь в будущем динамика социальных процессов позволит реакционному историку поразмыслить о прошлом Германии, он, несомненно, увидит в успехе Гитлера в период с 1928 по 1933 год доказательство того, что великий человек творит историю в той мере, в какой он «зажигает» массы «своей идеей». Действительно, национал-социалистическая пропаганда создавалась на основе «фюрерской идеологии». Историческая основа национал-социалистического движения была доступна пониманию пропагандистов национал-социализма в той ограниченной мере, в какой они понимали механику своего успеха. Это прекрасно показано в опубликованной в те годы статье национал-социалиста Вильгельма Стапеля «Христианство и национал-социализм». Он пишет: «Поскольку национал-социализм является стихийным движением, к нему невозможно подступиться с помощью «аргументов». Аргументы были бы эффективны только в том случае, если бы движение завоевало власть с помощью дискуссий».

В своих выступлениях на национал-социалистических митингах ораторы мастерски манипулировали эмоциями масс и тщательно избегали соответствующих доводов. В своей книге «Майн кампф» Гитлер подчеркивает, что настоящая массовая психологическая тактика обходится без доказательств, постоянно удерживая внимание масс на «великой конечной цели». На примере итальянского фашизма нетрудно показать, в чем заключалась конечная цель после захвата власти. Аналогично этому указы Геринга, направленные против экономических организаций средних классов, отказа от «второй революции», прихода которой ожидали сторонники национал-социализма, выполнение социалистических преобразований и т. д. обнажили реакционную цель фашизма. Следу-

ющее рассуждение показывает, как мало сам Гитлер понимал механизм своего успеха:

> «В сочетании с постоянным, последовательным акцентированием, эта широта перспективы, от которой мы никогда не должны отходить, позволит нам достичь окончательного успеха. И тогда, к нашему удивлению, мы увидим, к каким потрясающим результатам приводит такое упорство — результатам, которые находятся *почти за пределами нашего понимания.* (выделено В. Р.).*

Разумеется, успех Гитлера невозможно объяснить на основе его реакционной роли в истории капитализма, поскольку эта роль достигла бы противоположной цели, если бы она открыто признавалась в его пропаганде. Исследование психологического воздействия Гитлера на массы должно исходить из предпосылки, что фюрер или борец за идею может достичь успеха (если не в исторической, то по крайней мере в ограниченной перспективе) только в том случае, если его личная точка зрения, идеология или пропаганда имеет определенное сходство со средней структурой широкой категории индивидуумов. Тогда возникает вопрос: какой исторической и социологической ситуации обязаны своим происхождением указанные массовые структуры? Таким образом, центр исследования массовой психологии переносится с метафизики «идей фюрера» на реальность общественной жизни. «Фюрер» может творить историю только тогда, когда структура его личности соответствует личностным структурам широких групп. Постоянный или только временный характер воздействия фюрера на историю зависит лишь от того, соответствует его программа направлению развития прогрессивных социальных процессов или возникает на их основе. Следовательно, стремясь объяснить успех Гитлера демагогией национал-социалистов, «запутыванием масс», их «обманом» или применяя неопределенный термин «нацистский психоз», как это делали впоследствии коммунисты и другие политики, исследователь становится на ложный путь, ибо проблема заключается в понимании, почему массы поддались обману, запутыванию и психозу. Эту проблему невозможно решить без точного знания того, что происходит в массах. Недостаточно утверждать, что гитлеровское движение было реакционным. Успех НСДАП в массах противоречит этой предполагаемой реакционной роли, ибо почему тогда многие миллионы соглашались с тем, чтобы их угнетали? В этом заключается противоречие, объ-

* «Mein Kampf» by Adolf Hitler, translated by Ralph Manheim, Houghton Mifflin Company, Boston, 1943, p.185.

яснить которое способны не политика и экономика, а социальная психология.

В работе с различными классами национал-социализм использовал различные средства, давая различные обещания в зависимости от конкретных нужд того или иного общественного класса в данное время. Например, стремясь привлечь на свою сторону промышленных рабочих, нацистская пропаганда подчеркивала весной 1933 года революционный характер нацистского движения и поэтому «торжественно отметила» праздник 1-го мая, но только после умиротворения аристократии в Потсдаме. И тем не менее приписывать успех только политическому мошенничеству — значит вступить в противоречие с основной идеей свободы и практически исключить возможность социальной революции. В действительности необходимо ответить на вопрос: почему массы позволяют, чтобы их обманывали в политическом отношении? Массы имели возможность дать оценку пропаганде различных партий. Почему они не заметили, что, обещая рабочим лишить прав собственности владельцев средств производства, Гитлер обещал капиталистам защитить их права?

Для понимания национал-социализма не имеют значения структура личности Гитлера и его автобиография. И все же интересно отметить, что мелкобуржуазное происхождение его идей в основном совпадает с личностными структурами масс, которые с готовностью приняли эти идеи.

Как и в случае каждого реакционного движения, Гитлер опирался на поддержку различных слоев мелкой буржуазии. Национал-социализм раскрывает все противоречия, характеризующие психологию мелкобуржуазных масс. Теперь необходимо понять сами противоречия и общую причину их возникновения в условиях империалистического производства. Мы ограничимся рассмотрением вопросов сексуальной идеологии.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ГИТЛЕРА

Фюрер мятежного среднего класса Германии был сыном государственного служащего. Он рассказывает о конфликте, особенно характерном для личностной структуры средней буржуазии. Его отец захотел, чтобы он стал государственным служащим. Однако сын воспротивился желанию отца и, преисполненный решимости «ни в коем случае» не уступать отцу, стал художником. Со временем он оказался в бедственном материальном положении. В то же время наряду с неповиновением отцу в его душе сохра-

нились уважение к отцу и признание его авторитета. Это амбивалентное отношение к авторитету — сочетание неповиновения с признанием авторитета и повиновением — является одной из основных особенностей любой личностной структуры среднего класса, начиная с периода полового созревания и кончая совершеннолетием, и находит особенно отчетливое выражение у лиц, жизнь которых проходила в материально стесненных обстоятельствах.

Гитлер с большим чувством говорит о своей матери. Он уверяет нас, что плакал только один раз в жизни, а именно когда умерла его мать. Его неприятие секса и невротическое поклонение материнству ясно проступают в его рассуждениях о расах и сифилисе (см. следующую главу).

Когда Гитлер жил в Австрии, он стал националистом и решил встать на борьбу с австрийской династией, которая подвергла «немецкую родину славянизации». В его полемике с Габсбургами видное место занимает упрек в том, что среди них было несколько сифилитиков. На этом не стоило бы подробно останавливаться, если бы идея «отравления нации» и общее отношение к сифилису не выносились постоянно на обсуждение и впоследствии, после захвата власти, не составили бы основной части внутренней политики Гитлера.

Вначале Гитлер с сочувствием относился к социал-демократам, так как они вели борьбу за всеобщее избирательное право, а это могло ослабить презираемый им «режим Габсбургов». В то же время у него вызывали неприязнь подчеркивание социал-демократами классовых различий, их отрицание нации, авторитета государства, частной собственности на средства производства, религии и морали. В конечном счете его оттолкнуло от социал-демократов предложение вступить в их профсоюз. Он отказался от этого предложения и свой отказ обосновал тем, что он впервые понял роль социал-демократии.

Его кумиром становится Бисмарк, поскольку тот объединил немецкий народ и выступил на борьбу с австрийской династией. На его дальнейшее развитие оказывают значительное влияние антисемит Люгер и немецкий националист Шенерер. Отныне его программа опирается на национал-империалистические задачи, которые он намеревается осуществлять другими, более подходящими средствами, чем средства, используемые старыми «буржуазными» националистами. Выбор средств определяется его признанием эффективности организованной силы марксизма и значения масс для любого политического движения.

«...Только в том случае, когда мы противопоставим интернационалистскому миросозерцанию, руководимому марксизмом, столь же организованную силу, руководимую нашими взглядами,— только тогда при одинаковом напряжении энергии успех в конечном счете склонится на сторону вечной истины».

«Майн кампф», стр.384

«...Что дало победу интернационалистскому мировоззрению, так это его строго организованная политическая партия, построенная по-военному. Что приносило до сих пор поражение за поражением противоположному миросозерцанию, так это то, что до сих пор мы не имели единой и хорошо организованной партии. С успехом бороться и победить наше миросозерцание может не тогда, когда оно предоставит всякому и каждому толковать наши взгляды как заблагорассудится, а лишь тогда, когда взгляды наши получат строго очерченное истолкование и когда мы создадим себе крепкую политическую организацию».

«Майн кампф», стр.385

Гитлер вскоре признал несостоятельность социал-демократической политики и бессилие старых буржуазных партий.

«Все это неизбежно следовало из отсутствия новой антимарксистской философии, наделенной мощной волей к победе».

«Майн кампф», стр.173

«Чем больше я задумывался над необходимостью изменения отношения правительства к социал-демократии как воплощению современного марксизма, тем больше я понимал отсутствие адекватной замены этому учению. Что можно было бы предложить массам, если бы, предположим, социал-демократия была сломлена? Не существовало ни одного движения, которое могло бы вовлечь в сферу своего влияния громадные массы рабочих, освободившихся, в большей или меньшей степени, от влияния своих марксистских вождей. Совершенно нелепо и более чем глупо думать, что интернациональный фанатик, только что покинувший ряды одной классовой партии, тут же согласится вступить в ряды другой, тоже классовой, но буржуазной партии».

«Майн кампф», стр.173

«Буржуазные (как они сами себя называют) партии никогда не смогут перетянуть в свой лагерь „пролетарские массы". Ибо здесь противостоят друг другу два мира, разделенные частью искусственно, а частью и естественно. Взаимоотношения этих двух миров могут быть только взаимоотношениями борьбы. Победа же в этой борьбе неизбежно достанется более молодой партии, т. е. в данном случае марксизму».

«Майн кампф», стр.174

Антисоветская позиция национал-социализма стала очевидной с самого начала его существования.

> «Если бы понадобились новые земли в Европе, их, вообще говоря, можно было бы получить только за счет России, а это означает, что новый Рейх должен снова идти древней дорогой тевтонских рыцарей добывать немецким мечом землю немецкому плугу и хлеб насущный немецкому народу».
>
> *«Майн кампф», стр.140*

Гитлер столкнулся со следующими вопросами. Как привести национал-социалистическую идею к победе? Каким образом можно вести эффективную борьбу с марксизмом? Каким образом можно пробиться к массам?

С учетом этих вопросов Гитлер обращается к националистическим чувствам и принимает решение разработать свою технологию пропаганды для создания по примеру марксистов массовой организации на основе последовательного применения этой технологии.

Гитлер стремился — и это открыто признается — воплотить в жизнь националистический империализм с помощью методов (в том числе и методов массовой организации), заимствованных у марксистов. Однако успехом своим эта массовая организация обязана массам, а не Гитлеру. Ибо укорениться его пропаганда смогла только благодаря авторитарной структуре личности, испытывающей страх перед свободой. Поэтому с социологической точки зрения своими достижениями Гитлер обязан не своей личности, а тому значению, которое придавали ему массы. Проблема, однако, значительно усложняется тем абсолютным презрением, с каким Гитлер относился к народным массам, с помощью которых он собирался реализовать свои империалистические стремления. Для доказательства этого утверждения нет нужды приводить множество примеров. Здесь достаточно упомянуть одно откровенное признание: «...настроение в народе всегда обусловливалось только тем, как общественное мнение обрабатывалось сверху» («Майн кампф», стр. 128).

Каким образом удалось сформировать такую психологию народных масс, что, несмотря на вышеупомянутое отношение к себе, они все же могли впитывать гитлеровскую пропаганду?

ПСИХОЛОГИЯ МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ

Как уже отмечалось, успех Гитлера не следует относить за счет его личности или той объективной роли, которую играла его идеология в капитализме. Не следует его успех относить и за счет

«вапутывания» масс, последовавших за ним. Теперь мы прямо укажем на суть вопроса: что происходило в массах, в результате чего они пошли за партией, руководство которой объективно и субъективно занимало позицию диаметрально противоположную интересам трудящихся масс?

Отвечая на этот вопрос, мы должны в первую очередь учитывать, что при первом своем успешном выступлении национал-социалистическое движение опиралось на широкие слои так называемого среднего класса, т. е. миллионы государственных чиновников, служащих частных фирм, средних торговцев, мелких и средних фермеров. С точки зрения социальной основы национал-социализм был мелкобуржуазным движением, и таким он был везде, где бы он ни появлялся, будь то в Италии, Венгрии, Аргентине или Норвегии. Поэтому мелкая буржуазия, которая прежде поддерживала различные буржуазные демократии, должна была пройти этап внутренней трансформации, вызвавшей изменение ее политической позиции.

Социальная ситуация и соответствующая ей психология мелкой буржуазии позволяют объяснить основные сходства и различия между идеологией либеральной буржуазии и фашизмом.

Мелкая буржуазия, ставшая на сторону фашизма, была той силой, которая поддерживала либеральную демократию на другом этапе развития капитализма. Во время выборов с 1930 по 1932 год национал-социалисты получили новые голоса только за счет немецкой национальной партии и мелких партий германского рейха. В то же время католический центр удержал свои позиции даже во время прусских выборов в 1932 году. Проникнуть в массы промышленных рабочих национал-социалистам удалось лишь на следующих выборах. Средняя буржуазия была и осталась главной опорой свастики. Отстаивая дело национал-социализма, эта буржуазия выступила на арену политической борьбы и в период жесточайших потрясений капиталистической системы (1929—1932 гг.), задержала революционное переустройство общества. Политическая реакция дала абсолютно верную оценку значения среднего класса. В листовке немецкой национальной партии от 8 апреля 1932 года мы читаем: «Средний класс имеет решающее значение для существования государства».

После 30 января 1933 года вопрос социального значения среднего класса широко обсуждался левыми партиями. До этого времени среднему классу уделяли слишком мало внимания. Отчасти это объясняется тем, что все интересы были сосредоточены на проблемах развития политической реакции и авторитарного прав-

ления государством. С другой стороны, исследования в области психологии масс оставались чуждыми интересам политических деятелей. Отныне в различных исследованиях начали придавать большее значение «мятежу среднего класса». При обсуждении этого вопроса были отмечены две основные точки зрения. С одной точки зрения фашизм представлял собой партию, которая стояла на страже интересов среднего класса. Сторонники второй точки зрения учитывали эту позицию, но подчеркивали «мятеж среднего класса». В результате этого сторонников второй точки зрения обвинили в забвении реакционной роли фашизма. При обосновании обвинения указывалось на выдвижение Тиссена на пост экономического диктатора, роспуск экономических организаций среднего класса и провал «второй революции». Короче говоря, отмечалось, что примерно с конца июня 1933 года несомненно реакционный характер фашизма стал приобретать все более зримые формы.

В ходе вышеупомянутых, весьма горячих дискуссий были выявлены некоторые неясности. Тот факт, что после захвата власти национал-социализм стал быстро превращаться в империалистический национализм, который стремился изгнать из движения все «социалистическое» и использовал все доступные средства для подготовки к войне, не противоречит другому факту, а именно: с точки зрения опоры в массах фашизм действительно был движением среднего класса. Гитлер никогда не получил бы его поддержки, если бы не дал обещания начать борьбу против крупных корпораций. Средний класс помог ему одержать победу потому, что был против большого бизнеса. Под его давлением власти были вынуждены принять антикапиталистические меры аналогично тому, как некоторое время спустя они были вынуждены отказаться от них под давлением со стороны крупных предпринимателей. Невозможно достигнуть какого-либо понимания, не установив различия между субъективной заинтересованностью реакционного движения в приобретении опоры в массах и его объективной реакционной ролью. При этом необходимо учитывать, что, несмотря на противоречия между этими двумя сторонами, на начальном этапе они находили примирение в общем контексте нацистского движения. Если первая сторона связана с реакционными интересами фашистских масс, то вторая имеет непосредственное отношение к реакционной роли фашизма. Все противоречия берут начало в противопоставлении указанных двух сторон фашизма в той мере, в какой их примирение в одной форме — «национал-социализме» — характеризует гитлеровское движение. Национал-социализм был вынужден подчеркивать, что он является движением

среднего класса, и поэтому он действительно имел антикапиталистическую и революционную направленность. И тем не менее, поскольку национал-социализм не отобрал права у крупных предпринимателей и был вынужден укреплять и держаться за захваченную власть, капиталистическая сторона его деятельности стала все более выдвигаться на передний план, пока, наконец, он не превратился в крайнего поборника империализма и капиталистической экономики. В этом отношении представляется совершенно незначительным факт существования и число руководителей партии с подлинной или неподлинной социалистической ориентацией (в их понимании этого термина). Точно так же представляется незначительным факт существования и число откровенных мошенников и политических авантюристов. Радикальная антифашистская политика не может опираться на такие соображения. Все необходимое для понимания немецкого фашизма можно было бы почерпнуть из истории итальянского фашизма, так как итальянский фашизм также выполнял эти две совершенно противоположные функции, находившие примирение в его общем контексте.

Тех, кто отрицает значение массовой основы фашизма или не учитывает ее должным образом, приводит в замешательство следующее соображение. Поскольку средний класс не владеет основными средствами производства и не работает с ними, он не может выступать в качестве постоянной движущей силы истории и поэтому вынужден колебаться между капиталом и рабочими. При этом не учитывается, что, как свидетельствует развитие итальянского и немецкого фашизма, средний класс может выступать и действительно выступает в качестве если не постоянной, то по крайней мере временной «движущей силой истории». Здесь мы имеем в виду не только разгром рабочих организаций, бесчисленные жертвоприношения и вспышки варварства, но и, что самое важное, предотвращение развития экономического кризиса и превращения его в социальную революцию. Очевидно, что чем более многочисленным и значительным становится средний класс нации, тем более важной становится его роль в качестве действенной социальной силы. В годы с 1933 по 1942 мы сталкиваемся со следующим парадоксом: фашизм опередил социал-революционный интернационализм в качестве международного движения. Социалисты и коммунисты были настолько уверены в том, что революционное движение опережает в своем развитии политическую реакцию, что фактически совершили политическое самоубийство. Этот вопрос заслуживает самого пристального рассмотрения. Процесс, протекавший в 30-е годы в различных слоях среднего класса всех стран, заслужи-

вает большего внимания, чем банальное утверждение о том, что фашизм представляет собой крайнюю политическую реакцию. Как убедительно показали события, происходившие в годы с 1928 по 1942, одной реакционности фашизма недостаточно для разработки эффективных мер политической борьбы с ним.

Включившись в фашистское движение, средний класс проявился в качестве социальной силы. Поэтому проблема заключается не в реакционных целях Гитлера или Геринга, а в социальных интересах различных групп среднего класса. Благодаря своей характерологической структуре средний класс играет социальную роль, которая значительно превосходит его экономическое значение. Этот класс в течение нескольких тысячелетий поддерживает существование патриархата со всеми его противоречиями.

Вообще говоря, само существование фашистского движения, несомненно, служит социальным выражением националистического империализма, и все же превращение фашизма в массовое движение и захват власти (с последующим выполнением своей империалистической задачи) следует отнести за счет полной поддержки его со стороны среднего класса. Понять проявление фашизма можно только с учетом вышеупомянутых противоречий.

Социальное положение среднего класса обусловливается: 1) его положением в капиталистическом производственном процессе, 2) его положением в аппарате авторитарного государства и 3) его особым семейным положением, которое непосредственно определяется его положением в производственном процессе и служит ключом к пониманию его идеологии. Действительно, несмотря на различия в экономическом положении мелких фермеров, чиновников и средних предпринимателей, основной характер их семейного положения остается одинаковым.

Быстрое развитие капиталистической экономики в XIX столетии, непрерывная и быстрая механизация производства, а также слияние различных предприятий в монополистические синдикаты и тресты создают основу для постепенного обнищания мелких торговцев и ремесленников. Мелкие предприятия не могут конкурировать с более рентабельными крупными предприятиями и поэтому разоряются.

Накануне выборов президента республики в 1932 году немецкие националисты предостерегали: «Эта система ничего не может предложить среднему классу, кроме безжалостного уничтожения. Вопрос стоит так: либо мы все погрузимся в серую мглу пролетарского существования, где нас ждет только одно, а именно — ничто, либо энергия и усердие снова позволят каждому человеку

наживать добро упорным трудом!» В своей пропаганде национал-социалисты действовали не так прямолинейно, как немецкие националисты, опасаясь усугубить разрыв между средним классом и основной массой промышленных рабочих, и такой подход позволил им достигнуть более высоких результатов.

Борьба с универсамами занимала важное место в пропаганде НСДАП. Противоречия между той ролью, в которой национал-социализм выступал перед крупными предпринимателями, и интересами среднего класса, у которого он получил свою основную поддержку, нашло отражение в беседе Гитлера с Никербокером:

> «Мы не собираемся ставить германо-американские отношения в зависимость от какой-нибудь галантерейной лавки (здесь имеется в виду участь, постигшая магазин Вулворта в Берлине)... существование таких предприятий поощряет распространение большевизма... Они губят множество мелких предприятий. Поэтому мы относимся к ним с неодобрением; но вы можете быть уверены, что к вашим предприятиям такого рода в Германии будут относиться так же, как и к аналогичным немецким предприятиям. »*

Долги частных предприятий иностранным государствам легли непосильным бременем на среднюю буржуазию. Поскольку успех внешней политики зависел от удовлетворения иностранных претензий, Гитлер выступил за оплату долгов частных предприятий. Однако его последователи потребовали аннулирования долгов. Таким образом, мелкая буржуазия выступила с протестом «против системы», под которой понимался «марксистский режим» социал-демократии.

Под давлением кризиса различные группы мелкой буржуазии вынуждены были создавать объединения. В то же время экономическая конкуренция между мелкими предприятиями препятствовала возникновению такого чувства солидарности, как у промышленных рабочих. В силу своего общественного положения мелкий буржуа не мог примкнуть ни к своему общественному классу, ни к промышленным рабочим. Если к своему классу он не мог примкнуть из-за царившей в его среде конкуренции, то к промышленным рабочим он не мог примкнуть из-за чувства страха перед пролетаризацией. И тем не менее фашистам удалось объединить различные группы мелкой буржуазии. Что в психологии масс послужило основой этого объединения?

---

* После захвата власти в марте и апреле многие люди бросились грабить универсамы, но руководство НСДАП вскоре положило этому конец. (Запрет на автократическое вмешательство в экономику, роспуск организаций среднего класса и т.д.)

Ответ на этот вопрос дает социальное положение мелких и средних чиновников и служащих частных фирм. Экономическое положение среднего служащего хуже экономического положения среднего квалифицированного промышленного рабочего; худшее положение служащего частично компенсируется за счет слабой надежды продвинуться по службе, а в случае чиновника — за счет ожидания пожизненной пенсии. Таким образом, для этого класса характерны зависимость от государственной власти и конкурентное отношение к сослуживцам, которое препятствует развитию чувства солидарности. Социальное сознание чиновника характеризуется не солидарностью с сослуживцами, а его отношением к правительству и «нации». Оно заключается в полной идентификации с государственной властью *, а в случае служащего частной компании — в идентификации с компанией. Чиновник столь же покорен, как и промышленный рабочий. Почему у него не возникает чувство солидарности, как у промышленного рабочего? Это объясняется его промежуточным положением между органом управления и основной частью работников ручного труда. Подчиняясь вышестоящему, он является представителем власти для нижестоящих и в качестве такового занимает привилегированное моральное (но не материальное) положение. В психологии масс такой тип персонифицируется армейским сержантом.

Примерами власти вышеупомянутой идентификации могут быть дворецкие, лакеи и другие слуги аристократических семей. Перенимая у господ образ мышления и нормы поведения, они полностью изменяются, причем их стремление устранить последствия своего низкого происхождения нередко превращает их в карикатуры на лиц, у которых они находятся в услужении.

Идентификация с властью, фирмой, государством, нацией и т. д., которую можно выразить формулой: «Я — государство, власть, фирма, нация», конституирует психическую реальность и служит замечательным примером превращения идеологии в материальную силу. Вначале в сознании служащего или чиновника зарождается лишь смутная мысль о том, что хорошо быть таким,

* Под **идентификацией** психоанализ понимает процесс, посредством которого субъект начинает **чувствовать свою нераздельность** с другим индивидом, перенимает его особенности и стиль отношений и в своем воображении ставит себя на его место; этот процесс вызывает действительное изменение в субъекте идентификации в силу «интериализации» характеристик модели.

как начальник, однако под давлением материальной зависимости его личность полностью изменяется в соответствии с требованиями правящего класса. У всегда готового приноровиться к начальству буржуа возникает раскол между его экономическим положением и его идеологией. Жизнь его проходит в материально стесненных обстоятельствах, но в своем стремлении подражать господам он нередко доходит до смешного. Он недоедает, но придает большое значение «приличному костюму». Цилиндр и фрак превращаются в материальный символ его характерологической структуры. Одежда людей дает замечательную возможность составить суждение об их массовой психологии на основании первого впечатления. Приспособительная установка позволяет установить конкретное отличие психологической структуры мелкого буржуа от структуры промышленного рабочего *.

Как далеко проникает идентификация с авторитетом? Мы уже убедились, что такая идентификация существует. Вопрос, однако, заключается в том, каким образом, наряду с экономическими условиями жизни, оказывающими непосредственное влияние на мелкого буржуа, эмоциональные факторы настолько укрепляют его психологическую установку, что характерологическая структура его личности остается неизменной во время кризиса и даже тогда, когда безработица разрушает непосредственную экономическую основу его жизни.

Как уже отмечалось, различные группы мелкой буржуазии отличаются по своему экономическому положению, но основные особенности их семейной ситуации остаются одинаковыми. Именно в этой семейной ситуации хранится ключ к пониманию эмоциональных основ вышеупомянутой структуры.

СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧУВСТВА

На начальном этапе семейная ситуация различных групп мелкой буржуазии не отличается от их непосредственного экономического положения. Семья представляет собой мелкое хозяйство или предприятие. (Это не относится к семьям чиновников.) Члены семьи мелкого торговца работают на его предприятии и таким образом избегают расходов на постороннюю помощь. На мелких и средних фермерских хозяйствах совпадение семьи и способа производства еще более ярко выражено. В принципе, на такой дея-

* Это относится только к Европе. В Америке происходит стирание границы между двумя классами. Это объясняется тем, что промышленные рабочие перенимают привычки мелких буржуа.

тельности построено хозяйство великих патриархов (например, хозяйство Загруды). В тесном переплетении семьи и хозяйства таится ответ на вопрос, почему крестьянство «привязано к земле» и «традициям» и, как следствие этого, доступно влиянию политической реакции. Это отнюдь не означает, что привязанность к земле и традициям определяется только экономическим характером жизни. Фермерский способ производства приводит к установлению жестких семейных отношений между всеми членами данной семьи при условии предварительного подавления и вытеснения сексуальных влечений, чреватых серьезными последствиями. Тогда на этой двойной основе возникает типично крестьянское мировоззрение. Его суть составляла патриархально-сексуальная мораль. В одной из своих работ я охарактеризовал трудности, с которыми пришлось столкнуться Советскому правительству при коллективизации сельского хозяйства. Эти трудности были вызваны не только «любовью к земле», но и, что самое важное, семейными узами, обусловленными владением землей.

> «Уже одна возможность сохранить в качестве фундамента всей нации здоровое крестьянское сословие имеет совершенно неоценимое значение. Ведь многие наши нынешние беды являются только следствием нездоровых взаимоотношений между городским и сельским населением. Наличие крепкого слоя мелкого и среднего крестьянства всегда было лучшей защитой против социальных недугов, от которых мы сейчас страдаем. Более того, это единственное решение, позволяющее нации зарабатывать хлеб насущный в рамках своей экономики. Таким образом, устраняется пагубная роль промышленности и торговли, и они занимают надлежащее место в общей структуре национальной экономики со сбалансированным спросом и предложением».
>
> *«Майн кампф», стр.138*

Такова была позиция Гитлера по крестьянскому вопросу. Несмотря на ее бессмысленность (с экономической точки зрения) и низкую эффективность попыток политической реакции ограничить механизацию крупных сельских хозяйств и остановить разорение мелких хозяйств, с точки зрения массовой психологии эта пропаганда была действенной, так как оказывала определенное влияние на прочную структуру семьи мелкого крестьянина.

В конечном счете тесная взаимосвязь между семейными отношениями и сельскохозяйственными формами экономики нашла выражение у националистов после захвата ими власти. Поскольку по своей массовой основе и идеологической структуре гитлеровское движение было движением среднего сословия, одним из первых его законодательных актов, направленных на защиту интере-

сов этого сословия, был указ от 12 мая 1933 года о «Новом порядке владения земельной собственностью», который возвращался к древним законодательным нормам, основанным на «нерасторжимом единстве крови и земли».

Приведем несколько характерных фрагментов этого указа.

> «Нерасторжимое единство крови и земли является необходимой предпосылкой здоровья нации. В Германии эта связь, рождающаяся из естественного миросозерцания нации, обеспечивалась правовыми гарантиями в сельскохозяйственном законодательстве прошлых столетий. Ферма со службами наследовалась крестьянской семьей от предков и не подлежала продаже. Впоследствии было навязано законодательство, которое разрушило правовую основу такого устроения. Тем не менее во многих областях страны немецкий крестьянин, обладающий здоровым народным миросозерцанием, сохранил этот древний обычай, передавая по наследству фермерское хозяйство от поколения к поколению.
>
> Правительство пробудившегося народа обязано гарантировать национальное пробуждение путем правового регулирования нерасторжимого единства крови и земли, сохранившегося благодаря немецкому обычаю на основе закона о заповедном имуществе.
>
> Владелец сельского или лесного хозяйства, зарегистрированный в компетентном окружном суде в качестве наследника заповедной собственности, обязан передать по наследству свою собственность в соответствии с законом о заповедном имуществе. Владелец такого унаследованного фермерского хозяйства называется фермером. Фермер не может владеть более чем одной фермой, унаследованной в соответствии с указанным законом. Только один ребенок фермера имеет право брать на себя руководство унаследованной фермой. Он является **законным** наследником. Сонаследники должны содержаться за счет фермерского хозяйства, пока не обретут экономическую самостоятельность. Если не по своей вине они впоследствии окажутся в стесненном материальном положении, они также имеют право найти приют на ферме. Передача по наследству незарегистрированного фермерского хозяйства, которое тем не менее имеет право на регистрацию, осуществляется в соответствии с законом о заповедном имуществе.
>
> Фермерским хозяйством, унаследованным в соответствии с законом о заповедном имуществе, может владеть только тот фермер, который является немецким гражданином и немцем по происхождению. Немцем по происхождению считается только тот, у кого на протяжении четырех поколений среди предков по мужской линии не было ни одного лица еврейского или «цветного» происхождения. Очевидно, что в соответствии с буквой этого закона каждый германец считается лицом немецкого происхождения. Брак с лицом, не имеющим немецкого происхождения, не позволяет ребенку от этого брака стать владельцем фермерского хозяйства, унаследованного в соответствии с настоящим законом.

Задача этого закона заключается в защите фермерских хозяйств от тяжких долгов и опасного раздробления в процессе наследования, а также в том, чтобы сохранить их в качестве постоянного наследства семей независимых фермеров. В то же время закон ставит своей целью обеспечить разумное распределение сельскохозяйственных угодий. Для сохранения жизнеспособности государства и народа необходимо обеспечить максимально равномерное распространение по всей стране большого числа экономически независимых мелких и средних фермерских хозяйств».

Какие тенденции нашли отражение в этом законе? Он не соответствует интересам крупных землевладельцев, которые стремятся поглотить мелкие и средние фермерские хозяйства и создать постоянно увеличивающийся разрыв между землевладельцами и неимущим сельскохозяйственным пролетариатом. Однако крушение этих стремлений вполне возмещалось за счет сохранения сельскохозяйственного среднего сословия, в существовании которого были заинтересованы крупные землевладельцы, поскольку он составлял массовую основу их власти. Сама по себе идентификация мелкого землевладельца с крупным землевладельцем в качестве частного собственника представляется менее существенной, чем сохранение идеологической атмосферы мелких и средних собственников, т. е. той атмосферы, которая существует в мелких хозяйствах и предприятиях, находящихся во владении одной семьи. Эта атмосфера, как известно, формировала лучших националистических бойцов и пробуждала в душах женщин националистический энтузиазм. Здесь мы находим объяснение, почему политическая реакция постоянно болтала о «нравственном влиянии крестьянства». Но этот вопрос уже относится к сфере сексуальной энергетики.

Связь между индивидуалистическими способами производства и авторитарной семьей в среде мелкой буржуазии служит одним из многих источников фашистской идеологии «большой семьи». В дальнейшем мы рассмотрим этот вопрос в другом контексте.

Экономическое натравливание мелких предприятий друг на друга соответствует атмосфере семейной замкнутости и конкуренции, характерной для мелкой буржуазии, несмотря на проповеди фашистских идеологов о «приоритете общественного благосостояния перед благосостоянием отдельного человека» и вопреки их превознесению «корпоративной идеи». Основные элементы фашистской идеологии, «фюрерский принцип», семейная политика и т. д. имеют индивидуалистический характер. Если в основе коллективных элементов фашизма лежат социалистические тенден-

ции народных масс, то в основе индивидуалистических элементов лежат интересы крупных предпринимателей и принципы фашистского руководства.

Ввиду естественной структуры личности указанная экономическая и семейная ситуация прекратила бы свое существование, если бы ее надежность не обеспечивалась особыми взаимоотношениями между мужчиной и женщиной и характером сексуальности, определяемым этими взаимоотношениями. Мы называем эти взаимоотношения патриархальными.

С экономической точки зрения средний городской буржуа находится не в лучшем положении, чем работник ручного труда. В своем стремлении отличаться от рабочего он в основном вынужден опираться на свою семью и сексуальную жизнь. Его экономические потери компенсируются за счет сексуальной морали. В случае чиновника этот мотив является наиболее эффективным элементом его идентификации с правителями. Сексуально-моралистическая идеология компенсирует экономические ограничения в силу неравенства чиновника и аристократа, несмотря на его идентификацию с аристократом. В принципе, характерная для чиновника сексуальность и обусловленный ею тип культуры позволяют ему отличаться от мелкого буржуа.

Вся совокупность таких моральных установок, группирующихся вокруг отношения личности к сексу и обычно называемых «мещанскими», сводятся к понятиям (но не актам) порядочности и долга. Здесь необходимо дать правильную оценку тому впечатлению, которое эти два слова производят на мелких буржуа, в противном случае нам нет необходимости на них останавливаться. Они то и дело упоминаются в расовой теории и диктаторской идеологии фашизма. В действительности образ жизни мелкой буржуазии, практика ее деловых отношений навязывают совершенно противоположный тип поведения. Бесчестность является неотъемлемой частью самого существования частной торговли. Когда крестьянин покупает лошадь, он делает все возможное, чтобы принизить ее достоинства. Продавая год спустя ту же лошадь, он расхваливает ее, утверждая, что она стала моложе, лучше и сильнее. Чувство «долга» определяется не особенностями национального характера, а деловыми интересами. Свой товар всегда лучше, чем товар другого лица. Пренебрежительное отношение к своим конкурентам — отношение, абсолютно лишенное порядочности — служит важным средством предпринимательской деятельности. Подобострастие и разборчивость в отношениях с заказчиками свидетельствуют о гнете экономического существования мелких пред-

принимателей, который в конечном счете способен испортить наилучший характер. И тем не менее понятия «порядочности» и «долга» играют весьма значительную роль в жизни мелкой буржуазии. Это невозможно объяснить только стремлением скрыть грубую материалистическую подоплеку. Ибо, несмотря на все лицемерие, высокие чувства, вызываемые понятиями «порядочности» и «долга», неподдельны. Вопрос заключается только в их источнике.

Источники этих чувств следует искать в бессознательной эмоциональной жизни. Вначале на них мало обращают внимание, а затем просто не хотят замечать их связь с вышеупомянутой идеологией. И тем не менее анализ связей в мелкобуржуазной среде не оставляет сомнений в существенном значении взаимосвязи между сексуальной жизнью и идеологией «долга» и «порядочности».

Прежде всего следует отметить, что политическое и экономическое положение отца отражается в его патриархальном отношении к остальным членам семьи. В лице отца авторитарное государство имеет своего представителя в каждой семье, и поэтому семья превращается в важнейший инструмент его власти.

Авторитарное положение отца отражает его политическую роль и раскрывает связь семьи с авторитарным государством. Отец занимает в семье такое же положение, какое занимает по отношению к нему начальник в производственном процессе. В своих детях, особенно в сыновьях, он воспроизводит свое раболепное отношение к авторитету. Благодаря этим условиям возникает пассивно сервильное отношение мелкого буржуа к фигуре фюрера. Далекий от действительного понимания природы мелкой буржуазии, Гитлер имел в виду именно эту ее особенность, когда писал:

> «По своей природе и мировоззрению народ в подавляющем большинстве настолько женствен, что его мысли и поступки определяются эмоциями и чувствами в значительно большей мере, чем доводами здравого смысла.
>
> Душа народа в высшей степени проста и цельна. Для нее не существует множества оттенков. Она не признает никакой половинчатости. Для нее существует только настоящее и ненастоящее, любовь и ненависть, правильное и неправильное, правда и ложь».
>
> *«Майн кампф», стр.183*

Здесь мы имеем не «врожденную склонность», а типичный пример воспроизведения авторитарной системы в структуре ее членов.

Вышеупомянутое положение неизбежно приводит к жесткому подавлению женской и детской сексуальности. Если под влиянием мелкобуржуазной среды у женщин развивается покорность, усиленная вытесненной сексуальной непокорностью, то у сыновей, наряду с раболепным отношением к авторитету, формируется глубокая идентификация с отцом, которая служит основой эмоциональной идентификации с любой формой авторитета. Вероятно, долго останется неразгаданной загадка процесса формирования психологических структур опорных слоев общества, который обеспечивает их подгонку к социальной структуре в соответствии с задачами правящих кругов, не уступающую по точности подгонке деталей прецизионного станка. Как бы там ни было, то, что мы описываем как структурное воспроизведение экономической системы общества в психологии масс, представляет собой основной механизм формирования политических идей.

Следует отметить, что ситуация экономической и социальной конкуренции способствует развитию указанной структуры в психологии мелкой буржуазии лишь на более позднем этапе. Формируемый на этом этапе тип реакционного мышления представляет собой дальнейшее развитие психологических процессов, восходящих к первым годам жизни ребенка в атмосфере авторитарной семьи. Для авторитарной семьи характерны не только конкуренция между детьми и взрослыми, но и потенциально более серьезные последствия конкуренции среди детей данной семьи в их взаимоотношениях с родителями. В детские годы эта конкуренция, которая при достижении совершеннолетия и во время жизни за пределами семьи приобретает преимущественно экономический характер, реализуется на основе сильных эмоциональных взаимосвязей (любовь — ненависть) между членами одной семьи. Эти взаимосвязи составляют отдельную область исследования, и поэтому мы не будем подробно останавливаться на них. Здесь достаточно лишь отметить, что сексуальные торможения и ослабления, составляющие наиболее существенные предпосылки существования авторитарной семьи и определяющие структурное формирование психологии мелкого буржуа, осуществляются с помощью религиозного страха, который возникает на основе чувства сексуальной вины и глубоко коренится в эмоциональной сфере. Таким образом, мы приходим к проблеме отношения религии к отрицанию самого факта существования полового влечения. Сексуальное бессилие приводит к ослаблению чувства уверенности в себе. В одних случаях это возмещается огрублением сексуальности, а в других — жесткость становится особенностью характера. Принуждение к установлению контроля над своей сексуальностью и под-

держанию сексуального вытеснения приводит к возникновению патологических эмоционально окрашенных понятий чести и долга, мужества и самообладания *. Однако патологический и эмоциональный характер таких психологических установок во многом не согласуется с реальным поведением личности. Человек, способный достигнуть генитального удовлетворения, отличается честностью, надежностью, отвагой и сдержанностью. Эти особенности органически входят в состав его личности. Человек с ослабленными гениталиями и противоречивой сексуальной структурой вынужден постоянно напоминать себе о необходимости сдерживать свои сексуальные влечения, сохранять свое сексуальное достоинство и мужество перед лицом искушений. Борьба с искушением мастурбировать знакома всем без исключения детям и подросткам. В процессе этой борьбы формируются реакционные элементы психологической структуры личности. В различных группах мелкой буржазии реакционная структура приобретает значительную прочность, укореняясь наиболее глубоко в психике. Принудительное подавление сексуальных влечений служит основным источником энергии и содержания мистицизма. Поскольку различные группы промышленных рабочих находятся под воздействием одних и тех же социальных факторов, у них формируются соответствующие отношения. В то же время, благодаря явному отличию их образа жизни от образа жизни мелкой буржуазии проявление сексуально-позитивных сил имеет у рабочих более отчетливый и сознательный характер. Аффективное укоренение таких структур является причиной бессознательной тревоги, а их сокрытие под покровом психологических особенностей не позволяет разумным доводам проникать в глубинные пласты личности. (Значение этого утверждения для практической реализации сексуальной политики рассматривается в последней главе.)

Не останавливаясь на степени влияния бессознательной борьбы индивидуума со своими сексуальными потребностями на формирование метафизического мышления, мы приведем лишь один пример, характеризующий национал-социалистическую идеологию. Мы часто сталкиваемся с рядом таких понятий, как личная честь, семейная честь, расовая честь, национальная честь. Эти понятия соответствуют различным пластам индивидуальной структуры личности. В этом ряду, однако, отсутствуют понятия, связанные с общественно-экономическим базисом: капитализм или, точнее, патриархат; установление обязательного брака; по-

* Книга национал-социалиста Эрнста Манна «Ди мораль дер Крафт» содержит много полезных сведений, необходимых для понимания этих отношений.

давление сексуальной сферы; борьба личности против своей сексуальности; индивидуальное компенсаторное чувство чести и т. д. Самое важное положение в указанном ряду занимает идеология «национальной чести», которая соответствует иррациональной сущности национализма. Чтобы достаточно ясно понять это положение, нам снова придется отклониться от нашей основной темы.

Борьба авторитарного общества против детской и подростковой сексуальности (а впоследствии и борьба индивидуума против своей сексуальности в пределах своего эго) осуществляется в рамках авторитарной семьи, которая является лучшей формой организации для успешного ведения такой борьбы. Сексуальные желания, естественно, побуждают индивидуума вступать в различные отношения с обществом, устанавливая с ним разнообразные связи. В случае подавления таким желаниям остается только одна возможность для своего проявления — разрядка в тесных рамках семьи. Сексуальное торможение составляет основу как семейной замкнутости индивидуума, так и его самосознания. Следует учитывать, что динамика метафизических, индивидуальных и семейных чувств отражает лишь различные грани одного и того же процесса отрицания существования сексуальности, причем лишенное всякой мистики, ориентированное на реальность мышление характеризуется свободным отношением к семье и по меньшей мере безразличным отношением к идеологии аскетической сексуальности. Поэтому представляется существенным установление связи с авторитарной семьей на основе торможения сексуальности. При этом исходная биологическая связь ребенка со своей матерью, а также привязанность матери к своему ребенку создают преграду для сексуальной реальности и приводят к прочной сексуальной фиксации и неспособности вступать в другие отношения*. Связь с матерью составляет основу всех семейных уз. По своей субъективно-эмоциональной сути понятия родины и народа являются понятиями матери и семьи. В сознании различных групп среднего сословия образ матери ассоциируется с образом родины для ребенка, аналогично тому как семья предстает в виде «народа в миниатюре». Это позволяет нам понять, почему в национал-социали-

* Поэтому открытый Фрейдом «Эдипов комплекс» служит не столько причиной, сколько следствием сексуальных ограничений, навязываемых обществом ребенку. Тем не менее родители реализуют цели авторитарного общества, совершенно не сознавая, что они делают.

стическом ежегоднике за 1932 год национал-социалист Геббельс взял в качестве девиза для своих десяти заповедей следующие слова: «Никогда не забывай, что твоя страна — это твоя мать». Ему, очевидно, не был известен более глубокий смысл этих слов. По случаю Дня Матери в 1933 году «Ангрифф» писала:

> «**День Матери.** Народная революция смела все мелочное со своего пути. Идеи снова вступили в свои права, объединяя семью, общество, народ. Идея Дня Матери вполне подходит для почитания того, что символизирует немецкая идея: Немецкая Мать! Только в новой Германии придается такое значение жене и матери. Она — защитница семейной жизни, на основе которой рождаются новые силы, способные повести наш народ вперед. Она — немецкая мать — служит единственной носительницей идеи немецкой нации. Идея «матери» неотделима от идеи «немецкого». Что еще может сблизить нас больше, чем совместное почитание матери?»

С точки зрения психологической структуры личности эти утверждения представляются верными, независимо от их социально-экономической необоснованности. Ибо националистические чувства формируются на основе семейных уз и, аналогично семейным узам, коренятся в фиксированной * связи с матерью. С точки зрения биологии это невозможно объяснить, так как связь с матерью становится социальным продуктом в той мере, в какой она в дальнейшем превращается в семейную и националистическую связь. В период возмужания связь с матерью допускает существование других привязанностей, т. е. естественных половых отношений, при условии, что сексуальные ограничения не приведут к её закреплению. В качестве социально мотивированного закрепления эта связь составляет основу формирования националистических чувств в период возмужания индивидуума, и только на этой стадии она превращается в реакционную социальную силу. Националистические чувства не нашли столь отчетливого выражения у промышленных рабочих, как у мелких буржуа. Это объясняется различиями в социальных условиях жизни и — как следствие — более свободными семейными отношениями.

Теперь, я полагаю, никто не будет упрекать нас в «биологизации» социологии, так как известно, что отличительная особенность семейной жизни промышленного рабочего определяется его положением в производственном процессе. И тем не менее мы должны задать вопрос: почему промышленный рабочий столь податлив влиянию интернационализма, тогда как мелкий буржуа

* т.е. бессознательно укоренившейся

явно тяготеет к национализму? В объективной экономической ситуации это различие можно определить только при учете вышеупомянутой связи между экономическим и семейным положением промышленного рабочего. Других способов определения указанного различия не существует. Причину странного нежелания марксистских теоретиков рассматривать семейную жизнь в качестве важного фактора укрепления социальной системы, т. е. в качестве решающего фактора формирования структуры личности, следует искать в семейных отношениях самих теоретиков. Трудно переоценить глубину и эмоциональность семейных связей *.

Мы можем продолжить рассмотрение важнейшей связи между семейной и националистической идеологией. Семьи разделены и противопоставлены так же, как и народы. В обоих случаях в основе этого разделения и противопоставления лежит экономическая причина. Проблемы пропитания и другие насущные нужды постоянно тревожат семью мелкого буржуа (служащего, низкооплачиваемого технического работника и др.). Поэтому экспансионистские тенденции большой семьи мелкого буржуа также воспроизводят тенденции империалистической идеологии: «Народу нужны пространство и пропитание». Этим объясняется особая податливость мелкого буржуа влиянию империалистической идеологии. Он способен полностью идентифицировать себя с персонифицированной концепцией нации. Таким образом, семейный империализм воспроизводится в национальном империализме на идеологическом уровне.

В этой связи представляет интерес высказывание Геббельса в брошюре «Ди верфлюхтен хакенкрейцер» (Эгер Ферлаг, Мюнхен,

* Тому, кто не освободился от привязанности к своей матери и семье или по крайней мере не избавился от их влияния в своих суждениях, не следует приступать к исследованию процесса формирования идеологии. Тот, кто отказывается рассматривать эти явления потому, что они «фрейдистские», лишь доказывает свой научный кретинизм. Необходимо выдвигать доводы, а не болтать, не имея специальных знаний. Фрейд открыл Эдипов комплекс. Без этого открытия невозможно проводить революционную семейную политику. Однако Фрейд так же далек от такой оценки и социологической интерпретации процесса формирования семьи, как и представитель механистической экономики от понимания роли сексуальной сферы как социального фактора. Допустим, что диалектический материализм неправильно применялся. Но тогда невозможно опровергнуть явления, которые были известны каждому рабочему еще до открытия Фрейдом Эдипова комплекса. Фашизм необходимо уничтожить, но не лозунгами, а знанием. Ошибки неизбежны и их необходимо исправлять. И тем не менее бестолковость ученых играет на руку реакции.

стр. 16 и 18). Она была написана в ответ на вопрос, является ли еврей человеком.

> «Если кто-нибудь ударит кнутом вашу мать по лицу, разве вы станете его благодарить? Разве он человек!? Тот, кто так поступает,— не человек. Это скот! Сколько же тяжелых страданий причинил и причиняет еврей **нашей матери Германии!** Он — еврей — развратил нашу расу, ослабил нашу энергию, разрушил наши обычаи и подорвал наши силы... Еврей, этот демон распада... начинает преступное избиение народа».

Здесь необходимо учитывать значение идеи кастрации как наказания за сексуальное удовольствие. Кроме того, необходимо также учитывать сексуально-психологический фон бредовых идей ритуального убийства и фон антисемитизма как такового. И, наконец, необходимо дать правильную оценку чувствам сексуальной вины и тревоги реакционера с учетом ударного воздействия таких бессознательно составленных формулировок на бессознательную эмоциональность обычного читателя. В таких высказываниях и их бессознательно-эмоциональном воздействии мы находим корни национал-социалистического антисемитизма. Полагают, что фашисты «запутывают». Разумеется, и запутывают тоже. Но при этом упускается из виду, что с идеологической точки зрения фашизм отражает сопротивление сексуально и экономически больного общества болезненным, но необходимым революционным стремлениям к сексуальной и экономической свободе, той свободе, одна мысль о которой вселяет в реакционера смертельный ужас. Другими словами, установление экономической свободы сопровождается разрушением старых институтов (особенно тех, которые определяют сексуальную политику), перед которыми равны и реакционер, и промышленный рабочий (в силу его реакционности). Осуществление стремления освободиться от ярма экономической эксплуатации тормозится в основном благодаря страху перед «сексуальной свободой», которая предстает воображению реакционного мыслителя в виде сексуального хаоса и разложения. Такое положение будет существовать до тех пор, пока не будет устранено неправильное представление о сексуальной свободе. Это объясняется отсутствием у большинства ясного понимания этих чрезвычайно важных вопросов. Поэтому сексуальная энергетика призвана играть решающую роль при упорядочении общественных отношений. Чем глубже и шире укореняется реакционная структура в психологии трудящихся масс, тем большее значение приобретает деятельность сторонников сексуальной энергетики в области обу-

чения народных масс навыкам принятия на себя социальной ответственности.

При таком взаимодействии экономических и психологических факторов авторитарная семья служит важнейшим источником воспроизведения всех видов реакционного мышления. По существу, она представляет собой своего рода предприятие по производству реакционных структур и идеологий. Поэтому первая заповедь любой реакционной политики в области культуры заключается в «защите семьи», а именно большой авторитарной семьи. В принципе, именно такой смысл таит в себе формулировка «защита государства, культуры и цивилизации».

Во время президентских выборов в 1932 году НСДАП опубликовала воззвание (Адольф Гитлер, «Моя программа»), в котором говорилось следующее:

> «По своей природе и судьбе женщина является помощницей мужчины. Таким образом, мужчина и женщина — товарищи в жизни и работе. В течение многих столетий шло развитие экономики, которое изменило сферу деятельности мужчины, вызвав, таким образом, определенные изменения в сфере деятельности женщины. Кроме необходимости совместно трудиться, долг мужчины и женщины заключается в сохранении жизни человека. В этой благородной задаче, поставленной перед представителями противоположного пола, мы также усматриваем основу индивидуальных талантов, которыми Провидение, в своей вечной мудрости, неизменно наделяет мужчину и женщину. Поэтому высшая цель состоит в обеспечении возможности **создания семьи** товарищами по работе и жизни. **Ее окончательное уничтожение привело бы к прекращению существования высших форм человечества.** Независимо от пределов сферы деятельности женщины, **конечная цель организованного и закономерного развития неизменно должна заключаться в создании семьи. Она является наименьшим, но самым ценным первичным элементом всей государственной системы».**

Далее в том же воззвании в разделе «Сохранение крестьянства означает сохранение немецкой нации» говорится: «В сохранении и поощрении развития экономически независимого крестьянства я также вижу лучшую защиту от социальных бед и расового разложения нашего народа».

Во избежание ошибок не следует упускать из виду значение традиционных семейных уз крестьянства. Далее в воззвании говорится:

> «Я убежден, что для повышения сопротивляемости народ не должен жить, руководствуясь исключительно разумными принципами; он также нуждается и в духовно-религиозной поддержке. Отравление и разложение народного тела под влиянием

культурного большевизма столь же ужасны, как и под влиянием политико-экономического коммунизма».

В качестве партии, которая, подобно итальянскому фашизму, обязана своим первым успехом практической заинтересованности крупных землевладельцев, НСДАП должна была привлечь на свою сторону мелких и средних фермеров, создавая таким образом для себя социальную базу в их лице. Естественно, что в своей пропаганде НСДАП не могла открыто отстаивать интересы крупных землевладельцев и поэтому вынуждена была обращаться за поддержкой к мелким фермерам, апеллируя, в частности, к психологическим структурам, сформировавшимся на основе пересечения семейной и экономической структур. Утверждение о том, что мужчина и женщина являются товарищами по работе, справедливо для мелкой буржуазии только в аспекте указанного пересечения. Это утверждение неприменимо к большинству промышленных рабочих. Даже к крестьянству оно применимо лишь формально, поскольку в действительности жена крестьянина является его служанкой. Прототип и реализацию фашистской идеологии государственно-иерархической структуры следует искать в иерархической структуре крестьянской семьи. Таким образом, в среде крестьянства и мелкой буржуазии, для которых характерно участие всей семьи в работе мелкого хозяйства или предприятия, существует основа для восприятия претенциозной империалистической идеологии. Поклонение материнству отчетливо проступает как в первом, так и во втором случае. Каким образом соотносится такое поклонение с реакционной сексуальной политикой?

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ САМОУВЕРЕННОСТЬ

Прежде всего следует отметить совпадение национальных и семейных связей в психологических структурах различных групп мелкой буржуазии. Эти связи приобретают особую силу благодаря процессу, который протекает параллельно такому совпадению и фактически возникает на его основе. С точки зрения масс, националистический фюрер персонифицирует нацию. Связь личности с таким фюрером устанавливается лишь в той мере, в какой он действительно олицетворяет нацию в соответствии с национальными чувствами масс. Поскольку фюрер знает, каким образом можно пробудить в массах эмоциональные семейные связи, он также олицетворяет и фигуру авторитарного отца. Он использует в своих целях все эмоциональные особенности, которые прежде

приписывались строгой, но внушительной (в глазах ребенка) фигуре отца-защитника. В дискуссиях с горячими поборниками национал-социализма по поводу несостоятельности и противоречивости программы НСДАП мне нередко приходилось слышать, что Гитлер лучше их разбирается во всем — «он все устроит». В этом случае отчетливо проступает потребность ребенка в защите со стороны отца. В условиях социальной действительности потребность народных масс в защите позволяет диктатору «все устраивать». Такая позиция существенно затрудняет осуществление общественного самоуправления, т. е. разумной независимости и сотрудничества. Никакая подлинная демократия не может и не должна быть построена на основе такой позиции.

Более важной, однако, представляется роль идентификации массовых индивидов с «фюрером». Чем беспомощней становится массовый индивид» (благодаря своему воспитанию), чем отчетливей проступает его идентификация с фюрером и тем глубже детская потребность в защите прячется в чувстве его единства с фюрером. Эта склонность к идентификации составляет психологическую основу национального нарциссизма, т. е. уверенности отдельного человека в себе, которая ассоциируется с «величием нации». Мелкобуржуазный индивид ощущает себя в фюрере, в авторитарном государстве. Благодаря такой идентификации он ощущает себя защитником «национального наследия» и «нации». Это ощущение не позволяет ему презирать «массы» и противопоставлять себя им в качестве индивидуума. Ужас его материального и сексуального положения настолько затмевается возвышающей идеей принадлежности к расе господ и существования выдающегося фюрера, что со временем он полностью утрачивает понимание всей ничтожности своей слепой преданности.

Рабочий, сознающий свое профессиональное мастерство, свободен от психологической структуры послушания. Он идентифицирует себя со своей работой, а не с фюрером, с интернациональными массами трудящихся, а не с нацией, родиной. Поэтому он представляет собой противоположность по отношению к мелкому буржуа. Он ощущает себя лидером, но не благодаря своей идентификации с фюрером, а благодаря сознанию выполнения жизненно важной работы для существования общества.

Какие эмоциональные силы действуют здесь? На этот вопрос нетрудно ответить. Эмоции, определяющие существование принципиально иного типа массовой психологии, тождественны эмоциям, которые можно обнаружить в психологии националистов. В этом случае различие заключается лишь в содержании того, что

вызывает эти эмоции. При тождественности потребностей в идентификации существует различие в объектах идентификации, а именно: товарищи по работе, а не фюрер, своя работа, а не иллюзия, трудящиеся всего мира, а не семья. Короче говоря, интернациональное сознание своего мастерства противопоставляется мистицизму и национализму. Разумеется, отсюда нельзя сделать вывод, что у свободного рабочего отсутствует чувство уверенности в себе. Реакционером является тот, кто во время кризиса начинает вопить о «служении обществу» и «приоритете всеобщего благосостояния перед личным благосостоянием». Это означает лишь то, что для свободного рабочего источником уверенности в себе является сознание своего профессионального мастерства.

В течение последних пятнадцати лет мы сталкиваемся с явлением, которое можно с трудом понять. Существует экономическое разделение общества на определенные общественные категории и профессии. С чисто экономической точки зрения в основе общественной идеологии лежит конкретная общественная ситуация. Отсюда следует, что конкретная идеология класса должна в той или иной мере соответствовать общественно-экономическому положению данного класса. В соответствии с коллективными навыками труда у промышленных рабочих должно сформироваться более сильное чувство коллектива, тогда как у мелких предпринимателей должен сформироваться более сильный индивидуализм. Работники крупных фирм должны были бы иметь коллективное чувство, аналогичное чувству коллектива в среде промышленных рабочих. Но, как мы уже убедились, психологическая структура и социальная ситуация редко совпадают. Мы проводим различие между ответственным рабочим, сознающим свое профессиональное мастерство, и реакционером с мистически-националистической ориентацией. Оба типа встречаются во всех общественных классах и профессиональных группах. Существуют миллионы промышленных рабочих с реакционным мировоззрением. В то же время существует много врачей и учителей, которые сознают свое профессиональное мастерство и отстаивают дело свободы. Отсюда можно заключить, что между социальной ситуацией и характерологической структурой не существует простой механической связи.

Социальная ситуация является лишь внешним условием, оказывающим влияние на реализацию идеологического процесса в индивидууме. Теперь мы рассмотрим инстинктивные влечения, с помощью которых различные социальные влияния устанавливают полный контроль над эмоциями. Прежде всего представля-

ется очевидным, что чувство голода не относится к ним; по крайней мере, голод не является решающим фактором. В противном случае мировая революция наступила бы после мирового кризиса 1929—1933 гг. При всей его опасности для устарелых, чисто экономических подходов этот довод представляется убедительным.

Стремясь истолковать социальную революцию как «мятеж ребенка против отца», несведущие в социологии психоаналитики имеют в виду «революционера», который является выходцем из интеллигентных кругов. Действительно, это утверждение справедливо для данного случая. Но оно неприменимо к промышленным рабочим. В среде рабочих подавление детей родителями имеет не менее жесткий, а иногда и более грубый характер, чем в среде мелкой буржуазии. Так что проблема заключается не в этом. Особенности, устанавливающие различие между этими двумя классами, следует искать в их способах производства и отношении к сексу, которое определяется этими способами. Дело в том, что сексуальность подавляется родителями и в среде промышленных рабочих. Но в среде мелкой буржуазии не существует противоречий, с которыми приходится сталкиваться детям промышленных рабочих. В случае мелкой буржуазии подавляется только сексуальность. Сексуальная деятельность этого класса отражает только противоречие между сексуальным влечением и торможением. В случае промышленных рабочих дело обстоит иначе. Наряду с моралистической идеологией промышленные рабочие имеют свои более или менее отчетливые взгляды на сексуальность, которые являются диаметрально противоположными моралистической идеологии. Кроме того, следует учитывать влияние условий их жизни и тесной связи, возникающей в процессе совместной работы. Все это противоречит их моралистической идеологии сексуальности.

Обычный промышленный рабочий отличается от обычного мелкобуржуазного трудящегося открытым, раскованным подходом к сексуальности, независимо от его бестолковости и консервативизма в других отношениях. Он несравненно лучше воспринимает сексуально-энергетические взгляды, чем типичный мелкобуржуазный трудящийся. Его более высокая восприимчивость объясняется отсутствием особенностей, занимающих центральное место в национал-социалистической и клерикальной идеологии. К таким особенностям относится идентификация с властью авторитарного государства, с «великим фюрером» и нацией. Здесь

мы также видим доказательство сексуально-энергетического происхождения основных элементов национал-социалистической идеологии.

Чрезвычайная восприимчивость мелкого фермера к идеологии политической реакции объясняется индивидуалистической формой его хозяйствования и крайней изолированностью его семейной ситуации. Это приводит к расколу между социальной ситуацией и идеологией. Несмотря на жесткие формы патриархата и соответствующую им мораль, у мелкого фермера развиваются естественные — даже при искажении — формы сексуальности. Как и в случае промышленных рабочих (в отличие от мелкобуржуазных трудящихся), фермерская молодежь начинает половую жизнь в раннем возрасте. Тем не менее благодаря строгому патриархальному воспитанию сексуальность молодежи имеет искаженный и даже грубый характер. Сексуальность девушек характеризуется фригидностью. Убийства на сексуальной почве, грубая ревность и порабощение женщин относится к типичным проявлениям сексуальности в крестьянской среде. Нигде истерия не получила такого распространения, как в деревне. Патриархальный брак является конечной целью сельского воспитания при жестком диктате сельскохозяйственной экономики.

В течение последних десятилетий в среде промышленных рабочих формировался идеологический процесс. Наиболее очевидные проявления этого процесса обнаруживаются в культуре рабочей аристократии. В то же время их можно заметить и в среде обычных промышленных рабочих. Промышленные рабочие XX века имеют мало общего с пролетариатом времен Карла Маркса. Они во многом переняли у буржуазии обычаи и взгляды. Безусловно, официальной буржуазной демократии не удалось устранить экономические классовые различия и покончить с расовыми предрассудками. Тем не менее благодаря социальным тенденциям, укрепившимся в рамках буржуазной демократии, произошло стирание структурных и идеологических границ между различными общественными классами. Промышленные рабочие Англии, Америки, Скандинавии и Германии начинают все более и более походить на буржуазию. Для понимания процесса проникновения фашизма в различные группы рабочего класса необходимо проследить переход от буржуазной демократии к «закону о чрезвычайных полномочиях», приостановлению деятельности парламента и установлению открытой фашистской диктатуры.

«ПРИРУЧЕНИЕ» ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ

Фашизм проникает в различные группы рабочих с двух сторон. Проникновение в среду «люмпен-пролетариата» (термин, против которого все возражают) осуществляется на основе прямой коррупции. С другой стороны, проникновение в среду «рабочей аристократии» осуществляется с помощью как коррупции, так и идеологического влияния. Немецкий фашизм, с присущей ему политической беспринципностью, обещал всем все. В статье доктора Ярмера «Капитализм» («Ангрифф», 24 сентября, 1931 г.) мы находим следующие утверждения:

«На съезде Немецкой национальной партии в Штеттине Гугенберг вполне определенно осудил интернациональный капитализм. В то же время он подчеркнул необходимость существования национального капитализма. При этом он провел грань между немецкими националистами и национал-социалистами, которым прекрасно известно, что капиталистическую экономику, разваливающуюся во всех странах мира, необходимо заменить другим экономическим строем, так как даже в национальном капитализме не остается места для справедливости».

Эти утверждения выглядят почти коммунистическими. Здесь мы имеем образчик фашистской пропаганды, которая обращается непосредственно к революционному энтузиазму промышленных рабочих с целью обмануть их. Тем не менее основной вопрос заключается в следующем: почему промышленные рабочие, выступающие в защиту национал-социализма, не заметили, что фашизм обещает дать все всем? Известно, что Гитлер вел переговоры с промышленными магнатами, получил у них финансовую поддержку и пообещал запретить забастовки. Таким образом, в силу психологической структуры среднего рабочего указанные противоречия остались без внимания, несмотря на активную разъяснительную деятельность революционных организаций в среде рабочих. В своем интервью американскому журналисту Никербокеру Гитлер заявил следующее о признании долгов частных фирм иностранным государствам:

> «Я убежден, что интернациональные банки скоро поймут, что при национал-социалистическом правительстве Германия станет надежным местом для инвестиций, причем ставка в размере трех процентов будет охотно выплачиваться по кредитам».

Если бы главная задача революционной пропаганды заключалась в том, чтобы «вывести пролетариат из заблуждения», ее невозможно было бы выполнить только с помощью таких средств, как взывание к «классовому сознанию» рабочих, постоянное разъяснение объективной экономической и политической обстановки,

а также разоблачение обмана рабочих. Первая и основная задача революционной пропаганды должна заключаться в благожелательном рассмотрении противоречий рабочих и понимании того, что суть проблемы заключается не в сокрытии и запутывании не вызывающего сомнений революционного энтузиазма, а в недостаточном развитии и смешении с противоборствующими реакционными элементами революционного импульса в психологической структуре пролетариата. Несомненно, очищение революционных чувств широких масс составляет основную задачу процесса пробуждения сознания социальной ответственности.

Во времена «спокойной» буржуазной демократии у промышленного рабочего было две основных возможности: идентификация с буржуазией, которая занимает более высокое положение в обществе, или идентификация со своим общественным классом, который формирует свой антиреакционный образ жизни. В основе реализации первой возможности лежит зависть к буржуазии, стремление подражать ей и, при возможности, усвоить ее образ жизни. Реализация второй возможности означает отказ от идеологии и образа жизни реакционера. В силу одновременного воздействия социальных и классовых норм и ценностей обе возможности представляются в равной степени убедительными. Революционное движение также не учитывало значение на первый взгляд несущественных склонностей в повседневной жизни, а порой и отрицательно отзывалось о них. Мелкобуржуазный спальный гарнитур, который «обычный человек» покупает, как только у него появляются средства (даже при всей его революционности в других отношениях); последующее угнетение жены, даже если он — коммунист; «приличный» выходной костюм; умение «правильно» танцевать и множество других «банальностей» оказывают несравнимо большее влияние при ежедневном повторении, чем тысячи революционных митингов и листовок. Если ограниченные консервативные нормы постоянно оказывают влияние, охватывая все стороны повседневной жизни, то влияние работы на предприятии и революционных листовок имеет лишь кратковременный характер. Таким образом, следует считать серьезной ошибкой стремление приспособиться к консервативным склонностям рабочих посредством устройства банкетов «как средства общения с массами». Реакционный фашизм значительно лучше в этом разбирался. Многообещающие революционные формы жизни не поощрялись. В реакционной структуре рабочих, одетых во фраки, которые были куплены их женами для «банкетов», содержится больше жизненной правды, чем в сотнях статей. Разумеется, фрак и домашняя вечеринка с пивом бы-

ли лишь внешними проявлениями процесса, протекавшего в психике рабочего, и свидетельствовали о наличии основы для восприятия национал-социалистической пропаганды. Если же фашист обещал еще и «упразднение пролетариата», тогда в большинстве случаев именно фрак, а не экономическая программа обеспечивал ему успех. Необходимо больше уделять внимания таким мелочам повседневной жизни. Социальный прогресс или регресс принимает конкретные формы на основе этих мелочей, а не политических лозунгов, вызывающих лишь временное воодушевление. Здесь мы находим поле для важной и плодотворной работы. В Германии революционная работа с массами почти полностью сводилась к пропаганде «против голода». Основа этой пропаганды, сколь бы важной она ни была, оказалась слишком ограниченной. За кулисами жизни массовых индивидов существует множество различных проблем. Например, молодого рабочего начинают одолевать сексуальные и культурные проблемы, как только ему удастся хоть немного удовлетворить чувство голода. Борьба с голодом имеет первостепенное значение, но тем не менее необходимо также выявить скрытые процессы человеческой жизни на этом дурацком спектакле, когда мы одновременно выступаем в качестве зрителей и актеров; причем сделать это нужно без колебаний и страха перед возможными последствиями.

Безусловно, стремясь усовершенствовать свои представления о жизни и сформировать естественный подход к происходящему, трудящийся обнаруживает в себе бесконечное множество творческих способностей. Решение повседневных социальных проблем нанесет сокрушительный удар по реакционной заразе, распространяющейся в массах, и ускорит победу революции. Не нужно выдвигать привычные возражения об утопичности таких предположений. Обеспечить прочный мир можно только путем пропаганды всех возможностей рабоче-демократического образа жизни, неуклонного наступления на реакционное мышление и активное взращивание семени живой культуры народных масс. Душа рабочего будет в определенной мере закрыта для революционных (т. е. разумных) процессов до тех пор, пока реакционная социальная безответственность будет господствовать над социальной ответственностью. Это еще одна причина, по которой так необходимо вести в массах психологическую работу.

Ухудшение условий ручного труда (которое является основным элементом склонности к подражанию служащим) составляет психологическую основу, на которую опирается фашизм на начальном этапе проникновения в среду рабочего класса. Фашизм обещает уп-

разднить статус пролетариата, и таким образом использует чувство социальной неполноценности работника ручного труда. Переселяясь в город, чтобы стать рабочими, крестьяне привозят с собой идеологию крестьянской семьи, которая, как уже было показано, служит наиболее благоприятной почвой для взращивания империалистической идеологии национализма. Кроме того, в рабочем движении существует идеологический процесс, которому уделялось слишком мало внимания при оценке возможностей развития революционного движения в странах с высокоразвитой промышленностью и в странах с развивающейся промышленностью.

Каутский в работе «Социальная революция» отметил, что в политическом отношении рабочий в промышленно развитой Англии менее развит, чем рабочий в промышленно неразвитой России. Политические события, происходившие в течение последних тридцати лет в различных странах мира, ясно показали, что революции чаще происходят в таких промышленно недоразвитых странах, как Китай, Мексика и Индия, чем в таких странах, как Англия, Америка и Германия. И это несмотря на существование в промышленно развитых странах прекрасно организованного движения рабочих с высокой дисциплиной и старой традицией. Если отвлечься от проблемы бюрократизации движения рабочих, которая сама по себе служит симптомом патологии, то возникает проблема исключительного укоренения консерватизма в социал-демократии и профсоюзах западных стран. С точки зрения психологии масс социал-демократия опирается на консервативные структуры своих сторонников. Как и в случае фашизма, проблема социал-демократии заключается не столько в политике партийного руководства, сколько в ее психологической опоре в среде рабочих. В этой связи мне хотелось бы привести некоторые данные, которые позволят найти ответы на некоторые вопросы.

На заре капитализма наряду с существенным различием в экономическом положении буржуазии и пролетариата существовали не менее существенные идеологические и структурные различия. Отсутствие социальной политики, изнурительный шестнадцатичасовой, а иногда и восемнадцатичасовой рабочий день, низкий уровень жизни промышленных рабочих, описанных в классической работе Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»,— все это исключало возможность структурного уподобления пролетариата буржуазии. Для пролетариата XIX века характерна покорность судьбе. В настроениях пролетариата и крестьянства царили безразличие и апатия. В связи с отсутствием буржуазного

состояние апатии не могло воспрепятствовать внезапным проявлениям революционных чувств, которые при соответствующих обстоятельствах неожиданно достигали высокой степени интенсивности. На следующих этапах развития капитализма дело обстояло несколько иначе. Рабочему движению удалось добиться таких социально-политических улучшений, как сокращение рабочего дня, особые привилегии и социальное обеспечение, но это не только привело к укреплению рабочего класса, но и вызвало появление противоположного процесса, а именно психологическое отчуждение рабочих среднему сословию. При улучшении социального положения человек «обращал свой взор вверх». В период просвещения происходит усиление процесса усвоения норм и ценностей среднего сословия, которые в последующий период экономического кризиса препятствуют полному проявлению революционных настроений.

Стойкость социал-демократии в кризисные годы свидетельствует о глубине проникновения консерватизма в среду рабочих. Поэтому такую стойкость невозможно объяснить только политическими причинами. Теперь нам необходимо понять ее основные элементы. Здесь выделяются две особенности: эмоциональная связь с фюрером, т. е. непоколебимость веры в непогрешимость политических руководителей * (несмотря на критику, которая никогда не претворялась в жизнь), и сексуально-моралистическое усвоение консерватизма мелкой буржуазии. Усвоение норм и ценностей среднего сословия находило повсеместную поддержку у верхней буржуазии. Социал-демократам следовало бы использо-

* После лейпцигского съезда в 1932 году мне довелось поговорить с рабочими социал-демократами, которые побывали на съезде в связи с политическим кризисом. Они соглашались со всеми доводами против пропагандируемого социал-демократией «пути к социализму», но в остальных отношениях почти не проводили различия между собой и коммунистами. Я спросил одного из них, почему они не отделились от своих руководителей. Ответ рабочего настолько шел вразрез с его ранее высказанным мнением, что я был ошеломлен: **«Наши руководители, безусловно, знают, что они делают»**. В этом ответе нашло однозначное выражение противоречие рабочего социал-демократа: отношение к руководству не позволяет критике его позиции воплотиться в действие. Это позволяет понять всю серьезность ошибки, совершенной при попытке привлечь на свою сторону рабочего социал-демократа, оскорбляя его руководителей. Такие оскорбления могли лишь оттолкнуть рабочего ввиду его идентификации со своими руководителями. Внутреннее разложение немецкой социал-демократии со всей очевидностью проявилось в аресте социал-демократа Северинга, который был министром внутренних дел. Арест был произведен несколькими вооруженными лицами незадолго до захвата власти Гитлером. При этом 12 батальонов социал-демократов не воспрепятствовали аресту

вать свое оружие, пока фашизм не одержал победу. Вместо этого они использовали его против революционных рабочих. Для масс, выступавших на стороне социал-демократии, у них было припасено более эффективное средство — консервативная идеология.

В период наступившего впоследствии экономического кризиса, который низвел рабочего социал-демократа до уровня «кули», его революционные настроения в своем развитии столкнулись с серьезным противодействием со стороны консервативной структуры, формировавшейся в его психологии в течение последних десятилетий. Он либо оставался в лагере социал-демократов, несмотря на критику и неприятие их политики, либо переходил в лагерь НСДАП в поисках лучшей замены. В силу глубокого противоречия между революционными и консервативными настроениями нерешительный и разочарованный в своих руководителях рабочий социал-демократ следовал по линии наименьшего сопротивления. Отказ рабочего от своих консервативных тенденций и полное осознание им своей действительной ответственности в производственном процессе, т. е. пробуждение революционного сознания, определялись только правильностью или неправильностью политики руководителей революционной партии. Поэтому с психологической точки зрения представляется справедливым утверждение коммунистов о том, что политика социал-демократов привела фашистов к власти. Отсутствие революционных организаций в сочетании с противоречием между нищетой и консервативным мышлением должно было привести к фашизму. Например, в Англии после провала политики лейбористской партии в 1930—31 гг. фашизм начал проникать в ряды рабочих, которые во время выборов 1931 года оказали поддержку не коммунистам, а правым партиям. Демократическая Скандинавия также столкнулась с угрозой аналогичного развития событий *.

Роза Люксембург полагала, что с помощью «кули» невозможно вести революционную борьбу. С какими кули мы имеем дело: с теми, кто еще не подвергся или уже подвергся консервативной структуризации? В первом случае мы имеем дело с кули, обладающими не только почти непробиваемой тупостью, но и способностью к революционной деятельности. Во втором случае мы имеем

---

* Развал правительства Норвегии в 1940 году в значительной мере был обусловлен аналогичным влиянием консерватизма социал-демократов. Например, социал-демократическое правительство запретило военным организациям проводить парады. И тем не менее в 1932 году только фашисты маршировали по улицам и проводили учения. Такой «либерализм» во многом способствовал предательству Квислинга.

дело с разочарованными кули, революционные склонности которых пробудить труднее, чем в первом случае. Как долго может фашизм использовать в своих ограниченных целях разочарование масс в социал-демократии и их «мятеж против системы»? На этот важный вопрос чрезвычайно трудно дать ответ. И тем не менее с уверенностью можно сказать, что для нанесения смертельного удара фашизму международное революционное движение должно решить эту проблему.

Глава III

РАСОВАЯ ТЕОРИЯ

СОДЕРЖАНИЕ РАСОВОЙ ТЕОРИИ

Расовая теория является теоретической осью немецкого фашизма. В фашистской идеологии экономическая программа так называемых 25 пунктов ставит своей целью только «генетическое улучшение германской расы и защиту ее от расового смешения», которое, по мнению национал-социалистов, неизменно приводит к упадку «высшей расы». Действительно, национал-социалисты убеждены, что даже культура обязана своим упадком смешению рас. В Германии и в оккупированных Германией странах использовались все доступные средства для практического осуществления этой теории в форме преследования евреев.

В основе расовой теории лежит предположение о существовании в природе «железного закона», в соответствии с которым спаривание каждого животного должно осуществляться только с представителем или представительницей своего вида. Только такие исключительные обстоятельства, как жизнь в неволе, могут привести к нарушению этого закона и расовому смешению. В этих случаях природа начинает мстить, используя все возможные средства для борьбы с такими нарушениями. Месть природы выражается в стерилизации ублюдков или ограничении рождаемости следующих поколений этих ублюдков. При каждой метизации живых существ, стоящих на различных «уровнях» развития, метис неизбежно занимает промежуточное положение между этими уровнями. Но природа стремится к созданию высших форм жизни, и поэтому метизация вступает в противоречие с основным стремлением природы. В повседневной борьбе за выживание реализуется закон естественного отбора. При этом гибнут более слабые, т. е. неполноценные в расовом отношении, существа. Этот процесс соответствует «стремлению природы», ибо улучшение породы прекратилось бы, если бы слабые, которые всегда в большинстве, могли вытеснить сильных, которые всегда в меньшинстве. Поэтому для ограничения числа слабых существ природа предусматривает для них более суровые условия жизни. С другой стороны, природа исключает возможность неразборчивого размножения остальных существ, подвергая их безжалостному отбору на основе критериев энергии и здоровья.

Далее национал-социалисты приступают к применению этого гипотетического закона природы к народам. При этом они рассуждают примерно следующим образом. Исторический опыт показывает, что «смешение арийской крови» с кровью «низших» народов неизбежно приводит к вырождению основателей цивилизации, понижению уровня расы, за которым наступает духовный и физический регресс. Таковы признаки начала «упадка». Северо-американский континент, по мнению Гитлера, будет сильным «до тех пор, пока он (немец, проживающий в Америке) не падет жертвой осквернения крови» *, т. е. до тех пор, пока его кровь не смешается с кровью негроидных народов.

«Содействовать развитию такого процесса — значит грешить против воли Всевышнего Творца» **.

Эти рассуждения, несомненно, имеют мистический характер: природа «регулирует» и «стремится» «в соответствии с разумом». Здесь мы имеем дело с логическим развитием биологической метафизики.

По мнению Гитлера, человечество следует подразделять на три расы: основатели культуры, носители культуры и разрушители культуры. Только арийскую расу можно считать основательницей культуры, ибо она «заложила основание и возвела стены храма человеческих творений». Азиатские народы, например японцы*** и китайцы, лишь переняли арийскую культуру, придав ей свою форму. Поэтому они являются носителями культуры. В то же время еврейскую расу можно отнести к разрушителям культуры. Существование «низших людей» служит основным условием создания высшей культуры. Первая культура человечества опиралась на использование низших рас. В древности для пахоты в ярмо впрягали побежденных, и лишь впоследствии для этой цели стали использовать лошадь. В качестве победителя ариец подчинял своей воле покоренные народы и управлял их деятельностью в соответствии с арийскими потребностями для осуществления

* «Майн кампф», стр. 286.
** Там же.
*** Политический иррационализм впоследствии отчетливо проявился в военном союзе высшей и низшей рас.

арийских задач. Тем не менее, по мере того как покоренные народы перенимали языки и обычаи «господ», происходило стирание ясно очерченных границ между господами и рабами, ариец утрачивал чистоту своей крови и «временное пребывание в раю». Таким образом, он утрачивал и гений своей культуры. Разумеется, мы не забыли, что Адольф Гитлер есть расцвет культуры:

> «Единственной причиной вымирания культур было смешение крови и, как следствие, снижение уровня развития расы. Ибо люди гибнут не в результате проигранных войн, а в результате ослабления силы сопротивления, присущей только чистой крови».
>
> *«Майн кампф», стр. 296*

В данном случае мы не будем подробно останавливаться на опровержении основной идеи расовой теории фашизма, поскольку оно представляется очевидным как с объективной, так и с методологической точки зрения. Она опирается на дарвиновскую теорию естественного отбора, некоторые элементы которой столь же реакционны, сколь революционно выдвинутое Дарвином доказательство происхождения видов от низших организмов. Более того, за этой идеей скрывается империалистическая цель фашистской идеологии. Ибо если арийцы — единственные основатели культуры, тогда в силу своего божественного предназначения они могут претендовать на мировое господство. Действительно, одно из основных притязаний Гитлера заключается в необходимости расширения границ Германской империи, особенно в «восточном направлении», т. е. за счет территории Советской России. Таким образом, как нетрудно убедиться, прославление империалистической войны вполне вписывается в рамки фашистской идеологии.

> «Цель, стоявшая перед нами в мировой войне, за достижение которой мы вели нечеловеческую борьбу, была самой благородной. Мы вели борьбу за свободу и независимость нашего народа, за обеспеченный кусок хлеба, за будущее и честь нации».
>
> *«Майн кампф», стр. 177*

В данном случае нас интересует только иррациональный источник вышеупомянутой идеологии, которая с объективной точки зрения соответствует устремлениям немецкого империализма. В первую очередь для нас представляют интерес существующие противоречия и несоответствия расовой теории. Сторонники расовой теории, которые для обоснования своей позиции ссылаются на биологический закон, оставляют без внимания тот факт, что племенное животноводство является артефактом. Проблема заключается не в том, испытывают ли кошка и собака «инстинктивное отвращение» к межвидовому скрещиванию, а в том, испытывают ли аналогичное отвращение колли и борзая, немец и славянин.

Теоретики расизма, столь же древнего, как и сам империализм, стремятся установить расовую чистоту народов, у которых в результате экспансии мировой экономики смешанные браки зашли настолько далеко, что расовая чистота сохранила какой-то смысл только для болвана. Мы не будем останавливаться здесь на других нелепых утверждениях. Например, будто бы в природе царит закон расового ограничения, а не противоположный закон, закон беспорядочного спаривания в рамках одного вида. В настоящем исследовании не может быть и речи о разумном содержании расовой теории, которая в своих построениях идет не от фактов к оценкам, а от оценок к искажению фактов. Бесполезно выдвигать разумные доводы против фашиста, который нарцисстически убежден в величайшем превосходстве своего германского духа только потому, что он оперирует иррациональными чувствами, а не доводами разума. Поэтому попытки доказать фашисту, что негры и итальянцы не стоят «ниже» германцев в расовом отношении, обречены на неудачу. Он ощущает, что «выше», вот и все. Расовую теорию можно опровергнуть только путем выявления ее иррациональных целей. При этом выделяются две основные цели: выражение определенных бессознательных и эмоциональных позывов, существующих в психике человека с националистической ориентацией, и утаивание определенных психических тенденций. Здесь мы рассмотрим только последнюю цель.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что Гитлер упоминает о «кровосмешении» в связи со смешанными браками между арийцами и неарийцами, тогда как под кровосмешением обычно понимаются половые связи между родственниками. Как объяснить наличие таких глупостей в «теории», которая считается фундаментом нового мира, «Третьего рейха»? Если учесть, что в конечном счете иррационально-эмоциональная основа такой теории обязана своим существованием определенным экзистенциальным факторам, и если освободиться от представления о том, что обнаружение иррациональных истоков мировоззрения, возникшего на разумной основе, вызывает необходимость переноса проблемы в сферу метафизики, тогда откроется путь к истокам самой метафизики. Нам понятны не только исторические условия, в которых возникает метафизическое мышление, но и его материальное содержание. Об этом говорят результаты нашего исследования.

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ИДЕОЛОГИИ

Отсутствие различия между объективной и субъективной функцией идеологии нередко приводит к неправильному пониманию связи идеологии с ее исторической функцией. Прежде всего не-

обходимо иметь в виду, что взгляды диктатора можно понять только с учетом экономической основы, определяющей их формирование. Вообще говоря, фашистская расовая теория и националистическая идеология имеют конкретную связь с империалистическими целями правящего класса, который стремится к разрешению трудностей экономического характера. В годы первой мировой войны немецкий и французский национализм апеллировал к «величию нации», за которым скрывались экспансионистские устремления монополистического капитала Германии и Франции. Экономические факторы составляют не сущность соответствующей идеологии, а лишь социальную почву для взращивания националистических идеологий. Короче говоря, они являются необходимым условием для возникновения таких идеологий. Сущность национализма не всегда получает социальное представительство и поэтому не соответствует расовым взглядам. В Австро-Венгрии национализм совпадал не с понятием расы, а с понятием «родины», т. е. с Австро-Венгрией. Если бы Бетман-Гольвег, призывавший в 1914 году «германский дух на борьбу со славянами», решил быть последовательным, ему пришлось бы выступить против Австрии, которая была преимущественно славянским государством. Отсюда видно, что экономические условия возникновения идеологии позволяют понять ее экономическую основу, не обеспечивая при этом непосредственный доступ к ее иррациональной сущности. Ибо иррациональной основой идеологии является характерологическая структура личности. В зависимости от конкретных экономических условий жизни общества человек воспроизводит в своей идеологии определенный экономический процесс. Создавая идеологии, человек изменяет самого себя; сущность человека необходимо искать в процессе, посредством которого он создает идеологии. Таким образом, оказывается, что идеология имеет двойную материальную основу: экономическую структуру общества и типовую структуру личностей, создающих ее, т. е. структуру, которая определяется экономической структурой общества. Отсюда ясно, что иррациональный процесс формирования идеологии придает иррациональный характер психологической структуре личности.

Фашизм характеризуется метафизическим мышлением, неортодоксальными взглядами, одержимостью абстрактными этическими идеалами и верой в божественное предназначение фюрера. Эти основные особенности связаны с более глубоким слоем, для которого характерно наличие прочной авторитарной связи с идеалом фюрера или нации. Для национал-социалистических масс

вера в «расу господ» стала основным источником связи с «фюрером» и основанием добровольного признания своей рабской покорности. Кроме того, высокая степень идентификации с фюрером привела к существенным последствиям, поскольку скрывала реальное положение человека как малозначительного представителя масс. Несмотря на вассальное положение, каждый национал-социалист ощущал себя «маленьким Гитлером». Теперь нам хотелось бы рассмотреть характерологическую основу этих психологических особенностей. Для этого необходимо выявить динамические функции, которые, при всей их детерминированности воспитанием и общей социальной атмосферой, настолько изменяют психологические структуры, что в них начинают проявляться реакционно-иррациональные тенденции, причем в силу полной идентификации с «фюрером» массы утрачивают восприимчивость к таким оскорбительным ярлыкам, как «низшие».

Если закрыть глаза на ослепительный фейерверк идеологической фразеологии, сосредоточить внимание на ее иррациональном содержании и показать воздействие такого содержания на процесс формирования идеологии, тогда сразу обратит на себя внимание отождествление стереотипов «расовое отравление» и «отравление крови». Что это это означает?

РАСОВАЯ ЧИСТОТА, ОТРАВЛЕНИЕ КРОВИ И МИСТИЦИЗМ

«...наряду с политическим и нравственным разложением народа осуществлялось не менее ужасное отравление народного организма... посредством сифилиса».

«Майн кампф», стр. 246

Основную причину разложения следует искать в проституировании любви.

«Основная причина заключается в проституировании любви. Если бы даже проституция не приводила к сифилису, то уже одних ее моральных последствий было бы достаточно, чтобы уничтожить целый народ медленно, но верно. Эта евреизация нашей духовной жизни и маммонизация полового инстинкта рано или поздно приведут к уничтожению всего нашего молодого поколения».

«Майн кампф», стр. 247

Гитлер обобщает свою точку зрения следующим образом:

«Грехи против крови и расы являются самыми страшными грехами на этом свете. Нация, которая предается этим грехам, обречена на гибель».

«Майн кампф», стр. 249

Таким образом, согласно этой точке зрения, расовое смешение приводит к кровосмешению, которое, в свою очередь, вызывает «отравление крови народного организма».

> «Наиболее очевидные последствия массового разложения (с помощью сифилиса) можно обнаружить у наших детей. В болезнях детей находят свое выражение грехи родителей. Они свидетельствуют о неудержимом разложении нашей половой жизни».
>
> *«Майн кампф», стр. 248*

«Грехи родителей» здесь могут означать только смешение с расово чуждой кровью, особенно еврейской кровью, посредством которой еврейская «всемирная зараза» проникает в «чисто арийскую кровь». Замечательно, настолько близко связана эта теория отравления крови с политическим тезисом об отравлении германского духа «всемирным евреем Карлом Марксом». Иррациональный страх перед сифилисом служит одним из основных источников возникновения политических взглядов национал-социализма и его антисемитизма. Тогда отсюда следует, что расовая чистота, т. е. чистота крови * представляет собой нечто такое, к чему надо стремиться и за что необходимо бороться всеми доступными средствами.

---

* В лондонской газете «Таймс» от 23 августа 1933 года появилось следующее сообщение: «Сын и дочь посла Соединенных Штатов в Берлине были в числе иностранцев, которые находились в Нюрнберге в воскресенье 13 августа и видели, как по улицам водили девушку с бритой головой. Ее обрезанные косы были прикреплены к плакату на ее плечах, на котором было написано: «Я предложила себя еврею».

Свидетелями этого зрелища были и другие иностранцы. Поскольку в Нюрнберге всегда находились иностранные туристы, девушку водили так, чтобы в центре города на нее смогли все посмотреть. По описанию одного из иностранных туристов, девушка была невысокой, хрупкой и миловидной, несмотря на бритую голову и ужасное состояние. Ее водили возле международных гостиниц и по главным улицам, от одного кабачка к другому. Ее сопровождали штурмовики и, по словам заслуживающего доверия свидетеля, толпа из приблизительно 2000 человек. Когда она падала, рослые коричневорубашечники поднимали ее на ноги. Иногда они приподнимали девушку над землей, чтобы стоявшие подальше зрители могли ее рассмотреть. Толпа освистывала и издевалась над ней, предлагая в насмешку произнести речь.

В Ное-Руппине, неподалеку от Берлина, девушка не встала во время исполнения песни о Хорсте Весселе. За этот проступок штурмовики водили ее по улицам города, повесив ей на шею два плаката с надписью: «Я — бессовестная тварь — осмелилась сидеть во время исполнения песни о Хорсте Весселе, издеваясь таким образом над жертвами национал-социалистической революции».

В тот же день эту девушку еще раз водили по улицам. Для того чтобы собрать большие толпы народа, в местной газете было помещено объявление о времени «спектакля».

Гитлер неоднократно подчеркивал, что говорить с массами необходимо на языке чувств и верований, а не разумных доводов, доказательств и знания. Смутное и мистическое настолько заметны в языке национал-социализма, в языке Кейзерлинга, Дриша, Розенберга и других, что анализ этой особенности, безусловно, окажется плодотворным.

Чем пленял массы мистицизм фашизма?

Ответ на этот вопрос дает анализ «доказательств», предлагаемых Розенбергом в «Мифе XX столетия» для обоснования справедливости расовой теории фашизма. Вначале Розенберг пишет:

> «В состав живого сознания еще не вошли ценности души расы, т. е. те ценности, которые являются движущими силами нового мировоззрения. И все же душа — это раса, рассматриваемая изнутри, и, наоборот, раса — это внешний мир души».

Здесь мы имеем образчик типичной национал-социалистической фразеологии, которая на первый взгляд либо ничего не означает, либо умышленно скрывает свой смысл от всех и, возможно, от самого автора. Для понимания иррационально-политического воздействия таких формулировок необходимо признать, что они оказывают существенное влияние на психологию масс. Далее Розенберг замечает:

> «Поэтому история расы является одновременно историей природы и души мистицизма. История религии крови, однако, является всемирной историей великих достижений и падений народов, их героев и мыслителей, их изобретателей и художников».

Признав реальность воздействия этих формулировок, мы приходим к пониманию смысловой тождественности таких фраз, как «борьба крови» и «интуитивный мистицизм экзистенциальных явлений». Здесь говорится не о различных явлениях, а об одном явлении, получившем различное выражение. «Борьба крови», «интуитивный мистицизм экзистенциальных явлений», «расцвет и упадок народов», «отравление крови», «всемирная еврейская зараза» — все это звенья одной цепи, которая начинается с «борьбы крови» и заканчивается кровавым террором против «еврейского материализма» Маркса и геноцидом против евреев.

Одним осмеянием такого мистицизма невозможно отстоять дело свободы. С него необходимо сорвать маску и показать его иррациональное содержание. Основное место в мистицизме занимает биоэнергетический процесс, который служит крайней формой выражения идеологии реакционной сексуальности с иррациональных и мистических позиций. Вера в «душу» и ее «чистоту» является верой в сексуальность, «сексуальную чистоту». В принципе, она

служит симптомом сексуального вытеснения и сексуальной робости, причиной возникновения которых является патриархально-авторитарное общество.

«Схватка между кровью и окружающей средой, между кровью и кровью,— вот последняя, достижимая для нас реальность, за которой не осталось места для поисков и исследований»,— утверждает Розенберг. Он заблуждается. Мы настолько нескромны, что собираемся исследовать и, отбросив сентиментальность, обнажить живой процесс «между кровью и кровью». Более того, мы собираемся уничтожить столп национал-социалистической веры.

Мы позволим самому Розенбергу доказать, что суть фашистской расовой теории заключается в смертельном страхе перед естественной сексуальностью и ее оргазмической функцией. На примере древних греков Розенберг стремится доказать обоснованность утверждения о том, что в основе возникновения и упадка народов лежит расовое смешение и «отравление крови». Согласно его теории греки изначально воплощали в себе чистоту нордической расы. Боги Зевс и Аполлон и богиня Афина были «символами искреннего благочестия», защитниками «благородного и радостного», «хранителями и учителями порядка, внутренней гармонии и художественных ценностей». Гомер, по утверждению Розенберга, не испытывал ни малейшего интереса к «экстатическому». Об Афине он пишет, что она была

> «...символом разящей молнии, мудрой и вдумчивой девой, возникшей из головы Зевса: защитницей эллинов и надежным щитом в их битвах.
>
> Эти возвышенные творения греческой души свидетельствуют о безграничной чистоте внутренней жизни нордического народа; в высшем смысле они служат выражением религиозной веры и доверия к своему народу».

Далее эти боги, символизирующие чистоту, возвышенность и религиозность, противопоставляются богам ближневосточных народов:

> «Если греческие боги являются героями света и неба, то боги неарийских, ближневосточных народов наделены земными достоинствами».

Розенберг утверждает, что Гермес и Деметра были органическим продуктом «души этих рас». Дионис, бог экстаза, чувственного наслаждения и необузданного менадизма означал «вторжение чуждой расы этрусков и знаменовал начало упадка эллинизма».

Стремясь обосновать свой тезис о душе расы, Розенберг произвольно подразделяет богов на две группы. Богов, олицетворяю-

щих «позитивный» процесс в развитии эллинской культуры, он называет греческим. Других богов, также возникших в рамках эллинизма, он называет чужеземными. Вину за наше неправильное понимание греческой истории Розенберг возлагает на исторические исследования, в которых содержится «расовая фальсификация и ошибочная интерпретация эллинизма.

> «Благоговение и трепет охватывали великих немецких романтиков при созерцании мрачных покровов, скрывавших от их взора сияющих небесных богов. Погружаясь в бездны инстинктивного, аморфного, демонического, сексуального, экстатического, хтонического, они приходили к почитанию **матери** (выделено автором). И все это до сих пор считалось характерным для греков».

Во всех видах идеалистической философии отсутствует исследование условий, благодаря которым в определенные культурные эпохи проявляется «экстатическое» и «инстинктивное» начало. Вместо этого представители идеалистической философии стремятся дать абстрактную оценку этим явлениям с точки зрения культуры, столь высоко вознесшейся над «земным» (естественным), что результат оказывается ничтожным. Мы также попытаемся дать оценку указанным явлениям, однако в своей оценке мы будем исходить из условий социального процесса, которые свидетельствуют об «упадке» культуры. Такой подход позволяет определить движущие и тормозящие силы, понять феномен упадка как историческое событие, а также отыскать семя новой культуры и помочь его росту. Когда Розенберг — ввиду упадка авторитарной культуры XX столетия — напоминает нам о судьбе греков, он становится на сторону консервативных исторических тенденций вопреки своим торжественным заявлениям о «возрождении» германского духа. Если нам удастся понять точку зрения политической реакции, мы значительно продвинемся в исследовании подходов к культурной революции и ее сексуально-энергетической основы. Для реакционного философа существуют только две возможности: покорность и скептицизм либо поворот истории вспять с помощью «революционных» средств. Но если при смещении фокуса культурной перспективы приходит понимание, что крушение древней культуры означает падение не культуры вообще, а лишь культуры определенной, а именно авторитарной, тогда происходит изменение оценки элементов культуры, которые прежде рассматривались как положительные или отрицательные. При этом становится понятным, что старая форма культуры «ведет борьбу» с новой, основанной на подлинной свободе формой. Проблема в основном заключается в понимании революционного подхода к явлениям, которые рассматриваются политической реакцией как признаки

упадка. В этой связи представляется симптоматичным, что политическая реакция отстаивает в этнологии теорию патриархата, тогда как новаторы отдают предпочтение теории матриархата. Наряду с объективными историческими факторами, в двух противоположных социологических течениях действуют факторы, соответствующие ранее неизвестным процессам сексуальной энергетики. Матриархат, существование которого было доказано историками, соответствует не только структуре естественной рабочей демократии, но и обществу, основанному на естественной сексуальной энергетике *.

С другой стороны, патриархат имеет авторитарную экономику и его сексуально-энергетическая структура характеризуется катастрофичностью.

Отказавшись от научных исследований, церковь продолжала пропагандировать метафизическую доктрину «нравственной природы» человека, его склонности к моногамии и т. д. По этой причине результаты исследований Бахофена поставили под угрозу существование традиции. Замечательным в матриархате представляется не столько существование совершенно иной системы кровного родства, сколько связанный с ней механизм естественной саморегуляции сексуальности. Морган и Энгельс признавали, что при матриархате не существовало частной собственности на общественные средства производства. В качестве фашистского идеолога Розенберг был вынужден отрицать, что древнегреческая культура ведет свое происхождение от матриархата (доказанный факт), и отстаивать гипотезу, согласно которой «на этом (дионисийском) этапе греки переняли особенности, чуждые их культуре как в физическом, так и в духовном отношении».

В отличие от христианской идеологии (как мы увидим в дальнейшем) фашистская идеология отделяет оргастическое стремление человека от психологической структуры личности, возникающей в условиях авторитарного патриархата, и соотносит ее с различными расами: нордическое отождествляется со светлым, величественным, небесным, асексуальным, чистым, тогда как «ближневосточное» отождествляется с инстинктивным, демоническим, сексуальным, экстатическим, оргастическим. Этим объясняется, почему «интуитивные и романтические» исследования Бахофена были отвергнуты на том основании, что в них содер-

* См. Морган, «Первобытное общество»; Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства»; Малиновский, «Половая жизнь дикарей»; Райх, «Вторжение сексуальной морали».

[illegible] теория «вымышленной» жизни древних греков. В фашистской расовой теории оргазмическая тревога человека, подчиненного авторитету, абсолютизируется, закрепляется в качестве «чистого» и противопоставляется животному и оргастическому. Таким образом, «все греческое» и «все расовое» превращается в эманацию всего чистого» и «асексуального», причем «все расово чуждое, «антрусское» связывается со «всем животным» и поэтому «низшим». Эти рассуждения приводят к выводу о том, что патриархат является источником истории арийцев:

> «Первая великая битва между расовыми ценностями состоялась на греческой земле; исход битвы был решен в пользу нордического характера. С этого момента подход человека к жизни стал определяться дневным светом, самой жизнью. Все, что мы называем греческой культурой и нашим великим наследием античности, возникло благодаря закону света и неба, духу и природе отца».

Авторитарно-патриархальный сексуальный уклад, возникший в результате революционных процессов позднего матриархата (экономическая независимость семьи вождя от материнских родов, рост обмена товарами между племенами, развитие средств производства и т. д.), превращается в основу авторитарной идеологии, лишая женщин, детей и подростков сексуальной свободы, превращая секс в товар и ставя сексуальные склонности на службу экономическому подчинению. С этого момента сексуальность [illegible] подвергается искажению; она превращается в нечто дьявольское, демоническое, и поэтому должна быть обуздана. В соответствии с патриархальными требованиями невинная чувственность матриархата приобретает вид похотливой разнузданности сына нрава. Дионисийское начало превращается в «греховное томление», которое в патриархальной культуре воспринимается как нечто хаотичное и «грязное». Сексуальные отношения приобретают искаженный, похотливый характер, и патриархальный человек вскоре попадает в оковы идеологии, в которой сексуальное и грязное, сексуальное и вульгарное или демоническое ассоциируются как нераздельные.

Эта оценка, однако, имеет рациональное обоснование.

В условиях навязанной целомудренности поведение женщин, под давлением их сексуальных потребностей, утрачивает целомудрие. Вместо естественной оргастической чувственности у мужчин появляется сексуальная грубость, а у женщин — восприятие полового акта как чего-то непристойного. Разумеется, внебрачным связям так и не был положен конец. При смене оценок и упразднении установлений, которые защищали и санкционировали ес-

тественную чувственность в матриархальном обществе, она вступает в конфликт с официальной моралью и вынуждена вести скрытное существование. Изменение отношения общества к половым связям также влечет за собой изменение внутреннего восприятия сексуальности. Конфликт между естественной и «высокой» моралью препятствует реализации способности индивидуума к удовлетворению своих потребностей. Связанное с сексуальностью чувство вины нарушает естественный оргастический процесс сексуального слияния, ставя препятствия на пути сексуальной энергии, которая впоследствии находит иные пути для своего проявления. Неврозы, сексуальные аберрации и антисоциальная сексуальность становятся распространенными социальными явлениями. Детская и подростковая сексуальность, получавшая положительную оценку в рабочей демократии подлинного матриархата, становится жертвой систематического подавления, которое лишь проявляется в различных формах. Со временем эта искаженная, огрубленная и проституированная сексуальность выступает на защиту идеологии, которой она обязана своим возникновением. Теперь те, кто отрицает существование сексуальности, получают право указывать на нее как на нечто грубое и непристойное. При этом они просто не обращают внимание на тот факт, что эта непристойная сексуальность является не естественной, а всего лишь патриархальной сексуальностью. Эта оценка справедлива не только для вульгарных убеждений, но и для сексологии современного капиталистического патриархата. Таким образом, сексуальность обрекается на полное бесплодие.

В дальнейшем мы увидим, каким образом религиозный мистицизм превращается в организационный центр вышеупомянутых оценок и идеологий. А пока нам необходимо иметь в виду, что религиозный мистицизм вообще отвергает сексуально-энергетический принцип и осуждает сексуальность как греховное явление в жизни человечества, от которого нас может освободить только грядущее. С другой стороны, националистический фашизм относит сладострастие к достоинствам «чуждой расы», низведя ее таким образом до низшего уровня. С этого момента умаление достоинства «чуждой расы» становится частью современного патриархального империализма.

В христианской мифологии бог никогда не появляется без своего двойника, дьявола, «бога преисподней», и победа небесного бога над инфернальным богом становится символом возвышения человека. Эта конфронтация изображалась в греческой мифологии в виде борьбы между оргастической биосексуальностью и стремле-

нием к чистоте. Для отвлеченного моралиста и склонного к мистике философа эта конфронтация выглядит как борьба двух сущностей или «человеческих идей», одна из которых изначально считается вульгарной, а другая — «подлинно человеческой» или «сверхчеловеческой». Тем не менее, установив основной источник «борьбы сущностей» и связанных с ними оценок, определив их место в социологической структуре и установив значение сексуальности как исторического фактора, мы сможем оценить по достоинству следующие данные: в процессе развития от матриархального к патриархальному укладу каждое племя изменяет свои сексуальные отношения среди своих членов, формируя определенную сексуальность в соответствии с новой формой жизни. Такое изменение вызвано тем, что переход власти и материальных ценностей от демократических родов к авторитарной семье вождя осуществляется в основном с помощью подавления сексуальных стремлений народа. Таким образом, сексуальное подавление превращается в существенный фактор разделения общества на классы.

Брак (и связанное с ним законное приданое) становится осью преобразования одной формы уклада в другую *. Поскольку свадебная дань, поступающая от родственников жены в семью мужа, укрепляет власть мужчины (особенно власть вождя), тогда у мужчин родов и семей, занимающих высокое иерархическое положение, возникает стремление закрепить брачные узы на постоянной основе. На этом этапе только мужчина заинтересован в браке. Таким образом, простой союз в рамках естественной рабочей демократии, который можно было без труда расторгнуть в любое время, превращается в долговременную моногамную брачную связь в рамках патриархата. Долговременный моногамный брак стал основным институтом патриархального общества и таковым остается по сей день. Для защиты таких браков, однако, понадобилось обесценить естественные генитальные стремления, налагая на них все более жесткие ограничения. Это относится не только к «низшему» сословию, степень эксплуатации которого постоянно возрастала. В углубляющийся конфликт вынуждены были теперь включиться сословия, которым был неведом раскол между моралью и сексуальностью. Но не следует полагать, что обязательная мораль такого рода оказывала только внешнее воздействие. В полной мере сила ее воздействия начинала ощущаться только по-

* Доказательство этого положения можно найти в моей книге «Вторжение сексуальной морали».

сле закрепления морали, т. е. после превращения ее в сексуальный запрет, укоренившийся в психологической структуре. На различных этапах этого процесса доминируют различные аспекты конфликта. Так, на первых этапах преобладает сексуальная потребность, а в дальнейшем начинают доминировать обязательные моральные запреты. В период политических сдвигов во всей социальной структуре конфликт между сексуальностью и обязательной моралью неизбежно достигает высшей точки. Одни рассматривают такое положение как вырождение морали, другие усматривают здесь «сексуальную революцию». Во всяком случае победу естественной сексуальности расценивают как «вырождение культуры». Эта победа воспринимается как «вырождение» лишь потому, что она угрожает существованию обязательной морали. С объективной точки зрения разваливается только система сексуальной диктатуры, т. е. система, призванная сохранять в индивидууме обязательные моральные ценности в интересах авторитарного брака и семьи. У древних греков, чья письменная история начинается только после полного развития патриархата, мы находим следующую структуру сексуальности: главенство мужчин, гетеры для высших сословий и проститутки для средних и низших сословий; при этом жены влачат рабское существование, выполняя роль только детородных машин. Во времена Платона мужское главенство приобретает исключительно гомосексуальный характер *.

Сексуально-энергетические противоречия возникли в современной Греции, когда политика и экономика греческого государства находились в упадке. С точки зрения фашиста Розенберга, в дионисийскую эпоху происходит смешение и, как результат этого, гибель «хтонического» и «аполлонистического». Фаллос, по мнению Розенберга, становится символом восприятия мира в Греции. Поэтому возвращение естественной сексуальности воспринимается фашистами как признак упадка, похотливости, распутства и безнравственности. Однако это нельзя назвать лишь плодом фашистской фантазии; возвращение естественной сексуальности соответствует реальной ситуации, возникшей в результате вопиющего противоречия, заключенного в образе жизни людей в эту эпоху. «Дионисийские праздники» соответствуют маскарадам и балам, устраиваемым нашими реакционными сословиями. Тем не менее необходимо знать, что именно происходит на таких праздниках, чтобы не пасть жертвой распространенного заблуждения, когда в

* Этот принцип определяет фашистскую идеологию мужских групп в нацистском руководстве (Блюхер, Рем и др.).

дионисийском» событии видят воплощение сексуального опыта. Нигде столь великолепно, как на этих праздниках, не обнажаются глубинные противоречия между распутными сексуальными стремлениями и подточенной моралью способностью к переживанию. «*Дионисов закон безграничного удовлетворения половых наслаждений означает беспрепятственное расовое смешение между греками и азиатами всех племен и мастей*» (Розенберг. «Миф XX столетия»). Подумайте только, что в 4000 году какой-нибудь историк станет изображать сексуальные праздники XX столетия в виде беспрепятственного смешения немцев с неграми и евреями всех племен и мастей»!

Во всем этом ясно проглядывает смысл идеи борьбы против расового смешения. Она заключается в защите от дионисийского начала, коренящегося в экономической заинтересованности в сохранении обязательного брака в условиях патриархального общества. Поэтому даже в мифе о Ясоне обязательный брак изображен как оплот борьбы против гетеризма.

Гетеры — это женщины, которые отказываются впрячься в ярмо обязательного брака и отстаивают право распоряжаться своей половой жизнью. Это требование, однако, приводит к конфликту с полученным в детстве воспитанием, которое лишает организм сексуальной восприимчивости.

Поэтому, чтобы спастись от своего лесбиянства, гетера бросается из одного приключения в другое либо ведет неуравновешенный, лишенный организующего центра образ жизни. Гетеризм дополняется мужским гомосексуализмом. В силу обязательности супружеской жизни мужчины убегают к гетерам и сладострастницам, чтобы восстановить свою сексуальную восприимчивость. Этим объясняется неизбежность сходства между сексуальной обстановкой платонической эпохи и сексуальной структурой фашизма, которые заявляют о необходимости самой жесткой формы патриархата и фактически возрождают в рамках семьи сексуальный образ жизни времен Платона, т. е. «чистоту» в идеологии, а в действительности распад и патологию. Розенберг и Блюхер расценивают государство только как мужское государство, созданное на гомосексуальной основе. Любопытно наблюдать, как на основе этой идеологии возникает мнение о никчемности демократии. Платон отвергается потому, что он выступал в качестве пропагандиста равенства всех людей, «глашатая демократического телятника, общества товаров и женщин». Эта идея внутренней связи общества товаров и женщин» играет основную роль в антиреволюционной борьбе. Демократизация правления римских

патрициев, при котором вплоть до пятого столетия триста аристократических семей избирали триста сенаторов, началась с пятого столетия, когда были разрешены смешанные браки между патрициями и плебеями, а это привело к «вырождению расы». Таким образом, даже демократизация политической системы интерпретируется как признак расового упадка. Здесь обнаруживается реакционный характер теории, так как теперь половые связи между греками и римлянами, принадлежащими к различным классам, рассматриваются как губительное для расы смешение. Представители угнетенных классов приравниваются к представителям чуждой расы. В другом месте Розенберг характеризует движение рабочих как *«восхождение асфальтового человечества больших городов, заполненных отбросами азиатчины»*. **Таким образом, за идеей смешения с чуждыми расами кроется идея половых связей с представителями угнетенного класса.** На более глубоком уровне существует стремление политической реакции установить различия, которые представляются строгими с точки зрения сексуальной морали, но одновременно и совершенно несуществимыми в силу сексуальных ограничений, налагаемых на женщин среднего сословия. В то же время половые связи между различными классами влекут за собой разрушение классового господства, обеспечивая таким образом возможность «демократизации», или, другими словами, пролетаризации, «аристократической» молодежи. При этом у низших сословий каждого общественного строя формируются сексуальные представления и привычки, которые создают серьезную угрозу для правителей любого авторитарного строя *.

Если окажется, что в основе идеи расового смешения лежит идея смешения представителей правящего и угнетаемого классов, тогда мы получим ключ к решению проблемы роли сексуального подавления в классовом обществе. В этой связи можно выделить несколько моментов. Известно, например, что материальное угнетение связано только с низшими сословиями, но это не относится к сексуальному подавлению. Связи между сексуальным подавлением и классовым обществом значительно сложнее. Здесь необходимо выделить два момента.

1. Поскольку причиной сексуального подавления является экономическая заинтересованность в браке и закон о наследовании, оно начинается в пределах самого правящего класса. Вначале требования морали (и целомудрия) строго применяются к женщи-

* См. оценку «нечистой касты» в патриархальном обществе Индии.

ины правящего класса. Она предназначена для защиты ценностей, приобретенных путем эксплуатации низших классов.

2. На ранних стадиях капитализма и в больших феодальных обществах Азии правящий класс еще не заинтересован в сексуальном подавлении порабощенных классов. Сексуально-моральные запреты начинают действовать, когда материально угнетенные классы начинают организованную борьбу за социально-политические улучшения и повышение культурного уровня широких слоев масс. Только тогда правящая каста начинает проявлять интерес к «морали» угнетаемых классов. Таким образом, одновременно с возникновением организованного рабочего класса начинается противоположный процесс, а именно процесс идеологического уподобления правящему классу.

В процессе идеологического уподобления правящему классу рабочие не отказываются от своих сексуальных привычек; они продолжают существовать наряду с моралистическими идеологиями, которые в дальнейшем начинают укреплять свои позиции. Это приводит к возникновению в структуре личности вышеупомянутого противоречия между реакционными и свободолюбивыми тенденциями. Исторически возникновение этого противоречия в психологической структуре масс совпадает с ослаблением феодального абсолютизма благодаря развитию буржуазной демократии. Безусловно, при этом изменилась лишь форма эксплуатации. Но это изменение повлекло за собой определенное изменение характерологической структуры масс. Этим обстоятельствам Розенберг дает мистическое толкование, когда пишет, что предвечный бог земли Посейдон, отвергнутый богиней асексуальности Афиной, властвует в облике змея в подземелье ее храма подобно тому, как в подземелье храма Аполлона в Дельфах властвует «пелазгический дракон Пифон». «Однако нордический Тесей не везде уничтожил азиатских тварей; стоит арийской крови задремать, как вновь появляется чужеземное чудовище — азиатская ублюдочность и физическое здоровье восточного человека».

Ясно, что здесь подразумевается под «физическим здоровьем». Оно представляет собой пережиток сексуальной спонтанности, которая отличает угнетенные классы от правящего класса. Эта спонтанность постепенно ослабевала в процессе «демократизации», но полностью так и не была утрачена. С психологической точки зрения змей Посейдон и дракон Пифон олицетворяют генитальную чувственность, символизируемую фаллосом. Феодальная аристократия, непосредственно заинтересованная в отказе от естественной сексуальности (как, например, в Японии), ощущает угрозу

своему существованию со стороны стихийности сексуальных привычек угнетаемых классов еще и потому, что она не только не покорила чувственность, но, напротив, видит, как извращенная чувственность вновь проявляется в среде ее собственного класса. Таким образом, сексуальные привычки масс представляют для правящего класса не только психологическую, но и социальную опасность, причем правящий класс ощущает угрозу существованию его института семьи. До тех пор, пока правящие касты будут сохранять политическую и экономическую власть, они без труда будут сохранять свою полную сексуально-моральную отъединенность от масс. Примером тому может быть английская буржуазия середины XIX столетия. В периоды потрясения основ власти правящего класса и особенно во время острого кризиса (как, например, кризис, возникший в начале XX столетия в центральной Европе и Англии) происходит ослабление моральных ограничений на сексуальность в среде самого правящего класса. Распад сексуального морализма начинается с искоренения семейных уз. Вначале, при наличии полной идентификации с крупной буржуазией и ее моралью, различные группы мелкой и средней буржуазии становятся настоящими поборниками официальной, надежно защищенной антисексуальной морали. При проявлении признаков развала мелкобуржуазной экономики естественная сексуальность неизбежно создает определенную угрозу дальнейшему существованию сексуальных установлений. Поскольку мелкая буржуазия служит главной опорой авторитарного строя, этот строй придает особое значение своей «морали» и «сохранению чистоты», несмотря на «влияние низших рас». Любой диктатор столкнется с серьезной опасностью, если моралистическое отношение мелкой буржуазии к сексу ослабеет до такой степени, что она утратит промежуточное положение между промышленными рабочими и крупной буржуазией. Ибо в среде мелкой буржуазии также таится «дракон Пифон», всегда готовый разбить свои оковы, а следовательно, и реакционные тенденции. Поэтому во время кризиса диктатура всегда усиливает пропаганду «морали» и «укрепления брачных и семейных уз». Это объясняется тем, что авторитарная семья служит мостиком между жалким социальным положением мелкой буржуазии и реакционной идеологией. В случае разрушения основ буржуазной семьи в результате экономических кризисов, пролетаризации среднего класса и войн под угрозой оказывается существование и авторитарной системы, столь прочно укоренившейся в психологической структуре масс.

Эту проблему необходимо рассмотреть подробнее. Мы вынуждены согласиться с Ленгом, национал-социалистом, биологом, сторонником расовой теории из Мюнхена, который утверждал, что авторитарная семья является стержнем культурной политики. Он сделал это заявление в 1932 году на заседании национал-социалистического общества «Дойчер штаат». Поскольку подобные заявления имеют далеко идущие последствия, мы можем добавить, что авторитарная семья является стержнем как реакционной, так и революционной политики в области культуры.

Глава IV

СИМВОЛИЗМ СВАСТИКИ

Мы убедились, что фашизм следует рассматривать как проблему масс, а не как проблему Гитлера или политики национал-социалистической партии. Мы показали, почему обнищавшие массы народа столь бурно обратились к архиреакционной партии. Для того чтобы в данном исследовании постепенно подойти к практическим выводам для реализации сексуальной политики, нам в первую очередь необходимо обратить внимание на символы, использованные фашистами для сковывания сравнительно незаторможенных психологических структур масс. У фашистов отсутствовало понимание используемого ими метода.

Национал-социалистам понадобилось немного времени, чтобы сплотить в штурмовые отряды (СА) рабочих, которые в своем большинстве были безработными либо очень молодыми. Следует отметить, что эти рабочие в значительной степени были революционно настроены и все еще придерживались авторитарных взглядов. Поэтому национал-социалистическая пропаганда была противоречивой и определялась тем классом, к которому она была адресована. Только в одном она была ясной и последовательной — в манипулировании мистическими чувствами масс. В беседах со сторонниками национал-социалистической партии, особенно с членами штурмовых отрядов, со всей очевидностью было установлено, что революционная фразеология национал-социализма играла решающую роль в деле привлечения масс на свою сторону. Один из моих собеседников узнал от национал-социалистов, что Гитлер не представляет интересы капитала. Другой собеседник слышал, как штурмовики предупреждали Гитлера, что он не должен предавать дело «революции». Третий собеседник узнал от штурмовиков, что Гитлер — это немецкий Ленин. Из лагеря социал-демократии и центристских либеральных партий на сторону национал-социализма переходили революционно настроенные люди. Накануне перехода для большинства из них были характерны

либо аполитичность, либо политическая неопределенность. Те, кто перешел на сторону национал-социализма из коммунистической партии, были нередко революционно настроены, но совершенно не могли разобраться в противоречивых политических лозунгах немецкой коммунистической партии. На некоторых из них произвели большое впечатление внешние атрибуты гитлеровской партии, ее военный характер, безапелляционность и другие особенности.

Прежде всего необходимо обратить внимание на символику флага, который выделялся среди остальных символов, используемых в целях пропаганды.

«Мы — армия свастики —
Поднимем выше красные стяги.
Проложим для немецкого рабочего
Путь к свободе».

По своему эмоциональному содержанию этот текст, несомненно, революционен. Национал-социалисты сознательно использовали революционные мелодии, под которые они распевали реакционные стихи. В гитлеровских газетах публиковались сотни политических формул, построенных в этом духе. Например:

«Политическая буржуазия скоро сойдет с исторической сцены. Для выполнения своей исторической миссии на сцену теперь выходит угнетенный класс, труженики с нахмуренными лицами и сжатыми кулаками, рабочий класс».

Здесь явственно слышится отзвук коммунистической пропаганды. Революционный характер национал-социалистических масс отчетливо проступает в продуманной композиции флага, о котором Гитлер пишет следующее:

«Для нас, национал-социалистов, наш флаг олицетворяет программу наших действий. Красный цвет олицетворяет социальные идеи нашего движения. Белый цвет — идею национализма. В свастике заложена идея борьбы за победу арийцев и творческого труда, который всегда был и будет антисемитским».

«Майн кампф», стр.496

Красное и белое наводят на размышление о противоречивости психологической структуры личности. Что остается неясным, так это роль свастики в эмоциональной жизни. Чем объясняется притягательность этого символа для мистических чувств? Гитлер утверждал, что свастика служит символом антисемитизма. Но свастика приобрела это значение значительно позже и поэтому вопрос иррационального содержания антисемитизма пока остается открытым. Неправильное толкование естественной сексуальности как чего-то «непристойного и плотского» помогает понять ирраци-

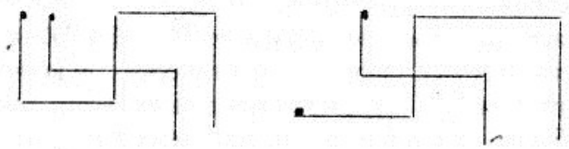
ональное содержание расовой теории. В этом отношении представляется характерным, что в сознании фашиста отсутствует различие между евреем и негром. Это относится и к американскому фашизму. В Америке расовая борьба с неграми идет преимущественно в сфере защиты сексуальных интересов. На негров смотрят как на похотливых скотов, насилующих белых женщин. В связи с оккупацией французскими войсками, среди которых было много негров, земли Рейна Гитлер писал:

«Только во Франции сейчас существует внутреннее **единство** стремлений контролируемой евреями фондовой биржи и государственных деятелей с шовинистическими убеждениями. Но в этом единстве заключена огромная опасность для Германии, и поэтому Франция остается самым страшным нашим врагом. **Благодаря нарастающему притоку негритянской крови и общему с евреями стремлению к мировому господству французы создают постоянную угрозу существованию белой расы в Европе.** Ибо стремление наводнить Европейский континент ублюдками, привезя негров на берега Рейна, вполне согласуется как с извращенной садистской жаждой мести нашего традиционного врага, так и с хладнокровными расчетами евреев. Заражая народ кровью низшей расы, они надеются подорвать основы независимого существования белой расы в центре Европы».

«Майн кампф», стр.624

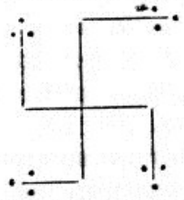
Нам постоянно нужно обращать пристальное внимание на то, что именно говорят фашисты. Это отнюдь не вздор. Теперь мы лучше понимаем эмоциональное содержание этой концепции, которая, в сочетании с теорией отравления нации, производит впечатление одержимости манией преследования. Свастика также обладает содержанием, способным затронуть глубинные эмоции личности, но совершенно иным образом, чем мог бы представить себе Гитлер.

Прежде всего следует отметить, что свастика существовала и у семитов. Так, например, она была найдена в Миртовом дворе Альгамбры в Гранаде. Была обнаружена она Гертой Гейнрих и в развалинах синагоги Эдд-Дикке на Генисаретском озере. В этом случае она выглядела следующим образом *:



* Herta Heinrich, «Hakenkreuz, Vierklee und Grandtapfel» (Zeitscrift fuer Sexualwissenschalf, 1930, p. 42).

Свастику нередко находят вместе с фасеткой. В этом случае свастика является символом мужского принципа, а фасетка — женского. Перси Гарднер нашел свастику в Греции, где она называлась хемерой и служила символом солнца, олицетворяя мужской принцип. Левенталь приводит описание свастики XIV века, изображение которой он обнаружил на напрестольной пелене (Maria Zur Wiese in Soest). Она украшена вульвой и двойным крестом. В этом случае свастика, по-видимому, символизирует грозовое небо, а фасетка — плодородную землю. Смигорский обнаружил индийский вариант свастики в виде молнии с четырьмя ветвями, причем возле конца каждой ветви помещались три точки *:



Лихтенберг нашел свастики с черепами вместо трех точек. Таким образом, свастика изначально была сексуальным символом. Со временем она принимала различные значения, в том числе и значение мельничного колеса, которое символизировало труд. С эмоциональной точки зрения труд и сексуальность были первоначально тождественны. Это позволяет нам понять надпись на свастике, обнаруженной Билмансом и Пенгеротсом на митре святого Фомы Бекетского, которая восходит к индо-германским временам:

«Приветствую тебя, о Мать людей. Расцветай в объятиях Бога. Изобилуй плодами на благо людей».

Здесь плодородие олицетворяется половым актом Матери-Земли и Бога-Отца. Как утверждает Зеленин, древнеиндийские лексикографы называли самца и самку свастиками. Другими словами, крючкообразный крест символизирует половой инстинкт.

Если мы теперь обратимся к свастикам, изображенным на предыдущей странице, то увидим схематическое, но легко узнаваемое изображение двух соединенных человеческих фигур. Свастика, расположенная слева, изображает половой акт в положении лежа, а свастика, расположенная справа — половой акт в положении стоя. Отсюда видно, что свастика символизирует основную функцию жизненного процесса.

* John Löwenthal, «Zur Hakenkreuzsymbolik» (Zeitschrift fuer Sexualwissenschaft, 1930, p. 44).

Воздействие свастики на бессознательную эмоциональность личности не объясняет успех массовой пропаганды фашизма, но, безусловно, способствует ему. Произвольное тестирование мужчин и женщин, различающихся по возрасту и социальному положению, показывает, что, посмотрев некоторое время на свастику, большинство людей раньше или позже приходят к интуитивному пониманию ее значения. Поэтому можно предположить, что свастика, изображающая две соединенные фигуры, оказывает мощное воздействие на глубинные слои психики, причем сила ее воздействия определяется степенью неудовлетворенности и интенсивностью полового влечения личности. Восприятие свастики существенно облегчается, когда ее представляют как эмблему честности и верности. Таким образом, учитываются защитные стремления моралистического эго. Однако не следует полагать, что, раскрывая сексуальное значение свастики, мы стремимся преуменьшить степень его воздействия. Во-первых, мы, безусловно, не собираемся уменьшать ценность полового акта, а во-вторых, в своей деятельности мы можем столкнуться с сильным противодействием со стороны моралистического лицемерия. Сексуально-энергетическая психология имеет в виду нечто иное.

Глава V

СЕКСУАЛЬНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АВТОРИТАРНОЙ СЕМЬИ

Поскольку авторитарное общество воспроизводит себя в индивидуальных структурах масс с помощью авторитарной семьи, отсюда следует, что политическая реакция должна рассматривать и защищать авторитарную семью как основу существования «государства, культуры и цивилизации». В своей пропаганде реакционные политики могут рассчитывать на глубинные иррациональные факторы психологии масс. При этом они опасаются открыто заявлять о своих истинных намерениях, так как трудно предположить, что у большинства немцев нашел бы отклик, скажем, лозунг, призывающий к «завоеванию всего мира». Поскольку политическая пропаганда ставит своей целью психологическое воздействие на массы, сфера ее деятельности охватывает психологические структуры личности, а не экономические процессы. Это соображение предписывает необходимость применения определенного подхода, и поэтому неприменение такого подхода может привести к ошибкам в области массовой психологии. Следовательно, революционная сексуальная политика не может обходиться одной лишь констатацией существования объективной основы авторитарной семьи. Для оказания определенного воздействия на психологию масс она должна апеллировать к страстному желанию человека обрести счастье в жизни и любви.

С точки зрения общественного развития семью следует рассматривать не как основу авторитарного государства, а лишь в качестве одного из важнейших институтов, на которые опирается государство. И тем не менее мы будем рассматривать семью как **клетку зародыша политической реакции**, важнейший центр производства реакционеров (мужчин и женщин). Благодаря возникновению и развитию на основе определенных общественных процессов семья превращается в важнейший институт для сохранения авторитарной системы, которая формирует ее. В этом отношении

до сих пор сохраняют силу результаты исследований Моргана и Энгельса. Однако нас не интересуют исторические аспекты возникновения и развития семьи. В настоящее время нам представляется важной проблема создания методов эффективной борьбы сексуальной энергетики с реакционной политикой в области сексуальности и культуры, в которой авторитарная семья играет решающую роль. Подробный анализ основы авторитарной семьи и результатов её воздействия имеет огромное значение еще и потому, что даже в революционных кругах отсутствует ясность по этому вопросу.

Для создания эффективной системы сексуально-энергетической гигиены на массовой основе необходимо подробно рассмотреть одно из противоречий, заключенных в существовании авторитарной семьи.

Наряду с экономической зависимостью жены и детей от мужа и отца институт авторитарной семьи нуждается в дополнительных факторах для своего существования. Угнетенные сословия в состоянии выносить эту зависимость только при условии максимального блокирования пробуждения у женщин и детей сознания своей сексуальной природы. **Жена должна играть роль не только роженицы, но и сексуального существа.** В принципе, идеализация и обожествление материнства, которые находятся в вопиющем противоречии с тем жестоким обращением, которому подвергаются матери в среде трудящихся, позволяют блокировать у женщин проявление сексуального сознания, подавляя сексуальные инстинты и поддерживая существование сексуальной тревоги и чувства сексуальной вины. **Признание прав сексуально пробужденных женщин неизбежно приведет к полному крушению авторитарной идеологии.** Консервативные реформаторы в области сексуальности неизменно допускают ошибку, выдвигая лозунг, гласящий: «Каждая женщина имеет право распоряжаться своим телом». Вместо этого им следовало бы выступить в защиту прав женщины как сексуального существа по крайней мере с такой же энергией, с какой они защищают ее материнские права. Более того, в своей сексуальной политике консервативные реформаторы исходят из задач деторождения, тогда как им следовало бы вести борьбу с реакционными убеждениями, отождествляющими сексуальность и деторождение. По этой причине реформаторы оказались не в состоянии вести эффективную борьбу с мистицизмом.

Идеология, превозносящая «достоинства больших семей», необходима для сохранения авторитарной семьи и обеспечения реализации устремлений воинственного империализма. Ее основная

заключается в том, чтобы в отличие от функции деторождения скрыть сексуальную функцию женщины. Отчетливое разделение между «матерью» и «проституткой», которое можно найти, например, в работах философа Вейнингера, соответствует различию, проводимому реакционером между вожделением и деторождением. С этой точки зрения занятие сексом ради удовольствия принижает достоинство женщины и матери. Проститутка — это женщина, которая одобряет удовольствие и живет ради него. Основной особенностью реакционной сексуальной политики является представление о том, что сексуальность моральна только тогда, когда служит задачам деторождения. Все, что не соответствует задачам деторождения, аморально. Это представление остается реакционным и в том случае, когда его отстаивают такие коммунисты, как Залкинд и Столяров.

Агрессивные империалисты категорически требуют, чтобы роль женщины ограничивалась только ролью машины для деторождения. Это означает, что **сексуальное наслаждение не должно препятствовать производству потомства.** Тем не менее женщина, познавшая свою сексуальность, никогда не будет обращать внимание на реакционные лозунги, ставящие своей целью ее порабощение. Это противоречие между сексуальным наслаждением и деторождением применимо только к авторитарному обществу. На работу демократию оно не распространяется. Вопрос заключается в социальных условиях, в каких женщина должна рождать детей: гарантируют или не гарантируют социальные условия надежную защиту прав матери и ребенка. Другими словами, если женщины должны рождать и растить детей без социальной защиты и если они лишены права решать, сколько иметь детей, и должны мириться с таким положением, тогда, в противоположность сексуальной функции женщины, необходимо идеализировать материнство.

Понять, почему во время выборов гитлеровская партия, подобно центристским партиям, в основном возлагала надежды на голоса женщин, можно только с учетом ее иррационализма. В данном случае действует иррациональный механизм противопоставления двух функций женщины — рождение детей и сексуальная жизнь. Эти соображения позволяют нам лучше понять взгляды фашистов, типичный образчик которых можно найти, например, в статье, опубликованной 14 октября 1931 года в «Фелькишер Беобахтер».

«Сохранение уже существующих больших семей определяется социальным чувством; сохранение формы большой семьи оп-

ределяется биологической концепцией и национальным характером. Большую семью необходимо сохранять не потому, что она голодает; большую семью необходимо сохранять потому, что она является важной и необходимой частью немецкого народа. Большая семья важна и необходима не только потому, что только она может обеспечить сохранение населения в будущем, но еще и потому, что национальная мораль и национальная культура находят в ней самую сильную поддержку... Сохранение существующих больших семей и сохранение формы большой семьи суть две нераздельные проблемы... Сохранение формы большой семьи диктуется национальной, культурной и политической необходимостью... С этой точки зрения необходимо категорически возражать против отмены параграфа 218. Прекращение беременности противоречит смыслу существования семьи, чья задача заключается в воспитании будущего поколения. Кроме того, прекращение беременности приведет к окончательному уничтожению большой семьи».

Таким образом, семейная политика реакционеров позволяет лучше понять проблему прекращения беременности, чем ранее выдвинутые на первый план факторы — промышленная резервная армия и пушечное мясо для империалистических войн. Довод в пользу промышленной резервной армии почти полностью утратил силу в годы экономического кризиса, когда в Германии насчитывалось несколько миллионов безработных. В 1932 году во всем мире насчитывалось около 40 миллионов безработных. Когда политические реакционеры непрерывно твердят нам о необходимости сохранения закона, запрещающего искусственное прерывание беременности, в интересах семьи и «морального порядка» и когда социолог Гротьян, который сам был социал-демократом, выдвигает в этой связи такие же доводы, как и национал-социалисты, тогда мы должны согласиться с ними в том, что «авторитарная семья» и «моралистическая этика» являются существенно важными реакционными силами. Мы не должны отметать их как нечто несущественное, ибо здесь затрагиваются такие важные моменты, как прикрепление женщин к авторитарной семье путем подавления их сексуальных потребностей; реакционное влияние таких женщин на своих мужей; защита результатов воздействия реакционной сексуальной пропаганды на миллионы угнетенных женщин, которые терпеливо переносят свое угнетение. С революционной точки зрения необходимо внимательно следить за действиями политических реакционеров, повсюду разоблачая их попытки защитить свою систему. Таким образом, интерес к авторитарной семье как институту, который ставит своей целью «сохранение государства», занимает центральное место среди всех вопросов реакционной

культурной политики. Он соответствует аналогичным интересам [illegible] представителей среднего сословия, владеющих небольшими предприятиями, для которых семья является — или по крайней мере являлась — хозяйственной единицей. Именно с этой точки зрения фашистские идеологи рассматривают государство, общество, экономику и политику. Более того, подход, определяемый старым, мелкобуржуазным характером производства, побуждает реакционных сексологов называть государство «органическим целым». Для современного рабочего больше не существует прямой взаимосвязи между семьей и социальным образом жизни. Семья не имеет экономической укорененности. Поэтому современный рабочий может рассматривать государство как некий общественный институт принуждения. Для его сексологии и сексуальной энергетики неприемлем «биологический» подход, согласно которому государство рассматривается как «органическое целое». В тех случаях, когда рабочий попадает под влияние таких реакционных убеждений, это объясняется воспитанием, которое он получил в авторитарной семье. Мелкие фермеры и мелкие буржуа смогли бы лучше осознать свою социальную ответственность, если бы их семейная ситуация не была органически связана с их экономической ситуацией.

В период мирового экономического кризиса выяснилось, что в результате разорения мелких предприятий произошло ослабление связи между семьей и экономикой. Тем не менее основные особенности вышеупомянутой традиции мелкой буржуазии, а именно [illegible] авторитарной семьи, по-прежнему сохраняли свое влияние. Поэтому мелкая буржуазия оказалась более восприимчивой к воздействию фашистской идеологии «большой семьи», чем к революционной идеологии регулирования рождаемости. Объясняется это еще и тем, что в революционном движении этот вопрос не получил приоритетного значения и остался без надлежащего разъяснения.

Сколь бы ясной ни представлялась необходимость регулирования рождаемости, мы допустим ошибку, оставив без анализа эту проблему в ее взаимосвязях с противоречащими ей факторами. Наш анализ неизбежно будет неверным, если не будут учтены противоречия, существующие в жизни сексуально заторможенной личности. Прежде всего необходимо отметить решающее значение противоречия между сексуально-моралистическим мышлением и чувством, с одной стороны, и конкретным образом сексуальной жизни, с другой.

Поясним это на следующем примере. В западной Германии существовало множество преимущественно «социалистически» настроенных групп, выступавших в защиту регулирования рождаемости. В 1931 году во время кампании Вольфа Кинле был поставлен на голосование закон об абортах. При этом оказалось, что женщины, отдавшие свои голоса за центристские партии и НСДАП, высказались за отмену этого закона, тогда как их партии энергично возражали против отмены. Эти женщины проголосовали за сексуально-энергетическое регулирование рождаемости, стремясь добиться права на сексуальное наслаждение. В то же время они проголосовали за НСДАП и партии центра, но не потому, что не знали о реакционных намерениях этих партий, а потому, что их сознание все еще было пропитано реакционной идеологией «чистого материнства», для которой характерно противопоставление между материнством и сексуальностью. Кроме того, в большинстве своем они находились под влиянием авторитарной идеологии. Ничего не зная о социологическом значении авторитарной семьи в условиях диктатуры, эти женщины испытывали на себе воздействие сексуальной политики политических реакционеров. Они одобряли регулирование рождаемости и в то же время опасались ответственности перед революционным обществом.

Сексуальная реакция не церемонилась в выборе средств для использования сексуальной тревоги в своих целях. В связи с отсутствием соответствующей сексуально-энергетической контрпропаганды со стороны революционеров нижеприведенный образчик пропаганды неизменно производил определенное впечатление на жен обычных рабочих и мелких буржуа, которые придерживались христианских или националистических убеждений.

В 1918 году **Союз борьбы с большевизмом** отпечатал плакаты следующего содержания:

«НЕМЕЦКИЕ ЖЕНЩИНЫ!
Знаете ли вы, какую участь уготовил вам большевизм?
Большевизм собирается обобществить женщин:

1. Отменяется право собственности на женщин в возрасте от 17 до 32 лет.
2. Все женщины становятся собственностью народа.
3. Прежние владельцы сохраняют приоритетное право на своих жен.
4. Каждый мужчина, желающий воспользоваться образчиком народной собственности, должен получить разрешение в комитете рабочих.
5. Каждый мужчина имеет право пользоваться женщиной в пределах трех часов и не более трех раз в неделю.

6. Каждый мужчина обязан сообщить о женщине, оказавшей ему сопротивление.
7. Каждый мужчина, который не принадлежит к рабочему классу, обязан платить ежемесячный взнос в размере 100 рублей за право пользования указанной общественной собственностью».

Очевидительность такой пропаганды столь же очевидна, как и ее лживость. Но если обычную женщину такой текст приводит в ужас, то реакция прогрессивной женщины может выглядеть следующим образом:

«Я допускаю, что для нас, рабочих, существует только один выход из нынешнего страдания, и таким выходом является социализм. Но он должен оставаться в определенных разумных пределах и не отвергать все ранее существовавшее как неправильное и ненужное. В противном случае это приведет к огрублению обычаев, что еще хуже, чем нынешнее печальное материальное положение. К сожалению, брак, этот чрезвычайно важный и возвышенный идеал, подвергается критике со стороны социалистов. Они требуют полной свободы, абсолютной распущенности и в какой-то мере сексуального большевизма. Каждый должен жить «на полную катушку», предаваться разгулу свободно и без запретов. Муж и жена не должны принадлежать друг другу. В зависимости от настроения муж будет проводить время каждый день с новой женщиной. Это называется свободой, свободной любовью, новой моралью половой жизни. Но эти красивые слова не в состоянии скрыть тот факт, что здесь таятся серьезные опасности. Такой образ жизни приведет к вырождению у мужчин таких возвышенных и благородных чувств, как любовь, верность, жертвенность. Представляется совершенно невозможным, что мужчина или женщина может одновременно любить много других женщин или мужчин. Это противоречит природе. В результате произойдет ужасное огрубление нравов, которое приведет к разрушению культуры. Я не знаю, как обстоит дело в Советском Союзе, но либо русские особые люди, либо они не разрешили такую абсолютную свободу и у них еще существуют определенные запреты... Какой бы прекрасной ни была социалистическая теория и как бы я ни соглашалась с вами по всем экономическим вопросам, все же я не понимаю вас, когда вы рассуждаете о проблемах секса, и поэтому я нередко начинаю во всем сомневаться».
(Письмо рабочей к редактору.)

В этом письме отражается конфликт, с которым сталкивается обычный человек: **его заставляют верить, что он должен сделать выбор между обязательной сексуальной моралью, с одной стороны, и сексуальной анархией — с другой. Обычный человек не знает** о существовании сексуально-энергетического регулирования, которое стоит столь же далеко от обязательной морали, как и от анархии. Реакция на жесткое принуждение выражается у него в форме неупорядоченных импульсов. Он защищается и от обя-

зательной морали, и от анархии. Мораль воспринимается им как тяжкое бремя, а инстинкт — как огромная опасность. Воспитанный и связанный авторитетом человек не знает о существовании естественного закона саморегулирования. Он не доверяет себе. Он боится своей сексуальности, так как не научился естественному отношению к ней. Поэтому он отказывается брать на себя ответственность за свои поступки и решения и требует, чтобы им руководили.

Революционное движение пока еще не достигло заметных успехов в своей сексуальной политике. Это объясняется тем, что оно не использовало соответствующие средства для борьбы с успешными попытками политической реакции использовать в своих целях подавленные сексуальные силы личности. Сексуальной реакции не удалось бы привлечь на свою сторону ни одного человека, если бы она ограничивалась только ознакомлением населения со своей политической программой. Своим успехом она обязана использованию сексуальной тревоги женщин и девушек. Реакционеры умело связывали свои цели с обязательными моральными запретами, действующими в народе, причем делали они это на всех уровнях общества. Об этом свидетельствует существование множества христианских организаций рабочих.

Приведем еще один пример пропагандистских методов из арсенала политических реакционеров *:

«С самого начала своей борьбы со всем буржуазным миром большевики уделяли особое внимание семье, «этому самому крепкому пережитку проклятого старого режима». Уже 10 июня 1924 года на пленарном заседании Коминтерна было объявлено: *«Революция бессильна до тех пор, пока существует старая идея семьи и семейных отношений»*. В связи с такой установкой немедленно была развернута яростная борьба с семьей. Бигамия и полигамия не запрещены, а, следовательно, разрешены. Отношение большевиков к брачным узам характеризуется следующим определением, которое было предложено профессором Гейбаргом: «Брак — это институт, предназначенный для удовлетворения половых потребностей менее опасным и более удобным способом». О степени распада семьи и брака в таких условиях свидетельствуют данные всеобщей переписи населения за 1927 год. В «Известиях» написано: «Во время проведения переписи населения в Москве были установлены многочисленные случаи полигамии и полиандрии. Две и даже три женщины нередко называли одного мужчину в качестве своего супруга». Не вызывает удивления следующее описание семейных отношений в России,

* Welt vor dem Abgrund. Der Einfluss des ressischen Kulturbolschewismus auf die anderen Volker. «Deutscher Volkskalender», 1932, p. 47

приведенное немецким профессором Зельхаймом: *«Произошло полное возвращение к сексуальным порядкам доисторических времен, на основе которых в процессе развития сформировались брак и приемлемый сексуальный порядок»*.

Обязательный характер супружеской и семейной жизни также подвергались нападкам. Провозглашалась полная свобода половых связей. Известная коммунистка Смидович разработала план сексуальной морали *, регламентирующей поведение юношей и девушек. План выглядит примерно следующим образом:

1. Каждый студент рабфака, даже несовершеннолетний, имеет право и обязан удовлетворять свои половые потребности.

2. В тех случаях, когда мужчина испытает желание обладать девушкой (студенткой университета, рабочей или просто школьницей), она обязана уступить его желанию. В противном случае ее следует считать буржуазной девушкой, которая не может претендовать на звание настоящей коммунистки.

«Правда» вполне открыто писала: «У нас между мужчиной и женщиной существуют только половые отношения. Мы не признаем существования любви. Любовь следует рассматривать как нечто психологическое. У нас только физиология имеет право на существование. В соответствии с таким коммунистическим подходом каждая женщина и девушка обязана удовлетворять половые потребности мужчин. Поскольку это не всегда происходит на добровольной основе, изнасилование женщин в Советском Союзе превратилось в настоящее бедствие».

От таких измышлений политических реакционеров невозможно отделаться простым изобличением их лживости. Малоэффективными здесь оказываются и доводы в пользу того, что другие люди не столь же «нравственны», как и реакционеры, и революция не разрушает авторитарную семью и мораль. Суть дела заключается в том, что в процессе развития революции происходит изменение сексуальности и ослабление старых обязательных норм и ценностей. Это невозможно отрицать. Кроме того, трудность правильного определения сексуально-энергетической позиции заключается еще и в том, что наши сторонники терпимо относятся к аскетическим взглядам на эти вопросы. Поэтому в дальнейшем мы подробнее рассмотрим эту проблему.

Те, кто стремился достигнуть подлинной свободы в сексуальной области, постоянно терпели неудачу, пытаясь дать интерпретацию и определение сексуально-энергетическому регулированию

* В действительности замечания Смидович имеют иронический характер и содержат критику подростковой сексуальности.

половой жизни. Они не поняли природу страха женщины перед сексуальным здоровьем. Самое основное, однако, заключается в том, что им не удалось достичь ясности в своих рядах путем постоянного и последовательного подчеркивания различия между сексуально-энергетической и реакционной концепцией сексуальности. Опыт показывает, что при достаточно ясном объяснении идеи сексуально-энергетического регулирования сексуальности обычный человек соглашается с ее правильностью.

Антиреволюционное движение возникает на основе реакционных убеждений, объединяемых идеологическим мистицизмом и мелкобуржуазным характером экономики. В центре культурной политики реакционеров стоит проблема сексуальности. Поэтому в центре революционной политики в области культуры также должна стоять проблема сексуальности.

Только сексуальная энергетика может устранить неразбериху, возникшую в результате противоречия между обязательной моралью и половой распущенностью.

Глава VI

ЦЕРКОВЬ КАК МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПО БОРЬБЕ С СЕКСУАЛЬНОСТЬЮ

ИНТЕРЕС К ЦЕРКВИ

Для разъяснения задач сексуально-энергетической психогигиены нам необходимо обратить пристальное внимание на методы нападения и защиты, применяемые политическими реакционерами на культурно-политическом фронте. Мы не можем игнорировать мистическую фразеологию реакционеров, считая ее пустой болтовней. Как уже отмечалось, успехи реакционеров в идеологической пропаганде невозможно объяснить одним только запутыванием масс. Мы полагаем, что в основе каждого успеха политической реакции должна лежать проблема психологии масс. В массах происходит нечто такое, что нам пока не удалось понять. И это «нечто» позволяет массам мыслить и действовать вопреки своим жизненно важным интересам. Этот вопрос имеет решающее значение, ибо политическая реакция оказалась бы совершенно бессильной без такого отношения со стороны масс. Сила фашизма заключается в готовности масс к усвоению реакционных идей. Мы называем эту готовность диктаторской «областью психологии масс». Отсюда видно, что нам необходимо стремиться к полному пониманию этой проблемы.

При возрастании экономического гнета трудящихся масс появляется тенденция к ужесточению норм обязательной морали. Цель этого процесса заключается в предотвращении протеста трудящихся против социального гнета путем усиления их чувств сексуальной вины и моральной зависимости от существующего порядка. Каким образом это происходит?

Вообще говоря, при исследовании фашистской идеологии необходимо учитывать психологическое воздействие мистицизма, поскольку распространение мистических настроений является су-

щественно важным психологическим условием усвоения массами фашистской идеологии.

Когда после изгнания Брюнинга весной 1932 года к власти пришло правительство Папена *, одним из его первых актов было заявление о намерении осуществлять «более строгое нравственное воспитание нации». Впоследствии эта программа была выдвинута правительством Гитлера **.

В указе о воспитании молодежи говорилось следующее:

> «Молодежь будет способна справиться со своей трудной судьбой и высокими требованиями будущего только тогда, когда она научится руководствоваться в своем поведении принципами народа и государства... это означает, что она должна научиться нести ответственность и жертвовать собой ради общего блага. Мягкость и преувеличенное внимание к каждой индивидуальной склонности совершенно неуместны в работе с молодежью, которая должна быть готова к жизни, полной лишений. Молодежь будет вполне готова к служению народу и государству только тогда, когда она научится объективно относиться к работе, ясно мыслить и выполнять свои обязанности, а также тогда, когда она приучится к дисциплинированному, послушному выполнению распоряжений воспитателей и добросовестному подчинению их авторитету... Воспитание подлинного уважения к государству должно дополняться и углубляться немецким образованием на основе исторических и культурных ценностей немецкого народа... путем погружения в героическое наследие нашей нации... Воспитание уважения к государству и обществу черпает внутреннюю силу в христианских истинах. Преданность и ответственность перед народом и отечеством глубоко коренятся в христианской вере. Поэтому мой долг неизменно заключается в обеспечении правильного и свободного развития христианской школы и христианских основ образования».

Что служит источником такого восхваления силы мистической веры? Именно это нам теперь необходимо выяснить. Политические реакционеры абсолютно правы, утверждая, что воспитание «преданности государству» черпает внутреннюю силу в «христиан-

---

* Папен проложил для Гитлера путь к власти и впоследствии играл видную роль в качестве фашистского дипломата.

** В августе 1933 года в гамбургской газете появилась заметка «Концентрационный лагерь для аморальных спортсменов-водников». «Гамбургский департамент полиции дал своим подразделениям распоряжение следить за поведением спортсменов-водников, которые нередко «нарушают обычные правила общественного поведения». Департамент полиции уведомляет общественность о своем намерении принимать решительные меры против гребцов, нарушающих постановления, и помещать их в концентрационные лагеря, чтобы они смогли ознакомиться с правилами приличия и нравственного поведения».

ских истинах». Тем не менее, прежде чем перейти к доказательству этого положения, нам необходимо вкратце упомянуть о различиях, существующих в лагере политической реакции относительно христианской концепции.

В отличие от империализма кайзера Вильгельма, опиравшегося на процветающий средний класс, национал-социализм опирался на психологию обнищавшего среднего класса. Поэтому христианство империализма кайзера Вильгельма неизбежно должно было отличаться от христианства национал-социализма. И тем не менее идеологические различия ни в коей мере не затронули основ мистического мировоззрения; они скорее даже усилили его значение.

Прежде всего следует отметить, что национал-социализм отвергал «Ветхий Завет» как «еврейское» произведение. Во всяком случае, такова была позиция известного поборника национал-социализма Розенберга, который придерживался крайне правых воззрений. Аналогично этому интернационализм римской католической церкви также считался «еврейским». Интернациональную церковь необходимо было заменить «немецкой национальной церковью». И действительно, после захвата власти церковь была приведена в соответствие с этой точкой зрения. При этом была ограничена сфера ее политического влияния, но существенно расширена сфера ее идеологического влияния.

> «Безусловно, когда-нибудь немецкий народ найдет форму для своего восприятия бога. Эта форма будет определяться его нордической кровью, и только тогда будет достигнута полнота триединства крови, веры и государства».
>
> *Готфрид Федер, «Программа НСДАП», стр.49*

Необходимо было любой ценой устранить отождествление еврейского бога со святой троицей. Определенные затруднения вызывал тот факт, что Иисус был евреем. Но Стапель быстро нашел выход из этого положения: поскольку Иисус был сыном божьим, его нельзя считать евреем. Еврейские догмы и традиции необходимо было заменить на «опыт своего сознания». Терпимость следовало заменить «идеей личной чести».

Вера в переселение душ после смерти отвергается как «выдумки островитян Южного Моря». Непорочное зачатие девы Марии отвергается на том же основании. По этому поводу Шарнагель пишет следующее:

> «Он (Розенберг) смешивает догму о непорочном зачатии богородицы, т.е. о ее свободе от первородного греха, с догмой о непорочном рождении Иисуса („который был зачат от святого духа")».

Своим успехом религиозный мистицизм в значительной мере обязан укорененности в доктрине первородного греха как полового акта ради удовольствия. Национал-социалисты полностью используют эту мысль для достижения своих идеологических целей.

«Распятие — это аллегория догмата о жертвенном агнце, образ, который внедряет в наше сознание полный упадок сил... и в соответствии с намерениями церкви приводит нас к смирению, олицетворяя ужас боли и страдания.

...Немецкая церковь постепенно заменит символ распятия духом огня, олицетворяющим героя в высшем смысле».

Розенберг, «Миф XX столетия»

Короче говоря, проблема заключается в замене одних цепей другими. Садистски-нарциссический мистицизм национализма должен занять место мазохистского интернационального религиозного мистицизма. Далее речь идет о «... признании немецкой национальной чести как высшего критерия поведения... Оно (государство) предоставит свободу всем религиозным убеждениям и всем нравственным учениям при условии, что они не будут препятствовать утверждению национальной чести».

Мы убедились, что идеология национальной чести уходит корнями в авторитарную идеологию, в основе которой лежит беспорядочное регулирование сексуальности. Христианство и национал-социализм не подвергают критике институт обязательного брака. Наряду с необходимостью деторождения христианство видит в браке «совершенный союз, который продолжается всю жизнь». Для национал-социалистов брак — это биологически укорененный институт, предназначенный для сохранения расовой чистоты. Христианство и национал-социализм не признают существование сексуальности вне рамок обязательного брака.

Национал-социализм не собирается сохранять религию, опирающуюся на историческую основу. Ее существование должно определяться «актуальностью». Это объясняется распадом сексуальной морали христианства, которую невозможно в дальнейшем сохранить только на основе исторических требований.

«Этическое расовое государство рано или поздно неизбежно обнаружит свои корни в глубинах религии. До этого момента наша вера в бога будет сохранять связь с определенным событием прошлого. Наше общество обретет твердую опору благодаря тесной связи между переживанием вечности и местным образом жизни и деятельности народа, государства и отдельного человека».

Ludwig Haase, «Nationalsozialistische Monatshefte», 1, Nr.5, p.213

Не следует забывать, что «местный образ жизни и деятельности» означает «моральную жизнь», т. е. отрицание сексуальности.

Отличить существенное * для реакционных задач религии от несущественного можно только с учетом различий и общих точек соприкосновения между национал-социализмом и церковью.

Исторические факторы, догмы и некоторые энергично защищаемые атрибуты веры теряют смысл в случае их функциональной замены чем-то другим, не менее эффективным. Национал-социализм стремится к «религиозному опыту». Фактически это единственное, что его интересует. Он намеревается дать ему другую основу. В чем заключается это «переживание вечности»?

БОРЬБА С «КУЛЬТУРНЫМ БОЛЬШЕВИЗМОМ»

Националистические и семейные настроения тесно переплетаются с религиозными чувствами, для которых в той или иной мере характерны смутность и мистичность. Этому предмету посвящено бесконечное множество работ. И все же пока еще рано говорить о создании исчерпывающей теоретической работы по данному вопросу. Обратимся к сути проблемы.

Поскольку фашизм столь успешно использует в своих целях мистическое мышление и настроение масс, то борьба с ним может быть эффективной только при условии понимания мистицизма и использования методов просвещения и психогигиены для ликвида-

---

* Действительно, национал-социалисты не признавали баварский конкордат от 15 июля 1930 года и прусский конкордат от 1 июля 1929 года. Но это непризнание касается только пожертвований за 1931 год на общую сумму 11 370 рейхсмарок. Повышение жалования священникам в Баварии с 5,87 млн. р. м. в 1914 году до 19,7 мил. р. м. в 1931 году (год глубочайшего кризиса) не подвергалось критике. Следующие данные о баварском конкордате заимствованы из статьи Роберта Бека «Konkordate sehen Dich an». В соответствии с конкордатом от 25 января 1925 года церковь получила следующие права:

1. Священники являются **государственными служащими.**

2. Государство признает несправедливость секуляризации 1817 года (лишение церкви прав собственности) и предоставляет церкви возможность вернуть утраченную собственность или ее денежную стоимость в размере 60 миллионов золотых марок.

3. Государство обязано выделить около 50% своих доходов от баварского лесничества для частичного погашения своей задолженности церкви, поэтому государство фактически получает у церкви ссуду под доходы от лесничества.

4. Церковь имеет право взимать налоги (церковные налоги) на основе гражданских налоговых регистров.

5. Церковь имеет право приобретать и владеть **новой собственностью.** Такая собственность является неотторжимой и будет охраняться государством.

6. Государство обязано обеспечивать прелатов **«жильем, подобающим их сану».**

7. Церковь, священники и 28.000 монахов пользуются **неограниченной свободой** в области религиозно-производственной деятельности (книгопечатание, пивоварение, производство шнапса).

ции мистической заразы в массах. Скорость распространения научного мировоззрения значительно отстает от скорости распространения мистической заразы. Причина этого отставания заключается в неадекватности нашего понимания мистицизма как такового. Научное просвещение масс началось с разоблачения коррупции церковных сановников. При этом научно-просветительская деятельность адресовалась не чувствам, а интеллекту масс. Сколь бы искусными ни были разоблачения церковных сановников, они не производили никакого впечатления на мистически настроенного человека. Подробные объяснения того, как государство* использует жалкие гроши рабочих на поддержку церкви, производили на такого человека не большее впечатление, чем исторический анализ религии в работах Маркса и Энгельса.

Разумеется, атеистические организации также использовали эмоциональные средства при проведении просветительской работы в массах. С этой целью, например, Ассоциация свободных мыслителей Германии устраивала молодежные фестивали просвещения. Несмотря на это, в христианских молодежных организациях насчитывалось приблизительно в 30 раз больше членов, чем в коммунистических и социал-демократических партиях вместе взятых. Если в годы с 1930 по 1932 в коммунистической партии состояло 50 тысяч человек, а в социалистической — 60 тысяч, то в христианских молодежных организациях состояло примерно полтора миллиона человек. По данным национал-социалистов, в 1931 году в их организации состояло около 40 тысяч юношей и девушек.

---

* 8. В университетах Мюнхена и Вюрцбурга необходимо назначить по одному профессору философии и одному профессору истории. Эти профессора должны пользоваться доверием церкви и оказывать поддержку церковному учению в своих лекциях.

9. Государство гарантирует преподавание религии в начальных школах. Епископ или назначенное им лицо имеет право выступать против органов власти и требовать от них удовлетворения за обиды, причиненные католическим ученикам в общественно-религиозной жизни, а также за их пагубное или неподобающее влияние.

Согласно консервативным оценкам, католической церкви в Баварии по конкордату гарантировалось предоставление средств на сумму 1 миллиард марок в форме денежных переводов, материальных ценностей, освобождение от налогообложения на недвижимое имущество, коммерческую деятельность и индивидуальные доходы.

Бавария выплатила католической церкви 13 миллионов марок в 1916 году, 28.468.400 марок в 1929 году и 26.050.250 марок в 1931 году.

Очевидно, что услуги, предоставляемые церковью государству, должны быть выгодными. Заключение конкордата между германским рейхом и Ватиканом в июле 1933 года не привело к установлению принципиально новых отношений между церковью и государством (т. е. ничего существенно важного для массовой психологии). Основные экономические функции церкви остались прежними.

В апреле 1932 года газета «Proletarische Freidenkerstimme» опубликовала следующие данные о распределении молодежи по организациям:

Ассоциация молодых католиков Германии	386.879
Центральная ассоция молодых католичек	800.000
Ассоциация бакалавров-католиков	93.000
Южно-немецкий молодежный союз католичек	25.000
Ассоциация баварских католических клубов и Любители книги	5.220
Ассоциация студентов-католиков высших учебных заведений («Новая Германия»)	15.290
Католический союз трудящихся девушек Германии	8.000
Национальная ассоциация немецких клубов «Виндкорет»	10.000

(Эти данные заимствованы из «Handbuch der Jugendverbande», 1931 г.).

Большое значение имеет социальный состав организаций. Так, Ассоциация молодых католиков Германии имела следующий состав:

Рабочие	45,6%
Квалифицированные рабочие	21,6%
Сельская молодежь	18,7%
Предприниматели	5,9%
Студенты	4,8%
Служащие	3,3%

Пролетариат составлял подавляющее большинство. В 1929 году возрастное распределение выглядело следующим образом:

14—17 лет	51,0%
17—21 год	28,3%
21—25 лет	13,5%
старше 25 лет	7,1%

Таким образом, четыре пятых всех членов ассоциации находились в возрасте достижения половой зрелости или возмужалости!

Если коммунисты в своем стремлении привлечь на свою сторону молодежь выделяли классовый вопрос, то католики ставили на первое место вопрос веры. Коммунисты писали:

«При проведении ясной и последовательной работы вопрос классовой принадлежности возьмет верх над вопросом веры, в том числе и в среде молодых католиков... Необходимо уделять особое внимание не вопросу веры, а вопросу классовой принадлежности, тому страданию, которое объединяет нас и является нашей общей сущностью».

С другой стороны, руководители молодежных католических организаций писали в «Jungarbeiter», №. 17, 1931:

«Огромная и, вероятно, смертельная опасность со стороны коммунистической партии заключается в том, что она добирает-

ся до молодых рабочих и детей рабочих в весьма раннем возрасте. Мы очень рады, что правительство... энергично выступает против пагубной деятельности коммунистической партии. В первую очередь, однако, мы надеемся, что немецкое правительство примет суровые меры против борьбы, которую ведут коммунисты с церковью и религией».

В состав Берлинского совета по «защите молодежи от безнравственности и непристойностей» вошли представители восьми католических организаций. В 1932 году Молодежный центр выпустил воззвание, в котором говорилось:

«Мы требуем, чтобы государство использовало все возможные средства для защиты нашего христианского поколения от пагубного влияния похабной прессы, непристойной литературы и эротических фильмов, которые унижают и фальсифицируют национальные чувства...»

Таким образом, церковь защищала свою мистическую деятельность не там, где вели атаку коммунисты, а совершенно в другом месте.

Вышеупомянутая газета «Freidenkerstimme» пишет, что «задача неортодоксальной пролетарской молодежи состоит в том, чтобы показать молодым рабочим, исповедующим христианство, роль церкви и христианских организаций в реализации фашистских мероприятий по защите кризисных законопроектов и экономических мер». Почему массы христианской рабочей молодежи выступили против такой критики церкви? Коммунисты рассчитывали, что христианская молодежь сама увидит, что церковь служит капитализму. Почему молодежь не увидела этого? Очевидно потому, что эта сторона деятельности церкви была скрыта от молодежи. Кроме того, благодаря авторитарному воспитанию молодежь стала доверчивой и неспособной к критике. Нельзя забывать и о том, что представители церкви в молодежных организациях выступали против капитализма, и поэтому молодежи было трудно заметить различие в подходах коммунистов и священнослужителей к социальным вопросам. Вначале казалось, что отчетливое различие в их подходах существует только в сфере сексуальности. Создалось впечатление, что коммунисты, в отличие от церковников, положительно относились к подростковой сексуальности. Тем не менее вскоре выяснилось, что коммунистические организации не только оставили этот важный участок невозделанным, но и в своих осуждениях подростковой сексуальности выступили в согласии с церковью. Меры, принятые коммунистами против немецкого Секспола, были не менее жесткими, чем меры представителей церкви. Говорит за себя и тот факт, что коммунистический пастор

Залкинд, который был психоаналитиком, пользовался в Советской России авторитетом в области отрицания сексуальности.

Необходимо понять, что авторитарное государство контролирует и использует родительский дом, церковь и школу для прикрепления молодежи к своей системе и миру своих идей. Государство использовало весь свой аппарат власти, чтобы сохранить неприкосновенными эти институты. Поэтому упразднить их могла только социальная революция. Нейтрализация реакционного влияния этих институтов составляла одно из основных условий осуществления социальной революции. В их упразднении многие коммунисты усматривали основную задачу «Красного культурного фронта». Для выполнения этой задачи решающее значение имело понимание методов и средств, с помощью которых авторитарная семья, церковь и школа могли оказывать столь огромное воздействие. Кроме того, необходимо было обнаружить процесс, овладевавший молодежью в результате таких воздействий. Такие обобщения, как «порабощение» и «огрубление», не давали адекватного объяснения. Это был конечный результат. Необходимо было выявить процессы, которые позволяют диктаторским интересам закрепляться в психологической структуре масс.

В работе «Сексуальная борьба молодежи» была предпринята попытка показать роль подавления подростковой сексуальности в указанном процессе. В настоящей работе мы рассмотрим основные элементы намерений политической реакции в области культуры и определим эмоциональные факторы, на которые должна опираться революционная деятельность. В этом случае также необходимо уделять пристальное внимание тем моментам, которым культурная реакция придает особое значение, ибо это происходит не случайно и тем более не служит средством «отвлечения» внимания. Это главная арена, на которой будет идти борьба между философией и политикой революционного и реакционного мира.

До тех пор, пока мы не получим необходимые знания и подготовку, мы будем вынуждены избегать схватки в сфере философии и культуры, в центре которой стоит сексуальный вопрос. Тем не менее, если нам удастся занять прочное положение в культурном вопросе, мы будем располагать всем необходимым, чтобы проложить дорогу к победе рабочей демократии. Отметим еще раз: сексуальное торможение не позволяет подростку мыслить и чувствовать рационально. Борьбу с мистицизмом необходимо вести с помощью соответствующих средств. Для этого мы должны как можно быстрее понять механизм его действия.

Мы приведем цитату из работы «Der Bolschewismus als Todfeind und Wegbereiter der Revolution», которая была написана пастором Брауманом в 1931 году и относится к числу многих типичных работ по интересующему нас вопросу. При незначительных различиях в деталях аргументация сохраняет неизменными существенные моменты.

> «Каждая религия является освобождением от мира и его зла путем соединения с богом. Поэтому большевики не смогут полностью подчинить себе человека до тех пор, пока в нем будет сохраняться хотя бы немного религии».

Здесь ясно выражена задача мистицизма: отвлечение внимания от повседневных страданий, «освобождение от мира»; истинная цель этого заключается в предотвращении протеста против действительных причин страдания. Но научные исследования социологической функции мистицизма оказываются недостаточно эффективными. Практическое значение для нашей борьбы с мистицизмом имеет в первую очередь тот богатый опыт, который был приобретен в ходе дискуссий между молодыми людьми с научной и мистической ориентацией. Такие дискуссии дают ключ к пониманию мистицизма, а следовательно, и мистических чувств, испытываемых отдельными лицами в массах.

Организация рабочей молодежи пригласила протестантского пастора принять участие в дискуссии, посвященной экономическому кризису. Он пришел в сопровождении двадцати молодых христиан в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет. В его выступлении самым примечательным был переход от частично верных утверждений к мистическим положениям. Пастор выделил следующие моменты. Причинами существующей бедности являются война и план Юнга. Мировая война служит выражением низости и испорченности человека, несправедливости и порока. Капиталистическую эксплуатацию он также отнес к серьезным порокам. (Чувствуя антикапиталистическое настроение молодых христиан, он занял антикапиталистическую позицию и таким образом затруднил борьбу с его влиянием.) Далее он отметил, что по сути своей капитализм и социализм одинаковы. Социализм Советского Союза также является разновидностью капитализма. Социализм причиняет вред одним классам, а капитализм — другим. Капитализму надо «дать хорошего пинка под зад». Борьба большевиков с религией — это преступление. Религия не виновата в существовании бедности. Капиталисты виновны в поношении религии. (Безусловно, это был прогрессивный пастор.) Какие выводы можно сделать из всего вышесказанного? Поскольку человек

низок и порочен, это отнюдь не означает, что нужно покончить с бедственным положением; нужно терпеть и справляться с ним. Капиталист тоже несчастен. Внутреннее страдание человека, которое лежит в основе всего страдания, не исчезнет даже после выполнения третьего пятилетнего плана в Советском Союзе.

Несколько молодых людей попытались изложить свою точку зрения. Они отметили, что проблема заключается не в отдельных капиталистах, а в системе. Речь идет о том, кто угнетается, — большинство или жалкое меньшинство. Заявление о необходимости терпеть бедственное положение вообще никому не поможет. Оно только играет на руку политической реации. И так далее и тому подобное. В конце все согласились, что примирение противоположных точек зрения невозможно, и разошлись, оставшись со своими прежними убеждениями. Молодые спутники пастора опирались на высказывания своего руководителя. Оказалось, что их материальное положение было столь же бедственным, как и у коммунистов. И тем не менее каждый из них полагал, что выхода из страданий не существует, нужно использовать ситуацию лучшим образом и «верить в бога».

После дискуссии я спросил у нескольких молодых коммунистов, почему они не затронули основной вопрос, а именно настойчивое требование церкви полового воздержания. Они ответили, что это трудный и весьма щекотливый вопрос, он произвел бы впечатление разорвавшейся бомбы, и, наконец, в политических дискуссиях не принято обсуждать такие вопросы.

Незадолго до вышеупомянутой дискуссии в одном из западных районов Берлина проводилось массовое собрание, на котором представители церкви и коммунистической партии выступали с разъяснением своих точек зрения. Больше половины из присутствовавших на собрании 1800 человек были христианами и представителями мелкой буржуазии. В качестве основного докладчика я дал обобщение сексуально-энергетической позиции в форме нескольких вопросов:

1. Церковь утверждает, что использование противозачаточных средств противоречит природе, как и любое вмешательство в естественный процесс деторождения. Если природа столь строга и мудра, тогда почему она создала половой орган, который побуждает вступать в соитие в среднем от двух до трех тысяч раз за время жизни человека, а не столько раз, сколько ему необходимо для рождения детей?

2. Могут ли присутствующие представители церкви заявить открыто, вступают ли они в половые отношения только тогда, ког-

да они собираются произвести потомство? (На собрании присутствовали протестанские пасторы.)

3. Почему бог создал половой орган с двумя видами желез для полового возбуждения и производства потомства?

4 Как они объясняют тот факт, что даже у маленьких детей развивается сексуальность, причем задолго до возникновения детородной функции?

Ответы пришедших в замешательство церковников вызвали взрывы смеха. Я завладел вниманием всей аудитории, когда начал объяснять ту роль, которую играет в авторитарном обществе возражение церкви и реакционной науки против полового наслаждения. При этом я отметил, что подавление полового наслаждения также приводит к смирению и покорности в экономической сфере. Таким образом, мистики потерпели поражение.

Большой опыт участия в массовых собраниях показывает, что аудитория без труда понимает связь между реакционной ролью мистицизма и подавлением сексуальности, когда право на половое наслаждение получает ясное и прямое объяснение как с медицинской, так и с социальной точки зрения. Этот факт нуждается в дальнейшем разъяснении.

ОБРАЩЕНИЕ К МИСТИЧЕСКИМ ЧУВСТВАМ

«Большевизм», как утверждает «антибольшевистская» пропаганда, является «злейшим врагом религии», особенно «духовно ценной религии». В силу своего «материализма» большевизм признает только материальные блага и заинтересован в создании только материальных благ. Ему недоступно понимание духовных ценностей и богатств души.

Что же представляют собой эти духовные ценности и богатства души? Нередко называют честность и веру. Что касается остальных ценностей и богатств, то они теряются в неясной концепции «индивидуальности»

> «Стремясь к подавлению всего индивидуального, большевизм разрушает семью, которая всегда придавала человеку индивидуальный характер. Поэтому он ненавидит все национальные стремления. Все народы должны быть приведены к единообразию и покорности большевикам... Но все усилия подавить личную жизнь человека будут тщетны до тех пор, пока он будет хоть немного хранить в своей душе религиозное чувство, ибо свобода личности от внешнего мира будет неизменно проявляться в религии, прорываясь сквозь все преграды».

Когда мистик говорит о «большевизме», он не имеет в виду политическую партию, основанную Лениным. Он не имеет ника-

кого понятия о социологической полемике, которая разгорелась на рубеже этого столетия. Такие слова, как «коммунист», «большевистский», «красный» и т. д., превратились в реакционные лозунги, которые не имеют никакого отношения к политике, партиям, экономике и т. д. Эти слова столь же иррациональны, как и слово «еврей» в устах фашистов. Они служат для выражения антисексуальной установки, которая соотносится с мистически реакционной структурой авторитарной личности. Так, например, фашисты приклеили Рузвельту ярлык «еврея» и «красного». Такие ярлыки имеют иррациональное содержание и присваиваются тому лицу, которое отнюдь не одобряет детскую и подростковую сексуальность. Российские коммунисты отзывались о сексуальности менее либерально, чем американцы среднего класса. Для эффективной борьбы с мистицизмом, основным источником возникновения любой политической реакции, необходимо научиться распознавать иррационализм лозунгов. Встречая в дальнейшем слово «большевизм», необходимо также иметь в виду «оргазмическую тревогу».

Реакционер (фашист) предполагает наличие тесной связи между семьей, нацией и религией. Эта особенность осталась совершенно незамеченной в социологических исследованиях. Прежде всего следует отметить правильность сексуально-энергетической оценки, а именно: то, что религия называет свободой от внешнего мира, в действительности означает не реальное, а созданное воображением и замещающее удовлетворение. Это вполне соответствует марксистской теории религии как опиума для народа. Это более, чем метафора. Вегетотерапия смогла доказать, что мистический опыт инициирует в автономном живом организме такой же процесс, как и наркотик. Такие процессы представляют собой возбуждение в половой системе, которое вызывает состояния, подобные наркотическим, и стремятся к оргастическому удовлетворению.

В первую очередь нам необходимо получить более точные сведения о взаимосвязях между мистическими и семейными чувствами. Брауман пишет в типичной для реакционных идеологов манере:

> «Но у большевизма существует еще один способ уничтожения религии, а именно путем систематического разрушения супружеской и семейной жизни. Большевикам слишком хорошо известно, что религия черпает огромные силы в семье. Поэтому заключение и расторжение браков упрощено до такой степени, что супружество в России граничит со свободной любовью».

По поводу «губительных для культуры» последствий введения в Советской России пятидневной недели мы читаем следующее:

«Такое нововведение способствует разрушению семейной жизни и религии... Особое беспокойство вызывают те разрушения, которые производятся большевиками в сексуальной сфере. Разрушая супружескую и семейную жизнь, большевики поощряют моральное разложение настолько, что разрешили противоестественные половые отношения между братьями и сестрами, родителями и детьми. (Здесь имеется в виду отмена наказания за акты инцеста в Советском Союзе.) Большевизм не признает никаких моральных запретов».

В советских работах по вопросам брака нередко предпринимаются попытки защитить себя — вместо того, чтобы отражать реакционные нападки на основе точного описания естественных сексуальных процессов. Совершенно неверно утверждается в таких работах, что сексуальная жизнь в Советском Союзе «аморальна»; сейчас снова происходит укрепление брака. Такие попытки защищаться были не только неэффективны с политической точки зрения, но и не соответствовали действительности. С христианской точки зрения сексуальность в Советском Союзе действительно была аморальна. В связи с упразднением института брака в авторитарном и мистическом смысле этого слова не могло быть и речи об укреплении браков. Наиболее распространенной формой брака в Советском Союзе до 1928 года была разновидность брака, соответствующая тому, что в Соединенных Штатах называется гражданским (фактическим) браком. Эта разновидность брака была законна и практична. Таким образом, русские коммунисты ослабили обязательность супружеских и семейных уз и покончили с моралдизмом *. Далее оставалось лишь довести до сознания народных масс их противоречие, а именно: страстно желая в душе того, что совершила социальная революция, они также соглашались с моралдизмом. Для выполнения этой задачи, однако, необходимо разъяснить взаимосвязи между обязательным институтом семьи, мистицизмом и сексуальностью.

Мы уже показали, что националистические настроения проистекают непосредственно из настроений авторитарной семьи. Но мистические чувства также служат источником формирования националистической идеологии. Поэтому отношения патриархальной семьи и мистический склад ума являются основными психологическими элементами опоры фашизма и империалистического на-

* Тем не менее с 1934 года начинают вновь появляться старые антисексуальные и моралистические концепции, что свидетельствует о неудаче сексуальной революции в России и о возврате к обязательному браку и реакционному законодательству в области сексуальности. См. работу «Сексуальная революция».

ционализма в массах. Короче говоря, на массовой основе получено психологическое подтверждение превращения мистического воспитания в основу фашизма в тех случаях, когда социальные потрясения приводят в движение массы.

14 августа 1942 года в газете «Нью-Йорк таймс» была опубликована статья Отто Д. Толишуса об империалистической идеологии Японии. (Создается такое впечатление, будто автор изучал нашу «Психологию масс и фашизм».) В статье автор пишет следующее:

«В феврале этого года в Токио была издана брошюра, принадлежащая перу профессора Чикао Фудзисавы, одного из ведущих представителей японской политологии и философии. В ней содержится поразительное откровение о военных настроениях и амбициях, господствующих не только в милитаристских и ультранационалистических кругах, которые доминируют в японском правительстве, но и в среде интеллигенции.

Согласно этой брошюре, рассчитанной на самые широкие читательские круги, Япония в качестве исконной родины человечества и мировой цивилизации ведет священную войну за воссоединение воюющего человечества в единую мировую семью, в которой каждый народ займет подобающее ему место под верховной властью японского императора, прямого потомка богини солнца, в «центре абсолютной космической жизни», который был покинут народами и в который они должны вернуться. В брошюре содержится обобщение, систематизация и применение к нынешней войне идей, заимствованных из мифологии синтоизма, которым японские политиканы под руководством Йосуке Матсуока придали форму империалистической догмы для оправдания экспансионистской политики Японии. По этой причине брошюра апеллирует ко всем религиозным, расовым и национальным представлениям и эмоциям, которые коренятся в глубинах японского характера. В этом смысле профессор Фудзисава представляет собой некую разновидность Ницше и Вагнера на японский лад, а его брошюра становится японским эквивалентом «Майн кампф» Адольфа Гитлера.

Как и в случае «Майн кампф», внешний мир мало уделил внимания этому направлению японской мысли, которое либо рассматривалось как чистый вымысел, либо относилось к сфере теологии. Тем не менее в течение ряда лет это направление создавало идеологический фон для экспансионистской политики Японии, которая привела к нынешней войне, и поэтому без его учета невозможно понять последние дипломатические ноты, направленные Японией Соединенным Штатам. Об авторитарности брошюры свидетельствует тот факт, что профессор Фудзисава был постоянным представителем в секретариате Лиги Наций и профессором политологии в имперском университете (о-в Кюсю). Он опубликовал на различных языках много работ, посвященных японской политологии. В настоящее время он возглавляет исследовательский отдел Ассоциации имперского управления, со-

зданной для проведения организационной подготовки японского народа к войне, и руководит обеспечением эффективности указанных идей во всем мире.

Несколько первых абзацев дают достаточное представление об общей тональности брошюры.

«На нашем поэтическом языке Японию нередко называют «Сумера Микуни». Это название имеет, в частности, значение божественной, всеобъединяющей и всеобъемлющей страны. С учетом философских значений этого названия можно понять основную мысль императорского рескрипта, который был издан 27 сентября 1939 года во время заключения трехстороннего договора. В рескрипте милостивый Тенно торжественно возвещает, что дело великой справедливости должно простираться до самых удаленных уголков земли для того, чтобы превратить мир в единый дом и позволить всем народам занять подобающие им места. Этот знаменательный фрагмент рескрипта позволяет понять саму сущность нашего августейшего правителя, который всегда преисполнен горячего желания возглавить всеобщую единую семью, в лоне которой все народы займут соответствующие места в динамическом порядке гармонии и сотрудничества.

Священный долг нашего Тенно заключается в том, чтобы сделать все возможное для восстановления «центра абсолютной космической жизни» и исконного вертикального порядка, существовавшего среди народов в далекой древности. Таким образом, он собирается превратить современный мир беззакония и хаоса, где слабые брошены на растерзание сильным, в одну большую семью, в которой будут царить совершенное согласие и высшая гармония.

В этом состоит цель божественной миссии, которую Япония призвана выполнить с незапамятных времен. Иными словами, она должна распространить во всем мире космическую энергию, воплотившуюся в нашем божественном монархе, чтобы все разобщенные нации могли вновь духовно объединиться на основе искреннего чувства братьев, в жилах которых течет одна и та же кровь.

Только таким образом можно склонить все народы мира к отказу от индивидуалистического подхода, который в первую очередь проявляется в существующем международном праве».

Это, говорит профессор Фудзисава, «путь богов», и после мистического объяснения его сути продолжает:

«В свете сказанного нетрудно понять, что существующий в Соединенных Штатах капиталистический индивидуализм противоречит космической истине, ибо не обращает внимания на центр всеобъемлющей жизни, посвящая себя только разгулу и удовлетворению прихотей необузданного эго. Диктаторский коммунизм, возведенный в ранг официальной доктрины Советской России, также несовместим с космической истиной, поскольку пренебрегает личной инициативой и использует только жесткие методы государственно-бюрократического контроля.

Примечательно, что руководящий принцип национал-социалистической Германии и фашистской Италии имеет много общего с принципом Мусуби, одним из многих принципов, отличающих эти страны оси от демократий и Советского Союза. Благодаря духовному единству Япония, Германия и Италия создали общий фронт против... держав, защищающих старый порядок».

Сумера Микуни, поясняет профессор Фудзисава, находится в состоянии войны с администрациями президента Рузвельта и премьер-министра Черчилля, которые стремятся реализовать свое «неумеренное стремление» к господству над Востоком. Однако благодаря искренним молитвам, которые возносит денно и нощно Сумера Микото (японский император) богине солнца, божественная сила решила нанести сокрушительный удар тем, кто восстал против незыблемого космического закона.

Далее профессор Фудзисава пишет: «Существующая Великая Восточная Азия фактически является вторым потомком внука богини солнца, (мифологической прародительницы японской династии), который пребывает в вечной жизни Сумера Микото»

Поэтому профессор Фудзисава заключает:

«Священная война, которую начала Сумера Микуни, рано или поздно заставит все народы понять космическую истину, а именно: их жизнь возникла из одного центра абсолютной жизни, воплощенного в лице Сумера Микото, и мир и гармония могут осуществиться только путем объединения всех народов в одну всеобъемлющую семью под руководством Сумера Микото».

Затем профессор Фудзисава с глубоким чувством добавляет:

«Эту возвышенную мысль ни в коем случае нельзя рассматривать в свете империализма, при котором слабые народы подвергаются безжалостному угнетению».

Сколь бы замечательными ни казались эти идеи, еще более замечательным представляется их «научное» обоснование у профессора Фудзисавы. Во всех японских хрониках и исторических документах утверждается, что во время основания японской империи, которое датируется японским правительством 2600 годом до н.э., а историками — началом новой эры, обитатели японских островов все еще оставались первобытными дикарями, некоторые из которых были «людьми с хвостами» и жили на деревьях. И тем не менее, профессор Фудзисава вежливо настаивает, что «Япония является родиной всего человечества и цивилизации».

По мнению профессора Фудзисавы, последние открытия и такие японские архивы, подкрепляемые работами некоторых западных ученых, доказывают «удивительный факт, что в доисторическую эпоху человечество составляло единую всемирную семью, во главе которой стоял Сумера Микото. В то время Япония почтительно именовалась страной родителей, а все остальные земли — странами детей».

В качестве доказательства профессор упоминает карту мира, составленную «неким Хиллифордом в 1280 году», на которой «Восток помещается в верхней части, а место, занимаемое Японией, называется «Небесным Царством».

Далее профессор Фудзисава отмечает:

«Выдающиеся ученые, занимающиеся исследованием доисторических хроник Японии, единодушно пришли к выводу, что колыбелью человечества было не Памирское нагорье, не берега Тигра и Евфрата, а центральный горный район самого большого японского острова. Эта новая теория привлекает к себе пристальное внимание тех, кто с доверием относится к божественной миссии Японии по спасению дезориентированного человечества».

Согласно этой гипотезе, шумеры, которые считаются основателями вавилонской цивилизации, на основе которой расцвели все другие цивилизации, в том числе и цивилизации Египта, Греции и Рима, отождествляются с первыми японскими поселенцами в Эрду, что, по мнению профессора Фудзисавы, объясняет соответствие между доисторическими японскими хрониками и Ветхим Заветом. Это относится и к китайцам, которые были цивилизованы японцами, а не наоборот. Однако японские хроники свидетельствуют о том, что японцы не умели читать и писать до тех пор, пока в 400 году новой эры корейцы и китайцы не научили их письму и чтению.

К сожалению, отмечает профессор, «мировой порядок, в котором Япония была абсолютным объединяющим центром, рухнул вследствие многочисленных землетрясений, вулканических извержений, наводнений, приливных волн и ледников. В результате этих чудовищных катаклизмов все человечество оказалось географически и духовно оторванным от земли отцов — Японии».

Но Сумера Микуни, по-видимому, «была защищена чудесными силами от природных катастроф, и ее божественные правители, Сумера Микото, сохранившие свой древний род, взяли на себя священную миссию объединения разъединенного человечества в большое семейное сообщество, подобное тому, которое существовало в доисторическую эпоху».

«Очевидно,— добавляет профессор Фудзисава,— что никто не способен лучше выполнить божественную работу по спасению человечества, чем Сумера Микото».

Толишус не понимает описываемых им явлений. Он полагает, что здесь все дело заключается в сознательном стремлении скрыть под покрывалом мистики рациональный империализм. И все же в его статье ясно показана справедливость сексуально-энергетической оценки, а именно: все виды фашистского, империалистического и диктаторского мистицизма восходят к мистическому искажению вегетативных ощущений жизни, которое возникает благодаря авторитарно-патриархальной структуре семьи и государства.

Если национальные чувства возникают на основе материнских уз (чувство дома), то мистические настроения зарождаются в атмосфере, враждебной к сексуальности и неразрывно связанной с этими семейными узами. Авторитарные семейные узы предполагают наличие торможения чувственной сексуальности. Все дети,

воспитанные в условиях патриархального общества, подвергаются воздействию такого чувственного торможения. Никакая сексуальная деятельность, сколь бы показной и «свободной» она ни была, не сможет обмануть специалиста относительно глубокой укорененности торможения такого рода. Действительно, в основе многих патологических проявлений в дальнейшей сексуальной жизни (таких, как неразборчивость в выборе партнеров, сексуальное бесстыдство, склонность к патологически-экстравагантным поступкам и т. д.) лежит указанное торможение органистической восприимчивости. Неизбежным результатом торможения («оргастической импотенции»), характерного для всех видов авторитарного воспитания и ощущаемого в виде чувства бессознательной вины и сексуальной тревоги, является неутомимое постоянное интенсивное оргастическое стремление, которое сопровождается физическими ощущениями напряжения в области солнечного сплетения. Специфическая локализация чувственного стремления в области груди и живота имеет определенное физиологическое значение *.

Прежде всего следует отметить, что постоянное напряжение физиологических процессов организма составляет основу появления грез у малолетних детей и подростков. В дальнейшем грезы без труда приобретают форму мистических, сентиментальных и религиозных настроений. Мистически-авторитарная личность живет в атмосфере таких настроений. Таким образом, у обычного ребенка формируется психика, которая практически вынуждена усваивать мистические влияния национализма, мистицизма и различных предрассудков. Страшные сказки в детстве, а в дальнейшем детективные рассказы и таинственная атмосфера в церкви лишь готовят почву для последующего формирования способности воспринимать святость армии и родины. Для оценки результатов воздействия мистицизма представляются несущественной поверхностная грубость и даже жестокость мистической личности. Существенно важными являются только глубинные процессы. Сентиментальность и религиозный мистицизм Матушки, Хаармана и Кортена тесно связаны с их садистской жестокостью. Эти противоположные чувства обязаны своим возникновением одному и тому же источнику — ненасытному вегетативному стремлению, которое порождается сексуальным торможением и не имеет возможности естественного удовлетворения. Поэтому это интенсивное стремление может реализоваться, с одной стороны, в виде сади-

* Клиническое описание этого явления приведено в моей работе «Функция оргазма», 1942 г.

стских мышечных разрядов, а с другой стороны (благодаря существующим чувствам вины) — в виде религиозно-мистических переживаний. Тот факт, что детоубийца Кюртен страдал от сексуальных расстройств, стал ясным благодаря свидетельству его жены. Нашим «специалистам» в области психиатрии и в голову не приходило искать здесь причину. Связь между садистской жестокостью и мистическими настроениями обычно встречается в случаях нарушения способности к переживанию оргазма. Это утверждение справедливо не только для массовых убийств нашего времени, но и для того, что творили инквизиторы в эпоху средневековья. Применимо оно и к жестокости и мистицизму Филиппа II Испанского *. Если истерия не подавляет затяжное возбуждение, придавая ему форму нервной импотенции, а также в тех случаях, когда компульсивный невроз не подавляет аналогичное возбуждение, придавая ему форму поверхностных гротескно-компульсивных симптомов, тогда обязательный авторитарно-патриархальный уклад предоставляет достаточно возможностей для садистских мистических разрядок **. Социальная рационализация такого поведения затушевывает его патологический характер. В аспекте социальной значимости проявлений патриархальной сексуальной энергетики представляется целесообразным провести подробное изучение различных мистических сект Америки, буддистской идеологии в Индии, а также различных теософских и антропософских направлений. А пока мы только отметим, что мистические группы служат концентрированным выражением тех явлений, которые встречаются во всех слоях населения в более размытом, менее заметном, но тем не менее достаточно ясном виде. Между мистическими, сентиментальными и садистскими чувствами, с одной стороны, и обычным нарушением естественных оргастических ощущений, с другой стороны, существует прямая связь. Наблюдение за поведением зрителей второсортной кинокомедии позволяет глубже понять эту проблему, чем чтение многих пособий по сексологии. При всех различиях и несхожести в содержании и направлении мистического опыта, его сексуально-энерге-

* В этой связи смотри роман Де Костера «Тиль Уленшпигель», который, насколько мне известно, остался непревзойденным шедевром по своей человечности.

** Для морфинистов характерна оргастическая импотентность, и поэтому они стремятся избавиться от своих возбуждений с помощью искусственных средств. Но такие попытки не достигают полного успеха. Морфинисты, как правило, склонны к садизму, мистицизму, тщеславию и гомосексуализму. Их постоянно терзает чувство тревоги, от которого они пытаются избавиться с помощью грубого поведения.

тическая основа неизменно сохраняет универсальный и типичный характер. Чтобы убедиться в этом, нам понадобится сравнить опыт мистика с реальным, лишенным сентиментальности опытом настоящего революционера, увлеченного своим делом ученого, здорового подростка и др.

Здесь напрашивается одно очевидное возражение, а именно: первобытный человек, который вел естественный образ жизни в условиях патриархата, также испытывал мистические чувства. Необходимо привести основательные доказательства, чтобы показать наличие принципиального различия между матриархальной и патриархальной личностью. Прежде всего, это можно доказать на основе того факта, что отношение религии к сексуальности претерпело в патриархальном обществе определенные изменения. В первоначальном виде это была религия сексуальности, и лишь впоследствии она превратилась в религию антисексуальности. «Мистицизм» первобытных людей, которые были членами общества, одобрявшего сексуальность, заключался в непосредственном оргастическом опыте и анимистической интерпретации естественных процессов.

ЦЕЛЬ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СВЕТЕ ФАШИСТСКОЙ РЕАКЦИИ

Социальная революция сосредоточивает все свои силы на устранении социальной основы страдания людей. Акцентирование необходимости революционного изменения общественного строя отодвигает на задний план сексуально-энергетические цели и задачи. Революционер вынужден откладывать решение насущных вопросов до тех пор, пока не будет выполнена самая важная задача — создание предварительных условий для практического решения этих вопросов. С другой стороны, реакционер подвергает яростным нападкам именно конечные культурные цели революции, которые отступают на задний план перед предварительными и непосредственными задачами.

> «Культурный большевизм ставит своей целью разрушение нашей существующей культуры и стремится перестроить ее так, чтобы она служила земному счастью людей...»

В таких словах Курт Гуттен призывает к борьбе в своей работе «Культурный большевизм», опубликованной «Фольксбундеверлаг» в 1931 году. Имеет ли предъявленное политической реакцией обвинение какое-либо отношение к действительным задачам культурной революции или по демагогическим соображениям приписывает революции цели, которые не имеют к ней никакого отношения? В первом случае необходимо защищать и разъяснять эти

цели, а во втором достаточно привести доказательство ложности таких обвинений, т. е. достаточно отвергнуть все то, что политическая реакция приписывает революции.

> «Прежде всего следует отметить, что самые яростные нападки культурного большевизма направлены против религии. Ибо до тех пор, пока будет жива религия, она будет служить самым могучим оплотом борьбы с культурным большевизмом... Религия подчиняет всю жизнь человека чему-то сверхъестественному, вечному авторитету. Она требует самоограничения, жертвенности, отречения от своих желаний. **Она вселяет в человека чувство ответственности, вины, вечности и рассудительность. Она препятствует необузданному удовлетворению человеческих стремлений. Революция культуры является культурной революцией человека, подчинением всех сфер жизни принципу удовольствия»** (выделено автором).

Здесь ясно сформулировано реакционное неприятие земного счастья. Реакционный руководитель ощущает угрозу по отношению к укорененности империалистического мистицизма («культуры»). Он значительно острее сознает эту угрозу, чем революционер сознает свою цель, ибо революционер сосредоточивает свою энергию и знания на изменении общественного строя. Реакционный руководитель сознает опасность революции для существования авторитарной семьи и мистического морализма задолго до того, как у обычного революционера появится хотя бы малейшее представление о таких последствиях революции. Действительно, в этом отношении социальный революционер нередко испытывает предубеждение. Реакционный руководитель выступает за героизм и признает абсолютность и вечность лишений и нужды. Отсюда видно, что, желает он того или не желает, он представляет интересы империализма (как, например, в Японии). Для этого, однако, ему нужен мистицизм, т. е. половое воздержание. В принципе, счастье, по его мнению, заключается в половой удовлетворенности, и в этом он прав.

Революционер также настаивает на самоограничении, самоотречении и выполнении долга, ибо вначале приходится сражаться за возможность достижения счастья. В своей практической работе на благо народа революционер легко забывает, а иногда и любит забывать о том, что действительной целью является не работа (социальная свобода обеспечивает возможность постоянного сокращения рабочего дня), а сексуальная деятельность и жизнь во всех ее проявлениях, начиная с оргазма и кончая высшими свершениями. Труд был и остается основой жизни, но в рамках социальной

структуры эти функции переходят от человека к машине. В этом заключается суть экономики труда.

Нижеприведенные утверждения характерны для многих мистических и религиозных работ, которые, впрочем, не всегда столь ясно сформулированы, как у Курта Гуттена.

> «Культурный большевизм отнюдь не является неким новшеством. В основе его лежит стремление, вложенное в душу человека в незапамятные времена — **страстное стремление к счастью.** Это тоска по раю на земле... Религия веры замещается религией удовольствия».

И все же мы хотели бы знать: **почему мы не должны быть счастливы на земле? Почему удовольствие не должно составлять сущность жизни?**

Пусть массы проголосуют по этому вопросу! Ни одна реакционная концепция жизни не выдержит такого испытания.

Безусловно, реакционный руководитель мистически понимает связь мистицизма с обязательным браком и семьей, но он понимает ее правильно.

> «Для реализации этой ответственности (за последствия удовольствия) общество создало институт брака, который, в качестве пожизненного партнерства, представляет собой структуру, предназначенную для защиты половых отношений».

К этому прилагается полный перечень «культурных ценностей», который соответствует структуре реакционной идеологии так же, как детали соответствуют машине:

> «Брак как связь, семья как долг, родина как ценность в себе, мораль как авторитет, религия как обязанность, источником которой является вечность».

Трудно дать более точное описание жестокости — основы человеческого существования.

Все реакционеры осуждают сексуальное удовольствие (впрочем, не безнаказанно) потому, что оно одновременно притягивает их и отталкивает. Они не в состоянии разрешить в себе противоречие между половыми потребностями и моральными запретами. Революционер отвергает извращенно-патологическое удовольствие, ибо это не его удовольствие, не сексуальность будущего, это — удовольствие, порождаемое противоречием между моралью и инстинктом; это — удовольствие диктаторского общества, униженное, жалкое, патологическое удовольствие. В тех случаях, когда у революционера нет ясности в этом вопросе, он делает ошибку, осуждая патологическое удовольствие вместо того, чтобы противопоставить ему свою позитивную сексуальную энергетику.

Если в силу своих сексуальных торможений революционер не вполне понимает цель социальной структуры, основанной на свободе, тогда он вообще отвергает любое удовольствие и превращается в аскета, утрачивая таким образом возможность установления контакта с молодежью. В фильме «Путевка в жизнь», не лишенного ряда достоинств, сексуальному поведению людей с дурной репутацией (сцена в таверне) противопоставлено поведение не свободных людей, а лиц с аскетической, антисексуальной установкой. Распад моральных норм и ценностей в сексуальной сфере вначале проявляется в форме сексуального протеста; но на первом этапе сексуальный протест сохраняет патологический характер, и поэтому сторонник сексуальной энергетики вполне оправданно воздерживается от такого протеста. Тем не менее задача заключается в том, чтобы придать разумную форму этому протесту, направив его в русло сексуальной энергетики. Ведь и жизнь тоже обрела свободу в результате потрясений.

Глава VII

БОРЬБА СЕКСУАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ С МИСТИЦИЗМОМ

В январе 1933 года в Берлине состоялось массовое собрание, на котором национал-социалист Отто Штрассер задал своему оппоненту, социологу и китаисту Витфогелю, настолько глубокий вопрос, что привел его в замешательство. У присутствующих составилось впечатление, что в ответе Витфогеля содержалось осуждение мистицизма. Штрассер обвинил марксистов в недооценке значения психической жизни и религиозных чувств. Его рассуждения сводились к следующему. Если религия, как полагает Маркс, служит лишь украшением системы эксплуатации трудящихся, тогда как объяснить ее тысячелетнее существование (христианство почти не претерпело изменений за два тысячелетия), учитывая, что на начальном этапе религии понадобилось для выживания принести больше жертв, чем всем вместе взятым революциям. Вопрос остался без ответа, хотя он вполне вписывался в контекст дискуссии. Следует признать его правомерность. Естественной науке пора определить степень адекватности своего подхода к осмыслению мистицизма и средств его укоренения в психологической структуре личности.

К сожалению, естественной науке пока не удалось достигнуть полного понимания мощного эмоционального содержания мистицизма. В своих работах и проповедях поборники мистицизма подвергли всестороннему анализу данный вопрос и дали практические ответы. Несмотря на очевидность сексуально-политической сути мистицизма, свободные мыслители не придали ей никакого значения. Аналогично этому самые известные педагоги не обратили внимания на столь же очевидную сексуальность детей. Очевидно, что мистицизм имеет в своем распоряжении некую тайную цитадель, которую он защищает от нападок естественной науки всеми доступными средствами. Наука начинает лишь смутно догадываться о ее существовании.

ТРИ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТА РЕЛИГИОЗНОГО ЧУВСТВА

Я не собираюсь здесь подробно останавливаться на религиозном чувстве. Пока мне хотелось бы лишь вкратце обобщить уже известное. В определенный момент можно установить зависимость между явлениями оргастического и религиозного возбуждения, начиная с простейшей набожности и кончая глубоким религиозным экстазом. Понятие религиозного возбуждения не ограничивается ощущениями, которые возникают у глубоко религиозных людей во время богослужения. Сюда необходимо включать все возбуждения, характеризуемые определенным психо-соматическим состоянием. Другими словами, понятие религиозного возбуждения должно также распространяться на возбуждение, испытываемое покорными массами, когда они распахивают душу для восприятия речи любимого вождя, и возбуждение, испытываемое при созерцании величественных явлений природы. Вначале мы вкратце приведем данные о религиозных явлениях, которые были получены до проведения сексуально-энергетического исследования.

Социологические исследования показали, что формы и содержание различных религий зависят от уровня развития социально-экономических условий. Например, анималистические религии соответствуют образу жизни первобытных людей, которые жили охотой. Способ восприятия людьми сверхъестественного существа (божества) всегда определяется уровнем развития экономики и культуры. При определении религиозных концепций необходимо учитывать еще один важный социологический фактор — способность человека преодолевать природные и социальные трудности. Во время культурного кризиса чувство бессилия перед силами природы и социальными потрясениями приводят к развитию религиозных идеологий. Таким образом, социологическая интерпретация религии опирается на социально-экономическую основу, на которой возникают религиозные культы. Социологические исследования ничего не сообщают о динамике религиозной идеологии и не позволяют понять психологический процесс, характерный для лиц, оказавшихся под влиянием данной идеологии.

Таким образом, формирование религиозных культов не зависит от желаний отдельного человека. Они представляют собой социологические структуры, которые возникают на основе взаимоотношений между людьми и отношения человека к природе.

Психология бессознательного дополняет социологическую интерпретацию религии психологической интерпретацией. Стала понятной зависимость религиозных культов от социально-экономических факторов. Теперь ученые приступили к исследованию

психологического процесса, который реализуется в людях, оказавшихся под влиянием религиозных культов. Таким образом, психоанализ показал, что наше представление о боге соответствует нашему представлению об отце, а представление о богоматери соответствует представлению о матери религиозной личности. Треугольник «отец-мать-ребенок» непосредственно отражается в христианской троице. Психологическое содержание религии проистекает из семейных отношений, существующих в ранние годы детства.

Таким образом, психологические исследования позволяют нам интерпретировать содержание религиозных культов, но не проливают свет на энергетический процесс, обеспечивающий укоренение такого содержания в психологической структуре личности. Более того, в психологических исследованиях не затрагиваются проблемы фанатизма и высокой степени эмоциональности религиозных концепций. Остается невыясненным вопрос, почему идеи всесильного отца и благожелательной матери превращаются в мистические идеи и как они соотносятся с половой жизнью индивидуума.

Многие социологи установили оргастический характер некоторых патриархальных религий. Кроме того, было установлено, что патриархальные религии всегда имеют реакционно-политический характер. Они всегда служат интересам власть имущих в любом классовом обществе и в действительности препятствуют устранению страдания народа, приписывая его воле божьей и отвергая все стремления к счастью. При этом они красиво говорят о загробной жизни.

Сексуально-энергетические исследования теперь дополняют существующие данные о религии, давая ответ на следующие вопросы:

1. Каким образом идея бога и идеология греха и наказания (создаваемые обществом и воспроизводимые в семье) внедряются в структуру личности? Почему человек не тяготится основными концепциями религии? Что побуждает его не только признавать эти концепции, но и энергично одобрять их? Другими словами, что побуждает человека защищать и сохранять их даже в ущерб своим основным жизненным интересам?
2. Когда эти религиозные концепции закрепляются в структуре личности?
3. Какая энергия используется для этой цели?

Очевидно, что до тех пор, пока не будут получены ответы на эти три вопроса, мы можем интерпретировать религию как

с социологической, так и с психологической точки зрения. Но это не позволяет нам осуществлять реальные изменения в психологической структуре личности. Ибо если религиозные чувства не навязываются человеку, а фиксируются и сохраняются в его психологической структуре (при всей их несовместимости с его жизненно важными интересами), тогда необходимо осуществить радикальные изменения в такой структуре личности.

Основная религиозная идея всех патриархальных религий заключается в отрицании существования половых потребностей. Исключение составляют первобытные религии, в которых религиозный и сексуальный опыт еще пребывали в нераздельности. При переходе общества от матриархального уклада, основанного на естественном праве, к патриархальному укладу, основанному на классовом разделении, раскалывается единство религиозного и сексуального культов. Религиозный культ превращается в антитезу сексуального культа. В этот период прекращает свое существование сексуальный культ и на его место воцаряется варварство публичных домов, порнографии и тайной сексуальности. Нет нужды приводить дополнительные доказательства, чтобы показать, что в тот момент, когда сексуальный опыт отделяется от религиозного культа и фактически превращается в его антитезу, религиозное возбуждение превращается в заменитель утраченной чувственности, которая пользовалась поддержкой со стороны общества. Силу и живучесть религий можно понять только на основе указанного противоречия в религиозном возбуждении, которому присущи антисексуальность и замещение сексуальности одновременно.

Эмоциональную структуру подлинно религиозной личности можно вкратце описать следующим образом. В биологическом отношении такой человек испытывает сексуальные напряжения в той же мере, в какой их испытывают все другие люди и живые существа. Однако в силу усвоенных им сексуально-негативных концепций религии и приобретенного чувства страха перед наказанием он полностью утрачивает способность испытывать естественное сексуальное напряжение и освобождение от него. Поэтому религиозный человек постоянно находится в состоянии физического возбуждения, с которым он вынужден вести непрерывную борьбу. Он не только лишен земного счастья, но даже не испытывает стремления к нему. Поскольку он рассчитывает на вознаграждение в потустороннем мире, он чувствует свою неспособность испытывать счастье в этом мире. Он является биологическим существом и ни при каких обстоятельствах не мо-

жет испытать в этом мире счастье, освобождение и удовлетворение. Поэтому он стремится обрести иллюзорное счастье. Он может обрести такое счастье благодаря удовольствию, доставляемому религиозным напряжением, вызывающим известные нам вегетативно-соматические токи и возбуждение. Вместе с единоверцами он устраивает развлечения и создает институты, которые помогают ему переносить состояние физического возбуждения и скрывают истинную сущность такого возбуждения. Биологический оргазм побуждает его к созданию музыкального инструмента, органа, звук которого способен пробуждать в теле вышеупомянутые чувства. Таинственный полумрак церкви усиливает эффект сверхличностной восприимчивости к своей внутренней жизни, звукам проповеди и хорала, предназначенных для достижения этого эффекта.

В действительности религиозный человек становится совершенно беспомощным. В результате подавления сексуальной энергии он утрачивает восприимчивость к счастью и агрессивность, необходимую для преодоления невзгод. Чем беспомощнее он становится, тем больше крепнет в нем вера в сверхъестественные силы, которые поддерживают и оберегают его. Это позволяет нам понять невероятную силу убежденности и полное безразличие к смерти, которые он способен проявлять в некоторых ситуациях. Он черпает эту силу из любви к своим религиозным убеждениям, которые, как уже отмечалось, возникают благодаря весьма приятным физическим возбуждениям. Естественно, он верит, что эта сила исходит от «бога». Поэтому его страстное стремление к богу в действительности является стремлением, которое возникает благодаря возбуждению, вызванному предчувствием сексуального удовольствия, и требует своего освобождения. Освобождение является и не может быть не чем иным, как избавлением от невыносимых физических напряжений, которые могут быть приятными лишь до тех пор, пока они растворяются в воображаемом единении с богом, т. е. при наличии удовлетворения и освобождения. Стремление религиозных фанатиков к членовредительству и мазохизму подтверждает сказанное. Клинический опыт в области сексуальной энергетики показывает, что желание подвергнуться избиению или бичеванию соответствует инстинктивному стремлению к освобождению, не страдая от сознания своей вины. В тех случаях, когда человек ощущает свою неспособность реализовать указанное освобождение, любое физическое напряжение может пробудить его воображение, и он будет представлять себе, что подвергается избиениям или мучениям. Здесь лежит ключ

к пониманию пассивной идеологии страдания всех настоящих религий.

Потребность в утешении, поддержке и помощи со стороны других людей, особенно в борьбе со своими порочными побуждениями — так называемыми «плотскими грехами», — проистекает из действительного чувства своей беспомощности и сильного физического страдания. По мере нарастания физического возбуждения религиозной личности под влиянием религиозных концепций происходит усиление вегетативного раздражения, которое достигает уровня, близкого к удовлетворению, что, впрочем, не приводит к реальной физической разрядке. Опыт лечения душевнобольных священников показывает, что в момент достижения пика религиозного экстаза нередко происходит непроизвольная эякуляция. Нормальное оргастическое удовлетворение замещается общим физическим возбуждением, которое не затрагивает гениталии и как бы ненароком, вопреки желанию, вызывает разрядку.

Сначала сексуальное удовлетворение естественно рассматривалось как нечто хорошее и прекрасное, то, что объединяет человека со всей природой. После разделения сексуальных и религиозных чувств сексуальность стали рассматривать как нечто плохое, инфернальное, дьявольское.

Этиология и механизм страха перед половым возбуждением описаны мною в другом месте. А пока я хотел бы вкратце подвести итог. Люди, утратившие способность к разрядке, со временем начинают ощущать половое возбуждение как нечто мучительное, обременительное, деструктивное. Действительно, не находя разрядки, половое возбуждение становится деструктивным и мучительным. Таким образом, мы убедились, что в основе религиозного подхода к сексу как разрушительной, дьявольской силе, обрекающей человека на вечное проклятье, лежат реальные физические процессы. В результате этого отношение к сексуальности приобретает двойственный характер. При этом обычные религиозно-моралистические оценки «хорошее-плохое», «небесное-земное», «божественное-дьявольское» превращаются в символы полового наслаждения, с одной стороны, и наказания за него, с другой стороны.

Страстное стремление к спасению и освобождению от «грехов» на сознательном уровне и от сексуальных напряжений на бессознательном уровне тщательно оберегается. Состояния религиозного экстаза представляют собой не что иное, как состояния полового возбуждения вегетативной нервной системы, которые не поддают-

ся разрядке. Религиозное возбуждение невозможно осмыслить, а следовательно, и преодолеть без понимания противоречия, которое определяет его существование. Ибо религиозное возбуждение имеет не только антисексуальный, но и в значительной мере сексуальный характер. С сексуально-энергетической точки зрения такое возбуждение негигиенично.

Ни в одной социальной группе не процветают истерия и извращения так, как в аскетических кругах церкви. Отсюда, однако, не следует, что с такими аскетами необходимо обращаться как с преступниками, страдающими извращениями. В беседах с религиозными людьми нередко выясняется, что они достаточно хорошо понимают свое состояние. У них, как и других людей, жизнь разделена на две части — официальную и личную. Официально они считают сексуальность грехом, а неофициально они слишком хорошо понимают, что не смогли бы жить без заменяющего наслаждения. Действительно, многие из них способны понять сексуально-энергетическое разрешение противоречия между половым возбуждением и моралью. Если не отказывать им в человеческом отношении и завоевать их доверие, тогда они обнаруживают понимание того, что описываемое ими состояние единения с богом является чувством причастности к жизни всей природы, а их индивидуальность является частью природы. Как и все люди, они чувствуют, что являются неким микрокосмом в макрокосме. Следует признать, что их подлинной сущностью является глубокая убежденность. Их вера действительно имеет реальную основу, которую составляют вегетативные токи в теле и достижимые состояния экстаза. У мужчин и женщин из бедных слоев населения религиозное чувство носит абсолютно подлинный характер. Это чувство утрачивает свою подлинность лишь в той мере, в какой оно отвергает и скрывает от себя свой источник и бессознательное стремление к наслаждению. Таким образом, у священников и религиозных лиц формируется психологическая установка, для которой характерна придуманная доброта.

При всей неполноте приведенной характеристики религиозного чувства мы тем не менее можем обобщить основные положения следующим образом.

1. Религиозное возбуждение является вегетативным возбуждением, сексуальная природа которого представлена в ложном свете.

2. Представляя в ложном свете возбуждение, религиозная личность отрицает существование своей сексуальности.

3. Религиозный экстаз служит заменителем оргастически вегетативного возбуждения.

4. Религиозный экстаз не освобождает от сексуальности; в лучшем случае, он вызывает мышечную и психическую усталость.

5. Религиозное чувство является субъективно подлинным и имеет физиологическую основу.

6. Отрицание сексуальной природы указанного возбуждения приводит к утрате искренности характера.

Дети не верят в бога. Вообще говоря, вера в бога закрепляется в психологической структуре детей, когда они учатся подавлять сексуальное возбуждение, сопровождаемое мастурбацией. Благодаря такому подавлению у детей появляется чувство страха перед наслаждением. Теперь они начинают искренне верить и бояться бога. С одной стороны, они боятся бога, поскольку видят в нем некое всезнающее и всесильное существо. С другой стороны, они обращаются к нему с просьбой защитить их от своего полового возбуждения. При этом преследуется только одна цель — предотвращение мастурбации. Таким образом, укоренение религиозных идей происходит в ранние годы детства. Тем не менее идея бога не могла бы сковать сексуальную энергию ребенка, если бы не была связана с реальными фигурами отца и матери. Тот, кто не чтит отца своего, грешен. Другими словами, тот, кто не боится отца и предается сексуальному наслаждению, подвергается наказанию. Строгий отец не потворствует желаниям ребенка и поэтому является представителем бога на земле. Воображению ребенка он предстает в качестве исполнителя божьей воли. Ясное понимание человеческих слабостей и недостатков отца способно поколебать уважение к нему, но это не приводит к отказу от него. Он продолжает олицетворять абстрактно-мистическую концепцию бога. В патриархальном обществе обращение к богу в действительности означает обращение к реальному авторитету отца. Обращаясь к «богу», ребенок фактически обращается к реальному отцу. В психологической структуре ребенка половое возбуждение, идея отца и идея бога составляют некое единство. В терапевтической практике это единство встречается в форме спазма генитальной мускулатуры. При устранении такого спазма идея бога и страх перед отцом лишаются опоры. Отсюда видно, что генитальный спазм не только реализует физиологическое укоренение религиозного страха в структуре личности, но и приводит к появлению страха перед наслаждением, который становится опорой любой религиозной морали.

Между различными культами, социально-экономическим устройством общества и структурой личности существуют сложные и тонкие взаимосвязи, которые, безусловно, нуждаются в дальнейшем исследовании. Генитальная робость и страх перед наслаждением составляют энергетическую опору всех патриархальных религий с антисексуальной ориентацией.

УКОРЕНЕНИЕ РЕЛИГИИ С ПОМОЩЬЮ СЕКСУАЛЬНОЙ ТРЕВОГИ

Характеризуемая враждебным отношением к сексу религиозность является порождением патриархально-авторитарного общества. Взаимоотношения между отцом и сыном, присущие любой патриархальной религии, неизбежно составляют социально детерминированное содержание религиозного опыта. Сам опыт, однако, проистекает из патриархального подавления сексуальности. В дальнейшем религия начинает выполнять еще одну функцию — воспитание самоограничения и покорности авторитету. При этом религия может опираться на прочный фундамент — структуру патриархальной личности, сформированную с помощью подавления сексуальности. Отказ от телесных наслаждений служит живым источником религиозного мировоззрения и опорой всех религиозных догм. Наиболее отчетливо это проявляется в таких религиях, как христианство и буддизм.

УКОРЕНЕНИЕ МИСТИЦИЗМА В ДЕТСТВЕ

Дорогой бог, я ложусь спать,
Пришли мне маленького ангелочка.
Отец, пусть твой взор
Не покидает мою кроватку.
Прости меня, господи,
Если я сегодня согрешила.
Отец, будь милосерден,
Прости мои прегрешения.
Пусть распространится твое милосердие
На всех людей, взрослых и детей.

Это одна из многих молитв, которые дети обычно читают перед сном. На содержание таких текстов не обращают внимания. Тем не менее в этих текстах содержится в концентрированном виде суть и эмоциональное содержание мистицизма. В первом двустишии содержится просьба о защите; во втором двустишии просьба адресуется непосредственно отцу; в третьем двустишии содер-

жится просьба о прощении прегрешения: прости нам наши прегрешения. С чем соотносится это чувство вины? Что бог должен простить? В перечне запрещенных деяний первое место занимает игра со своими половыми органами. Чувство вины соотносится именно с игрой такого рода.

Запрет на игру с половыми органами был бы неэффективным, если бы не подкреплялся идеей бога, который все видит. Поэтому ребенок должен вести себя «хорошо» даже в отсутствие родителей. Ниже приводится один замечательный случай, который, возможно, позволит нам убедить тех, кто не признает существования указанной взаимосвязи, относя ее за счет игры воображения. Этот случай дает наглядное представление о механизме укоренения мистической идеи бога с помощью чувства сексуальной тревоги.

Семилетняя девочка, сознание которой формировалось в буржуазной атмосфере без представления о боге, неожиданно почувствовала непреодолимое (компульсивное) желание помолиться. Желание было компульсивным потому, что в действительности она не собиралась молиться и чувствовала, что это желание идет вразрез с ее убеждениями. Это компульсивное желание возникло на следующем фоне. Ребенок имел обыкновение заниматься мастурбацией перед тем, как лечь спать. Однажды вечером по какой-то причине ее охватило чувство страха, и вместо того чтобы мастурбировать, она опустилась на колени перед кроваткой и прочла молитву, аналогичную вышеупомянутой молитве. «Если я помолюсь, я не буду бояться». Чувство страха возникло в тот день, когда она впервые отказалась мастурбировать. Откуда взялось это самоотречение? Она рассказала отцу, который пользовался у нее полным доверием, об одном неприятном происшествии, приключившемся с ней несколько месяцев назад во время каникул. Как и многие другие дети, она играла с мальчиком в половые сношения («они играли в папу и маму»). Неожиданно на них наткнулся другой мальчик и «пристыдил» их. Хотя родители и говорили ей, что в таких играх нет ничего дурного, она все же испытала чувство стыда и вместо того, чтобы играть «в папу и маму», занялась перед сном мастурбацией. Однажды вечером, незадолго до появления компульсивного желания помолиться, она возвращалась из гостей домой вместе с другими детьми. По дороге они распевали революционные песни. Им повстречалась старуха, похожая на ведьму из сказки «Гензель и Гретель». Старуха выкрикнула в их адрес угрозу, пожелав, чтобы «дьявол забрал всю их банду атеистов». Когда она собиралась заняться мастурбацией

в тот вечер, ей впервые пришла в голову мысль, что, может быть, действительно существует бог, который все видит и карает за прегрешения. Бессознательно она установила ассоциативную связь между угрозой старухи и происшествием на каникулах. Теперь она начала противиться желанию мастурбировать, ее охватило чувство страха, и девочка начала компульсивно молиться, чтобы унять страх. Молитва заняла место полового удовлетворения. Тем не менее страх исчез не полностью. С того времени она стала бояться сверхъестественного существа, которое могло наказать ее за половые прегрешения. Поэтому она стала обращаться к нему за помощью. Обращение к богу укрепило ее в борьбе с искушением мастурбировать.

Не следует полагать, что это исключительный случай, так как для него характерен процесс, посредством которого идея бога закрепляется в психологической структуре подавляющего большинства детей, которые воспитываются в атмосфере религиозной культуры. Психоаналитическое исследование сказок показало, что такие сказки, как «Гензель и Гретель», выполняют аналогичную функцию. Они содержат скрытую, но достаточно ясную для подсознания ребенка угрозу наказания за мастурбацию. Мы не можем подробно останавливаться здесь на возникновении мистического мышления ребенка благодаря таким сказкам и на взаимосвязи между мистическим мышлением и сексуальным торможением. Во всех случаях, подвергнутых характерологическому анализу, было ясно показано, что мистические настроения возникают на основе страха перед мастурбацией в форме общего чувства вины. Трудно понять, почему психоаналитики до сих пор не придавали значения этому факту. Научные исследования позволили убедительно показать, что в представлении о боге проявляются совесть личности и закрепленные в ее психологической структуре предупреждения и угрозы со стороны родителей и педагогов. Не менее ясным представляется и то, что вера и страх перед богом представляют собой сексуально-энергетические возбуждения с измененной целью и содержанием. Поэтому религиозное чувство отличается от полового чувства только мистическим содержанием. Это объясняет, почему многие аскезы содержат сексуальные элементы. Примером может служить заблуждение монахинь, которые считают себя христовыми невестами. Маловероятно, что такие представления достигают генитального сознания. В большинстве случаев они проявляются иными сексуальными путями, например, в форме мазохистского мученичества.

Вернемся к нашей девочке. Компульсивное желание молиться исчезло, когда ей объяснили причину возникновения страха; понимание причины страха позволило ей вновь приступить к мастурбации, но уже без чувства вины; сколь бы неправдоподобным ни казался этот случай, для сексуальной энергетики он полон смысла. Этот случай показывает, каким образом можно уберечь нашу молодежь от мистицизма. Через несколько месяцев после исчезновения компульсивного желания молиться девочка написала своему отцу из летнего лагеря следующее письмо: «Дорогой папа, у нас здесь есть поле, на краю которого мы устроили больницу (понарошку, конечно). Мы (пятеро девочек) играем здесь в доктора. Если у кого-нибудь из нас что-нибудь заболит, мы идем в свою больницу, где у нас хранятся мази, кремы и вата. Мы все это украли».

Кто будет отрицать, что это сексуально-культурная революция. Сексуальная революция? Да! Но культурная ли это революция? В классе этой девочки учатся дети, которые старше ее на 1—2 года. Преподаватели говорят, что она прилежна и талантлива. В области политики и общих знаний она значительно опережает своих сверстниц и проявляет живой интерес к реальной жизни. Двенадцать лет спустя мы находим ее сексуально здоровой и интеллектуально развитой. Она пользуется успехом в обществе.

УКОРЕНЕНИЕ МИСТИЦИЗМА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПОДРОСТКОВ

На примере упомянутой девочки я попытался показать механизм укоренения религиозного страха в психологической структуре маленького ребенка. Чувство сексуальной тревоги служит основным средством закрепления патриархального строя в структуре психики ребенка. Теперь мы рассмотрим ту роль, которую сексуальная тревога играет в период возмужания. Для этого мы обратимся к одной из типичных антисексуальных брошюр.

Высадиться или выброситься на берег

Ницше: Их души погрузились в трясину, и горе нам, если трясина наделена интеллектом.

Кьеркегор: Если крестить только разум, тогда страсти останутся языческими.

Каждый человек встречает на своем жизненном пути две скалы. Он может высадиться либо выброситься на них, спастись либо разбиться. Эти две скалы суть бог и противоположный пол. Многие молодые люди оказываются на мели и терпят неудачу

не потому, что мало чему научились, а потому, что не получили ясного представления о боге, и еще потому, что не могут совладать с **половым инстинктом**, тем инстинктом, который приносит человеку не только неописуемое счастье, но и непостижимое страдание.

Существование большого числа людей, неспособных к возмужанию, объясняется тем, что они находятся во власти инстинктов. В действительности нет нужды сетовать на здоровые инстинкты. Напротив, они обогащают и придают глубину жизни. Они взывают к сильной личности. Но инстинкт становится в тягость себе и превращается в прегрешение перед всевышним создателем, когда человек перестает быть хозяином, утрачивает контроль над инстинктом и превращается в его раба. В человеке господствует либо духовное, либо инстинктивное, т.е. животное, начало. Оба начала несовместимы друг с другом. Поэтому в жизни каждого вдумчивого человека приходит день, когда он должен дать ответ на очень легкий вопрос: хочешь познать действительный смысл жизни, понять ее, или хочешь сгореть в пылающем горниле своих необузданных страстей?

Ты хочешь прожить свою жизнь как животное или как святой?

Процесс возмужания, который мы здесь рассматриваем, составляет проблему огня в печи. При контролируемом горении огонь освещает и обогревает помещение. Но упаси бог, если пламя вырвется из печи! Упаси бог, если половой инстинкт полностью овладеет человеком и станет властвовать над всеми его мыслями и поступками!

Мы живем в больное время. В былые времена от эроса требовалась дисциплинированность и ответственность. Теперь мы полагаем, что современный человек больше не нуждается в дисциплинированности. При этом мы не замечаем, что современный человек, проживающий в большом городе, отличается большей робостью, ослабленной волей и поэтому нуждается в дисциплине.

Оглянитесь вокруг, и вы увидите, что в нашем отечестве правит не разум, а необузданные влечения. В среде нашей молодежи господствуют неконтролируемые половые влечения, которые приводят к нравственному вырождению. На заводе и конторе, на сцене и в общественной жизни — повсюду царит непристойность. Кто может сказать, скольких здоровых радостей лишается молодежь в большом городе благодаря рассадникам заразы — дансингам, кабаре, бильярдным и непристойным фильмам. Современный молодой человек считает себя очень умным, когда исповедует гедонизм. Однако в действительности о нем можно сказать словами гетевского Мефистофеля:

«Он называет это разумом, используя свет небесный,
Чтобы превзойти животных в скотстве».

Две вещи затрудняют процесс возмужания: большой город с его ненормальными условиями и демон в нас самих. На молодого человека, впервые приехавшего в большой город, возможно из

надежного отчего дома, обрушивается масса новых впечатлений. Непрекращающийся шум, увлекательные зрелища, эротические книги и журналы, нездоровый воздух, спиртные напитки, театры и вызывающе одетые женщины встречаются ему на каждом шагу. Кто в силах устоять перед столь стремительным натиском? Не забывайте и о внутреннем дьяволенке, который всегда готов уступить внешним искушениям. Ницше прав, когда говорит, что «душа погрузилась в трясину». В душе каждого человека «существует чулан, в котором воют дикие собаки» в ожидании, когда их выпустят на волю.

Многие падают жертвой компульсивной безнравственности, поскольку им своевременно не объяснили, какие опасности таятся здесь. Такие люди будут признательны за предостережение и совет, которые позволят им повернуть назад.

Первое проявление безнравственности, с которым человек обычно сталкивается в своей жизни,—это **мастурбация**. Научные исследования показывают, что это происходит в поразительно раннем возрасте. Действительно, последствия этой дурной привычки нередко преувеличиваются. И тем не менее мнение известных врачей может навести многих на размышления. Профессор Гартунг, ведущий дерматолог в больнице Аллерхайлиген в Бреслау, говорит по этому поводу следующее: «Потворство этой склонности, несомненно, причиняет значительный вред организму и впоследствии приводит к различным расстройствам. Обычно они проявляются в форме общей нервозности, физической слабости и потере трудоспособности».

Он также подчеркивает тот факт, что молодой человек, занимающийся онанизмом, расценивает это занятие как нечто непристойное; он теряет уважение к себе и ясное выражение лица. Постоянное сознание существования отвратительной тайны, которую необходимо скрывать от других, представляется ему нравственно унизительным. Далее он отмечает, что молодые люди, предающиеся этому пороку, становятся вялыми, неаккуратными, теряют желание работать; нервозность и раздражительность ослабляют их память и снижают трудоспособность.

С доктором Гартунгом соглашаются другие известные врачи, посвятившие свои исследования этой теме.

Но мастурбация не только портит кровь, она разрушает духовные силы и запреты, необходимые для реализации процесса возмужания. Она лишает душу решительности. **Превращаясь в привычку**, она вызывает угрызения совести.

И все же **безнравственное отношение к противоположному полу** приводит к более тяжелым последствиям. Безусловно, венерическая болезнь является лишь неотвратимым результатом таких прегрешений. Поразительно, насколько неосмотрительно ведут себя вполне здравомыслящие люди.

Доктор Пауль Лазарус, профессор Берлинского университета, рисует потрясающую картину тяжелых психических и физических расстройств, вызванных в нашем народе венерическими заболеваниями.

Безусловно, одним из главных могильщиков нашей национальной энергии является **сифилис**.

Но не менее опасной и тяжелой болезнью также является и гонорея, к которой столь легкомысленно относятся многие люди. Избавиться от легкомысленного отношения к этой болезни может позволить упоминание о том, что медицина не гарантирует полного излечения.

Профессор Бинсвангер сообщает о венерических заболеваниях следующее: «Примечательно, что случаи инфицирования, которым вначале не придают значения, приводят к жестоким страданиям. Нередко проходит много лет между первоначальным инфицированием и проявлением неизлечимого нервного заболевания. Инфицирование половым путем в предыдущие годы служит причиной 60 процентов случаев заболевания венерической болезнью, которая так часто встречается в наше время и называется неспециалистами размягчением мозга».

Разве не потрясает до глубины души мысль о том, что из-за грехов нашей молодости будут страдать от таких ужасных болезней те, кто в один прекрасный день станут нашими близкими (жена и ребенок)?

Но я считаю необходимым упомянуть еще об одном отклонении, которое получило значительно большее распространение, чем принято думать. Я имею в виду **гомосексуализм**. Давайте сразу внесем ясность в этот вопрос. Я хотел бы выразить глубокое сочувствие и понимание всем тем, кто в силу склонности или наследственности в этой области ведет тайную, а нередко и отчаянную борьбу за сохранение своей чистоты. Я приветствую тех, кто одерживает победу, ибо на их стороне сражается бог. Подобно тому, как Иисус возлюбил грешника, помогал каждому нуждавшемуся в помощи и в то же время боролся с самим грехом, мы так же будем бороться с гомосексуализмом как явлением, которое в целом развращает нашу молодежь и народ. Уже было время, когда мир стоял на краю гибели в потоке порочности. В то время Евангелие одержало победу над культурой, погрязшей в распутстве и похоти, и создало новую культуру. Говоря о рабах и жертвах таких пороков, апостол Павел писал римлянам: «...подобно и мужчины, оставивши естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчина на мужчинах делая срам... **Потому и предал их Бог...**» («Послание к Римлянам», 1:27). Гомосексуализм—это печать Каинова, печать безбожной, бездумной, больной культуры. Он возникает на основе господствующего мировоззрения, высшей целью которого является любовь к наслаждению. В своей работе «Сексуальная этика» профессор Ферстер справедливо отмечает: «Все извращенное, демоническое и порочное осмеливается открыто выступать, когда осмеивается духовный героизм и прославляется экстравагантность. Действительно, порок глумливо выставляет здоровое как болезнь и утверждается в качестве нормы жизни».

В наше время мы видим такие проявления порока, о существовании которых человек боится признаться при всей своей по-

тайной греховности. Обнаруживается нечто совершенно иное, и тогда человек понимает, что помочь ему может только духовная сила Евангелия Иисуса Христа.

На сказанное, однако, можно возразить следующим образом: «Разве мы не имеем дело с природным инстинктом, который нуждается в удовлетворении?» Необузданные страсти не естественны, а в высшей мере противоестественны. **В подавляющем большинстве случаев возникновение и развитие порочного желания происходит на основе чувства своей вины и вины других.** Возьмите алкоголика или наркомана. Разве его стремление к употреблению алкоголя или морфина являются чем-то естественным? Это стремление становится противоестественным только при постоянном потворстве пороку. Инстинкт, помещенный в наши души богом, сам по себе хорош и без труда поддается обузданию. Тысячи людей умеют контролировать его проявления надлежащим образом.

«Но не пагубно ли такое воздержание для здоровья взрослого человека?» Упомянутый профессор Гартунг отвечает на этот вопрос коротко и ясно: «Нет, не пагубно. **Вас вводит в заблуждение тот, кто говорит вам, что здоровый человек может заболеть от целомудрия и воздержания в широком смысле этих слов.** И если он говорит, предварительно обдумав свои слова, тогда это либо невежественный, либо порочный человек».

Необходимо сразу предостеречь от использования противозачаточных средств. Единственное надежное средство защиты — это воздержание до бракосочетания.

Я попытался честно и правдиво показать последствия безнравственного поведения. Вы убедились в разрушении тела и духа тех, кто предается грехам. Следует, однако, упомянуть и пагубное влияние порока на душу. Уверяю вас, что **непристойное поведение — это преступление против бога. Оно лишает человека духовного спокойствия и не позволяет ему достичь подлинной радости и безмятежности.** Ибо сказано: «Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление...» («Послание к Галатам», 6:8).

Дух мира сего неизбежно появляется там, где утрачивается связь с горним миром.

Я хотел бы дать несколько советов и ободрить тех, кто не хочет стать или оставаться жертвой безнравственности. Необходимо полностью покончить с прегрешениями **мыслью, словом и делом.** К этому должен стремиться тот, кто не хочет стать рабом порока. Очевидно, что не следует искать **мест морального разложения,** где царят пороки. Необходимо сторониться всего, что способствует моральному разложению. Ни в коем случае нельзя вступать в общение и половые связи с аморальными молодыми людьми и женщинами. Следует воздерживаться от чтения непристойных книг, просмотра гнусных картин и посещения сомнительных представлений. Короче говоря, вам необходимо искать хороших товарищей, которые могут помочь вам сохранить нравственность и возвыситься духом. Можно рекомендовать все, что укрепляет тело и облегчает борьбу с аморальностью: гимнастика, спорт, плавание и длительные прогулки. Не лежите в постели после сна.

Умеренность в употреблении пищи и напитков. **Не употребляйте алкогольные напитки.** Всего этого, однако, может оказаться недостаточным для тех, кто, даже при выполнении наших рекомендаций, вынужден признать, что освобожденный инстинкт слишком силен.

Где мы можем обрести твердость для сопротивления, энергию для победы, чтобы не утратить лучшее в нас, нашу личность? При появлении искушения, когда яркое пламя чувственного наслаждения вырывается на волю, мы обнаруживаем, что одно воспитание не в состоянии помочь нам. Энергия, жизненная энергия, — вот что нам нужно для овладения своими стремлениями и низменными силами как в нас самих, так и вне нас. Источником такой энергии может быть только Иисус. Своей искупительной смертью он искупил наши грехи, чтобы мы смогли обрести покой и избавиться от обвинений совести. Его дух служит для нас источником жизненной энергии для построения новой, чистой жизни. **Благодаря ему даже парализованная грехом воля может вновь обрести твердость и воскреснуть к свободе и жизни,** и тогда она успешно выдержит испытание в суровой борьбе с пороком.

Пусть тот, кто действительно стремится к свободе, **придет к живому спасителю, который лишил грех его власти и служит для всех источником безграничной энергии и помощи. Это не христианская теория, а факт, который находит подтверждение в повседневной жизни многих молодых людей, испытывающих жестокие страдания.** При возможности **откройте душу перед истинным христианином и настоящим другом,** который может дать совет и помочь в вашей борьбе. **Ибо предстоит борьба, но эта борьба предвещает победу.**

Позвольте мне в заключение задать вам личный вопрос: как у тебя, мой друг, обстоят дела и как ты поступишь с этим наставлением?

Ты собираешься разрушить свою жизнь в угоду легкомысленным, беспринципным людям? Или ты намерен присоединиться к чистым, благородным людям, общение с которыми возвысит твою душу и укрепит волю к борьбе со всем низменным? Кем ты хочешь стать? Человеком, чьи слова, дела и сама жизнь будут проклятьем для самого себя и других? Или человеком, который неизменно стремится к совершению благодеяний для своих близких?

К чему ты стремишься? К вечной погибели твоего тела и души ради нескольких мгновений преходящего наслаждения? Или к спасению, пока у тебя осталось время?

Прошу тебя, дай честный ответ на эти вопросы. Соберись с духом и сделай то, что бог открыл тебе.

Сделай честный выбор! Сей мир или горний мир? Животное или духовная личность? Высадиться или выброситься на берег?

Эта брошюра ставит перед молодежью альтернативу: бог или сексуальность. Безусловно, для достижения «зрелости» или

«сверхчеловеческого достоинства» требуется наряду с антисексуальностью и нечто иное, хотя асексуальность составляет первую предпосылку этой брошюры. Противопоставление между «животным» и «духовной личностью» следует из противопоставления между «сексуальным» и «духовным». Это противопоставление неизменно составляет основу любой теософскоморальной философии. До настоящего времени эта философия считалась неопровержимой, поскольку ее основа — отрицание существования пола — не подвергалась критике.

Начиная с раннего детства, обычный молодой человек сталкивается с конфликтом между сексуальностью и страхом, наследием авторитарной семьи. Брошюры, аналогичные вышеупомянутой, подталкивают молодого человека к мистицизму, не избавляя его от трудностей. Католическая церковь обходит стороной эту трудность с помощью отпущения грехов (мастурбации) на исповеди. Однако при этом она сталкивается с другой трудностью. Церковь сохраняет свою опору в массах двумя путями: она приводит массы к послушанию с помощью сексуальной тревоги и подчеркивает свою антикапиталистическую позицию. Она осуждает жизнь большого города, сбивающего с пути многих молодых людей и женщин, поскольку должна вести борьбу с революционной сексуальной силой, которую большой город пробуждает в душах молодежи. С другой стороны, для половой жизни масс, сосредоточившихся в больших городах, характерно наличие острого противоречия между актуальной половой потребностью и минимальными материальными и структурными возможностями для наслаждения. В принципе, особенность этого противоречия заключается в использовании всех возможных средств для защиты авторитета семьи, подорванного экономическими кризисами и сексуальными страданиями. Осознание таких противоречий имеет существенно важное значение, поскольку открывает широкие возможности для нанесения удара реакционной идеологии в самом слабом месте.

Где может молодой человек обрести энергию для подавления генитального возбуждения? В вере в Иисуса! Действительно, для борьбы со своей сексуальностью он черпает огромную силу в вере в Иисуса. Что лежит в основе этого механизма? Мистические переживания приводят такого юношу в состояние вегетативного возбуждения, которое никогда не завершается естественным оргастическим удовлетворением. Развитие полового влечения у юноши осуществляется в направлении пассивного гомосексуализма. Энергия влечения позволяет пассивному гомосексуализму эффективно выступать в качестве противника естественной мужской сексуальности, поскольку она производит замену активности и агрессивности на пассивность и мазохистские установки, т. е. те установки, которые определяют массовую основу патриархально-авторитарного мистицизма в структуре личности. Такой процесс, однако, предполагает наличие абсолютной лояльности, веры в авторитет и приспособляемости к патриархальному институту обязательного брака. Короче говоря, религиозный мистицизм противопоставляет генно половое влечение другому. Для достижения своих целей он использует сексуальные механизмы. Эти негенитальные сексуальные импульсы, частично активизируемые и частично максимизируемые мистицизмом, в свою очередь определяют массовую психологию его последователей: моралистический мазохизм (нередко с отчетливыми физическими проявлениями) и пассивную зависимость. Религия черпает свою силу из подавления генитальной сексуальности, которая приводит на втором уровне к регрессии по линии пассивного и мазохистского гомосексуализма. Таким образом, в аспекте динамики влечения, религия опирается на генитальную тревожность и замещение генитальности вторичными импульсами, которые перестают быть естественными для подростка. В работе с религиозно-мистическими подростками задача сексуальной энергетики заключается в противопоставлении естественных генитальных влечений вторичным (гомосексуальным) мистическим побуждениям. Это противопоставление вполне соответствует объективному направлению развития социального прогресса в сексуально-энергетической сфере: устранение отрицания генитальности и утверждение генитальной сексуальности подростков.

Тем не менее рассматриваемый вопрос не исчерпывается раскрытием механизма, посредством которого осуществляется закрепление религии в психологической структуре масс. В этом отношении особое значение приобретает культ Девы Марии. Рассмотрим еще одну характерную брошюру.

ПОЧИТАНИЕ ДЕВЫ МАРИИ И МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Герхард Кремер, доктор теологии

Действительно набожная католическая молодежь неизменно испытывает чувство искренней любви к идеалу Девы Марии. Это отнюдь не означает, что почитание Девы Марии отвлекает от глубокой привязанности к Христу. Напротив, подлинное почитание Девы Марии неизменно приводит к Христу и нравственным устоям жизни. Мы не можем обойтись без идеала Девы Марии в области нравственно-религиозного воспитания нашей молодежи.

Молодость — это период становления, внешней и внутренней борьбы. В это время в душе человека идет брожение и борьба, пробуждаются бурные стремления. Для того чтобы справиться с внутренним напряжением, молодежи нужен светозарный, мощный идеал, способный выстоять под натиском бурных стремлений. Этот идеал должен возвышать нерешительный ум и укреплять робкую душу. Его сияние затмевает все низменное и порочное. **Таким идеалом является Дева Мария, ибо в ней воплощаются сияющая чистота и красота.** «Говорят, что существуют женщины, одно присутствие которых изгоняет порочные мысли и ограждает уста от двусмысленных слов. Дева Мария служит воплощением такой женщины. Юный рыцарь, посвятивший себя служению Деве Марии, не способен к вульгарности. Если же он, забыв о ее присутствии, оступится, воспоминание о ней вызовет безутешную печаль в его душе и одновременно поможет благородному юноше восстановить ее авторитет» (П. Шильген).

Для молодого человека Дева Мария олицетворяет непревзойденную красоту, благородство и достоинство. Ничего подобного невозможно найти ни в природе, ни в искусстве, ни в мире людей. Почему артисты и художники вновь и вновь обращаются в своем творчестве к образу Мадонны? Потому что они видят в ней самую возвышенную красоту и достоинство. Эта красота и достоинство неизменно сохраняют свое очарование. В ней воплощены повелительница и королева, «служение и жизнь ради которой составляют высшую честь для молодого человека. Мы видим в ней благородную даму и невесту духа, которой вы можете посвятить всю силу любви, рвущейся из вашего молодого сердца, не опасаясь нравственного разложения».

Идеал Девы Марии должен вдохновлять молодых людей. Своим сиянием он должен нести спасительную силу, особенно в то время, когда человеку доставляет удовольствие бросать тень на сияющее и увлекать возвышенное в трясину. В этом идеале молодой человек действительно увидит возвышенную красоту и целомудрие. Он обретает здесь силы, чтобы следовать нелегким путем даже тогда, когда все остальные утратили все лучшее в своих душах. Идеал Девы Марии укрепит колеблющегося и поднимет падшего. Действительно, он способен настолько потрясти душу падшего, что он воспрянет с новой отвагой. Дева Мария — это сияющая звезда, озаряющая страсть юности во мраке ночи, та звезда, которая пробуждает в нем все благородное в период потрясения в его душе всех внутренних основ.

О юноша, устремленный к идеалу и сражающийся за святые добродетели, **подними свой взор на свою владычицу и королеву.** Как может юноша взглянуть на нее, не будучи преисполненным святым идеализмом? Как может он обращаться к ней, вознося молитву Богородице без страстного стремления к целомудрию! Как может он распевать гимны о Деве Марии без стремления к борьбе? Как может юноша, постигший идеал Девы Марии, лишить женщину целомудрия? Как может он называть ее матерью и королевой и затем бесчестить женщин? **В тех случаях, когда**

юноша серьезно **относится к идеалу Девы Марии, этот идеал становится для него могучим стимулом к достижению непорочности и мужественности.** «Взирая на ее образ в своем сердце, разве не должен ты стремиться к непорочности, сколь бы трудной ни была твоя борьба?»

Отношение молодого человека к девушкам и женщинам определяет его нравственное поведение.

«В прежние времена, при посвящении в рыцари, мужчина давал торжественное обещание защищать беззащитных женщин. В те времена в честь Царицы Небесной возводились соборы» (П. Геммель). Существует тесная связь между поклонением Деве Марии и подлинно рыцарским отношением к женщинам. Вдохновляемый идеалом Девы Марии рыцарь всегда хранит в своей душе обет, в основе которого лежит благоговение перед достоинством и величием женщины. Таким образом, посвящение в рыцари в средние века обязывало молодого человека хранить верность святой любви и защищать честь женщины. Эти символы рыцарства давно вышли из употребления, но что особенно вызывает печаль, так это **исчезновение благоговейного отношения к женщине** в среде молодых людей и появление вместо него **фривольно-непристойного отношения, свойственного рыцарям-разбойникам.** В наши дни настоящий мужчина обязан защищать честь и невинность женщины подобно тому, как древние рыцари оружием защищали хрупкую женственность и целомудрие. Женщины способны без труда распознать подлинную мужественность и истинное благородство сердца. Счастлив юноша, оградивший броней свою страсть! Счастлива девушка, обретшая любовь такого юноши! **«Не причиняй ничего дурного девушке и помни, что твоя мать тоже когда-то была девушкой».**

Тот, кто сегодня молод, завтра станет супругом. Как сможет супруг (мужчина) с уважением относиться к женщине, если жених (молодой человек) осквернил любовь и помолвку! Помолвка — это время **неосквернённой любви.** Насколько счастливее станет участь многих мужчин, если в среде молодежи будет жив идеал Девы Марии. Сколько мук и печали исчезнет, если молодые люди не будут столь бессовестно пользоваться девичьей любовью. **Молодые люди, пусть идеал Девы Марии озарит своим светом вашу любовь, чтобы сберечь вас от нравственного падения.**

Идеал Девы Марии имеет огромное значение для нашей молодежи. Поэтому мы и развернули стяг Девы Марии в наших молодежных клубах и конгрегациях. Пусть молодые католики соберутся вокруг этого стяга!

Katholisches Kirchenblatt, №. 18, May, 3, 1931

Здесь очень удачно обрисован культ Девы Марии, как средство внедрения в сознание идеи целомудрия. В этом случае мы должны еще раз рассмотреть психологический механизм, обеспечивающий выполнение поставленных задач. Здесь речь идет о влиянии

культа Девы Марии на большинство молодых людей. В принципе, проблема заключается в преодолении генитальных побуждений. Культ Девы Марии мобилизует гетеросексуальные силы подобно тому, как культ Иисуса мобилизует силы пассивного гомосексуализма на борьбу с генитальными побуждениями. «Не причиняй ничего дурного девушке и помни, что твоя мать тоже когда-то была девушкой». Отсюда видно, что в эмоциональной жизни христианской молодежи Богоматерь присваивает роль реальной матери юноши, который изливает на нее всю любовь, ранее предназначавшуюся его матери, т. е. пылкую любовь своих первых генитальных желаний. Но инцестивный запрет раскалывает его генитальные желания на страстное стремление к оргазму, с одной стороны, и асексуальную нежность, с другой. Поскольку страстное стремление к оргазму подавляется, его энергия усиливает стремление к нежности, придавая ему форму почти неразрывной связи с мистическим переживанием. Это страстное переживание оказывает яростное сопротивление не только инцестивному желанию, но установлению любой естественной генитальной связи с женщиной. Жизненная энергия (и огромная любовь), затрачиваемая здоровым юношей на реализацию оргастической связи со своей любимой, используется мистиком для защиты мистического культа Девы Марии после подавления генитальной чувственности. Она служит источником, из которого мистицизм черпает свои силы. Эти силы нельзя недооценивать хотя бы потому, что они остаются неудовлетворенными. Они позволяют понять не только вековую власть мистицизма над человеком, но и механизмы торможения реализации ответственности масс.

В этом отношении представляется несущественным объект поклонения, будь то Дева Мария или любой другой идол. Существенно важным является **процесс формирования массовой мистической структуры** в каждом новом поколении. Но мистицизм представляет собой не что иное, как бессознательное стремление к оргазму (космическо-плазматические ощущения). Здоровая, оргастически сильная личность способна испытывать благоговение перед историческими персонажами. Но между его отношением к древней истории человечества и его сексуальным счастьем не существует никакой связи. Для того чтобы быть знатоком истории, не обязательно быть мистиком, реакционером или рабом метафизики. Здоровая подростковая сексуальность необязательно должна подавлять чувство благоговения, вызываемое легендой об Иисусе. Ветхий и Новый Заветы можно ценить как изумительные достижения человеческого ума, но это не означает, что такую

оценку необходимо использовать для подавления сексуальности. Мой врачебный опыт показывает, что юноши, страдающие половыми расстройствами, дают неадекватную оценку легенде об Иисусе.

ЗДОРОВАЯ И НЕВРОТИЧЕСКАЯ УВЕРЕННОСТЬ В СЕБЕ

Для молодого человека, достигшего половой зрелости и обладающего сексуально-энергетической структурой, оргастический контакт с женщиной является приятной связью, которая возвышает партнера и устраняет любое стремление унизить достоинство женщины, разделившей с данным юношей оргастическое переживание. В случае оргастического бессилия в действие могут вступить только защитные психические силы, которые проявляются в форме омерзения и отвращения к генитальной чувственности. Эти защитные силы черпают энергию из нескольких источников. Прежде всего следует отметить, что защитные силы по меньшей мере не уступают генитальному стремлению, которому они оказывают противодействие. В случае неудовлетворенности стремление лишь усиливается, причем бессознательный характер генитального стремления не имеет никакого значения. Кроме того, действительное огрубление сексуальной сферы современной личности отчасти оправдывает проявление чувства отвращения к половым сношениям. Эта **огрубленная** сексуальность становится прототипом сексуальности вообще. Таким образом, компульсивная мораль формирует структуру, к которой она впоследствии обращается для оправдания своего существования («сексуальность внесоциальна»). Третий эмоциональный источник защитных сил — это садистское представление о сексуальности, которое усваивается детьми патриархально-культурных семей в раннем детстве. Поскольку любое торможение генитального удовлетворения усиливает садистский импульс, вся сексуальная структура приобретает садистский характер. Более того, реакционно-сексуальное утверждение о том, что половое сношение унижает достоинство женщины, находит отклик в психологической структуре подростка, поскольку генитальные притязания замещаются анальными. Эффективность этого утверждения объясняется существующим извращением в психологической структуре подростка, т. е. на основании личного опыта подросток уже составил садистское представление о половом сношении. Таким образом, в этом случае мы также находим подтверждение тому, что защитные силы обязательной морали создают в структуре личности основу для реали-

зации власти политической реакции. Более отчетливо здесь проявляется связь между мистическими чувствами и сексуальной «моралью». В принципе, отрицание существования генитальных стремлений составляет основу мистического переживания независимо от его содержания. Различие между сексуальной и мистической реакцией заключается в том, что мистическая реакция не позволяет воспринимать половое возбуждение и предотвращает оргастическую разрядку даже в случаях так называемого религиозного экстаза.

При этом оргазм и восприятие полового желания в биопсихике постоянно замещается мистическим возбуждением. Сам половой акт воспринимается как нечто унизительное. При этом естественное удовлетворение никогда не реализуется во всей полноте.

Защита оргастического желания побуждает эго формировать компульсивные концепции «чистоты» и «совершенства». Здоровая чувственность и способность удовлетворять свои желания порождают естественное чувство уверенности в себе. Защитные образования в психологической структуре мистика приводят к возникновению патологического чувства уверенности в себе. Как и националист, мистик формирует чувство уверенности в себе на основе защитных установок. Однако самоуверенность мистика даже внешне отличается от самоуверенности, проистекающей из естественного генитального удовлетворения. Самоуверенность мистика отличается акцентированностью. Ему недостает естественности в поведении. Для него характерны чувства сексуальной неполноценности. Это позволяет понять, почему человек, в сознании которого закрепились мистические или националистические «нормы этики», обладает высокой восприимчивостью к таким модным словечкам политических реакционеров, как честь, чистота и др. Он вынужден постоянно напоминать себе о необходимости быть честным и чистым. Генитальный тип личности не нуждается в постоянных напоминаниях, поскольку проявления чистоты и честности имеют у него спонтанный характер.

Глава VIII

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СЕКСУАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В исследованиях реакционных теоретиков постулируется «разделение между тем, что есть, и тем, что должно быть», между познанием и исполнением». Поэтому такие исследования считаются «аполитичными», т. е. оторванными от политики. Действительно, логика утверждает, что долженствующее существовать невозможно вывести из существующего. В данном случае мы признаем правомерность ограничения, которое позволяет теоретику воздержать себя исследованиям, не делая сразу выводов, присущих любому серьезному научному открытию. Такие выводы всегда прогрессивны и очень часто имеют революционный характер. Мы полагаем, что развитие теоретических взглядов определяется насущными потребностями, необходимостью решать практические задачи. Наши теоретические взгляды должны приводить к новому, более адекватному, действию и решению практических задач. Наша теория имеет ценность лишь постольку, поскольку подтверждается практикой. Все остальное мы оставляем на усмотрение интеллектуальных жонглеров, блюстителей иерархии «ценностей». Прежде всего необходимо исправить основную ошибку теологии, которая закоснела в оторванных от практики теориях и поэтому не способна указать разумный выход. Мы согласны с многими исследователями, которые полагают, что все формы религиозного мистицизма означают невежество и ограниченность. Известно, что на многие столетия религиозность превратилась в орудие власти. В этом вопросе мы также согласны с мнением некоторых исследователей-теоретиков. Мы отличаемся от них лишь решимостью вести борьбу с мистицизмом и претворить наши знания в жизнь. На вопрос, не исчерпала ли естественная наука все свои возможности в борьбе с мистицизмом, мы должны дать отрицательный

ответ. И тем не менее мистицизм держит народные массы в слепом повиновении. Прежде чем продолжить наше исследование, мы вкратце подведем итоги этой борьбы.

ИСТОРИЯ БОРЬБЫ С МИСТИЦИЗМОМ

Процесс развития мистицизма и борьбы с ним можно разделить на четыре общих этапа. Первый этап характеризуется полным отсутствием естественно-научных взглядов, вместо которых господствуют анималистические взгляды. Испытывая страх перед тем, что представляется непостижимым, первобытный человек стремится найти объяснение явлениям природы. Он стремится обезопасить свою жизнь и найти защиту от могучих сил природы. Он достигает этого (субъективно, но не объективно) с помощью мистицизма, предрассудков и анималистических подходов к естественным процессам, в том числе и к своим внутренним, психическим процессам. Например, он полагает, что возведение фаллических скульптур повышает плодородие почвы, а мочеиспускание изгоняет засуху. Основные особенности этой ситуации остаются неизменными среди всех народов вплоть до конца средних веков, когда несколько технических открытий придали серьезный характер робким попыткам научного осмысления природы. Эти попытки постепенно создают все большую угрозу существованию мистицизма. Во время Великой французской революции вспыхнула яростная борьба с религией за распространение знаний. Приближается время, когда мистическое объяснение природы сменится научным и техника станет играть более важную роль в деле удовлетворения человеческой потребности в защите (второй этап). Однако теперь, придя к власти, революционеры утратили свою революционность. Они изменяют точку зрения и создают противоречие в культурном процессе. С одной стороны, они всеми средствами поощряют проведение научных исследований, поскольку они способствуют развитию экономики. В то же время они оказывают поддержку мистицизму и превращают его в самое сильное орудие подавления миллионов наемных рабочих (третий этап). Это противоречие находит трагикомическое выражение в таких фильмах, как «Природа и любовь», где каждая часть имеет два заголовка. В первом заголовке помещается такой текст: «В течение многих миллионов лет развитие Земли определялось космическими, механическими и химическими процессами». Под этим заголовком находится другой заголовок: «Вначале сотворил Бог небо и землю». Весьма почтенные ученые, астрономы и химики сидят в зале и спокойно смотрят на это нелепое сочетание, пола-

гая, что «религия тоже имеет свою положительную сторону». Вряд ли разделение между теорией и практикой может быть показано с большей наглядностью! Упорное нежелание ознакомить широкие слои населения с результатами научных исследований поощряет покорность, неразборчивость, добровольное самоограничение, надежду на счастье в потустороннем мире, веру в авторитет, признание святости аскетизма и укрепление авторитарной семьи. Рабочие и связанные с ними буржуазные группы основали движение вольнодумцев, которое осуществляет свою деятельность в рамках, определяемых либеральной буржуазией. Если вольнодумцы ограничиваются использованием интеллектуальных средств, то церковь пользуется поддержкой властных структур государства и использует в своих интересах такие мощные эмоциональные силы психологии масс, как сексуальная тревога и сексуальное вытеснение. В эмоциональной сфере эта огромная сила не встречает противодействия со стороны соответствующей эмоциональной силы. Что касается методов сексуальной политики, то они применяются вольнодумцами только для решения философских проблем и вопросов демографической политики. В лучшем случае они включают в свою программу требование экономического равенства для женщин, которое, впрочем, не в состоянии подорвать влияние мистицизма на массы, поскольку у большинства женщин стремление к экономической независимости сдерживается страхом перед сексуальной ответственностью — неизменной спутницей экономической независимости.

Трудности, связанные с преодолением указанных эмоциональных факторов, вынуждают революционных вольнодумцев отодвинуть так называемые философские вопросы на задний план, поскольку нередко достигается цель, противоположная поставленной. Эта точка зрения, разумеется, оправданна, так как мистицизму невозможно противопоставить соответствующую эмоциональную силу.

Русская революция поднимает борьбу с религией на небывало высокий уровень (четвертый этап). Рычаги власти перешли из рук церкви и монополистического капитала в руки советских исполкомов. Антирелигиозная борьба становится на прочную основу; происходит перестройка экономики на коллективной основе. Впервые появляется возможность произвести на массовом уровне замену религии естественной наукой, заменить чувство защищенности, вызванное предрассудками, развивающимися техническими знаниями и уничтожить сам мистицизм с помощью социологического разъяснения его задач. В принципе, борьба с религией в

СССР ведется тремя способами: устранение экономической основы (непосредственно экономический способ), антирелигиозная пропаганда (непосредственно идеологический способ) и повышение культурного уровня масс (косвенно-идеологический способ).

Об огромном значении аппарата власти церкви свидетельствуют статистические данные, которые проливают свет на условия жизни в старой России. В 1905 году русская церковь владела 2611 000 десятинами земли (около 2 миллионов гектаров). В 1903 году приходским церквам принадлежали 908 зданий в Москве; 146 зданий принадлежали монастырям. Годовой доход архиепископов составил 84000 рублей в Киеве, 259000 рублей в Петербурге, 81000 рублей в Москве, 307000 рублей в Нижнем Новгороде. Доходы от религиозных обрядов, полученных натурой и в форме пожертвований, с трудом поддаются определению. Двести тысяч человек работали на церковь, причем за счет массового налогообложения. Троицкая лавра, которую ежегодно посещают около ста тысяч паломников, владеет церковной утварью стоимостью 650 миллионов рублей.

Опираясь на свою экономическую мощь, церковь могла оказывать существенное идеологическое влияние. Разумеется, церковники контролировали все школы, в которых господствовало одно вероисповедание. Первая статья Конституции царской России гласит: «Правитель всех россиян является автократическим и абсолютным монархом, и сам бог предписывает добровольное подчинение его высшей власти». Мы уже знаем, что олицетворяет «бог» и на какие инфантильные чувства в психологической структуре опираются такие притязания на власть. Аналогичная реформа церкви была проведена Гитлером в Германии. Он расширил рамки абсолютной власти церкви и предоставил ей пагубное право на воспитание эмоций школьников с целью подготовки их к восприятию реакционных идеологий. Задача повышения «морального уровня» имеет первостепенное значение для Гитлера, который выполняет волю нашего бога. Однако вернемся к старой России.

В богословских академиях и семинариях существовали специальные кафедры теоретической борьбы с революционным движением. 9 января 1905 года появилась клерикальная прокламация, в которой восставшие рабочие обвинялись в том, что они были подкуплены японцами. Февральская революция 1917 года вызвала лишь незначительные изменения. Все церкви были поставлены в равные условия, но долгожданное отделение церкви от государства так и не состоялось. Крупный землевладелец князь Львов возглавил церковную администрацию. На церковном соборе, состоявшемся в октябре 1917 года, большевики были отлучены от церкви. Патриарх Тихон объявил им войну.

23 января 1918 года Советское правительство издало следующий декрет:

«Что касается религии, то Российская коммунистическая партия не собирается мириться с существующим отделением церкви от государства и школы. Короче говоря, партию не удовлетворяют меры, указанные и в программах буржуазных демократий, которые не в состоянии реализовать эти меры в полном объеме ни в одной стране мира в силу многочисленных фактических связей между капиталом и религиозной пропагандой.

Российская коммунистическая партия считает, что реализация систематичности и сознательности во всей социально-экономической жизни масс приведет к полному отмиранию религиозных предрассудков. Партия стремится к полной ликвидации всех связей между классом эксплуататоров и организацией религиозной пропаганды. Она организовала проведение всесторонней научной пропаганды разъяснительного и антирелигиозного характера. Эта пропаганда фактически способствует освобождению трудящихся от религиозных предрассудков. В то же время необходимо делать все возможное, чтобы не оскорбить чувства верующих, так как это может привести только к усилению религиозного фанатизма.

Отсюда следует, что запрету подлежат местные указы, ограничивающие свободу совести или предоставляющие привилегии членам определенной конфессии на территории республики (параграф 2 настоящего декрета).

Каждый гражданин имеет право исповедовать по своему выбору любую религию или не исповедовать никакой религии. В этой связи отменяются все предыдущие ограничения прав.

Из всех официальных документов необходимо исключить любое упоминание о вероисповедании гражданина (параграф 3 настоящего декрета).

Деятельность всех государственных и других официальных и социальных учреждений должна осуществляться без соблюдения религиозных обычаев и обрядов (параграф 4).

Гарантируется свобода отправления религиозных обрядов при условии, что они не приводят к нарушению общественного порядка и прав граждан Советского Союза. В тех случаях, когда имеют место нарушения порядка и прав граждан, местные органы власти имеют право принять все необходимые меры для восстановления спокойствия и порядка.

Исключения из этого правила допускаются в каждом отдельном случае только на основании решения народного суда, при условии замены одного гражданского долга другим (параграф 6).

Отменяется религиозная присяга. В случае необходимости разрешается сделать официальное заявление (параграф 7).

Регистрация семейного положения осуществляется только органами гражданской власти, а именно в бюро записи актов гражданского состояния (параграф 8).

Школа отделяется от церкви.

Во всех государственных, общественных и частных учебных заведениях с общеобразовательной программой запрещается распространение религиозных взглядов (параграф 9).

Все клерикальные и религиозные общества должны руководствоваться общими постановлениями, регламентирующими деятельность частных обществ и ассоциаций. Они не имеют права на получение привилегий и субсидий от государства или местного органа самоуправления (параграф 10).

Запрещается взимать налоги с членов в пользу клерикальных или религиозных обществ (параграф 11).

Клерикальные и религиозные общества не имеют прав на частную собственность. Кроме того, не имеют прав и корпоративные организации (параграф 12).

Вся собственность клерикальных и религиозных организаций в России объявляется народной собственностью.

Все здания и сооружения, необходимые для проведения религиозных обрядов, бесплатно передаются различным религиозным обществам на основании специальных постановлений местных и центральных органов власти (параграф 13).

Священники, монахи и монахини не имеют ни активного, ни пассивного права на участие в голосовании, поскольку они не участвуют в производительном труде».

Уже 18 декабря 1917 года право на осуществление регистрации актов гражданского состояния было передано советским органам власти. В Комиссариате юстиции был создан ликвидационный отдел, который приступил к ликвидации церковных владений. Например, в монастыре Троицкой лавры были созданы школа подготовки учителей и академия электротехнического отдела Красной Армии. На территории монастыря разместились объединения и коммуны рабочих. Сами церкви постепенно превратились в читальни и рабочие клубы. Антирелигиозная пропаганда началась с разоблачений обмана народа клерикальными иерархами. Так, источник святой воды в Сергиевской церкви оказался простым насосом. Мощи многих святых оказались не чем иным, как искусно выделанными кусками кожи. За разрешение приложиться к мощам святого приходилось платить. Разоблачение подделки мощей состоялось при большом стечении народа и произвело большое впечатление на присутствующих. Разумеется, безбожная пропаганда наводнила города и села миллионами разъяснительных брошюр и газет. Создание антирелигиозных, естественнонаучных му-

зеев позволило противопоставить научное мировоззрение предрассудкам.

Несмотря на все это, в 1929 году мне сообщили в Москве, что религиозные секты были единственными хорошо организованными контрреволюционными группами. Отношение религиозных сект к половой жизни своих членов и к сексуальной структуре общества в целом не было использовано в Советском Союзе как в теоретическом, так и в практическом отношении. Это упущение привело к серьезным последствиям.

Таким образом, следует признать неверным утверждение о том, что церковь в Советской России была «уничтожена». Человек имеет право исповедовать религию, на которую пал его выбор. Церковь утратила лишь социально-экономическую гегемонию. Она лишилась права принуждать неверующих верить в бога. Наука и атеизм наконец получили такие же социальные права, как и мистицизм. Клерикальные иерархи больше не вправе были решать вопрос об изгнании в ссылку представителей естественной науки. Вот и все. Однако церковь была недовольна и впоследствии, после крушения сексуальной революции (начавшегося с 1934 года), вернула в свое лоно много людей.

ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ СЕКСУАЛЬНЫМ СЧАСТЬЕМ И МИСТИЦИЗМОМ

Подрыв власти церкви за пределами сферы ее непосредственного влияния означал лишь то, что был положен предел ее наиболее пагубным посягательствам. Но эти меры не поколебали ее идеологического могущества, которое опирается на сочувствие и предрассудки, свойственные психологической структуре обычной массовой личности. Поэтому Советы принялись за научно-просветительскую работу. Однако научно-просветительская работа и разоблачение религии лишь ставят рядом могучую силу интеллекта и религиозные чувства, предоставляя им возможность вести сражение в рамках личности. Это сражение заканчивается в пользу науки только тогда, когда мужчины и женщины уже начали развиваться на другой основе. Однако даже в таких случаях сражение нередко заканчивается неблагоприятным исходом, и убежденные материалисты признают правоту религиозных убеждений, т. е. сами начинают молиться. На этом основании умный поборник религии утверждает, что случаи обращения материалистов в веру свидетельствуют о вечности и неискоренимости религиозных чувств. И тем не менее он неправ, ибо такие случаи доказывают только то, что противопоставление силы интеллекта религиозным

чувствам не затрагивает их источника. Отсюда вполне справедливо можно заключить, что основа мистических убеждений будет полностью разрушена, если наряду с ликвидацией социальной гегемонии церкви и противопоставлением силы интеллекта мистическим убеждениям в первую очередь будут осознаны и получат свободу те чувства, которые питают эти убеждения. Клинический опыт неопровержимо доказывает, что религиозные убеждения проистекают из заторможенной сексуальности, причем источник мистического возбуждения необходимо искать в заторможенном половом возбуждении. Отсюда неизбежно следует вывод, что истинное осознание сексуальности и естественная регуляция половой жизни предопределяют судьбу любой формы мистицизма. Другими словами, естественная сексуальность является главным врагом мистической религии. Справедливость этой точки зрения подтверждается тем, что церковь повсеместно ведет антисексуальную борьбу, ставит ее в основу своих догм и выдвигает на первый план своей массовой пропаганды.

Следует отметить, что я лишь пытаюсь свести весьма сложные явления к простейшей формуле, когда утверждаю, что осознание сексуальности означает конец мистицизма. Мы скоро убедимся, что при всей простоте этой формулы ее реальная основа и условия практической реализации чрезвычайно сложны, и для успешной борьбы с хитроумным механизмом предрассудков нам понадобится весь наш научный аппарат и глубочайшая убежденность в необходимости такой борьбы. Однако конечный результат вознаградит все наши усилия.

Для получения точной оценки трудностей, которые могут встретиться в ходе практической реализации этой простой формулы, необходимо учитывать ряд существенных особенностей психологической структуры лиц, получивших воспитание в условиях сексуального подавления. Мое утверждение сохраняет силу, несмотря на то, что ряд культурных организаций в западной, преимущественно католической, части Германии отказались от применения сексуальной энергетики для борьбы с распространением мистических убеждений, ибо это свидетельствует лишь о робости, страхе перед сексуальностью и сексуально-энергетической неопытностью тех, кто взялся за эту борьбу. Более того, такой отказ свидетельствует об отсутствии упорства и готовности приспособиться к сложной ситуации, понять и овладеть ею. Если я скажу сексуально несостоявшейся христианке, что ее страдание имеет сексуальный характер и это страдание можно облегчить только благодаря сексуальному счастью, она вышвырнет меня вон и будет пра-

ва. Здесь мы сталкиваемся с двумя трудностями: 1. Каждый индивидуум носит в себе противоречия, которые нуждаются в индивидуальном осмыслении. 2. Практические аспекты данной проблемы варьируются в зависимости от места и страны и поэтому определяют способ ее решения. Разумеется, по мере накопления сексуально-энергетического опыта мы сможем легче преодолевать препятствия. И тем не менее устранить трудности можно только практическим путем. Прежде чем двинуться дальше, нам необходимо условиться о корректности нашей основной формулы и понять истинную природу этих трудностей. Поскольку мистицизм правил человечеством на протяжении многих тысячелетий, мы по меньшей мере не должны недооценивать его, нам необходимо правильно понять его сущность. Нам предстоит доказать, что мы умнее и тоньше, чем сторонники мистицизма.

Индивидуальное искоренение религиозного чувства

Основные принципы реализации массовой психогигиены можно определить на основе анализа биопсихического механизма укоренения мистицизма. При этом необходимо учитывать существенное значение тех изменений, которые происходят в структуре мистика и выявляются в процессе характерологического психоанализа. Хотя открытия, сделанные на основе такого психоанализа, и не применимы к массам, тем не менее они позволяют понять противоречия и противоборствующие силы в структуре характера обычного индивидуума.

Я уже описал процесс укоренения мистических идей и чувств в структуре личности. Теперь мы рассмотрим основные особенности процесса искоренения мистицизма.

Как и следовало ожидать, мистическая установка оказывает сильное сопротивление попыткам раскрыть бессознательную психическую жизнь, особенно вытесненную генитальность. Знаменательно, что мистицизм стремится предотвратить проявление естественых генитальных импульсов, уделяя особое внимание проявлениям детской мастурбации. Более того, он стремится блокировать младенческие импульсы на догенитальной стадии. Пациент упорно держится за свои аскетические, моральные и мистические убеждения и обостряет философски непреодолимое противоречие между «моральным элементом» и «животным элементом» (т. е. естественной сексуальностью). Он защищается от своей генитальной сексуальности, умаляя ее моральную ценность. Он обвиняет окружающих в непонимании «духовных ценностей», в

«грубости, вульгарности и материализме». Все это слишком знакомо тем, кому известны аргументы, используемые мистиками и фашистами в политических дискуссиях, и доводы, приводимые психоаналитиками и «учеными» в естественнонаучных дискуссиях. Аналогия здесь очевидна. Характерно, что при ослаблении элемента сексуального вытеснения происходит усиление моральной защиты и страха перед богом. Интеллектуальное понимание и половая удовлетворенность обычно одерживают победу тогда, когда удается избавиться от страха перед мастурбацией и в результате этого генитальность начинает требовать удовлетворения. Мистические настроения исчезают в той мере, в какой исчезает страх перед сексуальностью и старым родительским запретом на сексуальность.

Что произошло? До этого пациент прибегал к мистицизму, чтобы удержать в повиновении свои половые желания. Глубокое укоренение страха в его пациента и высокая степень отчужденности его сексуальности не позволяют ему установить контроль над могучими силами природы. И чем больше он противится своей сексуальности, тем настойчивее требуют удовлетворения его желания. Отсюда необходимость более строгого применения моральных и мистических запретов. В процессе лечения укрепляется позиция эго и ослабевает зависимость от родителей и учителей. Пациент признал естественность генитальности и научился отличать инфантильное и непригодное для инстинктов от того, что соответствует требованиям жизни. Юный христианин скоро поймет, что его эксгибиционистские и извращенные склонности связаны с регрессией к ранним инфантильным формам сексуальности и с торможением генитальной сексуальности. Кроме того, он поймет, что его стремление к соединению с женщиной вполне соответствует его возрасту и естеству и нуждается в удовлетворении. Далее он утрачивает потребность в поддержке со стороны веры во всесильного бога. Не нужны ему и моральные запреты. Характерологический анализ освобождает пациента от инфантильной и рабской зависимости от авторитета отца и отцовских суррогатов. Укрепление эго приводит к разрушению инфантильной привязанности к богу, которая служит продолжением инфантильной привязанности к отцу. Эти привязанности лишаются силы. И если затем вегетотерапия позволит пациенту начать жизнь, проникнутую любовью, тогда мистицизм лишится последнего убежища. Особенно трудным является работа с пациентами-священнослужителями, поскольку становится невозможной их дальнейшая профессиональная деятельность, физические последствия которой они ощутили на своих

собственных телах. Единственный выход для многих из них заключается в том, чтобы оставить священническую деятельность и заняться преподаванием или религиозными исследованиями.

Психоаналитик, не догадывающийся о существовании генитального расстройства у своих пациентов, не может подтвердить существования таких процессов в структуре мистика. Процессы генитального расстройства не находят понимания у психоаналитиков и пасторов, полагающих, что лот психоанализа можно погружать в бессознательное в пределах дозволенного этикой. Мы не хотим иметь дела с «аполитичной», «объективной» наукой, которая не только выступает на борьбу с революционными выводами сексуальной энергетики, объявляя их «политическими», но даже рекомендует матерям подавлять проявления эрекции у маленьких мальчиков, обучая их упражнениям на задержку дыхания. В таких случаях проблема заключается в процессе, который позволяет врачу соглашаться с логикой этих рассуждений и стать пастором, что, впрочем, не оправдывает его в глазах политической реакции. Он поступает так, как поступали члены парламента от социал-демократической партии, которые с энтузиазмом распевали национальный гимн Германии на последнем заседании парламента и, несмотря на это, закончили свою карьеру в концентрационных лагерях в качестве «социалистов».

Мы не обсуждаем проблему существования или несуществования бога. Мы лишь устраняем сексуальные торможения и инфантильные привязанности к родителям. Уничтожение мистицизма не входит в задачи психотерапевтического процесса. Мистицизм рассматривается как любая другая психологическая реальность, которая обеспечивает поддержку сексуальному вытеснению и подрывает естественные силы личности. Таким образом, сексуально-энергетический подход заключается отнюдь не в противопоставлении «материалистической», «антирелигиозной» позиции мистическому мировоззрению, ибо такое противопоставление не приводит к сколько-нибудь существенным изменениям в биопатической структуре. Этот процесс, пожалуй, заключается в разоблачении мистической установки как антисексуальной силы с использованием питающей ее энергии для других целей. Человек с преувеличенно нравственной идеологией, которая в действительности имеет извращенно-невротический характер, освобождается от этого противоречия. Наряду со страстью к нравоучениям он избавляется и от других особенностей. Так, он перестает относиться к своей сексуальности как к чему-то антисоциальному и аморальному — в сексуально-энергетическом смысле этих слов. Неадекватное мо-

рально-мистическое торможение замещается сексуально-энергетическим регулированием половых потребностей.

Поэтому мистицизм по-своему прав, когда для сохранения и воспроизведения себя в структуре личности он занимает столь твердую позицию по отношению к сексуальности. При обосновании своих позиций мистицизм допускает ошибку в одной из своих предпосылок: его «мораль» формирует чувственность, которую он считает себя обязанным преодолеть на моральной основе. Устранение этой «морали» составляет предварительное условие устранения аморальности, которую мистицизм тщетно стремится искоренить. В этом заключена трагедия всех форм морали и мистицизма. Раскрытие сексуально-энергетических процессов, питающих религиозный мистицизм, неизбежно приводит к уничтожению мистицизма независимо от усилий мистиков скрыть сущность таких процессов.

Сексуальное сознание и мистические настроения не могут сосуществовать. Естественная сексуальность и мистические настроения тождественны по своей энергетике постольку, поскольку естественная сексуальность подавляется и превращается в мистическое возбуждение.

Эти сексуально-энергетические реальности позволяют сделать ряд заключений, применимых к массовой психогигиене. Мы изложим эти заключения после того, как ответим на несколько очевидных возражений.

ПРИМЕНЕНИЕ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ И ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ НЕГО

В области сексуально-энергетической практики на политического экономиста принято смотреть как на противника так называемого «выпячивания полового вопроса». При малейших затруднениях, которые неизбежно должны встречаться в этой новой области, он тотчас отвергает сексуальную энергетику в целом. Таким противникам сексуальной энергетики необходимо сразу сказать, что их беспокойство не имеет под собой основания. Сексуальная энергетика не собирается вторгаться в область экономики как таковой и ограничивать сферу ее деятельности. Она ставит своей целью осмысление чрезвычайно важного участка культурного процесса, на который до сих пор не обращали никакого внимания. Сексуально-энергетическая борьба входит в состав общей борьбы эксплуатируемых и угнетенных против эксплуататоров и угнетателей. Заняться сейчас определением значения и места этой борьбы в рабочем движении — значит погрязнуть в схоластических спорах из-за пустяков. В дискуссиях о роли и значении сексуальной энергетики прослеживается тенденция к созданию конкуренции между экономической и сексуальной политикой. Вместо этого следует формировать свои оценки на основе практических достижений. Нет нужды терять время на такие дискуссии. Если бы все специалисты в различных областях знания сделали все возможное для подавления диктаторских проявлений и если бы каждый из них глубоко изучил свой предмет, тогда все споры об уровне и роли утратили бы смысл и социальное значение отдельных областей знания стало бы очевидным. Необходимо только придерживаться основной концепции, а именно: форма экономики определяет форму сексуальности, причем форма сексуальности не может измениться до тех пор, пока не изменятся социально-экономические формы.

Существует множество назойливых, как вши, лозунгов, от которых можно избавиться только с помощью радикальных средств. Нередко встречается и такое возражение: сексуальная энергетика «индивидуальна» и поэтому бесполезна для общества. Безусловно, метод получения знаний о сексуальной энергетике «индивидуалистичен». Но разве социальное подавление сексуальности не затрагивает всех членов нашего общества? Разве половые недомогания не есть нечто коллективное? Разве социальные меры борьбы с туберкулезом индивидуалистичны, потому что изучение туберкулеза ведется на отдельных пациентах? Революционное движение неизменно совершает серьезную ошибку, когда рассматривает сексуальность как «частный вопрос». Это далеко не частный вопрос для политической реакции, которая всегда следует двумя путями: путем экономической политики и путем «нравственного возрождения». До сих пор освободительное движение придерживалось только одного пути. Поэтому необходимо овладеть половым вопросом на социальном уровне, превратить теневую сторону личной жизни в массовую психогигиену и включить половой вопрос в состав общей кампании, не ограничиваясь вопросом демографической политики. Освободительное движение всегда делало ошибку, когда механически переносило политические лозунги из области тредюнионизма и политической борьбы во все остальные области общественной жизни вместо того, чтобы составить себе представление о каждой сфере человеческой жизни и деятельности, соответствующей данной сфере. Эта ошибка способствовала, наряду с другими факторами, поражению освободительного движения. Так, в 1932 году ведущие функционеры немецкой сексуально-политической организации решили снять половой вопрос и «мобилизо-

вать» массы в сфере сексуальности с помощью лозунга «против голода и холода». Они противопоставили половой вопрос «социальному вопросу» так, будто половой вопрос не входил в состав всего комплекса социальных вопросов.

Демографическая политика, которой ограничивается сексуальная реформа, не имеет сексуально-политического характера в строгом смысле этого слова. Она занимается не проблемами регулирования половых потребностей, а проблемами роста населения, с которым, естественно, связан половой акт. Однако в социальном и биологическом смысле она не имеет отношения к сексуальности. Массы не проявляют никакого интереса к проблемам демографической политики. Их интересует закон об абортах, но не по политическим причинам, а по причине личных страданий, вызванных им. Этот закон относится к сфере общесоциальной политики, поскольку несет людям печаль, страдания и смерть. Проблема абортов превратится в сексуально-политическую проблему только тогда, когда будет ясно и однозначно понято, что люди нарушают этот закон потому, что они вступают в половые сношения даже если не хотят иметь детей. До сих пор это явление оставалось незамеченным, несмотря на то, что в эмоциональном отношении оно является самым существенным моментом данной проблемы. Если реакционный политик возьмет на себя смелость сказать народу: «Вы жалуетесь, что закон об абортах требует, чтобы вы приносили ему в жертву свое здоровье и жизнь! Вам не следует вступать в половые сношения», тогда будет покончено с подходом, который опирается только на демографическую политику. Проблема станет значимой только тогда, когда ясно и открыто будет заявлено о необходимости удовлетворительной половой жизни. Выдвижение на первый план сексуальных нужд, которые постоянно тревожат мужчин и женщин всех сословий, представляется более актуальным, чем перечисление смертей, вызванных законом об абортах. Если каждый человек лично заинтересован в разрешении сексуальных проблем, то интерес к закону об абортах предполагает наличие определенного уровня развития общественного сознания и чувства товарищества, которые не относятся к неотъемлемым особенностям структуры современной личности. Пропаганда, в которой содержится требование обеспечить продовольствием, апеллирует к личным потребностям, а не к разрозненным социальным и политическим фактам. Это утверждение справедливо и для пропаганды в области сексуальной энергетики. Короче говоря, половой вопрос относится к каждому из нас и имеет первостепенное значение для общественной жизни и массовой психогигиены.

Психоаналитик мог бы выдвинуть более серьезное возражение, которое сводится к следующему. Представляется совершенно очевидным мнение о том, что сексуальные нужды человека можно использовать «в политических целях» так же, как и его материальные нужды. В процессе психоаналитического лечения приходится затрачивать многие месяцы и годы напряженного труда, чтобы помочь пациенту осознать свои половые желания. Моральные запреты коренятся столь же глубоко, как и половые потребности. Более того, они занимают господствующее положение. Как вы собираетесь преодолеть сексуальное вытеснение на массовом уровне при отсутствии методики, сопоставимой с методикой, применяемой в индивидуальном психоанализе? Это серьезное возражение. Если бы я позволил таким возражениям удержать меня от участия в практической сексуально-энергетической работе в народных массах и от накопления опыта, тогда я согласился бы с тем, кто отодвигает на задний план сексуальную энергетику как индивидуалистический вопрос и ожидает второго пришествия Христа, чтобы решить его. Один мой близкий сотрудник как-то сказал мне, что моя деятельность имеет поверхностный характер, поскольку не затрагивает сущность глубоко укоренившихся сексуально-репрессивных сил. Если психиатр смог выдвинуть такое обвинение, тогда нам необходимо более подробно остановиться на нем. В начале своей деятельности я не знал, как ответить на этот вопрос. И тем не менее практический опыт позволил мне найти ответ.

Прежде всего следует ясно понять, что массовая сексуально-экономическая психогигиена ставит перед нами совершенно иную задачу, чем индивидуальная вегетотерапия. В процессе вегетотерапевтического лечения мы должны устранить вытеснение и восстановить биологическое здоровье. Задача сексуально-энергетической социологии заключается в том, чтобы помочь угнетенной личности осознать противоречие и страдание. Известно, что человек нравствен. Но то, что он обладает половым влечением, которое нуждается в удовлетворении, либо не осознается, либо осознается им настолько слабо, что оно не может оказать надлежащее воздействие на данного человека. Здесь можно выдвинуть дополнительное возражение: выявление в сознании человека половых потребностей также нуждается в индивидуальной психоаналитической работе. И в этом случае практический опыт дает ответ. Когда в своем кабинете я беседую с сексуально заторможенной женщиной о ее половых потребностях, я сталкиваюсь со всей совокупностью основ ее морали. Мне трудно пробиться к ее сознанию и

убедить в чем-нибудь. Если же эта женщина подвергается воздействию массовой атмосферы, например, присутствует на собрании, где ясно и открыто в медицинских и социальных терминах обсуждаются половые проблемы, тогда она не чувствует себя одинокой. Ведь, в конечном счете, другие тоже слушают «запретные вещи». Ее индивидуально-моралистическое торможение блокируется коллективной атмосферой одобрения сексуальности, новой сексуально-энергетической моралью, которая может парализовать (но не устранить) в ее психологической структуре сексуально-негативную установку, поскольку аналогичные мысли приходили ей в голову, когда она оставалась наедине с собой. В глубине души она скорбела по поводу утраченной радости жизни или страстно жаждала сексуального счастья. Массовая ситуация вызывает чувство доверия к половой потребности, которая получает социально признанный статус. При корректном обсуждении половой проблемы она оказывается более привлекательной, чем призывы к асектизму и самоограничению; она более человечна, теснее связана с личностью и встречает явное одобрение у каждого человека. Таким образом, проблема заключается не в том, чтобы оказать помощь, а в том, чтобы выявить в сознании подавление, вынести борьбу между сексуальностью и мистицизмом на свет сознания, реализовать ее на уровне массовой идеологии, превратив в социально значимое действие. Здесь можно возразить, указав на жесткость этого комплекса мероприятий, поскольку они ввергнут людей в пучину безысходного страдания, приведут к заболеванию тех, кто еще не заболел, и не окажут им никакой помощи. В этой связи мне хотелось бы напомнить вам об остроумном замечании Палленберга в «Der brave Sunder»: «До чего жалок человек! К счастью, он не знает об этом. А если бы знал, то до чего жалким бы он был!» На это возражение можно ответить, что политическая реакция и мистицизм бесконечно более жалки. В принципе, аналогичное возражение применимо и к страданиям, вызванным чувством голода. Индийский или китайский кули, который безропотно и бессознательно влачит свой жалкий жребий, страдает меньше, чем кули, осознавший ужасную действительность и сознательно восставший против рабства. Кто осмелится убедить нас в том, что из гуманистических побуждений необходимо скрывать от кули реальную причину его страданий? Только мистик, фашиствующий работодатель или какой-нибудь китайский профессор социальной гигиены может попытаться заставить нас поверить в такую чепуху. Эта «человечность» увековечивает и одновременно скрывает бесчеловечность. Наша «бесчеловечность» —

это борьба за то, о чем добрые и добродетельные так много болтают, а потом позволяют фашистским реакционерам заманить себя в ловушку. Поэтому мы признаем, что последовательная сексуально-энергетическая работа позволяет безгласному страданию обрести дар речи, создает новые противоречия и одновременно усиливает уже существующие противоречия. В результате этого процесса человек перестает мириться со своим положением. В то же время он получает возможность освободиться, т. е. начать борьбу с социальными причинами страдания. Действительно, сексуально-энергетическая деятельность затрагивает самую чувствительную, самую волнующую, самую личную область человеческой жизни. Но разве пропаганда мистических идей в массах не затрагивает эту область? Сексуально-энергетическая и мистическая пропаганда ставят перед собой различные цели. Тот, кто хотя бы один раз видел напряженное выражение глаз и лиц, присутствовавших на сексуально-энергетических собраниях, тот, кто выслушивал и отвечал на сотни вопросов, касающихся самой личной сферы человеческой жизни, — такой человек пришел к непоколебимой уверенности, что здесь зарыта социальная бомба, которая может привести в чувство этот самоубийственный мир. Если же эту работу будут выполнять революционеры, которые соперничают с церковью в защите моралистического мистицизма, считают, что отвечать на половой вопрос ниже «достоинства революционной идеологии», отвергают детскую мастурбацию как «буржуазную выдумку» и, несмотря на весь свой «ленинизм» и «марксизм», остаются реакционерами в одном из важных уголков своей личности, тогда нетрудно будет привести доказательства, опровергающие справедливость моего опыта. Ибо под влиянием таких революционеров массы будут отрицательно относиться к сексуальности.

Продолжим наше рассмотрение роли моралистического сопротивления, с которым нам приходится встречаться в нашей работе. Как уже отмечалось, индивидуально-моралистическое торможение, которое, в отличие от половых потребностей, усиливается за счет общей сексуально-негативной атмосферы авторитарного общества, может быть нейтрализовано путем создания сексуально-позитивной идеологии. Приобретая способность воспринимать сексуально-энергетические знания, люди утрачивают восприимчивость к воздействию мистицизма и реакционных сил. Очевидно, что сексуально-позитивная атмосфера может быть создана только сильной международной сексуально-энергетической организацией. Нам не удалось убедить руководителей политических партий в

том, что создание такой организации входит в состав основных задач. Между тем уже обнажилась реакционно-иррациональная сущность политики как таковой. Мы не можем больше рассчитывать на помощь какой-либо политической партии. Поэтому выполнить поставленную задачу можно только на основе естественного развития рабочей демократии.

До сих пор мы упоминали только тихие, безгласные потребности массового индивидуума, на которые мы можем опираться в своей работе. Однако этого недостаточно. Такие потребности существовали и подавлялись в период с начала XX века до первой мировой войны. И все же в то время сексуально-энергетическое движение не могло рассчитывать на успех. За прошедшее время возник ряд объективных социальных условий для реализации сексуальной энергетики. Для того, чтобы правильно приступить к работе, нам необходимо подробно ознакомиться с ними. Появление в Германии различных сексуально-энергетических групп в годы с 1931 по 1933 свидетельствует о росте влияния нового социального подхода к социальному процессу. Одной из важнейших общественных предпосылок возникновения сексуальной энергетики на социальном уровне послужило создание гигантских отраслей промышленности с огромным числом рабочих и служащих. В это время были потрясены два центральных столпа моралистической антисексуальной атмосферы — мелкое предприятие и семья. Вторая мировая война значительно ускорила этот процесс. Женщины и девушки, работавшие на фабриках, усвоили более свободные представления о половой жизни, чем это удалось бы им сделать в условиях авторитарных семей их родителей. Поскольку промышленные рабочие всегда отличались способностью к усвоению позитивных взглядов на сексуальность, процесс распада авторитарного морализма начал распространяться и в среде мелкой буржуазии. При сравнении современной мелкобуржуазной молодежи с мелкобуржуазной молодежью 1910 года нетрудно заметить, что разрыв между реальной сексуальностью и все еще господствующей социальной идеологией не только увеличился, но и стал непреодолимым. Идеал аскетической девушки стал чем-то постыдным. Разумеется, это относится и к идеалу сексуально слабого, аскетического мужчины. Более свободные взгляды на супружескую верность начинают все чаще проявляться даже в среде мелкой буржуазии. Характерный для крупной промышленности способ производства позволил выявить противоречие реакционно-сексуальной стратегии. В отличие от начала XX столетия теперь уже невозможно было говорить о возврате к прежней гармонии между реальной

жизнью и аскетической идеологией. Глубоко проникая в тайны человеческой жизни, специалист в области сексуальной энергетики обнаруживает полный распад моралистически-аскетических форм жизни, которые все еще столь громогласно пропагандируются. Коллективизация подростковой жизни не только подорвала ограничительное влияние авторитарной семьи, но и пробудила в душе молодежи стремление приобрести новые взгляды и научные знания о борьбе за сексуальное здоровье, сексуальное сознание и свободу. В начале этого столетия не могло быть и речи о вступлении христианки в группу, выступающую в защиту ограничения рождаемости. В настоящее время христианки все чаще принимают участие в деятельности таких групп. В результате захвата власти фашистами этот процесс не прекратился, а лишь принял скрытую форму. Неизвестно, как дальше будет развиваться этот процесс, если фашистские убийства и варварство не прекратятся.

С упомянутыми факторами тесно связан еще один объективный фактор — рост невротических и биопатических заболеваний в результате расстройства сексуальной энергетики и усиления противоречия между реальными половыми потребностями, с одной стороны, и старыми моралистическими торможениями и воспитанием детей, с другой. Рост биопатических проявлений означает повышение готовности признать, что в основе многих заболеваний лежит сексуальная причина.

Полное бессилие политической реакции в области сексуально-энергетической практики свидетельствует в пользу сексуальной энергетики. Известно, что в связи с отсутствием в публичных библиотеках научных работ по половому вопросу читают откровенную халтуру. Направив этот огромный интерес в разумное, научное русло, сексуально-энергетическая организация смогла бы показать важность сексуальной энергетики. Фашисты могут долго обманывать покорные, отравленные мистикой массы, делая вид, что они представляют права и интересы рабочих. В сексуально-энергетической сфере дело обстоит несколько иначе. Политической реакции ни разу не удалось противопоставить революционной сексуальной энергетике реакционную сексуально-политическую программу, в которой содержалось бы что-нибудь иное, кроме полного подавления и неприятия сексуальности. Такая программа оттолкнула бы от себя массы, за исключением узкого круга старух и непроходимых тупиц, которые не пользуются никаким политическим влиянием. **Только молодежь имеет значение!** И молодежь — это точно установлено — не поддается влиянию негативной сексуальной идеологии на массовом уровне. Это очень

важно для нас. В 1932 году сексуально-энергетическим группам в Германии удалось завоевать доверие рабочих тех отраслей промышленности, которые держались в стороне от «красного тред-юнионизма». Очевидно, что в конечном счете сексуально-энергетическое движение за психогигиену должно объединить свои силы с социально-освободительным движением. И действительно, такое объединение состоялось. Тем не менее нам необходимо ясно понимать, что фашисты — рабочие, служащие и студенты — полностью согласны с революционным одобрением сексуальности и, таким образом, вступают в конфликт со своими руководителями. Как может поступить руководство для успешного разрешения этого конфликта? Оно вынуждено будет применить террор. Но в той мере, в какой оно будет применять террор, оно будет терять свое влияние. Позвольте мне еще раз подчеркнуть, что объективное ослабление реакционных оков на сексуальности не позволяет вновь затянуть их. В этом заключена наша сила. Если революционному движению не удастся достичь успехов в этой области, молодежь, как и прежде, будет втайне вести запретную жизнь, не осознавая причин и последствий такой жизни. Однако при последовательной реализации сексуальной энергетики политическая реакция не сможет противопоставить ей соответствующую идеологию. Реакционно-аскетические учения будут сильны лишь до тех пор, пока одобрение сексуальности в массах будет тайным и фрагментарным, т. е. пока это одобрение не будет организовано на коллективном уровне и направлено против реакционно-политического аскетизма.

Немецкий фашизм делал все возможное, чтобы закрепиться в психологических структурах масс, и поэтому уделял особое внимание внедрению в сознание детей и подростков. Он не располагал иными средствами, кроме воспитания рабской покорности авторитету, в основе которого лежит аскетическое негативное сексуальное образование. Естественные половые влечения к противоположному полу, которые, начиная с детского возраста, стремятся к удовлетворению, в основном замещаются искаженными гомосексуальными и садистскими чувствами, а отчасти и аскетизмом. Это относится, например, к так называемому esprit de corps (кастовому духу, чести мундира), который воспитывался в военно-трудовых лагерях, а также так называемому «духу дисциплины и повиновения», который повсюду проповедовался. В основе этих лозунгов лежал скрытый мотив — освободить жестокость из подсознания и использовать ее в империалистических войнах. Садизм возникает на основе неудовлетворенных оргастических влечений. На фасаде начертаны такие слова, как «товарищество»,

чество» и «добровольная дисциплина». Однако за фасадом таятся незримый протест, депрессия на грани взрыва, вызванные подавлением любого проявления личной жизни и особенно сексуальности. Последовательная пропаганда идей сексуальной энергетики должна озарить ослепительным светом половые страдания. Если это удастся сделать, она найдет живой отклик у молодежи. Вначале это приведет в замешательство фашистских руководителей. Можно легко убедиться в том, что выявление половых проблем в сознании обычного юноши или девушки не составляет особого труда. Несмотря на утверждения молодежных руководителей, которые они даже не пытались реализовать на практике, опыт работы с молодежью показывает, что обычный юноша, и особенно девушка, реализует свою социальную ответственность более быстро, эффективно и охотно, если дать объяснение на основе выявления в сознании сексуального подавления. Задача заключается в том, чтобы правильно осветить половой вопрос и показать его связь с общей социальной ситуацией. Существует много фактов, подтверждающих правильность этого утверждения. В своей деятельности необходимо руководствоваться только сексуально-энергетической практикой, не опасаясь избитых возражений.

Какие ответы дает политическая реакция на некоторые вопросы, поставленные немецкой молодежью?

Привлечение немецких юношей и девушек для работы в трудовых лагерях существенно нарушает их личную и половую жизнь. Поскольку это привело к серьезным и угрожающим нарушениям, нам необходимо дать объяснение и решение актуальных вопросов. Обсуждение личных, насущных вопросов осложняется общей робостью и застенчивостью подростков. Кроме того, лагерное руководство запрещает обсуждение таких вопросов. Но здесь поставлено под угрозу физическое и психическое здоровье юношей и девушек!

Как протекает половая жизнь юношей и девушек в военно-трудовых лагерях?

Юноши девушки в военно-трудовых лагерях находятся в возрасте полового созревания. До поступления в лагерь большинство юношей удовлетворяли естественные половые потребности со своими подругами. Разумеется, половая жизнь этих юношей и девушек сопровождалась трудностями и до поступления в трудовые лагеря. К таким трудностям относятся: отсутствие соответствующих возможностей вести здоровую половую жизнь (жилищный вопрос), отсутствие денег на покупку противозачаточных средств, враждебное отношение к здоровой половой жизни подростков со

стороны органов государственной власти и реакционных кругов. Это достойное сожаления положение усугубляется лагерной ситуацией. Отсутствие возможности встречаться с девушками и поддерживать прежние связи, необходимость выбора между воздержанием и мастурбацией приводят к огрублению и разрушению эротической жизни, распространению бесстыдства, непристойных шуток и фантазий (насилие, похоть, избиение), которые парализуют волю и энергию личности.

Ночные поллюции, которые подрывают здоровье и не дают удовлетворения.

Развитие гомосексуальных склонностей и формирование взаимоотношений между юношами, о существовании которых они прежде не подозревали; домогательства со стороны гомосексуалистов.

Усиление нервозности и раздражительности, рост физических недомоганий и различных психических расстройств.

ЗЛОВЕЩИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В БУДУЩЕМ

В будущем всех юношей, особенно в возрасте от 17 до 25 лет, которые лишены возможности вести удовлетворительную половую жизнь, подстерегают такие опасности, как расстройство потенции и жестокая депрессия, которые неизменно приводят к нарушению работоспособности. Если орган (или естественная функция) не используется в течение определенного периода времени, впоследствии он перестает функционировать. Обычно это приводит к нервным и психическим заболеваниям и половым извращениям.

Как мы относимся к мерам и решениям наших руководителей по этим вопросам?

Руководители призывают в самых общих выражениях к «моральному укреплению молодежи». Мы не понимаем, что они имеют в виду. Последнее время немецкая молодежь ведет упорную борьбу с родительским домом и системой. Хотя в существующих общественных условиях молодежь не смогла достичь своей цели, тем не менее она начинает постепенно отвоевывать право на здоровую половую жизнь. Их цели находят понимание в широких кругах. Молодежь ведет борьбу с сексуальным фанатизмом, непристойностями, лицемерием и последствиями подавления подростковой сексуальности. Юноши и девушки полагают, что они имеют право на установление здоровых, интеллектуальных и половых отношений друг с другом. По их мнению, правительство обязано

улучшить условия их жизни. Какую позицию занимает правительство?

Принятые правительством указы и постановления находятся в полном противоречии с точкой зрения молодежи. Молодежь не имеет возможности покупать противозачаточные средства в силу запрета на их продажу. Законодательство оказывает поддержку мерам, принятым по моральным соображениям гамбургской полицией для борьбы со спортсменами-водниками, и угрожает заключить «нарушителей правил приличия» в концентрационные лагеря. Разве юноша нарушает правила приличия, когда спит с подругой в лагерной палатке?

Мы спрашиваем руководство немецкой молодежи: как молодежь должна вести половую жизнь?

Существует только четыре возможности:

1. **Воздержание:** должна ли молодежь воздерживаться от половой жизни вплоть до бракосочетания?
2. **Мастурбация:** должна ли молодежь удовлетворять свои половые потребности с помощью мастурбации?
3. **Гомосексуализм:** должна ли молодежь вступать в половую связь с представителями своего пола? Если должна, то каким образом? Посредством взаимной мастурбации или посредством анального сношения?
4. **Естественная любовь и половые сношения** между юношами и девушками: должна ли немецкая молодежь одобрять и поощрять естественную сексуальность? Если должна, то:

Где может происходить половое сношение (жилищная проблема)?

Как и с помощью чего можно предотвратить зачатие?

Когда может происходить половое сношение?

Имеет ли юноша право делать то, что делает фюрер?

Аналогичные вопросы относятся и к работе с детьми. Возможно, это покажется странным и даже непонятным, но тем не менее революционную работу с детьми, в принципе, можно вести только с позиций сексуальной энергетики. Успокойтесь и слушайте внимательно. Почему сексуальное образование позволяет осуществлять оптимальное обучение детей в период, предшествующий половой зрелости?

1. Детство в семьях всех сословий, даже там, где царят голод и нужда, насыщено половыми интересами в большей мере, чем последующие периоды жизни. Кроме того, следует иметь в виду, что голод (вплоть до физического расстройства) касается лишь некоторых детей, тогда как сексуальное подавление касается каждо-

го ребенка в каждом сословии без исключения. Это существенно расширяет социальную область критики.

2. Обычные методы, используемые освободительным движением в работе с детьми, не отличаются от методов реакционеров: маршировка, пение, групповые игры и т. д. Ребенок не отличает содержание революционной пропаганды от содержания рекационной пропаганды. Исключение составляют те редкие случаи, когда ребенок воспитывается в семье, где царят непредвзятые взгляды на половые и социальные вопросы. Первая заповедь антифашистского воспитания гласит: реальность не должна быть приукрашена. Мы полагаем, что дети и подростки могут маршировать под фашистскую музыку с таким же удовольствием, с каким они могут маршировать под музыку либералов. Политическая реакция создает более эффективные формы пропаганды среди детей, чем антифашистское движение. В этом отношении антифашистское движение всегда отстает от реакционеров. Например, в Германии социалистическое движение значительно уступает реакционному движению в работе с детьми.

3. Несмотря на значительные успехи в организационной работе с детьми, политическая реакция не в состоянии поделиться с детьми знаниями в половой сфере; она не может помочь детям разобраться в половых вопросах. Это может сделать только революционное движение. В первую очередь потому, что оно не заинтересовано в подавлении сексуальности. (Напротив, оно ставит своей целью сексуальное освобождение детей.) Кроме того, революционное движение всегда отстаивает необходимость последовательного и естественного воспитания детей. Это мощное оружие ни разу не использовалось в Германии. Руководители детских организаций активно выступали против массового применения индивидуальных методов полового воспитания. Смешно и грустно наблюдать, как противники сексуально-энергетической работы с детьми призывают на помощь Маркса и Ленина. Естественно, в работах Маркса и Ленина ничего не говорится о сексуальной энергетике. И все же факт остается фактом — совершился массовый переход детей на сторону политической реакции. Несмотря на огромные трудности, неожиданно возникают возможности развития детского воспитания на сексуально-энергетической основе. К этим возможностям в первую очередь относится живой интерес самих детей. Если бы нам удалось овладеть половыми интересами детей и подростков на массовом уровне, реакционной пропаганде пришлось бы столкнуться с огромной силой противодействия, справиться с которой политической реакции будет не под силу.

Для тех, кто сомневается в правомерности сексуально-энергетического воспитания и заботится о «чистоте» детей, мы приведем два характерных примера из нашей практики.

Первый пример. Церковь действует бесцеремонно. Так, из фашистской организации в молодежную коммунистическую группу перешел пятнадцатилетний мальчик, который рассказал нам, что в фашистской организации священник имел обыкновение отзывать в сторону каждого мальчика и расспрашивать о его половом поведении. Всем мальчикам неизменно задавался вопрос, не занимаются ли они онанизмом. Естественно, они занимались онанизмом, в чем стыдливо и сознавались. «Это большой грех, мой мальчик,— говорил им священник,— но ты можешь искупить его, если прилежно будешь трудиться на благо церкви и завтра начнешь распространять эти листовки». Вот так мистицизм ведет политическую деятельность в половой сфере. А мы «церемонимся», остаемся «чистенькими». Мы не хотим иметь ничего общего с такими вещами». А потом мы удивляемся, что большинство подростков оказались во власти мистицизма.

Второй пример. Сексуально-энергетическая группа в Берлине приняла решение приступить к сексуально-энергетическому воспитанию детей. Для этого участники группы составили брошюру и перед публикацией обсудили ее с руководителями детских групп. Было принято решение прочитать брошюру группе детей и посмотреть, как они будут реагировать на нее. Организаторы встречи с детьми хотели, чтобы при чтении брошюры присутствовали все те, кто пренебрежительно пожимал плечами при упоминании о применении сексуальной энергетики на социальном уровне. Прежде всего следует отметить, что в зале присутствовали семьдесят детей, тогда как обычно на лекции приходили не более двадцати человек. В отличие от обычного безразличия, с которым дети слушали сообщения функционеров, когда в зале было трудно установить тишину, на этот раз они буквально впитывали каждое слово выступающего, их глаза сияли, лица слились в одно яркое пятно в аудитории. В некоторых местах чтение прерывалось взрывами энтузиазма. В конце чтения брошюры детей попросили высказать свое мнение по поводу прочитанного. Многие дети попросили разрешения выступить. Отвечая на вопросы детей, выступающему приходилось краснеть от чувства смущения и ложной стыдливости. Педагоги, отредактировавшие брошюру, решили не включать в нее вопросы предупреждения беременности и мастурбации. Один из мальчиков тотчас задал вопрос: «Почему вы ничего не сказали, что нужно делать, чтобы не иметь детей?» А дру-

гой мальчик со смехом добавил: «Впрочем, мы и сами знаем, что нужно делать!» «Что представляет собой уличная девка? — спросил третий мальчик.— В брошюре ничего об этом не говорится». Затем мальчики с энтузиазмом заявили: «Завтра мы пойдем к христианам. Они всегда обсуждают такие вещи. Мы им покажем!» Затем дети стали спрашивать, когда будет издана брошюра, сколько она будет стоить и смогут ли они покупать и продавать ее. Брошюра была в основном посвящена вопросам полового воспитания. Одна группа сторонников сексуальной энергетики собиралась издать вторую часть, в которой предполагалось рассмотреть социальные аспекты этих вопросов. Как только детям сообщили об этом, тотчас посыпались вопросы: «Когда выйдет в свет вторая часть брошюры? Будет ли она такой же интересной, как и первая часть?» Разве дети когда-нибудь просили с таким энтузиазмом издать брошюры по социальным вопросам? Разве это не должно послужить нам уроком? Разумеется, мы должны сделать соответствующие выводы. Одобряя интерес детей к половым вопросам и удовлетворяя их стремление к знанию, необходимо вести разъяснительную работу так, чтобы пробудить в детях интерес к социальным вопросам. Они должны приобрести твердую уверенность в том, что политическая реакция не может предложить им ничего подобного. Тогда мы сможем заслужить доверие детей, вывести их из-под влияния политической реакции и, что самое важное, привлечь на сторону революционно-освободительного движения. В настоящее время, однако, выполнению этой задачи препятствуют не только политические реакционеры, но и «моралисты» из лагеря освободительного движения.

Существенно важным участком сексуально-энергетической работы является разъяснение положения дел в сексуальной сфере, которое сложилось в результате изгнания женщин из промышленности и водворения их на кухню. Эту задачу можно выполнить только путем насыщения концепции женской свободы сексуальным содержанием. Следует отметить, что в семье женщину тяготит не столько материальная зависимость от мужчины, сколько связанная с такой зависимостью сексуальная скованность. Об этом свидетельствует тот факт, что женщины, полностью подавившие свою сексуальность, не только безропотно терпят свою экономическую зависимость, но и одобряют ее. Выявление в сознании таких женщин их подавленных сексуальных стремлений и акцентирование внимания на неприятных последствиях аскетической жизни составляет существенно важную предпосылку для насыщения политическим содержанием материальной зависимости от

мужчин. Если сексуально-энергетические организации не выполнят эту задачу, то в условиях фашистского господства новая волна сексуального подавления женщин накатит на сознание их материальной порабощенности. В Германии и других промышленно развитых странах существуют все объективные социальные предпосылки для вспышки мощного протеста женщин и подростков против сексуальной реакции. При последовательном проведении сексуальной политики в этой области мы избавимся раз и навсегда от вопроса, который так часто тревожит умы вольнодумцев и политических деятелей: почему женщины и подростки так склонны прислушиваться к реакционно-политической пропаганде? Наши исследования показывают социальную функцию сексуального подавления, тесную связь между сексуальным вытеснением и реакционно-политическими убеждениями.

В заключение позвольте мне упомянуть еще одно возражение, выдвинутое психиатром после ознакомления с этим разделом. Его трудно опровергнуть. Несомненно, утверждает он, что широкие массы проявляют живой интерес к половому вопросу. Но разве это неизбежно приводит к выводу, что этот интерес можно использовать в политических целях для содействия осуществлению социальной революции, которая требует от народа так много жертв и лишений? Когда массы поймут суть сексуальной энергетики, что может им помешать немедленно воспользоваться сексуальной свободой? При выполнении трудной задачи нам необходимо внимательно выслушивать каждое возражение и, рассмотрев его обоснованность, высказывать мнение о нем. Не следует принимать желаемое за действительное. Успех или неудача борьбы с голодом определяется не желанием искоренить его любой ценой, а наличием или отсутствием объективных предпосылок, необходимых для его искоренения. Другими словами, вопрос стоит так: возможно ли, как и в случае примитивного материального интереса, трансформировать сексуальный интерес и сексуальное беспокойство народных масс всех стран, придав им форму социального выступления против социальной системы, которая причиняет это страдание? Вышеприведенные примеры из нашей практики и теоретические рассуждения показывают, что то, что получается на уровне отдельных групп и отдельных собраний, также должно получиться на массовом уровне. Мы не упомянули несколько дополнительных условий, без которых невозможно обойтись. Для эффективной реализации социально значимой сексуальной энергетики в первую очередь необходимо создать объединенное рабочее движение. Без выполнения этого условия сексуально-энерге-

тическая деятельность будет носить лишь подготовительный характер. Более того, крайне необходимо создать международную организацию сторонников сексуальной энергетики, которая будет обеспечивать и выполнять конкретную работу. И, наконец, тщательный подбор руководителей движения составляет последнее непременное условие. В остальных случаях нам представляется нецелесообразным заранее решать каждую отдельную проблему, поскольку такой подход может привести к недоразумениям. Сама практика порождает новые конкретные формы практики. Настоящая книга не содержит таких конкретностей.

АПОЛИТИЧНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Теперь мы рассмотрим проблему так называемой аполитичной личности. С самого начала своей политической деятельности Гитлер опирался на широкие слои населения, которым в принципе была чужда политика. Он привлек на свою сторону не менее пяти миллионов непроголосовавших, т. е. аполитичных, людей, когда в марте 1933 года сделал последний шаг на пути к завоеванию власти «в рамках закона». Левые партии делали все возможное, чтобы привлечь на свою сторону равнодушные массы, не учитывая значения «равнодушия или аполитичности».

Непосредственные экономические интересы фабриканта или крупного помещика позволяют понять, почему он выступает в поддержку правой партии. В его случае левая ориентация противоречила бы его общественному положению и поэтому указывала бы на наличие иррациональных мотивов. Если промышленный рабочий придерживается левой ориентации, то это свидетельствует о его разумной последовательности, поскольку в данном случае левая ориентация рабочего проистекает из его социально-экономического положения в промышленности. Если же рабочий (служащий или чиновник) придерживается правой ориентации, то это объясняется отсутствием у него политической ясности, т. е. сознания своего социального положения. Степень аполитичности представителя широких слоев трудящихся определяет степень его восприимчивости к реакционно-политической идеологии. Однако аполитичность свидетельствует о наличии не пассивного психологического состояния, а в высшей степени активного отношения, защиты от сознания социальной ответственности. Анализ механизма защиты от сознания социальной ответственности позволяет осветить неясные проблемы поведения широких аполитичных групп. Можно показать, что в основе невмешательства обычного интеллигента, «не желающего иметь ничего общего с политикой»,

лежат непосредственные экономические интересы и опасения, связанные с его социальным положением, которое зависит от общественного мнения. Эти опасения вынуждают его совершать самые нелепые поступки вопреки своим знаниям и убеждениям. Тех, кто так или иначе участвует в производственном процессе и тем не менее отказывается нести социальную ответственность, можно подразделить на две основные группы. В первой группе представление о политике бессознательно ассоциируется с идеей насилия и физической опасности, т. е. с сильным чувством страха, который не позволяет реально взглянуть на жизнь. Во второй группе, которая, несомненно, составляет большинство, социальная безответственность опирается на личные конфликты и чувства тревоги, среди которых выделяется сексуальная тревога. Если молодая работница, у которой имеется достаточно экономических оснований для осознания своей социальной ответственности, остается социально безответственной, тогда в девяносто девяти случаях из ста в основе социальной безответственности лежит так называемая любовная история или, точнее говоря, сексуальные конфликты. Это относится и к женщинам из мелкобуржуазной среды, которым приходится мобилизовать все свои психические силы, чтобы овладеть своей сексуальной ситуацией и не развалиться на части. До настоящего времени эта ситуация не находила правильного понимания в революционном движении, которое стремилось пробудить «аполитичную» личность, помогая ей осознать лишь нереализованные экономические интересы. Опыт свидетельствует о невозможности заставить таких «аполитичных» лиц прислушаться к разъяснениям их социально-экономической ситуации, тогда как они охотно выслушивают мистическую тарабарщину национал-социалиста, хотя он даже не упоминает об их экономических интересах. Чем это объясняется? Это объясняется тем, что сексуальные конфликты (в широком смысле этого слова) тормозят рациональное мышление и формирование сознания социальной ответственности независимо от того, являются эти конфликты осознанными или неосознанными. Они вызывают у человека чувство страха, побуждая его замкнуться в себе. При встрече с такой замкнутой личностью пропагандист, опирающийся в своей работе на веру и митицизм, или фашист, использующий сексуально-либидозные методы, способен полностью овладеть ее вниманием. Объясняется это не тем, что фашистская программа производит на такого человека более сильное впечатление, чем либеральная программа, а тем, что в силу своей беззаветной преданности фюреру и фюрерской идеологии он в значительной мере освобождается от

постоянного внутреннего напряжения. Он способен бессознательно придавать своим конфликтам иную форму, обеспечивая таким образом возможность их разрешения. И последнее. Такая ориентация позволяет человеку считать фашистов революционерами, а Гитлера — немецким Лениным. Не нужно быть психологом, чтобы понять, почему эротически соблазнительная форма фашизма доставляет, пусть искаженное, удовлетворение сексуально разочарованным женщинам из мелкобуржуазной среды, которые ни разу не задумывались о социальной ответственности, или молоденьким продавщицам, у которых социальное сознание не сформировалось в силу интеллектуальной неразвитости, обусловленной сексуальными конфликтами. Для того чтобы понять ту тайную роль, какую личная жизнь, т. е., по сути, половая жизнь, играет в сумятице социальной жизни, необходимо ознакомиться со скрытой от глаз людских жизнью вышеупомянутых «аполитичных», социально угнетенных мужчин и женщин. Это невозможно понять на основе статистических данных; да и мы не принадлежим к числу горячих поклонников ложной точности статистики, которая обходит стороной реальную жизнь. А между тем Гитлер завоевывает власть, отвергая статистику и используя сексуальную тревогу.

Сексуально безответственная личность — это личность, погруженная в сексуальные конфликты. Попытки помочь такому человеку осознать свою социальную ответственность без учета сексуальности обречены на провал. Более того, такие попытки приведут его в лагерь политической реакции, которая бесцеремонно использует в своих целях последствия его сексуальных конфликтов. Простой расчет показывает, что здесь возможен только один подход — анализ половой жизни указанной личности с социальной точки зрения. Одно время я воздерживался от такого вывода, считая его слишком банальным. Поэтому я могу понять опытного специалиста по политической экономике, который рассматривает подобную интерпретацию как плод кабинетных размышлений теоретика, несведущего в политике. И все же тот, кто побывал на сексуально-энергетических собраниях, знает, что подавляющее большинство присутствующих на таких собраниях — это люди, которые прежде не посещали политические собрания. Неприсоединившиеся и аполитичные мужчины и женщины составляют подавляющее большинство членов сексуально-энергетических организаций в Германии. О самоуверенности политических экономистов свидетельствует то, что в последнее тысячелетие международная мистическая организация проводила в каждом уголке мира впечатляющие сексуально-политические собрания по меньшей мере

один раз в неделю. Ибо воскресные собрания и богослужения мусульман, иудеев и других суть не что иное как сексуально-политические собрания. В свете нашего опыта в области применения сексуальной энергетики и с учетом данных о взаимосвязи мистицизма и сексуального подавления можно считать непростительным пренебрежительное отношение к этим реальностям, поскольку такое отношение обеспечивает реакционную поддержку господству средневековой ментальности и экономического рабства.

В заключение я хотел бы рассмотреть явление, которое выходит далеко за пределы повседневных задач: биологическая жесткость человеческого организма и ее связь с борьбой за индивидуальную и социальную свободу.

Глава IX

МАССЫ И ГОСУДАРСТВО

Заблудившись в лесной глуши Америки, группы поселенцев стремились найти тропу, по которой они пришли, чтобы из известного района вновь отправиться вперед в неизведанные дали. Для этого они не создавали политические партии, не затевали бесконечные споры о неизвестной территории. Они не докучали друг другу, составляя программы урегулирования спорных вопросов. Их действия носили естественный, рабоче-демократический характер и определялись данной ситуацией. Они объединяли усилия, чтобы найти известное место, и, собравшись с силами, отправлялись в дальнейший путь.

Когда в процессе лечения вегетотерапевт запутывается в сложном переплетении иррациональных реакций пациента, он не затевает с пациентом дискуссии о проблеме «существования или несуществования бога» и не приходит в раздражение. Он анализирует ситуацию и пытается составить себе ясное представление о предыдущем ходе лечения. Он возвращается к тому моменту, когда он еще ясно понимал ход лечения.

Естественно, каждое живое существо стремится установить и устранить причину бедственного положения, в котором оно оказалось. В первую очередь оно не будет повторять действия, послужившие причиной несчастья. Таким образом, опыт помогает преодолевать трудности. Нашим политическим деятелям чужды естественные реакции такого рода. Можно утверждать, что они не могут ничему научиться на своем опыте. В 1914 году австрийская монархия развязала первую мировую войну. В то время она сражалась с оружием в руках против американских демократов. В 1942 году, во время второй мировой войны, было выдвинуто предложение восстановить габсбургскую династию для «предотвращения» новых войн. Предложение было поддержано американскими дипломатами. Это — иррационально-политический абсурд.

Во время первой мировой войны итальянцы были друзьями и союзниками американцев. В 1942 году, во время второй мировой войны, они стали злейшими врагами, а в 1943 году — снова друзьями. В 1914 году, во время первой мировой войны, итальянцы были «традиционными врагами» немцев. В 1940 году, во время второй мировой войны, итальянцы и немцы были кровными братьями, «опять-таки на основе традиций». В следующей мировой войне, например в 1963 году, немцы и французы превратятся из «расово традиционных врагов» в «расово традиционных друзей».

Это — эмоциональное бедствие. Представьте себе следующую картину. В XVI веке появляется Коперник и утверждает, что Земля вращается вокруг Солнца. В XVII веке один из его последователей утверждает, что Земля не вращается вокруг Солнца, а в XVIII веке ученик этого последователя Коперника утверждает, что все-таки она вращается вокруг Солнца. Однако в XX веке астрономы утверждают, что правы как Коперник, так и его последователи, поскольку Земля вращается вокруг Солнца и одновременно остается неподвижной. Если Коперника мы готовы сжечь на костре, то в случае политического деятеля дело обстоит иначе. Когда политический деятель несет несусветный вздор, утверждая в 1940 году нечто совершенно противоположное тому, что он утверждал в 1939 году, миллионы людей выходят за рамки приличия и утверждают, что произошло чудо.

Серьезная наука, как правило, не выдвигает новую теорию до тех пор, пока старые теории не перестанут удовлетворять научным требованиям. В случае неадекватности или ошибочности старых теорий начинается процесс выявления и анализа их ошибок с последующей разработкой новых концепций на основе полученных данных. Такая естественная методика проведения работ не свойственна политикану. Для него не имеет значения число новых явлений и обнаруженных ошибок. Старые теории продолжают свое существование в виде лозунгов, причем новые факты скрываются либо выдаются за иллюзии. Демократические процедуры вызвали чувство разочарования у миллионов европейцев и, таким образом, открыли путь к установлению фашистской диктатуры. Демократические политиканы не вернулись к исходным пунктам демократических принципов, не внесли в них поправки в соответствии с коренными изменениями в общественной жизни и не придали им соответствующее направление. Вновь ставятся на голосование процедурные вопросы, т. е. те формальности, которые столь бесславно были развенчаны в Европе.

Политические деятели стремятся разработать и поставить на голосование систему обеспечения мира. Очевидно, что такая система вызывает чувство ужаса еще до начала ее разработки. Основные элементы мира и сотрудничества физически присущи естественным трудовым взаимоотношениям между людьми и составляют основу обеспечения гарантий миролюбия. Их невозможно «внедрить», так как они уже существуют. Хороший врач не «внедряет» «новое здоровье» в тяжелобольной организм. Он выявляет здоровые элементы в больном организме и затем использует их в борьбе с болезнью. Это утверждение справедливо и для больного социального организма, если подходить к нему с точки зрения социальной науки, а не с точки зрения политических программ и идей. Существует только одна возможность — развитие реальных, уже существующих условий свободы и устранение препятствий на пути этого развития. Но осуществлять это необходимо органическим путем. Невозможно навязать больному социальному организму гарантируемые законодательством свободы.

Взаимосвязи между массами и государством лучше всего могут быть показаны на примере Советского Союза. Это объясняется тем, что основа для осуществления социальной революции 1917 года была подготовлена социологической теорией, которая подвергалась проверке в течение последних десяти лет. Русская революция воспользовалась этой теорией. Миллионы людей приняли участие в социальном перевороте, вынесли его тяготы и пошли дальше. Что происходило в течение двадцати лет с социологической теорией и массами в «пролетарском государстве»?

При серьезном подходе к проблеме демократии необходимо учитывать развитие Советского Союза. Какова природа этого развития, возможно ли его реализовать и каким образом можно его реализовать? Различие между рабоче-демократическим преодолением трудностей и формально-демократическим политизированием ясно проявилось в отношении различных политических и экономических организаций к Советскому Союзу.

1936 ГОД: ГОВОРИТЕ ПРАВДУ, НО КАК И КОГДА?

Началась итало-абиссинская война; одно событие стремительно следовало за другим. Никто не знал и не мог знать, какие изменения произойдут в мире в течение следующих месяцев и лет. Рабочие организации не вмешивались в ход событий. Рабочее движение было расколото на международном уровне и либо хранило молчание, либо бессистемно меняло точки зрения. Следует признать, что, несмотря на полную неудачу в области социальных

преобразований, Советский Союз (в лице Литвинова) действительно в Женеве вел борьбу за мир. Ожидались новые, невиданные потрясения, и необходимо было подготовиться к ним. Потрясения могли привести к новому решению проблемы социального хаоса. В то же время возможности, заложенные в таких потрясениях, могли остаться неиспользованными, как это произошло в Германии в 1918 и 1933 году. Необходимо было объяснить структурную подготовку к социальным переворотам. Ни в коем случае нельзя было ввязываться в «перетягивание каната» между множеством противоречивых точек зрения на злободневные политические вопросы. Необходимо было дистанцироваться от повседневной политической суматохи и в то же время поддерживать связь с социальными процессами. Особую важность теперь приобрела работа над проблемой структуры личности. В первую очередь необходимо было внести ясность в проблему развития Советского Союза. Миллионы трудящихся в Германии, Англии, Америке, Китае и других странах лихорадочно следили за каждым шагом Советского Союза. Лица, сведущие в массовой психологии, знали, что если разочарование в Советском Союзе прибавится к катастрофе в Германии, то научная борьба за ясность составит существенно важную предпосылку выживания в новой войне.

Приближалась европейская война, т. е. вторая мировая война на веку одного поколения. Еще оставалось время поразмыслить о тех изменениях, к которым может привести вторая мировая война. Человеческая мысль еще могла вести борьбу с новой бойней и достичь понимания, которое положит конец существованию поджигателей войны. Трудно было сохранить спокойствие и ясность мысли тем, кто знал об этом. Но это необходимо было сделать, так как вторая мировая война, которая началась в Африке и вскоре должна была охватить всю планету, неизбежно должна когда-нибудь закончиться, и тогда народ потребует покончить с поджигателями войны и устранить ее причины. Но в то время еще никто не знал, как осуществить на практике эти требования.

В 1935 году было ясно, что Советский Союз в своем развитии неизбежно столкнется со значительными трудностями. Хотя политические деятели демократического толка в Германии, Скандинавии и других странах много говорили об этих трудностях, тем не менее они даже не пытались установить их источник. Они не вернулись к подлинно демократическим работам Энгельса и Ленина, чтобы пополнить свои знания об исходных социологических основах советского общества и затем прийти к пониманию его дальнейшего развития. Европейцы не могли игнорировать работы этих

первооткрывателей подлинной демократии так же, как подлинные демократы в Америке не могли игнорировать американскую конституцию и основные идеи таких первооткрывателей, как Джефферсон, Линкольн и др. Если Энгельс был выдающимся представителем немецкой демократии, то Ленин был выдающимся представителем русской демократии. Не отвлекаясь на формальности, они устремляли свои помыслы к сути демократии. Их работы не упоминали из боязни попасть в разряд коммунистов или потерять академическое или политическое положение. Энгельс был зажиточным фабрикантом, а Ленин — сыном состоятельного чиновника. В среде «правящего класса» они были диссидентами, стремившимися создать систему подлинной демократии на основе марксистской социальной экономики (которая, между прочим, тоже возникла в «буржуазных кругах»).

Демократические основы идей Энгельса и Ленина были преданы забвению. Они предъявляли к сознательности европейцев слишком высокие требования, которые, как впоследствии выяснилось, оказались не по силам и русским социологам, и политическим деятелям.

В настоящее время (1944 г.) невозможно дать характеристику естественной рабочей демократии без учета тех форм, которые она приняла в социально-политических идеях Энгельса и Ленина в период с 1850 по 1920 год. Необходимо учитывать также и те формы, которые она приняла на ранних этапах процесса развития в Советском Союзе в годы с 1917 по 1923. Русская революция была актом огромного социального значения. Поэтому с социологической точки зрения имеет существенно важное значение задержка в ее развитии. Она должна послужить серьезным предостережением сторонникам демократических преобразований. Трудно возлагать большие надежды на чисто эмоциональный энтузиазм русских в их героической борьбе с Гитлером. В 1943 году мотивы этого энтузиазма, которые отсутствовали в годы с 1917 по 1923, имеют двойственную природу. Они продиктованы эгоистическими военными интересами в значительно большей степени, чем стремлением к установлению подлинной демократии.

Нижеприведенный анализ развития Советского Союза был сделан в 1935 году. Спрашивается, почему результаты анализа не были опубликованы в то время? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо дать краткое пояснение. В Европе невозможно было вести практическую работу в области массовой психологии вне рамок партий. Тот, кто вел научные исследования без учета политических интересов и составлял прогнозы, противоречившие

партийной политике, рисковал быть изгнанным из организаций и таким образом лишиться связи с массами. В этом вопросе все партии были единодушны. В своей деятельности политическая партия ориентируется не на истину, а на иллюзии, которые обычно соответствуют иррациональной структуре масс. Научные истины лишь мешают партийному деятелю выходить из затруднений с помощью иллюзий. Безусловно, как убедительно показало развитие событий в самой Европе (начиная с 1938 года), иллюзии в конечном счете не приносят пользы. Научные истины представляют собой единственно надежные принципы общественной жизни, но применительно к Советскому Союзу они выполняли функцию зарядней, неспособных пробудить общественное мнение и тем более энтузиазм. Они вызывали угрызения совести. Только вторая мировая война смогла повысить восприимчивость к реальным фактам и, что более важно, показать широким кругам трудящихся иррациональную сущность всех форм политики.

При установлении какого-либо факта ученого интересует только его применимость, а не желательность. Таким бразом, ученый неизбежно вступает в острое противоречие с политикой, которую интересует не применимость факта, а лишь его способность затрагивать интересы той или иной политической группы. Социолог находится в сложном положении, так как, с одной стороны, он должен выполнить свою задачу — открыть и описать реальный процесс, а с другой стороны, ему необходимо сохранить связь с основным социальным движением. Поэтому перед публикацией неудобного фактического материала он должен тщательно взвесить тот эффект, который его точные формулировки произведут на народные массы, находящиеся преимущественно под влиянием политического иррационализма. Научная социальная теория, обладающая определенным интеллектуальным диапазоном, может пробиться через все преграды и превратиться в социальную практику только в том случае, если массы спонтанно претворят ее в жизнь. Общее и спонтанное усвоение рациональных взглядов на существенные потребности общества может состояться после того, как будет полностью исчерпан потенциал устарелых систем мысли и враждебных делу свободы институтов. Но устарелость этих систем и институтов должна быть доступна пониманию каждого человека. Например, благодаря суете политиканов в Соединенных Штатах получило широкое распространение представление о политическом деятеле как раковой опухоли на теле общества. В 1935 году европейцы были далеки от такого представления. Только

политический деятель мог определять истинность или ложность того или иного явления.

Понимание значительных социальных явлений обычно приобретает более или менее явные очертания в среде населения задолго до того, как оно найдет организованное выражение и представительство. В настоящее время (1944 г.) ненависть к политике, в основе которой лежат конкретные факты, приобрела, несомненно, всеобщий характер. Если в такой ситуации группа социологов выдвигает теорию, опирающуюся на результаты наблюдений и формулировки, которые адекватно отражают объективные социальные процессы, то такая теория должна непременно соответствовать доминирующим настроениям народных масс. Представьте себе развитие двух независимых процессов, которые сходятся в одной точке, т. е. в той точке, в которой социальный процесс и воля масс соединяются с социологическим знанием. Это применимо к существенным социальным процессам во всех странах. Так, например, аналогичные процессы протекали в Америке (1776 г.) во время ее освобождения от владычества Англии и в России во время освобождения общества от царского режима (1917 г.). Отсутствие конкретных социологических работ может вызвать катастрофический эффект. Возможности, заложенные в максимальном развитии социального процесса и воли масс, остаются неиспользованными в случае отсутствия простого научного принципа, способного объединить их. Так обстояло дело в Германии, когда в 1918 году был свергнут кайзер, но подлинная демократия не получила развития.

Слияние научного и социального процессов приводит к возникновению принципиально нового общественного строя только в том случае, если процесс научного познания развивается на основе старого мировоззрения столь же органично, как социальный процесс развивается на основе жизненных невзгод. Я говорю об органическом развитии потому, что невозможно «изобрести», «придумать» или «планировать» новый строй. Он должен развиваться органически, в тесной связи с практическими и теоретическими данными о жизни человека. Поэтому все попытки «привлечь массы на свою сторону политическими средствами», навязать им «революционные идеи» не достигают цели и приводят лишь к «бессмысленному сотрясанию воздусей».

Повсюду спонтанно распространилось понимание сущности фашизма, не поддающееся объяснению с чисто экономической точки зрения, и авторитарно-националистической структуры Советского Союза (1940 г.). Ни одна из политических партий не

имела к этому никакого отношения. Знание о том, что фашизм имел так же мало общего с классовым подавлением «буржуазии», как «советская демократия» Сталина с социальной демократией Ленина, имело всеобщий и скрытый характер. Стала очевидной неприменимость старых концепций к новым процессам. Непросто было обмануть с помощью политических лозунгов тех, кто непосредственно был связан с существенной жизнью личности или, подобно врачам и педагогам, приобрел точное знание жизни мужчин и женщин различных сословий и национальностей. В наиболее благоприятном положении оказались те, кто неизменно оставались аполитичными и жили только ради своей работы. «Аполитичные» группы европейцев, полностью погруженные в свою работу, были способны понимать существенные социальные открытия. В отличие от них лица, экономически и идеологически идентифицировавшие себя с какой-либо партией, характеризовались косностью и неспособностью понимать новые явления. Защита от попыток разъяснить принципиально новый характер «пролетарского», авторитарно-диктаторского режима проявлялась у таких лиц, как правило, в форме иррациональной ненависти. Если к тому же учесть чисто экономическую ориентацию всех партийных организаций и ориентацию диктаторской политики на иррациональные структуры в психологии масс, тогда нетрудно понять ту максимальную осмотрительность, которую вынужден проявлять ученый, работающий в области массовой психологии. Ему оставалось лишь добросовестно отмечать, подтверждает или опровергает общественное развитие его биопсихологические открытия. Общественное развитие подтверждало их!

Многие врачи, педагоги, писатели, общественные деятели, молодежь, промышленные рабочие и другие приходили к убеждению, что политический иррационализм неизбежно загонит себя насмерть и потребности в естественной работе, любви и знании войдут в состав массового сознания и массового действия. И тогда не нужно будет вести пропагандистскую кампанию для распространения этой теории. В то время, однако, было невозможно определить размеры и продолжительность катастрофы, к которой приведет политический иррационализм, прежде чем естественное мироощущение трудящихся масс не остановит его развитие.

После немецкой катастрофы в 1933 году Советский Союз стал быстро возвращаться к авторитарно-националистическим формам правления. Многие ученые, журналисты и руководители рабочих организаций понимали, что это было возвращение к «национализ-

му». Оставалось выяснить, формировался ли этот национализм по фашистскому образцу.

Термин «фашизм» не более оскорбителен, чем термин «капитализм». Это понятие означает определенный тип массового руководства и массового влияния: авторитарную, однопартийную, а следовательно, и тоталитарную систему, в которой интересы власти преобладают над объективными интересами, а факты искажаются в угоду политическим интересам. Поэтому можно утверждать, что существуют «фашисты-евреи» и «фашисты-демократы».

Если бы в то время были опубликованы результаты таких наблюдений, советское правительство привело бы их в качестве примера «контрреволюционных тенденций» и «троцкистского фашизма». В большинстве своем население Советского Союза все еще находилось под влиянием революционного порыва 1917 года. Материальное положение народа улучшалось. Не было упоминаний о безработице. Спорт, театр, литература и другие блага культуры стали доступны народу. Те, кто пережил немецкую катастрофу, знал, что доступность для народа так называемых культурных благ ничего не говорит о характере и развитии данного общества. Короче говоря, общедоступность культурных благ ничего не говорила нам о советском обществе. Разумеется, посещение кинотеатров и драматических театров, чтение книг, занятия спортом и чистка зубов имеют важное значение, но они не указывают на различие между диктаторским государством и подлинно демократическим обществом. «Блага культуры общедоступны» и в том, и в другом случае. Основная ошибка социалистов и коммунистов заключалась в том, что они превозносили постройку многоквартирного дома, создание муниципальной транспортной системы или открытие новой школы как «социалистические» достижения. Многоквартирные дома, муниципальный транспорт и школы в определенной мере свидетельствуют о техническом развитии общества. Они не говорят нам о свободе и угнетении членов данного общества, о рациональности и иррациональности мужчин и женщин.

Поскольку каждое техническое новшество превозносилось в Советском Союзе как «чисто коммунистическое» достижение, у советского народа создавалось впечатление, что ничего подобного не могло существовать в капиталистических странах. Поэтому невозможно было рассчитывать на то, что народ поймет вырождение советской демократии и превращение ее в национализм. Один из основных принципов массовой психологии предписывает не разглашать «объективную истину» просто потому, что это истина.

Массовая психология в первую очередь ставит вопрос, как обычный трудящийся будет реагировать на тот или иной объективный процесс.

Такой подход автоматически исключает возможность политических злоупотреблений. Например, если кто-нибудь откроет какую-нибудь истину, он должен подождать, пока не появятся объективные и независимые доказательства данной истины. Если такие доказательства не появятся, тогда открытая истина не является истиной и сохраняет свое существование в качестве одной из возможностей.

В европейских и других странах многие с тревогой следили за катастрофическим регрессом в Советском Союзе. Около ста экземпляров данного исследования взаимосвязи между «массами и государством» были отправлены сторонникам сексуальной энергетики и психологии масс в Европе, России и Америке. Составленный в 1929 году прогноз о превращении советской демократии в тоталитарную диктатуру опирался на факт умышленного подавления* сексуальной революции в Советском Союзе. Сексуальное подавление, как известно, служит для механизации и порабощения масс. Таким образом, во всех случаях авторитарно-моралистического подавления детской и подростковой сексуальности, когда законодательство оказывает такому подавлению поддержку, мы с уверенностью можем заключить, что в развитии данного общества существуют сильные авторитарно-диктаторские тенденции, независимо от разновидности лозунгов, используемых правящими политиканами. С другой стороны, мы можем заключить о существовании в обществе подлинно демократических тенденций в тех случаях, когда мы встречаем сочувственное, жизнеутверждающее отношение к детской и подростковой сексуальности со стороны влиятельных общественных институтов. При этом степень распространения демократических тенденций находится в прямой зависимости от степени распространения таких отношений. Поэтому уже в 1929 году, когда в Советском Союзе начали преобладать реакционно-сексуальные подходы, мы имели все основания заключить о развитии в советском руководстве авторитарно-диктаторских тенденций. Я подробно рассмотрел эту проблему в своей работе «Сексуальная революция». Мои прогнозы получили подтверждение в 1934 году, когда в отношении сексуальности вновь были приняты реакционные законы.

---

* См. В. Райх, «Сексуальная революция».

В то время я не знал о появлении в Соединенных Штатах нового подхода к сексуально-энергетическим вопросам, который впоследствии обеспечил возможность признания правомерности сексуальной энергетики.

Мы попросили коллег, которым были отправлены экземпляры настоящей брошюры, тщательно обдумать содержание брошюры и в случае согласия передать ее другим социологам, способным понять противоречивый характер развития Советского Союза. При этом настоятельно рекомендовалось воздерживаться от публикаций и зачитывания брошюры на массовых собраниях. Сам ход событий должен был определить время, когда можно будет начать ее публичное обсуждение. В период с 1935 по 1939 год росло число ведущих социологов, которые приходили к пониманию точки зрения массовой психологии на причину отката Советского Союза к авторитарным формам правления. Это понимание заняло место чувства бесплодного негодования по поводу «отката». Ученые начали понимать, что в своем развитии Советский Союз потерпел крах, наткнувшись на авторитарные структуры народных масс; этот факт остался без внимания со стороны советского руководства. Это понимание имело огромное значение.

«ЧТО ПРОИСХОДИТ В НАРОДНЫХ МАССАХ!»

Проблема способа установления нового общественного строя полностью совпадает с проблемой характерологической структуры широких слоев населения, т. е. аполитичных трудящихся, которые находятся под влиянием иррациональности. Поэтому в основе провала подлинно социальной революции лежит несостоятельность народных масс. Народные массы воспроизводят идеологию и формы жизни политической реакции в своих психологических структурах и, тем самым, в каждом новом поколении, хотя им иногда и удается подорвать силу этих форм и идеологии в рамках социальной структуры. В то время никто не ставил, да и не понимал проблему мышления, переживаний и реакций широких групп аполитичного сегмента населения. Поэтому трудно было рассчитывать на практическое решение этой проблемы. В этом вопросе царила неразбериха. По поводу плебисцита, проводившегося в Сааре в 1935 году, венский социолог Вилли Шламм писал следующее:

> «Действительно, минула эпоха, когда мы полагали, что, руководствуясь разумом и интуицией, народные массы могли понять свое реальное положение для осуществления социальных улучшений своими силами. Действительно, минуло то время, когда

> массы принимали участие в формировании общества. Оказалось, что можно полностью изменить массы, они бессознательны и способны приспосабливаться к любой форме власти или бесчестия. У них нет исторической миссии. В XX век, век танков и радио, массы не призваны решать исторические задачи — они отстранены от участия в формировании общества».

Шламм был прав, но его правота была бесплодна. Он не поставил вопрос о процессе возникновения такой особенности в психологической структуре масс, о ее врожденности и изменчивости. Если я правильно его понял, он не надеялся решить эту проблему, даже в общем виде.

Очевидно, что такие замечания были не только непопулярны, но нередко и смертельно опасны, поскольку социал-демократические и либеральные партии в странах, которые еще не стали фашистскими, обольщались надеждой, что сами массы (т. е. такие массы, какими они являются в действительности) способны распорядиться свободой и либерализмом, если только «злые гитлеры» не будут им мешать. Индивидуальные и общественные дискуссии неоднократно показывали, что политические деятели демократического толка (особенно социал-демократы и коммунисты) абсолютно не понимали ту простую истину, что в силу многовекового угнетения массы не в состоянии распорядиться свободой. Они не желали признать этот факт. Более того, упоминание о нем вызывало у них чувство беспокойства, а нередко и агрессивность. И тем не менее все, что произошло в сфере международной политики после русской революции 1917 года, подтвердило правильность утверждения, что массы не способны распорядиться свободой. Без такой интуиции абсолютно невозможно понять катастрофичность фашизма.

В период с 1930 по 1933 год мое понимание действительного положения дел приобретает все более отчетливые очертания. Я оказался вовлеченным в серьезный конфликт с благосклонно настроенными ко мне политиками-либералами, социалистами и коммунистами. Тем не менее мне казалось, что настало время для публикации, и поэтому я написал первый вариант настоящей книги. В брошюре «Was ist Klassenbewusztsein?» Эрнст Парелл показал значение моих открытий для политики социалистов.

Моя оценка существующего положения могла вызвать чувство безнадежности, ибо если все социальные явления определяются психологической структурой и поведением масс и если справедливо утверждение, что массы не способны распорядиться свободой, тогда фашистская диктатура неизбежно одержит победу. Но эта оценка не была абсолютной и содержала скрытый смысл. Она под-

верглась радикальным изменениям благодаря двум дополнительным соображениям.

1. Неспособность народных масс распорядиться свободой не является врожденной. Люди не всегда были неспособны к свободе. Поэтому, в принципе, они могут вновь обрести способность распоряжаться своей свободой.

2. Опираясь на клинический опыт, сексуально-энергетическая социология убедительно показала, что механизм, лишающий народные массы способности распоряжаться своей свободой, суть не что иное, как социальное подавление генитальной сексуальности детей, подростков и взрослых. Социальное подавление такого рода не присуще естественному порядку вещей. Оно возникло в процессе развития патриархата и поэтому, в принципе, может быть устранено. Однако существует возможность устранить социальное подавление естественной сексуальности на массовом уровне, и если основной механизм характерологической структуры не способен функционировать в условиях свободы, тогда можно сделать вывод, что дело обстоит не так уж безнадежно. Перед обществом открыт путь к овладению социальными условиями, которые мы называем «эмоциональной чумой».

Ошибка Шламма, как, впрочем, и других социологов, заключалась в том, что, признавая неспособность народных масс к свободе, он не сделал практических выводов из сексуально-энергетической социологии, с которой он был достаточно хорошо знаком, и не выступил в их защиту. Среди ученых в первую очередь следует обратить внимание на Эриха Фромма *, который полностью игнорировал сексуальную проблему народных масс и ее связь со страхом перед свободой и почитанием власти **. Я так и не смог этого понять, так как у меня не было оснований сомневаться в принципиальной порядочности Фромма. Однако игнорирование роли сексуальности в общественной и личной жизни порой бывает недоступно рациональному пониманию.

Читатель без труда заметит, насколько сместился акцент с социологических исследований политико-экономических факторов на исследования факторов, непосредственно связанных с психологией масс сексуальной энергетикой и характерологическими

---

* См. работы Эриха Фромма «Authority and Family» и «Escape from Freedom».

** В «Zeitschrift fur Sozialforschung» он написал положительный отзыв на «Der Einbruch der Sexualmoral». В этой книге рассматриваются проблемы вторжения сексуальной морали в первобытные общества и наступления характерологического рабства.

структурами. О существенных изменениях в мышлении, а следовательно, и в практических подходах к решению социальных проблем свидетельствует оценка, согласно которой массы не способны к свободе; то подавление сексуальности составляет основной механизм для установления контроля над личностью и, что самое существенное, происходит перенос ответственности с отдельных организаций и политических деятелей на неспособные к свободе массы. С учетом вышесказанного можно лучше понять бесконечные жалобы различных политических партий на «невозможность установить контакт с рабочими массами». Теперь стало понятным, почему массы «могут полностью измениться», почему «они бессознательны и способны приспособиться к любой форме власти и бесчестью». Стало понятно, каким образом фашисты отравляют массы расизмом. Стали понятны чувства беспомощности и бессилия, овладевшие социологами и политиками с чисто экономической ориентацией перед лицом катастрофических событий первой половины XX столетия. Теперь стало возможным установить связь между любой формой политической реакции и ее источником — «эмоциональной чумой», которая с момента вторжения авторитарного патриархата неуклонно укрепляла свои позиции в психологических структурах народных масс.

Таким образом, задача революционно-демократического движения заключается в том, чтобы способствовать развитию (а не спускать сверху указания!) народных масс, которые в результате тысячелетнего подавления их жизни стали равнодушными, неразборчивыми, биопатичными и покорными. Необходимо стимулировать их развитие так, чтобы они научились немедленно распознавать любую форму подавления и устранять его быстро, окончательно и бесповоротно. Легче предотвратить невроз, чем лечить его. Легче сохранять организм здоровым, чем избавлять его от немощи. Легче поддерживать функционирование социального организма без диктаторских институтов, чем избавляться от них. Задача подлинно демократического руководства заключается в том, чтобы побудить массы превзойти себя. Но массы могут превзойти себя только тогда, когда в их среде сформируются социальные структуры, которые будут не состязаться с дипломатами в политической алгебре, а обдумывать и ясно выражать от лица масс то, что сами массы не могут обдумать и ясно выразить в силу нужды, отсутствия подготовки, привязанности к идее фюрера, а также иррационализма. Короче говоря, мы считаем народные массы ответственными за каждый социальный процесс. Мы требуем, что-

бы они несли ответственность, и боремся с их безответственностью. Мы обвиняем их, но не так, как обвиняют преступника.

Создание нового, подлинно общественного строя имеет большее значение, чем ликвидация авторитарно-диктаторских социальных институтов. Необходимо больше обращать внимание на создание нового строя, чем на создание новых институтов, ибо новые институты неизбежно приобретут авторитарно-диктаторскую форму, если с помощью образования и социальной гигиены не будет устранен авторитарный абсолютизм, укоренившийся в характерологических структурах народных масс. Это отнюдь не означает, что мы противопоставляем революционных ангелов реакционным демонам, алчных капиталистов щедрым рабочим. Для того чтобы социология и массовая психология действительно стали подлинной наукой, необходимо освободить их от политического, черно-белого видения происходящего. В первую очередь они должны учитывать противоречивый характер человека, воспитанного в авторитарных условиях, и помогать обнаруживать, ясно выражать и устранять реакционно-политические элементы в психологической структуре и поведении трудящихся масс. Разумеется, настоящие специалисты в области социологии и массовой психологии не должны самоустраняться от участия в этом процессе. Теперь ясно, что одной только национализации или социализации недостаточно, чтобы внести хотя бы микроскопические изменения в рабское состояние человечества. Участок земли, приобретаемой для постройки дома, в котором можно жить и работать, составляет лишь предварительное условие жизни и работы; это — не жизнь и работа. Рассмотрение экономического процесса как сущности биосоциального процесса на уровне общества равнозначно отождествлению земельного участка и дома с воспитанием детей, гигиеной и работой с танцами и музыкой. Возвращение Советского Союза к авторитарной форме правления произошло благодаря такому, чисто экономическому, мировоззрению (против которого столь энергично выступал Ленин в свое время).

Предполагалось, что экономический процесс, осуществляемый Советами, позволит изменить народ. Во всяком случае такие надежды существовали в 1920 году. Разумеется, ликвидация безграмотности и превращение аграрной страны в индустриальную являются огромными достижениями. Но их нельзя отнести к числу чисто социалистических достижений, ибо ультракапиталистические правительства также способны осуществлять аналогичные преобразования, причем нередко в более широких масштабах.

После 1917 года основной вопрос массовой психологии стоял так: обеспечит ли культура, возникшая в результате социального переворота в России, создание общества, принципиально отличного от царского авторитарного строя? Будет ли новый общественно-экономический строй российского общества воспроизводиться в характерологической структуре личности? Каким способом он будет воспроизводиться? Будет ли новый «советский человек» свободной, неавторитарной, разумной, саморегулирующейся личностью? Будет ли он передавать эти способности своим детям? Позволят ли элементы свободы, сформированные таким образом в структуре личности, сделать ненужной и невозможной любую форму авторитарного правления? Существование и несуществование авторитарно-диктаторских институтов в Советском Союзе послужат критериями оценки характера формирования советского человека.

Понятно, что весь мир напряженно следил за развитием событий в Советском Союзе. В одних странах к этим событиям относились с опаской, а в других — с восторгом. Однако в целом отношение к Советскому Союзу не отличалось рациональностью. Одни защищали советскую систему столь же необъективно, как другие критиковали ее. Существовали группы интеллектуалов, которые полагали, что «Советскому Союзу тоже есть чем гордиться». Это напоминает того гитлеровца, который заявил, что «среди евреев тоже есть порядочные люди». Такие эмоциональные суждения лишены смысла и ценности. Одним словом, они ни к чему не приводят. Руководители Советского Союза вполне справедливо жаловались, что люди, практически ничего не делая для построения российского общества, занимаются лишь выискиванием недостатков.

Продолжалась борьба между рационально-прогрессивными силами общественного развития и реакционными силами, препятствовавшими развитию общества и стремившимися возвратить его к предыдущей стадии развития. Благодаря Марксу, Энгельсу и Ленину экономические условия поступательного развития общества были значительно лучше поняты, чем силы, тормозившие развитие общества. Никто не собирался ставить проблему иррационализма масс. Поэтому направленное на достижение свободы движение, которое вначале представлялось столь перспективным, остановилось, а затем и возвратилось к авторитарной форме.

Осмысление механизма указанного регресса представляется более плодотворным, чем отказ признать факт его существования. Европейские коммунистические партии отвергали регресс, однако

религиозно-фанатическая защита всего происходящего в Советском Союзе лишала их возможности практически решить социальные проблемы. В то же время можно с уверенностью утверждать, что естественнонаучное разъяснение иррациональных противоречий характерологической структуры личности в конечном счете будет больше способствовать развитию Советского Союза, чем бессмысленные завывания о спасении. Такой научный подход может показаться неприятным и болезненным, но в действительности он определяется более глубокими чувствами дружбы, чем политическими лозунгами. Это хорошо известно тем советским людям, которые заняты повседневной практической работой. Я могу лишь подтвердить, что в то время судьба советской системы тревожила врачей и педагогов с сексуально-энергетической ориентацией не меньше, чем ее горячих поборников.

Эта тревога, разумеется, была оправданна. На промышленных предприятиях первоначальная «тройственная дирекция» и демократические консультанты по экономическим и производственным вопросам были заменены на авторитарное «ответственное» руководство.

Первые попытки ввести в школах систему самоуправления (план Дальтона) потерпели неудачу; в системе образования были вновь приняты старые авторитарные правила.

В армии первоначальная демократическая офицерская система была заменена на жесткую иерархию званий. Вначале звание «маршала Советского Союза» казалось непонятным новшеством, а затем стало вызывать чувство тревоги, так как ассоциировалось с «царем» и «кайзером».

В области сексуально-энергетической социологии накапливались свидетельства о возвращении к авторитарно-моралистическим взглядам и законам. Этот процесс подробно рассмотрен во второй части моей книги «Die Sexualitt im Kulturkampf», изданной в 1936 году *.

В области человеческих взаимоотношений получают все большее распространение подозрительность, цинизм, приспособленчество и слепое повиновение. Если в 1929 году в настроениях обычных советских людей преобладали надежды на успех революции и героическое стремление принести жертвы для выполнения пятилетнего плана, то в 1935 году в чувствах и мышлении народа ощущались уклончивость, смятение и непостоянство. Отмечались

* Книга издана на английском языке под названием «The Sexual Revolution» («Сексуальная революция»).

цинизм, разочарование и своего рода «житейская мудрость», которые трудно сочетались со стремлением к серьезным социальным целям.

Культурная революция в Советском Союзе потерпела неудачу. Более того, откат культурного процесса положил конец энтузиазму и надеждам всего мира.

Руководство страны не виновно в том, что происходит социальный регресс. Но руководство, несомненно, способствует регрессу, когда: 1) выдает регресс за прогресс, 2) объявляет себя спасителем мира и 3) расстреливает тех, кто напоминает ему об его обязанностях.

Такие руководители неизбежно должны уступить место другим руководителям, которые будут придерживаться общепризнанных принципов социального развития.

СТРЕМЛЕНИЕ К СОЦИАЛИЗМУ

Социалистические движения и стремление к социализму существовали задолго до появления научного знания о социальных предпосылках установления социализма. Тысячелетия шла борьба обездоленных со своими угнетателями. Эта борьба позволила ученым понять стремление угнетенных к свободе, а не наоборот, как полагают фашисты. Нельзя отрицать, что в годы с 1918 по 1938, т. е. в годы, имевшие огромное социальное значение, социалисты потерпели весьма ощутимые поражения. В тот период, когда существовали точные данные о зрелости и рациональности социалистического освободительного движения, рабочее движение раскололось, обюрократилось и отошло от исходного стремления к свободе и истине.

Социалистические настроения миллионов людей суть не что иное, как страстное стремление освободиться от любой формы угнетения. Но это стремление к свободе сочеталось с боязнью ответственности и поэтому проявилось в виде компромисса. Боязнь народных масс брать на себя социальную ответственность привела социалистическое движение в сферу политики. Но в научной социологии Карла Маркса, подвергшего анализу экономические условия социальной независимости, мы не находим упоминаний о государстве как цели социалистической свободы. «Социалистическое» государство — это изобретение партийных бюрократов. Предполагалось, что установить свободу должно государство, а не народные массы. В дальнейшем будет показано, что социалистическая идея государства не связана с теорией ранних социалистов;

более того, она олицетворяет искажение социалистического движения. При всей неосознанности процесса формирования этого искажения, в данном случае необходимо винить во всем структурную беспомощность народных масс, которые, несмотря на это, испытывали сильное стремление к свободе. Стремление к свободе в сочетании со структурным страхом перед ответственностью за самоуправление привело к возникновению в Советском Союзе государства, которое все более удалялось от первоначальной программы коммунистов и в конечном счете приняло диктаторскую, авторитарно-тоталитарную форму.

Теперь мы опишем в общих чертах социалистический характер наиболее значительных социально-освободительных движений.

Раннехристианское движение нередко по праву называют «социалистическим». Основоположники социализма рассматривали восстания рабов в древности и крестьянские войны в средние века как предвестников социалистического движения XIX и XX столетий. Отсутствие промышленности, средств международной связи и социологической теории не позволили им достичь успеха. По мнению основоположников, построить «социализм» можно только на международном уровне. С социологической точки зрения национальный или националистический социализм (национал-социализм = фашизм) суть не что иное, как абсурд. Строго говоря, этот термин предназначен для обмана масс. Представьте себе врача, который открывает лекарство для лечения определенной болезни и называет его «сывороткой». Затем появляется спекулянт, собирающийся заработать деньги на людских болезнях. Он составляет яд, способный вызвать определенную болезнь, которая в свою очередь вызывает у больного страстное желание выздороветь. Спекулянт называет этот яд «целебным средством». Он становится национал-социалистическим наследником врача — аналогично тому, как Гитлер, Муссолини и Сталин стали национал-социалистическими наследниками интернационального социализма Карла Маркса.

Чтобы быть точным, стремящийся разбогатеть на болезнях спекулянт должен назвать свой яд «токсином». Тем не менее он называет яд «сывороткой», так как ему прекрасно известно, что он не сможет продать токсин в качестве лекарства. Это применимо и к таким терминам, как «социальный» и «социалистический».

Произвольное употребление терминов, имеющих определенное значение, неизбежно приводит к безнадежной путанице. Понятие «социализм» нераздельно связано с понятием «интернациональный». Теория социализма предполагает наличие определенного

уровня развития международной экономики. Империалистическая борьба за рынки, природные ресурсы и центры влияния неизбежно перерастает в хищнические войны. Экономическая анархия неизбежно становится основным препятствием на пути дальнейшего роста общественной производительности. Хаотический характер экономики неизбежно становится очевидным для всех: например, для приостановки резкого падения цен уничтожают излишки продуктов в то время, когда большинство народа голодает. Частное присвоение коллективно произведенных товаров неизбежно вступает в острое противоречие с общественными потребностями. Международная торговля неизбежно приходит к пониманию, что тарифные границы национальных государств и рыночный принцип составляют непреодолимые барьеры.

После 1918 года на всей планете получили огромное развитие объективные общественно-экономические предпосылки для формирования международных подходов. Аэроплан позволил сократить огромные расстояния, разделяющие народы и культуры. Интенсивный рост международных перевозок позволил начать стирание столь заметных в прошлые века различий в культуре. В XIX столетии между арабом и англичанином существовали более заметные различия, чем в середине XX столетия. На авантюристов налагаются все более суровые ограничения. Короче говоря, идет стремительный рост общественно-экономических предпосылок развития интернационализма *. Однако экономическое развитие интернационализма не сопровождалось соответствующим развитием идеологии и структуры личности. Успешно развиваясь в экономическом направлении, идея интернационализма почти не продвинулась в области идеологии и в структуре личности. Об этом свидетельствует не только положение рабочего движения, но и появление в Европе националистических диктаторов: Гитлер в Германии, Муссолини в Италии, Дорио и Лаваль во Франции, Сталин в России, Маннергейм в Финляндии, Хорти в Венгрии и др. Никто не мог предвидеть появления такого раскола между общественно-экономическим прогрессом и регрессом в структуре личности. Отход рабочего интернационала на позиции национал-шовинистического социализма знаменовал собой нечто большее, чем крах старого освободительного движения, которое неизменно сохраняло интернациональный характер. Произошло беспрецедентное распространение эмоциональной заразы в самой гуще угнетенных общественных групп, которые, как полагали великие мыс-

* Вторая мировая война существенно ускорила этот процесс.

лители, должны построить новый общественный порядок. Самый низкий уровень «национал-социалистического» вырождения был ознаменован вспышкой расовой ненависти в среде американских белых рабочих по отношению к чернокожим рабочим и полной утратой общественно-политической инициативы и перспектив в ряде крупных профсоюзов. Когда идея свободы воспринимается на уровне сержантской ментальности, тогда она оказывается в незавидном положении. Старая жестокая несправедливость отомстила массам, которым нечего было продать, кроме своей рабочей силы. Безжалостная эксплуатация и безответственность могущественных капиталистов нанесли ответный удар, подобно бумерангу. Поскольку идея интернационализма не укоренилась в структуре личности, национально-социалистическое движение озадачило своих противников, когда начало использовать в своих целях страстное стремление к интернациональному социализму. Под руководством сержантов, вышедших из среды угнетенных, интернациональное социалистическое движение раскололось на ряд национально ограниченных, изолированных, враждующих между собой массовых движений, которые лишь казались революционными. Положение осложнялось еще и тем, что, благодаря старой интернациональной ориентации своих сторонников, некоторые массово-националистические движения стали интернациональными движениями. Итальянский и немецкий национал-социализм превратился в интернациональный фашизм. Строго говоря, он привлекал к себе массы на международном уровне, приняв форму извращенного «националистического интернационализма». В этой форме он подавил подлинно демократические мятежи в Испании и Австрии. Героическая борьба подлинных революционеров, оторванных от народных масс (1934—1936 гг.), походила на сражение под Фермопилами.

Во всем этом отчетливо проявился иррационализм как психологической структуры масс, так и политики вообще. В течение многих лет немецкие рабочие массы отказывались признать программу революционного интернационализма. И тем не менее после 1933 года они терпеливо снесли все страдания, вызванные подлинно социальной революцией, не воспользовавшись ни одним из ее завоеваний. Они жестоко заблуждались и потерпели поражение от своего собственного иррационализма, т. е. от страха перед социальной ответственностью.

Эти явления трудно понять. И тем не менее, несмотря на их кажущуюся непостижимость, мы попытаемся осмыслить эти явления.

После вступления Соединенных Штатов во вторую мировую войну получает все большее распространение интернациональная, общечеловеческая ориентация. В то же время у нас есть все основания опасаться, что такая ориентация может вызвать более фантастические иррационально-массовые реакции и более ужасные общественные потрясения, если авторитетные социологи и психологи не откажутся от своего высокопарного академизма и, пока еще не поздно, не примут активного участия в событиях и не попытаются помочь в их осмыслении. Центр тяжести социологических исследований сместился с экономики на психологическую структуру народных масс. Мы больше не ставим вопрос зрелости экономических предпосылок формирования рабоче-демократического интернационализма. Теперь перед нами стоит более важный вопрос: если предположить, что общественно-экономические условия интернационализма достигли полной зрелости, тогда какие помехи могут вновь предотвратить укоренение и развитие идеи интернационализма в идеологии и структуре личности? Каким образом можно преодолеть на массовом уровне социальную безответственность и склонность подчиняться авторитету, пока еще не поздно? Как можно предотвратить превращение этой второй международной войны, которую справедливо называют идеологической, а не экономической войной, в новый, более жестокий, шовинистический, фашистско-диктаторский национализм? Политическая реакция живет и функционирует в структуре личности, в мышлении и действиях угнетенных масс, принимая форму характерологической защиты, страха перед ответственностью, неспособности к свободе и, наконец, эндемического нарушения биологических функций. Это — печальные реальности. Судьба грядущих столетий зависит от нашей способности или неспособности решить эти проблемы с помощью естественной науки. Руководители общества несут огромную ответственность. Ни одну из этих проблем невозможно решить с помощью политической болтовни и формальностей. Наш основной лозунг: «Хватит! Хватит политики! Решим основные социальные проблемы!» — это не игра словами. Самое поразительное — это то, что население Земли никак не соберется с силами, чтобы покончить с горсткой угнетателей и поджигателей войны. Страстное стремление человека к свободе не находит реального воплощения из-за множества точек зрения на возможность оптимального достижения свободы без принятия на себя непосредственной ответственности за болезненную перестройку структуры личности и социальных институтов.

Анархисты (синдикалисты) стремились установить общественное самоуправление, отказываясь признать значение неспособности личности к свободе и отвергая любую форму управления развитием общества. Они были утопистами и поэтому потерпели неудачу в Испании. Они видели только страстное стремление к свободе, но путали его с реальной способностью быть свободным и способностью жить и работать без авторитарного правления. Анархисты отвергали партийную систему, но затруднялись ответить на вопрос, как народным массам научиться самим управлять своей жизнью. Немногого можно достигнуть одной ненавистью к государству. Нудистские колонии тоже не дали ощутимого результата. Проблема глубже и серьезнее.

Христиане с интернациональной ориентацией проповедовали мир, братство, сострадание и взаимопомощь. Они занимали антикапиталистическую позицию и рассматривали жизнь личности в интернациональном контексте. В принципе, их идеи соответствовали концепциям интернационального социализма, и поэтому они называли себя христианами-социалистами (например, в Австрии). В то же время на практике они отвергали каждый шаг общественного развития, направленный на достижение цели, которую они провозглашали своим идеалом. В частности, католическое христианство давно отказалось от революционного (т. е. мятежного) духа раннехристианского движения. Католики соблазняли миллионы своих приверженцев мыслью о необходимости смириться с войной, видеть в ней «перст судьбы», «кару за прегрешения». Войны действительно являются следствием прегрешений, но совершенно иных прегрешений, чем те, которые имеют в виду католики. Для католиков мирная жизнь возможна только на небесах. Католическая церковь призывает смириться со страданием в этом мире и тем самым систематически подрывает способность личности вести активную борьбу за свободу. Она не протестует, когда бомбят соперничающие (православные) церкви, но как только бомбы стали падать на Рим, они стали взывать к богу и культуре. Католицизм формирует структурную беспомощность в народных массах, в результате чего, оказавшись в беде, они обращаются за помощью к богу вместо того, чтобы полагаться на свои силы и чувство уверенности в себе. Католицизм лишает психологическую структуру способности к наслаждению, внушая человеку страх перед наслаждением. Неспособность к наслаждению и страх перед наслаждением служат источником многих садистских проявлений. Немецкие католики благословляют немецкое оружие, а американские католики благословляют американское

оружие. Один и тот же бог должен вести к победе двух злейших врагов. Здесь бросается в глаза иррациональная абсурдность ситуации.

Социал-демократы, придерживавшиеся бернштейнианского варианта марксистской социологии, тоже споткнулись на проблеме психологической структуры народных масс. Социал-демократы, подобно христианам и анархистам, опирались на компромисс между стремлением масс к счастью и их безответственностью. Поэтому они предлагали массам неопределенную идеологию, «обучение социализму», которое не подкреплялось практическим решением конкретных задач. Социал-демократы мечтали о социал-демократии и в то же время отказывались признать необходимость подвергнуть психологическую структуру народных масс кардинальным изменениям, чтобы придать ей социал-демократический характер и сформировать способность жить в условиях социал-демократии. Они не имели ни малейшего представления о том, что школы, технические училища и детские сады должны работать на основе самоуправления. Более того, они не понимали, что необходимо вести на объективной основе решительную борьбу со всеми реакционными тенденциями, в том числе и в своих рядах. Не учитывали они и необходимости насыщения термина «свобода» конкретным содержанием для претворения в жизнь социальной демократии. Представляется более целесообразным использовать все силы для борьбы с фашистской реакцией, когда находишься у власти, чем собираться с духом начать борьбу, когда потерял власть. Во всех европейских странах социал-демократия располагала достаточной силой, чтобы покончить с властью патриархата как в структуре личности, так и вне ее. Патриархат копил силы на протяжении тысячелетий, и наконец его усилия увенчались кровавым триумфом в форме фашистской идеологии.

Социал-демократия сделала роковую ошибку, предположив, что наурodованные властью патриархата народные массы способны к демократии и самоуправлению без предварительных изменений в их психологической структуре. Она отвергла добросовестные научные исследования (например, исследования Фрейда), направленные на осмысление сложной структуры личности. Поэтому социал-демократия вынуждена была принимать диктаторские формы в своих рядах и идти на компромисс за пределами своих рядов. Мы можем признать правомерность конструктивного компромисса, т. е. такого подхода, когда точку зрения другого человека, противника, необходимо понять и согласиться с ней, если она лучше вашей точки зрения. В то же время нельзя оправдать такой комп-

ромисс, при котором принципы приносятся в жертву опасениям ускорить конфронтацию. В этом случае нередко совершаются опрометчивые шаги, чтобы установить хорошие отношения со злейшим врагом, склонным к убийству. В лагере социализма царит дух Чемберлена.

В области идеологии социал-демократия занимала радикальную позицию, а на практике — консервативную. Такая формула, как «социалистическая оппозиция его королевского величества», показывает, сколь нелепой эта позиция выглядела. Социал-демократия невольно помогала фашизму, ибо массовый фашизм есть не что иное, как разочарованный радикализм плюс националистическая «мелкая буржуазность». Социал-демократия опиралась на противоречивую структуру масс, которую она не понимала.

Невозможно отрицать, что буржуазные правительства европейских стран придерживались демократической ориентации, но в действительности они представляли собой консервативные органы управления, несклонные поощрять стремление к свободе, в основе которого лежат достижения фундаментальной науки. Огромное влияние капиталистической рыночной экономики и заинтересованности в прибыли затмевало влияние других интересов. Буржуазные демократии в Европе быстрее и основательней отмежевались от своей первоначальной революционности (1848 г.), чем христианство. Либеральные меры служили своего рода декорумом, гарантией «демократичности». Ни одно из этих правительств не смогло бы указать путь освобождения угнетенных масс от слепого повиновения авторитету. Они располагали всей полнотой власти, но идеи общественного самоуправления и саморегуляции оставались для них книгой за семью печатями. В правительственных кругах невозможно было даже обмолвиться об основной проблеме, т. е. о сексуальной проблеме масс. Превознесение австрийского правительства Дольфуса как образца демократического управления свидетельствует о полном отсутствии понимания социальных проблем.

Могущественные капиталисты, появившиеся в результате буржуазных революций в Европе, сосредоточили в своих руках значительную часть общественной власти. Они обладали достаточным влиянием, чтобы определять, кто должен править обществом. В принципе, их действия носили недальновидный характер и вели к саморазрушению. Они располагали достаточной властью и средствами, чтобы направить развитие общества к достижению невиданных социальных успехов. Я говорю не о строительстве дворцов, церквей, музеев и театров. Я имею в виду практическую ре-

ализацию их собственной концепции культуры. Вместо этого они полностью отмежевались от тех, кому нечего было продать, кроме своей рабочей силы. В душе они презирали «народ». Мелочность, ограниченность, цинизм, высокомерие, алчность, а нередко и беспринципность относятся к основным особенностям капиталистов. В Германии они помогли Гитлеру прийти к власти. Они оказались абсолютно недостойными той роли, которую общество отвело им. Они злоупотребляли своей ролью вместо того, чтобы использовать ее для осуществления руководства и воспитания народных масс. Они даже не смогли устранить опасности, угрожавшие существованию их собственной системы культуры. Они вырождались как общественный класс. Они понимали движения за демократические свободы в той мере, в какой были знакомы с производственными и общественными процессами. Но они ничего не делали, чтобы помочь этим движениям. Поощрялась показуха, а не знание. Свергнутые буржуазией феодалы в свое время поощряли развитие искусств и наук. Объективно говоря, искусство и наука значительно меньше интересовали буржуазию, чем аристократию. Если в 1848 году сыновья капиталистов проливали свою кровь на баррикадах, сражаясь за демократические идеалы, то в годы с 1920 по 1930 сыновья капиталистов использовали университетские кафедры для осмеивания демократических выступлений. Впоследствии они составили элитные войска фашистского шовинизма. Безусловно, они выполнили свою задачу, открыв мир для экономики. В то же время с помощью тарифной системы они существенно ограничили развитие международной экономики. Кроме того, они не знали, что делать с интернационализмом, возникшим в результате их экономических успехов. Как общественный класс они быстро одряхлели.

Эта оценка так называемых воротил большого бизнеса не опирается на какую-либо идеологию. Я сам вышел из этих кругов и знаю их достаточно хорошо. Я рад, что избавился от их влияния.

Фашизм возник на основе консерватизма социал-демократов, с одной стороны, и ограниченности и дряхлости капиталистов, с другой. Он не собирался воплощать в жизнь идеалы, за которые боролись его предшественники. Фашизм просто включил в состав своей идеологии то единственное, что имело значение для народных масс, чьи психологические структуры находились во власти иллюзий. Он содержал элементы крайней политической реакции, той реакции, которая несла гибель человеческой жизни и собственности в средние века. Фашизм отдавал дань так называемой местной традиции. Его отношение к традиции имело мистический,

грубый характер и не было связано с подлинной любовью к родной деревне и земле. Называя себя «социалистическим» и «революционным», фашизм присвоил нереализованные функции социализма. Фашизм привлек к себе внимание крупных промышленников и таким образом присвоил капиталистические функции. Далее миссия установления социализма возлагается на всесильного фюрера, который был послан богом на землю. Бессилие и беспомощность народных масс способствовали возникновению фюрерской идеологии, которая внедрялась в структуры личности авторитарной школой и закреплялась церковью и институтом обязательной семьи. Идея «спасения нации» всесильным фюрером, посланником бога, вполне гармонировала со страстным стремлением масс к спасению. Народные массы не способны были осознать свою иную сущность, и поэтому их покорная структура с готовностью ассимилировала идею неизменности природы человека и «разделения человечества на меньшинство правителей и большинство управляемых». Теперь ответственность возлагалась на сильную личность. В фашизме фюрерская идеология опирается на традиционную мистическую концепцию неизменности человеческой природы, на беспомощность народных масс, их стремление к подчинению авторитету и на неспособность к свободе. Следует признать обоснованность формулы: «Человеку нужны руководство и дисциплина», «авторитет и порядок», если учесть существование антисоциальной структуры личности. Фашистская идеология имела самые лучшие намерения. Те, кто не признавал субъективную честность фашизма, не могли понять его привлекательности для масс. Идея неавторитарного, самоуправляющегося общества считалась нереальной и утопической, так как никто не стремился поставить на обсуждение и решить проблему структуры личности.

В период с 1850 по 1917 год формируется критическая, конструктивная стратегия зачинателей русской революции. Позиция Ленина заключалась в следующем. Социал-демократия потерпела неудачу. Массы не могут спонтанно самостоятельно достигнуть свободы. Они нуждаются в системе руководства, построенной по иерархическому принципу. Такая система должна быть внешне авторитарной и внутренне демократичной. Ленин полагает, что задача коммунизма может быть выполнена путем установления «диктатуры пролетариата», способной привести общество от авторитарного устройства к неавторитарному, самоуправляющемуся устройству, которое не нуждается ни в полиции, ни в обязательной морали.

В принципе, русская революция 1917 года не была чисто социальной революцией. Она имела преимущественно политико-идеологический характер. В ее основе лежали политические идеи, источником которых служили политика и экономика, а не наука о человеке. Необходимо проникнуть в сущность социологической теории Ленина, чтобы понять те слабости, которые впоследствии привели к возникновению авторитарно-тоталитарной формы правления в России. Следует подчеркнуть, что зачинатели русской революции не имели никакого представления о биопатической природе народных масс. Разумеется, ни один здравомыслящий человек не считает, что свобода общества и личности лежит в готовом виде в ящике письменного стола революционного мыслителя или политического деятеля. Каждая новая форма общественной деятельности учитывает ошибки и упущения предыдущих социологов и революционных руководителей. Ленинская теория «диктатуры пролетариата» содержала ряд предварительных условий (но не все условия) установления подлинно социальной демократии. Она ставила своей целью построение самоуправляющегося общества. Предполагалось, что современный человек не способен совершить социальную революцию без организации, построенной по иерархическому принципу, и огромные социальные задачи невозможно решить без авторитарной дисциплины и лояльности. Ленин полагал, что диктатура пролетариата должна стать такой формой власти, которая в конце концов устранит любую форму власти. Вначале концепция диктатуры пролетариата отличалась от фашистской концепции диктатуры тем, что ставила своей целью самоуничтожение, т. е. замену авторитарной формы правления общественным самоуправлением.

Наряду с созданием экономических предпосылок становления социальной демократии в число задач диктатуры пролетариата входила кардинальная перестройка структуры личности на основе полной индустриализации и технического оснащения производства и торговли. Осуществление кардинальной перестройки структуры личности составляло существенную и неотъемлемую часть социологической теории Ленина. По его мнению, социальная революция должна не только устранить поверхностные формы и действительные условия порабощения, но и лишить мужчин и женщин способности подвергаться эксплуатации. Создание экономических предпосылок социальной демократии, т. е. построение социалистической плановой экономики, оказалось пустяком по сравнению с задачей кардинальной перестройки характерологической структуры народных масс. Для понимания победы фашизма и на-

ционалистического развития Советского Союза необходимо учитывать весь масштаб проблемы.

Первая часть ленинской программы — установление «диктатуры пролетариата» — была успешно осуществлена. Был создан государственный аппарат, который полностью состоял из детей рабочих и крестьян. Дети бывших помещиков и аристократов не допускались к работе в государственном аппарате.

Вторая, самая важная часть программы — замена пролетарского государственного аппарата общественным самоуправлением — не была осуществлена. В 1944 году, 27 лет спустя после победы русской революции, не существовало ни одного признака реализации второго, подлинно демократического, этапа революции. В России существовала однопартийная, диктаторская система с авторитарным фюрером во главе.

Почему это произошло? Неужели Сталин «предал» дело ленинской революции и «узурпировал власть»?

Давайте разберемся, что произошло.

«ОТМИРАНИЕ ГОСУДАРСТВА»

Стремление выполнить социально и исторически невыполнимую задачу противоречит научному мировоззрению. В задачи науки не входят придумывание систем и погоня за фантастическими мечтами о «лучшем будущем». Напротив, она должна исследовать реальный процесс развития, понять его противоречия, помочь прогрессивным, революционным силам одержать победу, преодолеть трудности и создать такие условия, чтобы народ стал хозяином своей жизни. «Лучшее будущее» станет реальностью только тогда, когда будут созданы социальные условия для него и народные массы смогут оптимально использовать эти условия, т. е. взять на себя социальную ответственность.

Начнем с краткого изложения взглядов Маркса и Энгельса на формирование «коммунистического общества». В своем изложении мы будем исходить из основных работ по вопросам марксизма, которые были опубликованы Лениным в период между мартом 1917 года и Октябрьской революцией (см. Ленин В. И. «Государство и революция»).

ЭНГЕЛЬС И ЛЕНИН О САМОУПРАВЛЕНИИ

В своей известной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс разрушил веру в «абсолютное и вечное государство» — в нашем контексте, веру в необходимость авторитарного управления обществом. На основе проведенных

Л. Морганом исследований структуры древнего общества Энгельс пришел к выводу: **государство не существовало испокон веков. Существовали общества без государства и государственный власти.** Возникновение государственной власти было обусловлено разделением общества на классы и борьбой между нарождающимися классами, которая поставила под угрозу существование общества в целом. Общество быстро достигло такой стадии развития производства, когда классы не только утратили необходимость своего существования, но и стали непосредственно препятствовать дальнейшему развитию производства. Они (классы) исчезнут столь же неизбежно, как когда-то появились. Вместе с ними неизбежно исчезнет и государство. Общество, которое осуществляет перестройку производства на основе свободного и равноправного объединения производителей, отправит весь государственный аппарат в музей древностей, где он будет находиться рядом с прялкой и бронзовым топором (выделено В. Р.).

В древнем обществе существуют добровольное объединение и общественное самоуправление *. Государство возникает одновременно с возникновением классов «для прекращения классовой борьбы» и обеспечения дальнейшего существования общества. Затем государство, «как правило», становится орудием «самого сильного, экономически могущественного класса», который благодаря этому становится «политическим господствующим классом» и использует новые средства для подавления и эксплуатации угнетенных классов. **Что придет на смену государству, авторитарному правлению сверху и покорности снизу, если социальная революция одержит победу?**

Энгельс дает описание перехода к новому общественному строю. В первую очередь «пролетариат захватывает государственную власть» и превращает средства производства в государственную собственность. При этом он упраздняет свое существование в качестве пролетариата, прекращает классовую борьбу и упраздняет «государство как таковое». До этого момента государство выступало в качестве официального представителя общества в целом, отражая его структуру в концентрированном виде; но это было государство того класса, который выступал в качестве представителя общества в целом для своего времени. В древности это было государство рабовладельцев, в эпоху средневековья — госу-

* См. доклад Малиновского, посвященный проблемам рабочей дисциплины в условиях матриархата. Подробный анализ можно найти в «Der Einbruch der Sexualmoral», 2-е изд., 1934 г.

дарство феодалов, а затем — государство буржуазии. Если когда нибудь государство действительно станет представителем общества в целом, тогда оно станет ненужным. Формулировку Энгельса нетрудно понять, если рассматривать государство таким, каким оно стало. Государство перестало выполнять функцию связи, сохраняющей единство классового общества и превратилось в орудие господства экономически сильного класса над экономически слабым классом. Как только исчезают общественные классы, которые необходимо держать в повиновении, и как только устраняется классовое господство и прекращается борьба за индивидуальное существование, вызванная анархией производства, тогда исчезает основа дальнейшего существования специального репрессивного органа власти, т. е. государства. Выступая в качестве представителя общества в целом, государство берет под контроль средства производства от имени общества. В этом заключается первое и последнее независимое действие «государства как такового». В дальнейшем «постепенно исчезает необходимость вмешательства государственной власти в общественные отношения, и государство отмирает». Управление народом замещается управлением хозяйством и производственными процессами. Государство не «упраздняется»; оно «отмирает».

Разъясняя эту мысль в «Государстве и революции», Ленин неоднократно подчеркивал, что вначале капиталистическое государство (государственный аппарат) не берется под контроль и не изменяется, а «уничтожается». На смену капиталистическому государственному аппарату, капиталистической полиции, капиталистической бюрократии приходит «аппарат власти пролетариата», крестьян и трудящихся. Этот аппарат все еще остается аппаратом подавления. Но теперь меньшинство тех, кто владеет капиталом, не подавляет большинство производителей. Вместо этого меньшинство, которое прежде держало в своих руках власть, поставлено под контроль большинства, т. е. трудящихся. Это называется «диктатурой пролетариата».

Таким образом, описанному Энгельсом отмиранию государства предшествует уничтожение капиталистического государственного аппарата и создание «революционно-пролетарского государственного аппарата». Ленин тоже подробно разъясняет, почему «необходим» и «неизбежен» этот переход в форме диктатуры пролетариата, а также почему невозможна непосредственная реализация неавторитарного, свободного общества и «подлинно социальной демократии». Энгельс и Ленин критиковали социал-демократический лозунг «свободной республики», полагая, что он рассчитан

на дешевый эффект. Диктатура пролетариата служит формой перехода от предшествующей общественной формы к желанной «коммунистической» форме. Характер переходного этапа можно понять только с учетом конечных целей, к которым стремится общество. О достижении этих целей можно говорить тогда, когда в недрах старого общества они приобретут зримые очертания. В качестве примеров конечных целей коммунистического общества можно назвать «добровольное уважение» правил общественной жизни и создание свободного «сообщества» вместо государства (в том числе и пролетарского государства), когда оно выполнит свою задачу. Кроме того, предпринимаются попытки внедрить «самоуправление» в различных отраслях промышленности, в школах и транспортных организациях. При этом основная задача заключается в том, чтобы в условиях нового, свободного общества воспитать «новое поколение», которое сможет выбросить за борт всю «мишуру государства», «в том числе и республиканско-демократического государства» (Энгельс). Маркс полагал, что по мере «отмирания» государства на его основе возникает «свободная организация», причем «свободное развитие каждого индивидуума» становится основным условием «свободного развития всех людей».

В связи с этим возникают два важных вопроса:

1. В условиях нового, самоуправляющегося сообщества невозможно создать организацию нового поколения. Она должна возникнуть на основе «диктатуры пролетариата» (в форме «постепенного отмирания государства») и достигнуть зрелости на этом переходном этапе — аналогично тому, как «диктатура пролетариата» возникла и развивалась на основе диктатуры буржуазии (в том числе и «демократической» буржуазии) в качестве временной формы государства. Происходило ли в Советском Союзе в период с 1930 по 1944 год «отмирание государства» и постепенное формирование свободного, самоуправляющегося общества и в чем это проявлялось?

2. Если «отмирание государства» происходило, тогда в чем заключается особенность этого процесса? О каких конкретных, ощутимых и контролируемых признаках «формирования нового поколения» можно говорить? Если дело обстояло иначе, тогда почему не произошло отмирание государства? Каким образом соотносились силы, поддерживавшие существование «пролетарского государства», с силами, олицетворявшими «отмирание государства»? Что препятствовало отмиранию государства?

Эти возможные результаты не рассматривались в работах Маркса, Энгельса и Ленина. В 1935 году эти проблемы требовали

решения в неотложном порядке. Идет ли в Советском Союзе процесс отмирания государства? Если нет, то почему?

В отличие от авторитарного строя государства суть рабочей демократии можно охарактеризовать как общественное самоуправление. Очевидно, что с помощью декретов невозможно сразу создать общество, которое будет состоять из «свободных индивидуумов», составлять «свободное содружество» и «управлять собой». Такое общество должно органически развиваться. Оно может органически создать все предпосылки для достижения необходимого состояния только тогда, когда данное общество обеспечит свободу развития, т. е. освободится от влияний, препятствующих достижению желанного состояния. Первую предпосылку составляет знание естественной структуры труда, биологических и социологических условий рабочей демократии. Основоположники социализма не знали о биологических условиях. Социальные условия соотносились с периодом (1840—1920 гг.), когда существовали только частнокапиталистическое предпринимательство, с одной стороны, и массы наемных рабочих, с другой. В то время еще не существовало ни политически ориентированного среднего класса, ни тенденции к установлению государственного капитализма. Не существовали тогда и народные массы, которые можно было объединить на реакционной основе, чтобы привести национал-социализм к победе. Поэтому составленное основоположниками социализма представление относится в большей мере к 1850 году, чем к 1940 году.

В работах Энгельса различие между «захватом власти пролетариатом», т. е. созданием «пролетарского государства», и «полным прекращением существования государства» не было так подробно рассмотрено, как в работах Ленина. Это можно вполне понять, так как Энгельс, в отличие от Ленина, не сталкивался с необходимостью установления ясного различия между двумя этапами. В 1917 году, накануне захвата власти Ленин придавал большее значение «переходному периоду», чем Энгельс. Ленин более отчетливо определил задачи этого периода.

В первую очередь, полагал Ленин, необходимо заменить институт «буржуазного» государства на институт пролетарского государства, т. е. на принципиально иной тип государственного руководства. В чем заключалось принципиальное отличие пролетарского государства? Ленин утверждал, что после уничтожения буржуазного государства понадобится «с максимальной полнотой и последовательностью» преобразовать буржуазную форму демократии в пролетарскую демократию, т. е. превратить государство

как орудие подавления определенного класса в институт, «который фактически не является государством». Когда большинство народа подавляет своих угнетателей, тогда исчезает необходимость в специальном, репрессивном органе власти. Одним словом, Ленина не удовлетворяла фальшивая, чисто формальная демократия. Он хотел, чтобы народ реально, конкретно участвовал в решении проблем производства, распределения продуктов, регулирования общественной жизни, демографии, образования, секса, международных отношений и т. д. Поэтому Ленин, в соответствии со взглядами Маркса и Энгельса, столь энергично и неоднократно подчеркивал необходимость «отмирания государства». «Вместо специальных институтов,— писал Ленин,— вместо меньшинства, пользующегося особыми привилегиями (чиновники, офицеры постоянной армии), само большинство будет заниматься решением всех вопросов, и чем больше весь народ будет выполнять функции государственной власти, тем меньше он будет нуждаться в этой власти».

Ленин никоим образом не отождествлял «государство» с «буржуазным» правлением, иначе он не говорил бы о существовании «государства» после «поражения буржуазии». Ленин рассматривал государство как совокупность «институтов», которые находились на службе у правящего класса, богатой буржуазии, но теперь утратили главенствующее положение в обществе в той мере, в какой сами люди взялись за управление своими делами («самоуправление»). Таким образом, степень отмирания государства и развития общественного самоуправления определяется степенью упразднения тех структур, которые приобрели самостоятельность и стали над обществом, а также степенью участия масс, большинства народа в «общественном самоуправлении».

> «Коммуны заменят продажный парламентаризм буржуазного общества государственными органами, в которых свобода убеждений и их обсуждения превратится в фикцию, так как члены парламента должны сами выполнять свою работу, претворять в жизнь свои законы и проверять результаты. Представительные органы сохранят свое существование, но здесь не будет места для парламентаризма как особой системы, разделения между законодательной и исполнительной деятельностью, привилегированного положения членов парламента. Мы не можем представить себе существование демократии (т.е. этапа, предшествующего коммунизму), даже пролетарской демократии, без представительных органов. Мы можем и должны создать демократию без парламентаризма. Если наша критика буржуазного общества — не пустая болтовня и если наше стремление свергнуть господство буржуазии не является лишь „предвыборным" лозунгом для завоевания голосов рабочих...»
>
> *Ленин В. И. «Государство и революция»*

Здесь приводится отчетливое различие между «представительными органами» и «парламентами». Хотя предпочтение отдается представительным органам, тем не менее ничего не говорится о том, что именно представляют эти органы и как они осуществляют представительство. Мы увидим, что этот существенный пробел в ленинской теории государства впоследствии позволил «сталинизму» утвердиться в качестве государственной власти.

Предполагалось, что представительные органы, которые назывались «советами» в Советском Союзе и возникли на основе рабочих, крестьянских и солдатских комитетов, возьмут на себя роль буржуазного парламента, превратив его из «говорильни» (термин Маркса) в действующий орган. Из рассуждений Ленина видно, что такое изменение характера представительных органов предполагает изменение самого представителя. Из «болтуна» он превращается в функционера, который разрабатывает и осуществляет планы и несет ответственность перед народом. С другой стороны, представительные органы отнюдь не являют собой некие застывшие формы институтов. Они постоянно развиваются. Растет число лиц, принимающих участие в общественном самоуправлении. При этом уровень и масштаб общественного самоуправления, т. е. выполнения общественных функций самими людьми, определяется числом лиц, участвующих в нем. В то же время, чем меньше «представителей» избирается в советы, тем больше обязанностей по определению и реализации социального планирования берет на себя все население. Это объясняется тем, что сами советы все еще находятся в определенной изоляции от общества в целом, несмотря на то, что они как органы или учреждения зародились в недрах самого общества. Кроме того, из ленинской концепции следует, что пролетарские представительные органы выполняют переходные задачи. Они рассматриваются как посредники между «пролетарской государственной властью», которая еще необходима, еще функционирует, но уже отмирает, и общественным самоуправлением, которое еще не стало свершившимся фактом и не могло самостоятельно функционировать. Общественное самоуправление еще нуждается в полном развитии. Советы могут либо постепенно совпасть с обществом в целом, развитие которого приведет к самоуправлению, либо превратятся лишь в придатки и исполнительные органы власти пролетарского государства. Область действия советов лежит между двумя силами: государственной властью и новой системой общественного самоуправления. Какие показатели позволяют определить, выполняют или не выполняют советы свою революционно-прогрессивную за-

дачу, превращаются или не превращаются они в чисто формальные структуры государственно-административного органа? К таким показателям, очевидно, относятся следующие факторы:

1. Выполнение органами власти пролетарского государства своей задачи — постепенного самоупразднения.

2. Ограничение деятельности советов лишь вспомогательной ролью и функциями исполнительных органов власти пролетарского государства, а также выполнение советами надзорных функций и задач института, столь обремененного ответственностью, что он постепенно передает функции общественного управления из рук органов власти пролетарского государства в руки общества в целом.

3. Повышение способности отдельных представителей народных масс постепенно и последовательно брать на себя выполнение функций все еще действующего государственного аппарата и функций советов, поскольку они являются лишь «представителями» народных масс.

Третий показатель имеет решающее значение, поскольку от его реализации зависит «отмирание государства» в Советском Союзе и переход функций советов к трудящимся массам.

Таким образом, диктатура пролетариата представляет собой не постоянное состояние, а процесс, который начинается с разрушения аппарата авторитарного государства и создания пролетарского государства и заканчивается созданием системы полного самоуправления общества.

Для получения точной оценки этого социального процесса необходимо рассмотреть особенности развития советов. Указанный процесс невозможно скрыть за покрывалом иллюзий, если учесть следующие моменты. Проблема заключается не в том, что в выборах в советские органы участвуют 90 процентов населения (а не 60 процентов, как в прежнее время), а в том, что советские избиратели (а не советские представители) также принимают все более активное участие в управлении обществом. «Девяностопроцентное участие в выборах» не свидетельствует о прогрессивном развитии общественного самоуправления хотя бы потому, что оно ничего не говорит нам об истинном смысле деятельности народных масс. Более того, не относится оно и к исключительным особенностям советской системы. Буржуазные демократии и даже фашистские «плебисциты» показали «более чем девяностопроцентное участие в выборах». Одной из основных задач рабочей демократии является определение степени социального развития того или ино-

го сообщества не на основе количества избирателей, а на основе реального содержания его социальной деятельности.

Таким образом, мы неизменно возвращаемся к кардинальному вопросу каждого общественного строя: что происходит в народных массах? Как массы относятся к социальному процессу, в котором они вынуждены участвовать?

Смогут ли и как смогут трудящиеся обеспечить отмирание авторитарного государства, которое возносится над обществом и восстает против него, и взять на себя его функции, т. е. органически сформировать общественное самоуправление?

Ленин, очевидно, имел в виду этот вопрос, когда разъяснял невозможность одновременной и полной ликвидации бюрократии во всех странах. Разумеется, старый бюрократический аппарат необходимо заменить новым аппаратом, «который постепенно сделает ненужной каждую форму бюрократии и ликвидирует ее». «Это не утопия,— писал Ленин,— это рождается из опыта коммуны. Это — непосредственная задача революционного пролетариата». Ленин не рассматривал вопрос, почему «ликвидация бюрократии» не была утопическим желанием и почему жизнь без бюрократии, без руководства «сверху» была не только возможна и необходима, но и, что более важно, составляла «непосредственную задачу революционного пролетариата».

Настойчивость Ленина можно понять, если учесть глубоко укоренившуюся веру человека (и большинства правителей) в инфантилизм масс и, что более важно, веру в невозможность обойтись без авторитарного правления. Ввиду появления фашизма такие новые понятия, как «самоуправление» и «неавторитарная дисциплина», лишь вызывали снисходительную улыбку. Мечты анархистов! Утопия! Химера! Действительно, крикуны и насмешники могли даже указать на Советский Союз и, в частности, на заявление Сталина, что об упразднении государства не может быть и речи и что, напротив, власть пролетарского государства необходимо укреплять и расширять. В таком случае, Ленин заблуждался! Человек был и остается раболепным существом. Без власти и принуждения он не будет работать, он будет «лишь предаваться удовольствиям и станет ленивым». Не теряйте время и энергию на бесплодные химеры! Но если это так, тогда необходимо потребовать, чтобы государственное руководство Советского Союза официально исправило идеи Ленина. Оно должно показать, что Ленин заблуждался, когда написал следующее:

> «Мы не утописты. Мы не „предаемся мечтам" о том, как мы сразу заживем без любой формы управления и подчинения

> Марксизму не свойственны эти анархические мечты, в основе которых лежит неправильное понимание задач диктатуры пролетариата. В действительности они лишь способствуют переносу социальной революции на то время, когда человек станет другим. Нет, социалистическую революцию мы осуществим с такими людьми, какими они являются в действительности на данный момент, т.е. с людьми, которые не могут обойтись без подчинения, контроля, «управляющих и бухгалтеров»... Но тогда необходимо подчиниться вооруженному авангарду всех тех, кто подвергался эксплуатации, т.е. подчиниться рабочим, пролетариату. Все „бюрократическое" в правительственных учреждениях можно и необходимо заменить простыми функциями „управляющих и бухгалтеров". Эту работу необходимо немедленно начать и вести ее повседневно... Рабочие, мы **сами** создадим крупные отрасли промышленности; мы организуем их работу на основе нашего опыта; мы везде ликвидируем остатки капитализма; мы введем строгую, железную дисциплину, которая будет поддерживаться с помощью государственной власти вооруженных рабочих; мы превратим государственных служащих в простых исполнителей наших распоряжений; мы превратим их в надежных, сменяемых „управляющих и бухгалтеров" со скромным жалованьем... в этом заключается наша пролетарская задача. Таким образом, мы сможем и должны **начать** осуществление пролетарской революции. Такое начало на основе крупных отраслей промышленности автоматически приведет к отмиранию всех форм бюрократии и постепенному созданию нового строя, того **строя, который не будет иметь ничего общего с рабской зависимостью от заработной платы** (разрядка В.Р.). Мы создадим строй, при котором функции управления и учета будут постепенно упрощаться и выполняться самими людьми на основе очередности. Со временем эти функции станут привычными и наконец полностью прекратят свое существование в качестве **специальных** функций особой группы людей».
>
> *Ленин В. И. «Государство и революция»*

Ленин не обратил внимания на опасность новой государственной бюрократии. Очевидно, он полагал, что пролетарские бюрократы не будут злоупотреблять своей властью, будут выступать в защиту правды, будут учить трудящихся, как стать независимыми. Он не учел ужасную биопатию структуры личности. Фактически он не имел ни малейшего представления о ней.

В социалистической литературе фактически остался без внимания тот факт, что свою основную работу о революции Ленин посвятил не столько «свержению буржуазии», сколько последующим задачам: замена капиталистического государственного аппарата пролетарским аппаратом и замена пролетарской диктатуры (социал-демократия = пролетарская демократия) общественным самоуправлением, которое составляет основную особенность коммунизма. Если обратиться к советской литературе, издававшейся после 1937 года, то можно заметить выдвижение на передний

план вопроса укрепления (а не ослабления) власти аппарата пролетарского государства. В советских работах больше не обсуждается необходимость окончательной замены государственного аппарата самоуправлением. Тем не менее этот вопрос имеет важное значение для понимания Советского Союза. Очевидно, что у Ленина были серьезные причины для подробного анализа этого вопроса в своей основной работе о революции. Этот вопрос был, есть и будет стержнем подлинной социал-демократии. Никто из политических деятелей не упоминает о нем.

ПРОГРАММА РКП(б)
(VIII СЪЕЗД ПАРТИИ, 1919 г.)

Под руководством Ленина совершилось превращение российского деспотизма в российскую «социал-демократию». Программа РКП (б), принятая в 1919 году, два года спустя после революции, свидетельствует о подлинно демократическом характере ее деятельности. В Программе выдвигается требование создать государственную власть, способную предотвратить возвращение деспотизма и обеспечить формирование системы свободного самоуправления народных масс. Но в ней отсутствует упоминание о характере неспособности народных масс к свободе. Отсутствуют в ней и данные о биопатическом вырождении сексуальной структуры личности. В период с 1917 по 1920 год революционно-сексуальное законодательство развивалось в правильном направлении, т. е. принятые в это время законы свидетельствуют о признании существования биологических функций человека. Но эти законы сгинули в дебрях юридического формализма. Судьба этих законов была освещена во второй части моей книги «Die Sexualität in Kulturkampf» (1936). На этой проблеме споткнулась перестройка структуры личности, а вместе с ней и реализация демократической программы. Трагический исход этой общественной перестройки должен послужить хорошим уроком революционно-демократическим реформаторам, а именно: программа, отстаивающая идеи свободы, обречена на неудачу, если в существующей сексуально-биопатической структуре личности не будут произведены кардинальные изменения.

Приведем фрагмент Программы РКП (б), принятой на VIII съезде партии *.

1. В силу существования частной собственности на землю и другие средства производства буржуазная республика, даже самая демократическая и освященная такими лозунгами, как «воля

* Английский перевод Программы, принятой на VIII съезде Коммунистической партии, заимствован из книги «Советский Коммунизм. Программы и Постановления», под редакцией Я. Ф. Триска (Изд-во «Чандлер», Сан-Франциско, 1962). (Выделено В. Р.)

народа», «воля нации» и «долой классовые привилегии», остается в руках небольшой группы капиталистов орудием эксплуатации и угнетения широких слоев трудящихся. В отличие от буржуазной республики, пролетарская или советская демократия превратила в единую, постоянную основу государственного аппарата (местного и центрального) массовые организации угнетенных классов пролетариата и беднейших слоев крестьянства, т.е. подавляющего большинства населения. **Таким образом, наряду с прочими преобразованиями, советское государство осуществило на практике местное и региональное самоуправление без назначения сверху органов власти в значительно более широких масштабах, чем в других странах мира*** . Задача партии заключается в том, чтобы приложить все усилия для полной реализации демократии высшего типа. Для этого необходимо постоянно повышать **уровень культуры, организованности и активности масс.**

2. В отличие от буржуазной демократии, скрывавшей классовый характер государства, советская власть открыто признает, что любое **государство должно неизбежно носить классовый характер**** , пока не будет ликвидировано разделение общества на классы и не **исчезнет любая форма государственной власти**. По своей природе советское государство ориентировано на подавление сопротивления эксплуататоров и лишение эксплуататоров политических прав, учитывая, что любой вид свободы является обманом, если такая свобода препятствует освобождению труда от ярма капитала. Цель пролетарской партии состоит в решительном подавлении сопротивления эксплуататоров, в борьбе с глубоко укоренившимися предрассудками относительно абсолютного характера буржуазных прав и свобод с одновременным разъяснением необходимости лишения политических прав и любого ограничения свободы как **временных мер**, направленных на подавление попыток эксплуататоров сохранить или восстановить свои привилегии. С исчезновением возможности эксплуатации одного человека другим человеком постепенно исчезнет необходимость в таких мерах, и тогда партия поставит своей целью полную их отмену.

3. Буржуазная демократия ограничилась формальным предоставлением таких политических прав и свобод, как право на объединение в союзы, свобода слова, свобода печати, равенство граждан. На практике, однако, в силу экономического рабства трудящихся в условиях буржуазной демократии рабочие не могут пользоваться этими правами и привилегиями в полном объеме.

* В этой связи представляет интерес реализация принципа местного самоуправления в Соединенных Штатах после освобождения 1776 г.

** Этот демократический подход был впоследствии утрачен. Акцентируя «государство», составители прогруммы забыли добавить, что «классовое правление» составляет основную особенность любого государственного аппарата. Ибо если бы не было классов, тогда существовал бы не государственный аппарат, а лишь простой аппарат общественной администрации (В. Р.).

Напротив, вместо формального провозглашения прав и свобод, пролетарская демократия предоставляет их в первую очередь тем классам, которые подвергались угнетению со стороны капитализма, т.е. пролетариату и крестьянству. Для этого советское государство экспроприирует у буржуазии здания, типографии и запасы бумаги и передает их в распоряжение трудящихся и их организаций. Российская коммунистическая партия ставит своей целью оказание помощи трудящимся в деле **использования демократических прав и свобод, предоставляя им для этого все возможности.**

4. Буржуазная демократия долгое время провозглашала равенство людей, независимо от вероисповедания, расовой и национальной принадлежности, но капитализм препятствовал осуществлению этого равенства и на империалистической стадии привел к расовому и национальному угнетению. Будучи органом власти трудящихся, советское правительство смогло впервые за всю историю осуществить это равенство во всех сферах жизни, уничтожив последние следы неравенства женщин в сфере брака и семьи. В настоящее время партия ведет интеллектуально-просветительную работу с целью ликвидации остатков прежнего неравенства и предрассудков, особенно в среде отсталых групп пролетариата и крестьянства.

Партия не ограничивается формальным провозглашением равенства женщин и освобождает их от всех тягот, связанных с устарелыми методами домоводства, заменяя их жилищными товариществами, центральными прачечными, детскими садами.

5. Предоставляя трудящимся несравненно больше возможностей **избирать и отзывать своих делегатов, чем они имели в условиях буржуазной демократии и парламентаризма**, советское правительство **устраняет все негативные особенности парламентаризма**, особенно разделение законодательных и исполнительных властей, **обособление институтов представительной власти от масс и т.д.**

В советском государстве не **территориальный округ, а производственная единица (фабрика, завод) составляет избирательную и государственную единицу.** Таким образом, государственный аппарат сближается с массами.

Партия стремится установить более тесную связь между государственным аппаратом и массами для **более полного и неукоснительного** осуществления демократии **путем постановки государственных чиновников под контроль народных масс.**

6. Советское государство включает в свои органы, советы, рабочих и солдат — на основе полного равноправия и единства интересов, тогда как буржуазная демократия, несмотря на все свои заявления, превратила армию в орудие богатых классов, отделила ее от масс и противопоставила массам, лишив солдат возможности пользоваться своими политическими правами. Партия стремится защищать и развивать единство рабочих и солдат в советах, а также укреплять неразрывные узы между вооруженными силами и пролетарскими организациями.

7. Во время революции ведущая роль была отведена городскому, промышленному пролетариату, поскольку он составлял более концентрированную, сплоченную, просвещенную и окрепшую в борьбе часть трудящихся масс. Это нашло подтверждение во время создания советов и затем превращения их в органы власти. Наша советская конституция отражает эту роль, предоставляя промышленному пролетариату некоторые привилегии по сравнению с более разбросанными мелкобуржуазными массами в деревне.

Разъясняя временный характер этих привилегий, исторически связанных с трудностями социалистических преобразований в деревне, Всероссийская коммунистическая партия должна неуклонно и систематически использовать это положение промышленного пролетариата для более тесного объединения отсталых и разбросанных масс деревенских бедняков и середняков и нейтрализации узкопрофессиональных интересов, которые получили распространение в среде рабочих благодаря капитализму.

8. Благодаря советской структуре государства, пролетарская революция одним ударом покончила со старым буржуазно-чиновничьим аппаратом правосудия. **Относительно низкий уровень культуры масс*,** «отсутствие у народных избранников — рабочих — необходимого опыта государственного самоуправления, **необходимость привлечения к работе специалистов старой школы и призыв на военную службу наиболее передовой части городских рабочих — все это привело к частичному возрождению бюрократизма в советской системе.****

Всероссийская коммунистическая партия ведет **решительную борьбу с бюрократизмом и для преодоления этого порока предлагает следующие меры:**

1. Каждый член совета должен выполнять определенную обязанность по управлению государством.

2. **Смена обязанностей осуществляется на основе очередности с целью постепенного охвата всех областей административной работы.**

3. **Необходимо постепенно привлечь всех трудящихся без исключения к участию в работе государственной администрации.**

Осуществление этих мер в полном объеме позволит нам продвинуться дальше Парижской коммуны. Упрощение управленческой работы в сочетании с повышением уровня культуры народных масс в конечном счете приведет к упразднению государственной власти.

---

* «Относительно низкий уровень культуры масс» отражает националистическое представление о биопатической структуре. Оно свидетельствует о полном отсутствии понимания глубокой укорененности рабской ментальности в самом организме и превращения ее во вторую натуру, которые придали **наследственный характер состоянию угнетенности в народных массах** (В. Р.).

** Здесь ясно видна тесная связь между бюрократией и неспособностью личности к свободе.

Следующие положения программы выделены в качестве характерных особенностей советской демократии:

1. Местное и региональное самоуправление без назначения руководителей сверху.
2. Деятельность народных масс.
3. Лишение политических прав и ограничение свободы как **временная** мера борьбы с эксплуататорами.
4. Не формальное, а **реальное** предоставление прав и свобод всем некапиталистическим классам.
5. Непосредственное, прямое и простое право на участие в голосовании.
6. Право избирать и отзывать делегатов.
7. Проведение выборов по производственным единицам, а не по округам.
8. Обязанность должностных лиц отчитываться в своей деятельности перед советами рабочих и крестьян.
9. Периодическая сменяемость членов совета в административных отделах.
10. Постепенное включение всех трудящихся в работу по управлению государством.
11. Упрощение управленческих функций.
12. Упразднение государственной власти.

В связи с этими судьбоносными принципами возникает один вопрос, а именно: **каким образом можно на практике упростить общественную жизнь?** Все усилия вязнут в формализме политического мышления. Остался без внимания **характер** государственной политики. Предполагается, что массы получат свободу, однако перед ними не ставятся **практические социальные задачи**. Не указано, что **существующие народные массы не способны взять на себя государственные и (затем) социальные функции**. Нынешнее государственно-политическое мышление возникло на основе первоначальной иерархической системы представительства и неизменно было направлено **против** масс. Сколько бы громких слов не произносилось о «демократии», в политическом отношении мы все еще не вышли за рамки систем мысли, характерных для греческих и римских рабовладельческих государств. Для претворения в жизнь общественного самоуправления необходимо изменить не только форму государства. **В соответствии с задачами и нуждами народных масс необходимо изменить общественную жизнь и управление ею.** Общественное самоуправление должно постепенно занять место государственного аппарата или взять на себя его рациональную функцию.

«ВВЕДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ»

В 1919 году VIII съезд Российской коммунистической партии ввел советскую демократию. В январе 1935 года VII съезд советов объявил о «введении советской демократии». Что означает это вздор?

Для иллюстрации процесса, который привел к «введению советской демократии» в 1935 году, через шестнадцать лет после введения советской демократии, мы расскажем небольшую историю.

В процессе изучения уголовного права некий студент приходит к заключению, что антиобщественные деяния человека следует рассматривать не как преступления, а как болезнь. Поэтому человека, совершившего такое деяние, нельзя наказывать. Болезни необходимо лечить и вести профилактическую работу по предотвращению рецидивов. Оставив правоведение, студент обращается к медицине. Практическая деятельность вытесняет формальную этику. Некоторое время спустя он приходит к заключению, что в медицинской работе необходимо применять немедицинские методы. Например, он хотел бы отказаться от использования смирительных рубашек как метода лечения душевнобольных, используя вместо них воспитательно-профилактические методы. Однако, несмотря на все разумные доводы, он вынужден использовать смирительные рубашки: слишком много душевнобольных. Ему не под силу справиться со всеми больными, и поэтому он продолжает применять устарелые методы, учитывая, что их непременно нужно заменить лучшими методами.

Идет время, и задача становится непосильной для него. Он не соответствует поставленной задаче. Слишком мало известно о душевных болезнях. Слишком много существует душевных болезней. В качестве врача он должен защищать общество от душевных болезней.

Он не может осуществить свои добрые намерения. Напротив, он вынужден возвратиться **к старым** методам, тем самым методам, которые он прежде осуждал и собирался заменить лучшими методами. Он все чаще использует смирительные рубашки. Его просветительские планы потерпели неудачу. Его намерение стать врачом, который предотвращает возникновение заболеваний вместо того, чтобы лечить их, также не осуществилось. Его обращение с преступниками как с больными не принесло плодов. Он вновь вынужден **упрятать их в тюрьму.**

Он не признается в своем поражении ни себе, ни другим. На это у него недостает мужества. Возможно, он даже не сознает это. Теперь он делает следующее абсурдное заявление: **«Введение смирительных рубашек и тюрем для преступников и душевнобольных знаменует значительный рост моего медицинского мастерства. Это настоящее медицинское искусство. Оно означает, что моя первоначальная цель достигнута».**

Этот рассказ имеет много общего с историей «введения советской демократии» шестнадцать лет спустя после «введения советской демократии». Ее можно понять только при сопоставлении с основной концепцией «социальной демократии» и «упразднения государства», выдвинутой Лениным в «Государстве и революции». В данном случае объяснение этой меры, данное советским правительством, не имеет никакого значения. Только одно предложение из разъяснения, напечатанного в «Рундшау» (№ 7, 1935 г., стр. 331), показывает, что этим актом, сколь бы он ни был оправдан, отменяется ленинская концепция социал-демократии. В разъяснении говорится следующее:

> «Диктатура пролетариата неизменно составляет единственную форму подлинной власти народа. Она успешно выполнила обе свои основные задачи: ликвидация эксплуататоров как класса, экспроприация и подавление их, а также социалистическое воспитание масс. **Диктатура пролетариата продолжает беспрепятственно существовать...**».

Если эксплуататоры были ликвидированы как класс и социалистическое просвещение масс увенчалось успехом, но все же диктатура продолжает «беспрепятственно» существовать, тогда становится очевидной абсурдность всей этой идеи. Если выполнены предварительные условия, тогда почему диктатура продолжает беспрепятственно существовать? Против кого или против чего направлена диктатура, если эксплуататоры уничтожены и массы научились брать на себя ответственность за выполнение общественных функций? Такая нелепая формулировка всегда скрывает слишком очевидный смысл: диктатура продолжает существовать, но теперь она направлена не против эксплуататоров старой школы, а против самих масс.

Далее в «Рундшау» говорится: «Эта более высокая стадия социализма, союз рабочих и крестьян, насыщает новым, более высоким содержанием диктатуру пролетариата как демократию рабочих. Это новое содержание нуждается в новых формах, т. е. в переходе к равноправному, прямому и тайному голосованию рабочих».

Мы не хотели бы затевать спор из-за пустяков: диктатура пролетариата (которая со временем должна уступить дорогу самоуправлению народных масс) существует одновременно с «самой демократической» демократией. Это — социологический абсурд, смешение всех социологических понятий. В данном случае нас интересует один важный вопрос: была ли действительно достигнута основная цель общественно-революционного движения 1917 года — упразднение государства и введение общественного само-

управления? Если да, то между «советской демократией» 1935 года и «пролетарской диктатурой» 1919 года, с одной стороны, и буржуазно-парламентарными демократиями Англии и Америки, с другой стороны, существует значительное различие.

Упоминается «дальнейшая демократизация» советской системы. Каким образом можно осуществить «дальнейшую демократизацию»? Мы полагали, что по замыслу основоположников «пролетарской диктатуры», а также по своей природе и первоначальной форме «пролетарская диктатура» полностью идентична социальной демократии (= пролетарской демократии). Если же диктатура пролетариата полностью идентична социальной демократии, тогда невозможно ввести советскую демократию через шестнадцать лет после установления социальной демократии. В этом случае не может быть и речи о «дальнейшей демократизации». Разумеется, «введение демократии» означает (и в этом не может быть никаких сомнений), что социал-демократия ранее не существовала и диктатура пролетариата **не** идентична социал-демократии. Кроме того, нелепо утверждать, что социал-демократия — «самая демократическая» система. Разве буржуазная демократия «менее» демократична? В действительности буржуазно-парламентарная демократия является формальной демократией; народные массы избирают своих представителей, но не участвуют в самоуправлении посредством своих рабочих организаций. Ленинская социал-демократия должна была стать качественно иной формой общественного регулирования, а не просто политическим улучшением официального парламентаризма. Предполагалось, что на смену диктатуре пролетариата придет реальное, практическое самоуправление рабочих. «Диктатура пролетариата» и самоуправление трудящихся не могут сосуществовать. В качестве политического требования это утверждение не имеет смысла и приводит к путанице. В действительности диктатура партийной бюрократии правит народными массами, скрываясь под маской официального, демократического парламентаризма.

Следует учитывать, что Гитлер неизменно с большим успехом использовал в своих целях вполне оправданную ненависть народных масс к фиктивной демократии и парламентарной системе. На фоне политических интриг российских коммунистов фашистский лозунг «единство марксизма и парламентарно-буржуазного либерализма» выглядел весьма убедительно. С 1935 года пошли на убыль надежды, возлагавшиеся на Советский Союз трудящимися всего мира. Реальные проблемы невозможно решить с помощью политических иллюзий. Необходимо иметь мужество, чтобы смот-

реть в лицо трудностям. Нельзя безнаказанно смешивать ясно сформулированные социальные концепции.

При установлении «советской демократии» упор делался на участие масс в управлении государством, на протекторате отраслей промышленности над соответствующими отделами правительства и на праве рабочих и крестьянских советов выражать свое мнение при решении тех или иных вопросов в народных комиссариатах. Однако в данном случае нас интересуют иные вопросы:

1. Как массы реально участвуют в управлении государством? Происходит ли при этом постепенная передача административных функций народным массам в соответствии с требованиями социал-демократии? В какой форме выражается это участие?

2. Формальный протекторат отрасли промышленности над соответствующим отделом правительства не является самоуправлением. Кто кого контролирует — правительственный отдел отрасль промышленности или наоборот?

3. Право советов выражать свое мнение в народных комиссариатах означает, что они являются придатками или в лучшем случае исполнительными органами комиссариатов, тогда как Ленин настаивал на передаче всех бюрократических функций советам при повышении степени участия в их работе народных масс.

4. «Введение» советской демократии одновременно с «укреплением» диктатуры пролетариата может означать только отказ от достижения основной цели — постепенного упразднения пролетарского государства и диктатуры пролетариата.

На основании оценки существующих данных можно заключить, что введение «советской демократии» через шестнадцать лет после введения советской демократии означает невозможность перехода от авторитарного правления к общественному самоуправлению. Этот переход не осуществился потому, что биопатическая структура масс и средства осуществления кардинальной перестройки этой структуры не получили признания. Несомненно, попытки обуздать и лишить прав собственности отдельных капиталистов увенчались полным успехом. В то же время потерпели неудачу попытки просвещения масс с целью воспитания способности упразднить и взять на себя функции государства, которое выступало в качестве угнетателя по отношению к ним. По этой причине началось постепенное угасание социал-демократии, получившей развитие в первые годы революции. Кроме того, для обеспечения существования общества пришлось укреплять государственный аппарат, замена которого так и не состоялась. Наряду с выдвижением на первый план политического значения кол-

хозного крестьянства, «введение всеобщего избирательного права» в 1935 году означало повторное введение формальной демократии. В принципе это означало, что государственно-бюрократический аппарат, который становился все более могущественным, предоставлял бессмысленное парламентарное право народным массам, неспособным уничтожить этот аппарат и самостоятельно вести свои дела. Мы не располагаем свидетельствами о том, что в Советском Союзе ведется подготовка трудящихся к осуществлению самоуправления. Разумеется, необходимо учить народ чтению, письму и правилам гигиены. Необходимо научить людей разбираться в моторах. Но это не имеет никакого отношения к общественному самоуправлению. Гитлер тоже занимался всем этим.

Развитие советского общества характеризовалось формированием нового, независимого государственного аппарата, который стал достаточно сильным, чтобы создать в массах иллюзию свободы, не подвергая опасности свое существование. Аналогичный процесс характеризовал развитие гитлеровского национал-социализма. Введение советской демократии знаменовало не шаг вперед на пути развития, а шаг назад, возвращение к старым формам общественной жизни. Какие существуют гарантии тому, что государственный аппарат Советского Союза прекратит существовать, когда массы научатся управлять своими делами? В данном случае сентиментальность неуместна. В своем развитии русская революция натолкнулась на непредвиденное препятствие и поэтому попыталась скрыть его под покровом иллюзий. Этим препятствием оказалась психологическая структура личности, которая за прошедшие тысячелетия приобрела биопатический характер. Абсурдно возлагать «вину» на Сталина или кого-нибудь другого. Сталин был лишь орудием обстоятельств. Только на бумаге процесс общественного развития выглядит таким же легким и приятным, как прогулка в лесу. В действительности социальный процесс постоянно сталкивается с новыми, неизвестными трудностями. Это приводит к неудачам и отходам на прежние позиции. Необходимо научиться распознавать, анализировать и преодолевать препятствия. И все же обоснованность перспективного плана переустройства общества нуждается в периодической проверке. Необходимо честно признавать упущения в его разработке. Только таким образом можно сознательно изменять, улучшать и претворять в жизнь план переустройства общества. Для преодоления сопротивления сил, препятствующих достижению свободы, нередко необходимо использовать интеллектуальный потенциал многих людей. Но дурачить народ иллюзиями — значит совершать пре-

ступление против общества. Когда честный руководитель народных масс заходит в тупик и понимает свое бессилие, он уходит в отставку, освобождая место для других. В случае отсутствия лучшего руководителя он честно расскажет обществу о сложившемся положении и вместе с народом подождет, пока ход событий или индивидуальная интуиция не приведут к решению. Но политический деятель боится такой честности.

В защиту интернационального движения рабочих следует сказать, что в своей борьбе за подлинную демократию ему пришлось столкнуться с невероятными трудностями. Люди всегда становятся на сторону тех, кто заявляет: «Диктатура пролетариата — это такая же диктатура, как и любая другая диктатура. Это вполне понятно, ибо почему только теперь понадобилось "вводить" демократию?» Нет оснований радоваться похвалам социал-демократов в адрес Советского Союза. Это была горькая пилюля, формальность. В процессе развития нередко приходится признавать объективную необходимость отхода на прежние позиции, но это не означает, что необходимо скрывать такой отход, пользуясь фашистским методом лжи. Когда в 1923 году Ленин вводил новую экономическую политику (нэп), он не сказал: «Мы перешли от низшей стадии диктатуры пролетариата к высшей стадии. Введение нэпа знаменует огромный успех на пути к коммунизму». Такое заявление тотчас подорвало бы доверие к советскому правительству. Введя нэп, Ленин сказал:

> «Это прискорбно и жестоко, но в данный момент нам без этого не обойтись. Экономика, навязанная коммунизму войной, поставила перед нами непредвиденные трудности. Мы вынуждены сделать шаг назад, чтобы затем более уверенно продвигаться вперед. Действительно, мы предоставляем определенную свободу частному предпринимательству — у нас нет иного выбора — но мы знаем, что мы делаем».

При «введении советской демократии» не было такой прямоты и искренности. В 1935 году испытывалась острая потребность в таких качествах. Прямой и честный подход позволил бы приобрести миллионы друзей во всем мире. Он заставил бы людей призадуматься, и, возможно, предотвратил бы заключение пакта с Гитлером, ответственность за который возлагалась на троцкистов. Тем не менее вместо ленинской социал-демократии получил развитие новый, русский национализм.

4 февраля 1935 года в «Ленинградской красной эре», центральном органе российских большевиков, утверждалось следующее:

> «Вся наша любовь, наша преданность, наша сила, наши сердца, наш героизм, наша жизнь — все это принадлежит тебе, великий Сталин, вождь нашей великой родины. Командуй своими сыновьями. Они могут перемещаться в воздухе и под землей, в

воде и в атмосфере* . Люди всех времен и национальностей будут помнить твое имя как самое замечательное, самое могучее, самое мудрое, самое прекрасное. Твое имя начертано на каждом заводе, на каждом станке, в каждой стране мира, в сердцах всех людей. Когда моя жена родит ребенка, первое слово, которому я научу его, будет „Сталин"».

19 марта 1935 года в «Правде» появилась заметка «Советский патриотизм» (которая была переведена в «Рундшау», № 15, 1935 г., стр. 787), в которой «советский патриотизм» вступает в соперничество с «фашистским патриотизмом»:

> «Советский патриотизм — это пламенное чувство безграничной любви, безоговорочной преданности своей родине, глубокой ответственности за ее судьбу и защиту — рождается из недр нашего народа. Никогда героизм в борьбе за свою страну не достигал таких невиданных высот. Славная история Советского Союза показывает, на что способны трудящиеся, когда дело касается их родины. Нелегальная работа, сражения на баррикадах, бои могучей армии Буденного, смертельный огонь бессмертной армии революции, гармония фабрик и заводов социалистической индустрии, ритм труда больших и малых городов, деятельность Коммунистической партии — все это звучит в бессмертной песне нашей любимой, свободной, обновленной страны.
>
> Советская Россия — это страна, вскормленная и воспитанная Лениным и Сталиным! Она нежится в лучах весны, которая пришла вместе с Октябрьской революцией. Поднимается паводок, и потоки устремляются на свободу. Приходят в движение все силы трудящихся, прокладывая путь к новым, историческим свершениям. Во всех уголках страны сияет величие Советского Союза, его слава и могущество. Семена богатой жизни и социалистической культуры быстро дают всходы. Мы подняли красный флаг коммунизма к новым высотам, к далеким голубым небесам.
>
> Советский патриотизм — это любовь нашего народа к стране, которую мы отобрали кровью и мечом у капиталистов и помещиков. Это — любовь к прекрасной жизни, которую построил наш великий народ. Это — надежная защита западных и восточных рубежей. Это — любовь к великому культурному наследию человеческого гения, которое могло так замечательно расцвести **только в нашей стране** (выделено В.Р.). Разве не удивительно, что иностранцы, люди различных культур, устремляются к границам Советского Союза, чтобы в благоговении склонить голову перед гаванью культуры, перед государством красного знамени?
>
> Советский Союз — это живительный родник человечества! Подобно колоколу в тумане звучит слово „Москва". Для рабочих, крестьян, всех честных и культурных людей всего мира в этом слове воплощена надежда на лучшее будущее и победу над фашистским варварством.

---

* Как будто сыновья «великой немецкой родины» или Соединенных Штатов не могут делать это!

...В нашей социалистической стране невозможно отделить интересы народа от интересов страны и правительства. Источником советского патриотизма служит тот факт, что под руководством партии люди сами построили свою жизнь. Советский патриотизм формируется на основе сознания того, что только теперь, при советской власти, наша прекрасная, богатая страна открылась для трудящихся. Естественная привязанность к родному краю, к родной земле и небесам, под которыми ты впервые увидел свет этого мира, развивается и превращается в могучее чувство гордости за свою социалистическую страну, великую Коммунистическую партию и Сталина. На идеях советского патриотизма воспитывались герои, витязи, миллионы храбрых солдат, готовых, подобно лавине, обрушиться на врагов страны и смести их с лица земли. С молоком своих матерей наша молодежь впитывает любовь к своей стране. Наша обязанность заключается в воспитании новых поколений советских патриотов, для которых интересы страны значат больше всего на свете, даже больше, чем сама жизнь.

...Непобедимый дух советского патриотизма воспитывается с величайшей тщательностью, мастерством и творчеством. Советский патриотизм — это одно из замечательных проявлений Октябрьской революции. Сколько силы, отваги, молодой энергии, героизма, красоты и движения содержится в нем!

В нашей стране советский патриотизм сияет подобно ослепительному свету. Он движет жизнью. Он согревает моторы наших танков, тяжелых бомбардировщиков и миноносцев. Он заряжает наши пушки. Советский патриотизм защищает наши границы от подлых, обреченных на гибель врагов, которые угрожают нашей мирной жизни, нашему могуществу и нашей славе...»

Вышеприведенный текст ни что иное как — «эмоционально-политическая чума». Она не имеет никакого отношения к естественной любви к родной стране. Это — сентиментальный бред автора, который не располагает объективными средствами для воодушевления народа. Его можно сравнить с вызванной искусственными средствами эрекцией у импотента. Социальные последствия такого патриотизма сопоставимы с реакцией женщины на сексуальный контакт с импотентом.

В связи с исчезновением революционного патриотизма «советский патриотизм», возможно, был вызван необходимостью подготовиться к последующей борьбе с «патриотизмом Вотана». Рабочая демократия не имеет никакого отношения к такому «патриотизму». Действительно, появление первых всходов искусственного патриотизма убедительно свидетельствует о провале рациональной формы общественного правления. Любовь народа к своей стране и привязанность к земле и обществу относятся к слишком глубоким и серьезным чувствам, чтобы превращать их в объекты иррационально-политических спекуляций. Такие искусственные формы

патриотизма не позволяют решить ни одной объективной проблемы общества трудящихся; они не имеют отношения к демократии. Проявления сентиментального пафоса указывают на наличие чувства страха у тех, кто вызывает такие проявления. Мы не хотим иметь ничего общего с ними.

Когда на основе подлинной демократии (т. е. рабочей демократии) осуществляется коренная перестройка психологической структуры народных масс, тогда нетрудно определить наличие или отсутствие успехов. Например, когда массы начинают шумно требовать установления огромных изображений своего «фюрера», это означает, что они утрачивают чувство ответственности. Во времена Ленина не было ни культа фюрера, ни огромных изображений фюрера пролетариата. Известно, что Ленин не хотел участвовать в таких вещах.

Отношение к техническим достижениям может свидетельствовать об успехах или отсутствии успехов на пути к подлинной свободе. В Советском Союзе постройка авиалайнера «Горький» превозносилась как «революционное достижение». Но в чем тогда заключается принципиальное различие между постройкой этого авиалайнера и постройкой авиалайнеров в Германии или Америке? Постройка авиалайнеров необходима, чтобы создать широкую индустриальную основу для реализации современной рабочей демократии. Это положение не нуждается в доказательстве. В данном случае существенными представляются следующие вопросы. Имеет ли место иллюзорная, национал-шовинистическая идентификация широких слоев рабочих с постройкой самолетов? Вызывает ли постройка этих самолетов у них чувство своего превосходства перед другими народами? Способствует ли постройка самолетов установлению более тесных человеческих отношений между различными народами? Содействует ли самолетостроение развитию интернационализма? Другими словами, в аспекте характерологической структуры личности самолетостроение может выполнять либо реакционную функцию, либо рабоче-демократическую. Политические воротилы легко могут использовать самолетостроение для воспитания национал-шовинистических чувств. Но авиалайнеры можно использовать для доставки немцев в Россию, русских в Китай и Германию, американцев в Германию и Италию, китайцев в Америку и Германию. Таким образом, немецкий рабочий получит возможность убедиться, что, в принципе, он не отличается от русского рабочего, и тогда английский рабочий сможет понять, что на индийского рабочего нельзя смотреть как на традиционный объект эксплуатации.

Очевидно, что техническое развитие общества не тождественно его культурному развитию. Характерологическая структура личности представляет собой социальную силу, которую, при одинаковой технической основе, можно направить на достижение реакционных или интернациональных целей. Тенденция рассматривать все с точки зрения экономики может привести к трагическому исходу. Поэтому необходимо приложить все усилия, чтобы внести необходимые коррективы в эту тенденцию.

Дело сводится к следующему. Трудящиеся должны отказаться от иллюзорной удовлетворенности, которая всегда приводит к той или иной форме фашизма. Они должны добиваться реального удовлетворения повседневных нужд и нести ответственность за это удовлетворение.

Социал-демократическая организация венских рабочих рассматривала ввод в строй троллейбусной системы, осуществленный социал-демократами Вены, как чисто социал-демократическое достижение. Рабочие-коммунисты Москвы, т. е. те рабочие, которые враждебно относились к социал-демократической партии, рассматривали метро, построенное под руководством администрации коммунистического города, как чисто коммунистическое достижение. Немецкие рабочие считали постройку багдадской железной дороги чисто немецким достижением. Эти примеры свидетельствуют о заразном характере иллюзорной удовлетворенности, воспитываемой на основе политического иррационализма. За таким иррационализмом скрывается простая истина, а именно: в основу строительства немецкой, венской и московской железной дороги были положены одни и те же международные принципы работы, которыми руководствовались в равной мере венские, берлинские и московские рабочие. Эти рабочие не говорят друг другу: «Все мы связаны принципами нашей работы и ремесла. Давайте познакомимся друг с другом и посмотрим, как можно научить китайского рабочего пользоваться нашими принципами». Напротив, немецкий рабочий твердо убежден, что его железная дорога лучше (мы бы сказали, более соответствует духу Вотана) русской железной дороги. Поэтому ему никогда не приходит в голову мысль помочь китайцу построить железную дорогу. Более того, загипнотизированный своей иллюзорно-националистической удовлетворенностью, он готов выполнять приказы безумных генералов, которые стремятся отобрать у китайцев железные дороги. Таким образом, «эмоционально-политическая чума» сеет рознь в рядах одного класса и приводит к появлению зависти, хвастовства, беспринципного поведения и безответственности. Устранение иллюзорной удовлетворенности, замена ее подлинной удовлетворенностью, возникающей на основе действительного интереса к работе, и установление международного сотрудничества рабочих составляют необходимые условия искоренения авторитарных особенностей в характерологической структуре рабочих. Только тогда трудящиеся смогут обнаружить силы, необходимые для обеспечения соответствия между техникой и потребностями народных масс.

22 ноября 1934 года в «Europische Heften» был опубликован очерк Хиноя, который пришел к следующему заключению: «...Рабочие и молодежь (в Советском Союзе) полагают, что они не принимают непосредственного участия в управлении страной. Управление осуществляется государством, но молодежь смотрит на государство как на свое творение, и это сознание служит источником патриотизма».

Такие утверждения довольно часто встречались в то время. Независимо от их оценки, они не оставляли места для сомнений в том, что в тридцатых годах советское общество не имело ничего общего с первоначальной программой коммунистической партии, в которой содержалось требование постепенного упразднения государства. Это — константа объективной реальности, а не политическая программа действий против Советского Союза! Я прошу агентов КГБ в Европе и Америке учесть это. Убийство тех, кто делает подобные заявления, не может изменить реальность.

ФОРМИРОВАНИЕ АППАРАТА АВТОРИТАРНОГО ГОСУДАРСТВА НА ОСНОВЕ РАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вторая мировая война вновь подтвердила то, что было уже давно известно: принципиальное различие между реакционным политиком и подлинным демократом обнаруживается в их отношении к государственной власти. На основе этого отношения можно дать объективную оценку общественному характеру человека, независимо от его принадлежности к той или иной политической партии. Отсюда следует, что среди фашистов могут быть подлинные демократы, а среди партийных демократов могут быть настоящие фашисты. Как и характерологическая структура личности, это отношение к государственной власти не ограничивается каким-либо одним классом или политической группой. С социологической точки зрения представляется неправильным и недопустимым изображать все в черном и белом цвете. Нельзя

механически отождествлять психические установки с политическими партиями.

К характерным особенностям реакционера относится его стремление защищать главенство государства над обществом; защита «идеи государства» приводит его непосредственно к диктаторскому абсолютизму, независимо от формы его проявления (королевская, представительская или фашистская форма государственной власти). Подлинный демократ признает и защищает естественную рабочую демократию как естественную основу интернационального и национального сотрудничества. Он всегда ставит своей целью преодоление трудностей социального сотрудничества путем устранения их социальных причин. Эта цель характеризует его как подлинного демократа.

Здесь нам понадобится подробно рассмотреть процесс формирования авторитарного государства и присущую ему рациональную функцию. Нет смысла вступать в борьбу с иррационально-социальным институтом, не найдя ответ на вопрос, каким образом, несмотря на свою иррациональность, этот институт смог не только выжить, но даже возродиться. Наше исследование российского государственного аппарата показало, что со временем этот аппарат стал необходим. Нетрудно заметить, что, несмотря на всю свою иррациональность, он, бесспорно, выполнял рациональную функцию, которая заключалась в объединении и руководстве русским народом после того, как массам не удалось установить общественное самоуправление.

Мы без колебаний назовем иррациональным поведение матери, которая властно и строго обращается со своим невротическим ребенком. Нетрудно понять, что такая строгость раздражает ребенка, но при этом не следует упускать из виду один чрезвычайно важный для борьбы с авторитарным воспитанием момент: только авторитарные средства позволяют держать в повиновении ребенка, который стал невротиком и живет в атмосфере невротической семьи. Другими словами, хотя строгость матери, в принципе, не является рациональной, тем не менее она имеет рациональную сторону, сколь бы условной и ограниченной она ни была. Мы должны признать условную рациональность строгого обращения с ребенком, если надеемся убедить педагога, вынужденного применять авторитарный метод воспитания, в возможности обойтись без такого метода на основе профилактики невротических состояний.

Как бы нам этого ни хотелось, все же мы вынуждены признать, что утверждение об условно-ограниченной рациональности

структуры личности также применимо и к авторитарному государству. Естественно, такое признание может превратиться в опасное оружие в руках мистически настроенного диктатора, ибо тогда он сможет заявить: «Видите! Даже либеральные сторонники рабочей демократии признают необходимость и рациональность авторитарной формы правления». Теперь мы знаем, что «оправданием» авторитарной формы правления служит иррациональность характерологической структуры народных масс. Только таким образом можно понять диктатуру, и это понимание позволяет надеяться на устранение диктатуры из жизни человека. Понимание иррациональной особенности характерологической структуры масс дает нам социальную основу для преодоления этой иррациональности, а вместе с ней и самой диктатуры. При этом преодоление будет носить не иллюзорный, а объективно-научный характер. Государственная власть всегда укрепляется, когда разрываются узы общественного сотрудничества. Это вполне согласуется с авторитарно-моралистическим способом поверхностного преодоления трудностей. Такой подход, разумеется, не устраняет социальное зло, а лишь отодвигает его на задний план, откуда оно затем с новой силой прорывается на авансцену. Этот метод применяют тогда, когда отсутствуют иные методы борьбы с насильниками и убийцами, кроме смертной казни. Именно этим методом и пользуется авторитарное государство. Однако рабочая демократия обращается к сути дела и задает вопрос: каким образом можно полностью устранить такие явления, как изнасилование и убийство? Проблема устранения этих явлений приобретет отчетливое очертание только тогда, когда мы поймем принудительный характер смертной казни и одновременно осудим его. Несомненно, устранение социальных зол служит одним из основных средств, вызывающих отмирание авторитарного государства. Авторитарно-моралистические методы социального управления, вероятно, будут существовать до тех пор, пока им на смену не придут методы самоуправления. Это утверждение справедливо не только для государства вообще, но и для всех других областей общественной жизни.

Действительно, авторитарное государство по существу выполняет функцию репрессивного аппарата. Но его роль не ограничивается этой функцией. Первоначально, до превращения в репрессивный аппарат общества, государство представляло собой некую совокупность саморегулирующихся общественных отношений. Оно было идентично обществу. Однако со временем государство отделилось от общества, стало чуждым ему и в конечном счете превратилось в силу, возвысившуюся над обществом.

До тех пор, пока общество существовало без серьезных внутренних противоречий (например, клановое общество), оно не нуждалось в специальном органе власти для объединения социальных организмов. Природа общества такова, что оно нуждается в силе, способной предотвратить его распад, когда данное общество раздирается на части в результате борьбы противоположных интересов и жизненных трудностей. Наряду с прочими факторами, приходу немецкого фашизма к власти немало способствовал раскол немецкого общества, вызванный борьбой множества различных политических партий. Быстрый и убедительный приход фашизма к власти ясно показывает, что обещание сохранить единство общества с помощью государства представлялось большинству немецкого народа более существенным, чем программы отдельных партий. Но это не опровергает утверждения, что идеи и политические идеологии не могут устранить внутренний раскол общества. При этом не имеет значения, какого рода та или иная политическая идея — авторитарная или неавторитарная. Идею государства использовали в своих целях не только фашисты. Они просто использовали ее более эффективно, чем социал-демократическое правительство, коммунисты и либералы. Поэтому они и одержали победу. Таким образом, политический раскол общества приводит к идее государства, и, наоборот, идея государства приводит к расколу общества. Из этого порочного круга можно выйти только тогда, когда будет найден источник и общий знаменатель раскола общества и идеи государства. Как мы уже установили, таким общим знаменателем является иррациональная особенность характерологической структуры народных масс. Об этом общем знаменателе не имели ни малейшего представления как поборники идеи государства, так и обладатели других политических программ. Утверждение о том, что тот или иной диктатор пришел к власти вопреки воли общества или был навязан ему извне, составляет одну из самых серьезных ошибок в оценке диктатур. В действительности, как показывает история, каждый диктатор выдвигал на первый план уже существующие идеи государства. Он лишь присваивал определенную идею и подавлял все остальные идеи, не связанные с достижением власти.

В прошлом столетии Фридрих Энгельс дал ясную оценку рационально-иррациональной двойственности государства и его идеи:

> «Поэтому государство, безусловно, не является властью, навязанной обществу извне. Тем более оно не является „реальностью моральной идеи", „образом и реальностью разума", как утверждал Гегель. Государство — это продукт деятельности общества на

> определенном этапе его развития. Это означает, что общество вступило в неразрешимое противоречие с самим собой и раскололось на непримиримые интересы, с которыми оно не может справиться. Для предотвращения бесплодной борьбы классов с противоположными экономическими интересами, которая может привести к гибели этих классов и общества, понадобилась сила, которая стояла бы над обществом и способна была контролировать развитие конфликта в „разумных" пределах. Эта сила возникает в обществе, возвышается над ним и постепенно отчуждается от него. Такой силой является государство».

Эта социологическая интерпретация концепции государства, данная промышленником и немецким социологом Фридрихом Энгельсом, полностью разрушила все представления о государстве, которые в той или иной мере были обязаны своим возникновением абстрактно-метафизической идее Платона. Теория Энгельса не устанавливает связь между государственным аппаратом, с одной стороны, и высшими ценностями и националистическим мистицизмом, с другой. В ней просто дано описание двойственной природы государства. Поскольку в этой теории содержится разъяснение социальной основы государственного аппарата и в то же время указывается противоречие между государством и обществом, она позволяет проницательному государственному деятелю (такому, как Массарик или Рузвельт) понять раскол общества и обусловленную этим необходимость возникновения государственного аппарата. Более того, она позволяет упразднить государственный аппарат.

Теперь мы рассмотрим генезис двойственной природы государства на следующем примере.

На начальных этапах развития цивилизации социальные задачи совместной жизни и труда не представляли затруднений. Поэтому взаимоотношения между людьми отличались простотой. Эти взаимоотношения можно встретить в тех остатках архаических, простых культур, которые и поныне существуют в нетронутом виде. Мы поясним нашу точку зрения на примере известной структуры общества тробриандеров. У них существовало натуральное хозяйство. Здесь не имеет значения тип рыночной экономики. Один клан занимается ловлей рыбы, а другой — выращиванием фруктов. У одного клана образуется избыток рыбы, а у другого — избыток фруктов. Поэтому они осуществляют обмен рыбы на фрукты и наоборот. Их экономические связи очень просты.

Наряду с экономическими связями, среди членов клана существуют определенные семейные связи. Поскольку брак имеет эк-

зогамный характер, юноши и девушки одного клана формировали половые связи с юношами и девушками другого клана. Если под социальными отношениями мы будем понимать все отношения, способствующие удовлетворению основной биологической потребности, тогда сексуальные отношения существуют нарвне с экономическими отношениями. Чем больше труд отделяется от удовлетворения потребности (усложняя тем самым потребности), тем меньше отдельный член общества способен выполнять возложенные на него многообразные задачи. Поясним это на следующем примере.

Перенесем общество тробриандеров с его натуральным хозяйством в любое место Европы или Азии. Такое предположение представляется допустимым, так как все народы мира возникли на основе племен, которые первоначально сформировались на основе клановых групп. Аналогично этому рыночная экономика возникла на основе натурального хозяйства. Теперь предположим, что в одной из небольших общин, насчитывающей около двухсот человек, возникает потребность установить связь с другими небольшими общинами. Эта потребность невелика — всего одному из двухсот членов общины есть что сообщить члену другой общины. Он садится на коня, скачет в другую общину и доставляет свое сообщение. В связи с возникновением письменности постепенно растет потребность в расширении контактов с другими общинами. Если до того времени каждый человек сам доставлял свою почту, то теперь всадника просят доставить несколько писем. Тем временем общины разрослись, и теперь каждая из них насчитывает от двух до пяти тысяч членов. Растет потребность вступать в переписку с членами других общин. Уже сотни людей ведут переписку. С развитием торговли переписка становится распространенным явлением. Доставка писем становится повседневным, чрезвычайно важным делом. Старый способ доставки писем утрачивает эффективность. Одна из общин обсуждает этот вопрос и решает нанять на службу «почтальона». Она освобождает одного из своих членов от всех других обязанностей, гарантирует ему определенный доход и поручает ему осуществлять доставку общинной почты. Этот первый почтальон олицетворяет социальную связь между написанием и доставкой письма. Таким образом, возникает социальный орган, единственная задача которого заключается в доставке писем. Наш почтальон служит простейшим примером общественного администратора, который выполняет жизненно необходимую работу на благо общества.

Проходит много лет, и примитивные общины превращаются в небольшие города с населением около пятидесяти тысяч каждый. Наряду с прочими факторами, рост общин объясняется новой функцией переписки и связанными с ней общественными отношениями. Теперь одного почтальона недостаточно; нужны сто почтальонов. Они нуждаются в своей собственной администрации, поэтому один из почтальонов назначается главным почтальоном. Его освобождают от прежних обязанностей и поручают организовать эффективную работу ста почтальонов. Он не осуществляет «контроль» и не отдает приказы. Он не возвышается над группой почтальонов. Он лишь облегчает их работу, определяя время сбора и доставки писем. Теперь он решает начать выпуск почтовых марок, которые упрощают всю работу.

Таким образом, простая, чрезвычайно необходимая деятельность становится автономной. «Почтовая система» превратилась в «аппарат» общества. Она возникла в обществе для улучшения координации его деятельности. Она еще не противопоставляет себя данному обществу в качестве верховной власти.

Каким образом такой административный аппарат общества может превратиться в репрессивный аппарат? Он не превращается в репрессивный орган на основе своей первоначальной деятельности. Административный аппарат сохраняет свои общественные обязанности, но постепенно приобретает особенности, не связанные с его необходимой деятельностью. Далее в нашей общине начинают формироваться условия возникновения авторитарного патриархата. Происходит это совершенно независимо от процесса развития почтовой системы. На основе семей племенных вождей возникают «аристократические» семьи. Накапливая приданое, они приобретают два права: право, связанное с собственностью, и право запрещать своим детям вступать в половую связь с менее состоятельными членами общины. В процессе развития экономического и сексуального рабства эти две функции власти всегда идут рука об руку. Приобретая все большую власть, авторитарный патриарх стремится воспрепятствовать установлению связей между более слабыми членами общины с другими общинами. Кроме того, он не позволяет своим дочерям вступать в любовную переписку по своему усмотрению. Для него важно, чтобы его дочери устанавливали отношения только с определенными, состоятельными мужчинами. В силу своей заинтересованности в осуществлении сексуального и экономического подавления он присваивает те независимые социальные функции, которые первоначально осуществлялись обществом в целом. Используя свое растущее влияние,

наш патриарх вводит новое постановление, запрещающее почтовой службе осуществлять доставку всех писем без разбора. Например, в соответствии с новым постановлением запрещается осуществлять доставку всех любовных писем и некоторых деловых писем. Для выполнения новой обязанности почтовая контора поручает одному из своих почтальонов «цензурирование почтовой корреспонденции». Таким образом, управление почтовой службы берет на себя вторую обязанность, благодаря которой оно превращается в авторитарный орган власти, обособленный от общества и возвышающийся над ним. Это составляет первый этап на пути формирования авторитарно-государственного аппарата на основе социально-административного аппарата. Почтальоны по-прежнему осуществляют доставку писем, но теперь они начали совать нос в письма, чтобы определить, кому разрешено и кому не разрешено писать письма, о чем можно и о чем нельзя писать. Отношение общества к этим действиям может принять одну из двух форм: терпимость или протест. Таким образом, в обществе образовался первый разрыв. Его можно назвать «классовым конфликтом» или как-нибудь по-иному. Дело заключается не в словах, а в сути: сформировалось различие между существенно важной для общества обязанностью и обязанностью, ограничивающей свободу. С этого момента произвол вступает в свои права. Например, иезуиты могут использовать почтовую цензуру в своих целях. Полиция безопасности может использовать существующую почтовую цензуру для усиления своей власти.

Этот упрощенный пример вполне применим к сложному механизму современного общества. Он относится к нашей банковской системе, полиции, системе образования, распределению продуктов и, разумеется, отношению общества к другим народам. Мы начинаем разбираться в хаосе, когда при оценке какой-либо деятельности государства мы постоянно спрашиваем себя, какая часть этой деятельности относится к первоначальному выполнению социальных задач и какая часть относится к впоследствии приобретенной функции подавления свободы членов общества. Первоначальная задача полиции Нью-Йорка, Берлина или любого другого города заключалась в защите общества от убийств и краж. Поскольку полицейские выполняют эту задачу, они осуществляют полезную для общества деятельность. Но полиция превращается в орган тиранической, авторитарно-государственной власти, возвышающейся над обществом и выступающей против него, когда полиция считает себя вправе запрещать невинные игры в частных домах, давать или не давать разрешение мужчине или женщине

принимать в своей квартире представителя противоположного пола, определять, когда люди должны ложиться спать и вставать.

Одна из задач рабочей демократии заключается в устранении тех функций социальной администрации, благодаря которым она возвышается над обществом и выступает против него. Естественный процесс развития рабочей демократии допускает только те административные функции, которые способствуют объединению общества и облегчают существенные виды его деятельности. Отсюда видна недопустимость механического «одобрения» или «осуждения» «государства». Необходимо проводить различие между первоначальными и репрессивными функциями государства. Очевидно, что государственный аппарат превратится в исполнительный орган общества, когда при выполнении своих естественных обязанностей он будет действовать в интересах всего общества. Когда это произойдет, он перестанет быть «государственным аппаратом». Государственный аппарат освободится от тех особенностей, которые обособляют его от общества, ставят его над обществом, побуждают выступать против общества и внедряют в него зародыш авторитарной диктатуры. В результате происходит подлинное отмирание государства, т. е. отмирание его иррациональных функций. При этом необходимые рациональные функции остаются существенно необходимыми и продолжают существовать.

Это различие позволяет рассматривать каждую существенно важную деятельность администрации с целью определить, не стремится ли она возвыситься над обществом и выступить против общества, не превращается ли та или иная административная функция в новое орудие авторитарной власти государства. До тех пор, пока деятельность администрации осуществляется в интересах общества, администрация составляет часть общества. Она необходима, и ее деятельность относится к существенно важной сфере. Если же государственный аппарат претендует на роль хозяина общества и требует для себя независимых полномочий, тогда он превращается в злейшего врага общества и с ним следует обращаться соответствующим образом.

Очевидно, что сложный современный социальный организм не мог бы существовать без административного аппарата. Не менее очевидно и то, что нелегко устранить стремление административного аппарата к превращению в «государственный аппарат». Для социологов и социальных психологов здесь заключена огромная область исследований. После ликвидации авторитарного государства необходимо принять меры по предотвращению возможности по-

вторного превращения административных функций в независимые силы. Тем не менее, поскольку авторитарная независимость проистекает непосредственно из неспособности трудящихся масс самостоятельно регулировать, контролировать и вести свои дела, проблему авторитарного государства невозможно рассматривать и решать независимо от структуры личности и наоборот.

Это приводит нас непосредственно к проблеме так называемого «государственного капитализма», которая не была известна в XIX столетии и стала приобретать зримые очертания лишь после первой мировой войны (1914—1918 гг.).

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

До конца первой мировой войны в России и до начала мирового экономического кризиса (1930 г.) в Соединенных Штатах между системой частного капитализма и государственной системой существовало простое отношение. Для Ленина и его современников «капиталистическое государство» было просто орудием власти «класса частных капиталистов». В русских революционных фильмах простота этого отношения изображалась приблизительно следующим образом.

Владелец завода стремится снизить заработную плату; рабочие требуют повышения заработной платы. Капиталист отказывается удовлетворить это требование, после чего рабочие объявляют забастовку. Капиталист звонит по телефону комиссару полиции и поручает ему «восстановить порядок». В этом случае комиссар полиции выступает в качестве орудия капиталиста и в качестве такового свидетельствует о том, что данное государство является «капиталистическим государством». Комиссар полиции направляет полицейских на завод и арестовывает «зачинщиков». В результате этого рабочие остаются без руководителей. Спустя некоторое время рабочие начинают голодать и вольно или невольно возвращаются к работе. Капиталист одержал победу. Это означает, что рабочим нужна более совершенная организация. По мнению социологов, симпатизировавших рабочим, такой фильм отражает взаимосвязь между государством и капитализмом в Америке. Но в последние двадцать лет существенная перестройка социальной структуры вызвала изменения, которые не соответствуют этому простому представлению. На основе частнокапиталистической системы возникло множество корпораций, которые можно охарактеризовать как «государственно-капиталистические». Российское общество заменило частный капитализм безграничной властью государства. Как бы это ни называлось, но в строго марксистском

смысле государственный капитализм занял место частного капитализма. Как уже отмечалось, концепция капитализма определяется существованием не отдельных капиталистов, а рыночной экономики и наемного труда.

Мировой экономический кризис 1929—1933 годов вызвал в Германии и Америке социальные процессы, ориентированные на установление государственного капитализма. В качестве структуры, возвышающейся над обществом, государство также занимает независимую позицию по отношению к системе частного капитализма. Оно отчасти берет на себя функции, которые прежде выполнялись частными капиталистами. Например, место филантропии занимает социальное обеспечение. Кроме того, для частного капитализма в некоторых областях государство вводит регулирование ставок заработной платы. Все это происходило под нажимом масс наемных работников. При этом организации трудящихся не брали на себя административно-социальные функции. Они оказывали социальное влияние совершенно иным путем, а именно посредством необходимого давления на государственный аппарат с целью побудить его ограничить интересы частного капитализма и защитить права рабочих и служащих.

Другими словами, революционные события в Советском Союзе и экономический спад в других крупных обществах привели к острому кризису, а вместе с ним и к необходимости использовать существующий государственный аппарат для предотвращения распада. В качестве независимой социальной силы «государство» вновь выдвинуло на первый план свою первоначальную задачу — предотвращение распада общества любой ценой.

В Германии этот процесс проявился наиболее ярко. В годы острого кризиса 1929—1939 годов потребность в сохранении единства была настолько сильна, что идея авторитарно-тоталитарного государства без труда получила широкое признание. Если удается предотвратить распад общества, тогда все равно остаются нерешенными проблемы, которые ускорили социальный кризис. Это нетрудно понять, так как идеология государства неспособна обеспечить фактическое и практическое разрешение конфликтующих интересов. Этот процесс позволяет понять многие из принятых фашистами антикапиталистических мер, которые настолько ввели в заблуждение некоторых социологов, что они стали рассматривать фашизм как общественно-революционное движение. Но фашизм был чем угодно, только не революционным движением. Он знаменовал лишь стремительный переход от автократии частного капитализма к государственному капитализму. Слияние государ-

ственного и частного капитализма произошло на предприятиях Геринга. Поскольку в среде рабочих и служащих всегда были сильны антикапиталистические тенденции, этот переход можно было осуществить только с помощью антикапиталистической пропаганды. Благодаря этому противоречию победоносная борьба фашизма стала образцом социального иррационализма. Поэтому так трудно понять победу фашизма. Действия фашистов следует считать противоречивыми, непостижимыми и бесплодными, потому что, обещая осуществить революцию против частного капитализма, фашисты одновременно обещали капиталистам спасти их от революции. В значительной мере это позволяет понять и те факторы, которые привели государственный аппарат Германии к участию в империалистической войне. В немецком обществе отсутствовала возможность объективного регулирования условий жизни. Применение полицейских дубинок и пистолетов для создания видимости порядка вряд ли можно назвать «решением социальных проблем». «Объединение нации» носило иллюзорный характер. Мы научились приписывать процессам, опирающимся на иллюзии, такую же (если не большую) эффективность, как и процессам, опирающимся на суровую действительность. Бесспорным доказательством этому служит тысячелетнее влияние церковной иерархии. Даже при отсутствии практического решения реальных проблем общественной жизни иллюзорное объединение государства произвело такое впечатление, будто это было фашистским достижением. Время показало несостоятельность такого решения. Несмотря на дальнейшее усиление общественных разногласий, иллюзорное единство государства позволило в течение десяти лет предотвращать распад немецкого общества. Право на фактическое разрешение существующих разногласий было оставлено за другими, более фундаментальными процессами.

Задача приведения к некоему единству общественных разногласий остается неизменной как в капиталистическом, так и в пролетарском государстве. В то же время необходимо учитывать различие в исходной постановке цели. При фашизме авторитарное государство превращается в прототип идеи государства, причем народным массам постоянно отводится роль подданных. Пролетарское государство ленинского типа ставило своей целью постепенное самоуничтожение государства и установление самоуправления. В обоих случаях, однако, суть остается одинаковой — «государственный контроль над потреблением и производством».

Вернемся к нашему общему знаменателю, т. е. неспособности трудящихся масс к самостоятельному ведению своих общественных дел. Тогда мы лучше поймем логичность превращения частного капитализма в государственный капитализм, которое произошло в течение последних двадцати пяти лет. Трудящиеся массы в России смогли свергнуть царский государственный аппарат и заменить его государственным аппаратом, руководители которого были выходцами из рабочей среды. Но они не смогли перейти к самоуправлению и взять на себя ответственность за управление государством.

Трудящиеся других стран имели крепкие организации и все же не смогли осуществить на практике самоуправление, которое входило в состав идеологии их организаций. Поэтому государственный аппарат был вынужден брать на себя функции, фактически возложенные на массы. Так, например, в Скандинавии и Соединенных Штатах государство фактически заняло место народных масс.

Историческое развитие России, Германии, Скандинавии и Соединенных Штатов обусловило основные различия в государственном контроле над общественным производством и потреблением. И тем не менее в этих странах оставался один общий знаменатель — неспособность народных масс к общественному самоуправлению. Опасность возникновения авторитарных диктатур логически и непосредственно проистекает из этой общей основы перехода к государственному капитализму. В данном случае представляется несущественным, какой ориентации придерживается государственный чиновник — демократической или авторитарной. С точки зрения психологии и идеологии трудящихся масс в действительности не существует никакой гарантии от возникновения диктатуры на основе государственного капитализма. Поэтому в борьбе за подлинную демократию и общественное самоуправление необходимо выделять и подчеркивать роль личностной структуры и переноса ответственности личности в область процессов любви, труда и познания.

Сколь бы тягостным и неприятным это ни было, мы должны признать, что здесь мы имеем дело со структурой личности, которая формировалась в течение тысячелетий на основе механической цивилизации и проявляется в форме социальной беспомощности и сильного стремления подчиняться фюреру.

Немецкий и русский государственный аппарат возникли на основе деспотизма. Поэтому в Германии и России раболепный характер психологии масс проявился наиболее отчетливо. Таким образом, в обоих случаях иррациональная логика революции привела к установлению нового деспотизма. В отличие от государст-

венных аппаратов Германии и России, американский государственный аппарат был создан группами лиц, бежавших от европейского и азиатского деспотизма в незаселенный край, который был свободен от непосредственного влияния существующих традиций. Этим объясняется, почему до сих пор в Америке не возник тоталитарно-государственный аппарат — в то время как в Европе каждое свержение правительства под лозунгом свободы неизбежно приводило к деспотизму. Это утверждение справедливо не только для Робеспьера, но и для Гитлера, Муссолини и Сталина. Для непредвзятой оценки этих явлений необходимо отметить, что европейские диктаторы, чья власть опиралась на миллионы людей, всегда были выходцами из угнетенных сословий. Я убежден, что этот факт, при всей его трагичности, содержит больше материала для социальных исследований, чем факты, связанные с деспотизмом какого-нибудь царя или кайзера Вильгельма. В отличие от факта происхождения диктаторов, эти факты нетрудно понять. Основоположникам американской революции приходилось строить демократию практически на голом месте. Те, кто выполнял эту задачу, были противниками английского деспотизма. С другой стороны, русским революционерам пришлось унаследовать уже существующий, весьма жесткий государственный аппарат. Если американцы смогли начать на голом месте, то русские, сколько они ни противились, вынуждены были тащить за собой старый государственный аппарат. Этим, вероятно, объясняется и тот факт, что американцы, в сознании которых были еще свежи воспоминания о своем бегстве от деспотизма, заняли по отношению к беженцам 1940 года совершенно иную, более открытую позицию, чем Советская Россия, закрывшая перед ними свои двери. Этим объясняется также и то, почему стремление к сохранению старого демократического идеала и развитию подлинного самоуправления в Соединенных Штатах было значительно сильнее, чем в других странах. Мы не упускаем из виду многие неудачи и задержки, вызванные традицией, и тем не менее возрождение подлинно демократической деятельности произошло именно в Америке, а не в России. Можно лишь надеяться, что американская демократия осознает (пока еще не поздно) один важный момент: фашизм не ограничивается какой-либо нацией или партией. Мы надеемся, что ей удастся преодолеть склонность к диктаторским формам в самих людях. Время покажет, смогут ли американцы устоять под нажимом иррациональности.

Я хотел бы подчеркнуть, что мы рассматриваем не проблему воли или злой воли, а некоторые явления, вызванные определенными, уже существующими условиями.

Теперь мы вкратце рассмотрим связи, существующие между психологией масс и формой государства.

При определении формы государства важная роль отводится влиянию структуры характера масс, независимо от активности или пассивности ее проявлений. Благодаря этой структуре массы не только терпимо относятся к империализму, но и оказывают ему активную поддержку. В то же время, хотя эта структура позволяет массам свергнуть деспотизм, тем не менее она не способна предотвратить возникновение нового деспотизма. В своей подлинно демократической деятельности государство опирается на эту структуру. Когда подлинно демократическое интернациональное движение за свободу терпит неудачу, эта структура приводит к возникновению национально-революционных движений. Она находит убежище в иллюзорном единстве семьи, народа, нации и государства, если демократия терпит неудачу. Но эта же структура способствует развитию процесса любви, труда и познания. Поэтому только эта структура способна ассимилировать подлинно демократические стремления государственной администрации, постепенно перенимая «высшие» административные функции и обучаясь выполнять их посредством своих рабочих организаций. При этом не имеет существенного значения, осуществляется переход от государственного управления к самоуправлению быстро или медленно. Для всех будет лучше, если этот переход будет осуществляться органически и без кровопролития. Но это возможно только тогда, когда представители возвышающегося над обществом государства вполне понимают, что они уполномочены трудящимися выполнять функции исполнительных органов, существование которых обусловлено невежеством и нищетой миллионов людей. Строго говоря, исполнительные органы должны выступать в роли хороших воспитателей, т. е. воспитывать вверенных их попечению детей так, чтобы они стали самостоятельными взрослыми. Стремящееся к подлинной демократии общество никогда не должно терять из вида принцип, согласно которому государство должно постепенно самоупраздняться, аналогично тому, как самоупраздняется воспитатель после выполнения своих обязанностей по отношению к ребенку. Можно избежать кровопролития, если помнить об этом принципе. Рабочая демократия может органически развиваться лишь в той мере, в какой государство ясно и определенно самоупраздняется. Напротив, общество вынуждено на-

поминать государству о том, что оно возникло в силу необходимости и должно прекратить свое существование также в силу необходимости, когда государство стремится увековечить свое существование и забывает о своей воспитательной задаче. Таким образом, государство и народные массы в равной мере несут ответственность в хорошем смысле этого слова. Государство обязано не только поощрять страстное стремление народных масс к свободе, но и делать все возможное для воспитания способности народных масс к свободе. Если государство не выполняет эту задачу, если оно подавляет стремление к свободе или даже злоупотребляет им и становится на пути развития самоуправления, тогда, очевидно мы имеем дело с фашистским государством. В этом случае необходимо потребовать от государства отчета о том вреде и опасности, которые оно причинило в силу нарушения своего долга.

Глава X

БИОСОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ТРУДА

ПРОБЛЕМА «ДОБРОВОЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ»

В каждой социальной теории подчеркивается, что труд составляет основу социальной жизни человека. Но проблема заключается не в том, что труд составляет основу человеческой жизни, а в характере труда, т. е. соответствует или не соответствует труд биологическим потребностям народных масс. Экономическая теория Маркса показала, что все экономические ценности возникают благодаря затратам живой рабочей силы, а не благодаря затратам мертвых материалов.

Таким образом, рабочая сила, как единственная сила, способная производить ценности, заслуживает величайшего внимания. В обществе, которое вынуждено жить в условиях рыночной экономики (а не натурального хозяйства), не может быть и речи о внимательном отношении к рабочей силе. Рабочая сила, подобно любому другому товару, покупается и используется владельцами средств производства (государством или индивидуальными капиталистами). Получаемая трудящимся «заработная плата» приблизительно соответствует тому минимуму, который ему необходим для восстановления своей рабочей силы. Экономика, которая ставит своей целью извлечение прибыли, не заинтересована в сбережении рабочей силы. Рост механизации труда приводит к такому избытку рабочей силы, что для затраченной рабочей силы всегда можно найти замену.

Советский Союз упразднил частную экономику, оставив в неприкосновенности государственную, основанную на извлечении прибыли экономику. Его первоначальная задача заключалась в том, чтобы превратить капиталистическую «экономизацию» труда в социалистическую «экономизацию» труда. Советский Союз освободил производительные силы страны и в общем сократил продолжительность работы. Таким образом, ему удалось избежать

безработицы и успешно преодолеть период острого экономического кризиса 1929—1932 годов. Несомненно, меры по рациональному ведению хозяйства, которые вначале носили социалистический характер, позволили Советскому Союзу удовлетворить потребности общества в целом. И все же основная проблема подлинно рабочей демократии составляет нечто большее, чем простую экономию рабочей силы. Прежде всего проблема заключается в таком изменении характера труда, чтобы он превратился из тягостной обязанности в приятное удовлетворение потребности.

Характерологический анализ человеческого аспекта труда (исследование, далекое от завершения) дает нам ряд подходов к практическому решению проблемы отчуждения труда. С удовлетворительной точностью различают два вида человеческого труда: принудительный, не доставляющий удовольствия труд и естественный, приятный труд *.

Для понимания этого различия нам в первую очередь необходимо освободиться от механистических «научных» взглядов на труд человека. Экспериментальная психология рассматривает только проблемы методов, обеспечивающих максимальное использование рабочей силы. При этом под властью труда понимается та радость, которую испытывает независимый ученый или художник от своих достижений. Даже психоаналитическая теория труда допускает ошибку, ориентируясь только на модель интеллектуальных достижений. Исследование труда с точки зрения массовой психологии правильно исходит из отношения трудящегося к продукту своего труда. Это отношение имеет социально-экономическую основу и связано с получением удовольствия от своего труда. Труд составляет основную биологическую деятельность, в основе которой, как и всей жизни, лежит приятная пульсация.

Удовольствие, получаемое «независимым» исследователем от своей работы, не может служить критерием труда вообще. С социальной точки зрения (любая другая точка зрения не имеет отношения к социологии) труд в XX столетии определяется долгом и необходимостью зарабатывать средства к существованию. Труд миллионов наемных работников во всем мире не доставляет им ни удовольствия, ни биологического удовлетворения. В его основе лежит модель принудительного труда. Для него характерно противодействие биологической потребности трудящегося в удовольствии. Труд проистекает из чувства долга и совести и обычно выполняется для других. Трудящийся не заинтересован в продук-

* См. В.Райх, «Анализ характера».

те своего труда, поэтому труд тягостен и лишен удовольствия. Труд, основанный не на удовольствии, а на принуждении, неудовлетворителен с биологической точки зрения и не очень продуктивен в экономическом отношении.

Эта важная проблема мало изучена. Прежде всего нам необходимо составить общее представление. Ясно, что механический, биологически неудовлетворительный труд является следствием широко распространенного механического мировоззрения и машинной цивилизации. Можно ли примирить биологический и социальный аспекты труда? Такое примирение можно осуществить, но для этого в первую очередь необходимо радикально изменить укоренившиеся идеи и институты.

Ремесленник XIX столетия еще сохранял связь с продуктом своего труда. Но теперь, когда рабочий вынужден из года в год выполнять одну и ту же операцию (как, например, на заводе Форда) и работать с одной деталью, а не с изделием в целом, не может быть и речи о труде, способном доставлять удовольствие. Наряду с системой платного труда, механизация и специализация труда приводят к тому, что рабочий утрачивает связь с машиной.

Здесь можно возразить, указав, что в действительности существует потребность трудиться, «естественное» удовлетворение от труда присуще самому акту труда. Действительно, существует биологическое удовлетворение от деятельности, но рычночная экономика придает этой деятельности формы, которые уничтожают удовольствие от труда и стремление трудиться, блокируя их проявления. Несомненно, одна из неотложных задач рабочей демократии заключается в обеспечении соответствия между условиями и формами труда, с одной стороны, и потребностью трудиться и удовольствием от труда, с другой. Другими словами, необходимо устранить противоречие между удовольствием и трудом. Здесь открывается широкое поле для человеческой мысли. Каким образом можно сохранить экономизацию и механизацию труда и не уничтожить удовольствие, доставляемое трудом? Рабочий может установить связь с законченным изделием, в изготовлении которого он принимает участие, без устранения разделения труда. Радость жизни, получаемая от трудовой деятельности, составляет существенный компонент перестройки личности, когда человек превращается из раба в хозяина производства. Если бы человек имел непосредственное отношение к продукту своего труда, он был бы рад взять на себя ответственность за свой труд. В настоящее время он этого не делает.

Можно было бы сослаться на Советский Союз и сказать: «Хотя вы, рабочие-демократы, гордитесь своим несентиментальным подходом к реальности, тем не менее вы остаетесь утопистами и фантазерами. Разве в Советском Союзе, в этом раю рабочих, отменили разделение труда? Разве там испытывают удовольствие от труда? Разве там упразднена система наемного труда и рыночная экономика? Разве результаты рабочей революции не свидетельствуют о невозможности и иллюзорности ваших эпикурейских взглядов на труд?»

На эти доводы можно ответить следующим образом. Несмотря на развитие естественной науки в 1944 году мистицизм укрепил свои позиции в среде народных масс. Это бесспорно; но если кому-нибудь не удается достичь цели (в данном случае целью является рациональность народных масс), это не означает, что ее **невозможно** достичь. Основной вопрос стоит так: является ли приятный труд реальной или утопической целью? Если такой труд составляет реальную цель и если все к нему стремятся, тогда что мешает его реализации? Этот вопрос относится как к технике, так и к науке. Если до сих пор никому не удавалось подняться на вершину Эвереста, это не означает, что на нее вообще невозможно подняться. Проблема заключается в том, чтобы преодолеть последние восемьсот метров.

Здесь ясно раскрывается противоположность рабочей демократии и политики. Наши газеты заполнены политическими дискуссиями, в которых не рассматриваются трудности трудового процесса народных масс. Это вполне понятно, так как политиканы ничего не знают о труде. Теперь представим себе, что рабоче-демократическое общество решило изгнать иррационализм из своих газет и заняться обсуждением условий труда, способного доставлять удовольствие. Трудящиеся массы тотчас выступят с множеством рекомендаций и предложений и таким образом навсегда покончат с политизацией. Подумайте только, как приятно будет какому-нибудь начальнику, инженеру или специалисту обсуждать различные аспекты и этапы трудового процесса и выдвигать предложения и рекомендации по его совершенствованию. Они будут спорить и состязаться друг с другом. Споры будут жаркими. Как замечательно! Прошло много времени, пока не возникла мысль строить заводы, похожие на дома отдыха, а не на тюрьмы, с хорошим освещением и вентиляцией, с душевыми и кухнями. Под нажимом военной экономики на заводах стали по радио транслировать музыку. Трудно сказать, как далеко мог бы зайти

этот процесс, если бы прессой распоряжались трудящиеся, а не политиканы.

В годы первой пятилетки в советской экономике проявлялись признаки рабочей демократии. Так, например, было отменено односторонее специальное обучение и делалось все возможное для обеспечения всесторонней подготовки молодежи к профессиональной деятельности. Таким образом, предпринимались попытки нейтрализовать последствия разделения труда. Сузился рызрыв между «умственным» и «физическим» трудом. Молодежь получала такую всестороннюю интеллектуальную и физическую подготовку для дальнейшей профессиональной деятельности, что любой член общества мог быть использован на любом месте в трудовом процессе. Например, в крупных фирмах периодически осуществлялся перевод работников с одной должности на другую. Кроме того, между различными фирмами осуществлялся обмен работниками. Когда квалифицированные специалисты входили в состав руководства фирмы, через некоторое время их отсылали к станкам, чтобы они не утратили связь со своей работой и не превратились в бюрократов.

Самоуправление фирм проявилось в создании так называемого «тройственного руководства». Каждая фирма управлялась работниками, которые избирались для этой цели всей фирмой. Таким образом, все работники принимали непосредственное участие в управлении. Проводились специальные «рабочие совещания». Эти и многие другие факты свидетельствуют о стремлении восстановить единство удовольствия и труда. Здесь противники рабочей демократии могут указать, что большинство из этих достижений невозможно было сохранить. Так, например, производственные совещания с участием всех работников фирмы со временем превратились в пустую формальность, а затем и полностью прекратились. На это можно возразить так: разве братья Райт не сделали возможным полеты, хотя попытки летать, предпринятые Дедалом и Икаром в древности и Леонардо да Винчи в эпоху средневековья, потерпели неудачу? Первые попытки внедрить рабоче-демократическое управление фирмами в Советском Союзе не увенчались успехом потому, что реорганизация управления фирмами не сопровождалась перестройкой психологии трудящихся. Отсюда необходимо сделать выводы и в следующий раз сделать лучше.

Тройственное руководство и самоуправление фирм были упразднены, когда один руководитель стал директором фирмы, взял на себя индивидуальную ответственность и занял независимую

позицию в руководстве. Действительно, «директор» был выходцем из среды работников фирмы, но этот независимый управляющий фирмы вскоре был вынужден приобрести качества надсмотрщика, бюрократа или правителя, который уже не принадлежал к массе трудящихся. Здесь мы находим корни «правящего класса» Советского Союза. Но это не опровергает того факта, что по своей природе и в силу необходимости трудовой процесс является рабоче-демократическим процессом. Саморегуляция труда является рабоче-демократическим процессом. Саморегуляция труда осуществляется спонтанно. Необходимо так изменить психологию трудящегося, чтобы естественная рабочая демократия освободилась от бюрократической обузы. Кроме того, необходимо помочь рабочей демократии создать свои формы и структуры. Знакомый с трудовыми процессами рабочий-демократ не отрицает существование трудностей; напротив, он сосредоточивает все свои силы на них, так как ему важно понять и преодолеть все трудности. Он не радуется тому, что существуют трудности, препятствия и неудачи. Причину для радости здесь может увидеть только политикан, который приобретает власть над народными массами благодаря трудностям. Рабочий-демократ не использует неудачи, чтобы показать невозможность рациональной экономики и неизменность психологической структуры личности. Он учится на своих неудачах. Только хромой может смеяться над бегуном, которому не удастся взять барьер.

Одна из основных трудностей, с которой советскому правительству пришлось столкнуться довольно рано, заключалась в том, что квалифицированные и заинтересованные рабочие не проявляли особого энтузиазма по отношению к политике. В поддержку этого утверждения достаточно привести высказывание одного чиновника:

> «Любовь к своей профессии имеет важное значение. Квалифицированные рабочие составляют лучший резерв партии. Они всегда довольны своим делом и всегда ищут новых способов улучшения своей работы. Они отличаются высоким уровнем сознательности. Когда у них спрашиваешь, почему они не вступают в партию, они отвечают, что у них нет времени. «Меня интересует,— говорят они,— как повысить качество стали и бетона». Они сами что-то придумывают, какой-нибудь инструмент и т. д. **Нас интересуют именно такие рабочие; но мы еще не придумали, как привлечь их внимание к политике.** Тем не менее они — лучшие, самые развитые рабочие. Они всегда заняты делом и ищут способы улучшения производства».

Этот чиновник затронул один из основных вопросов взаимосвязи политики и труда. В Германии тоже нередко приходится слышать аналогичные высказывания. «Безусловно, те из нас, кто стремится к свободе, следуют верным путем, и рабочие понимают нас; но они не хотят иметь дела с политикой. Так же трудно обстоит дело и с промышленными рабочими». Наряду с крушением политических надежд, в результате которого немецкие промышленные рабочие отошли от коммунистической партии, существовало еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое оставалось без внимания или понимания. Политики ничего не понимали в технических вопросах и поэтому были полностью обособлены от сферы конкретного труда. Рабочему, заинтересованному в решении технических проблем своей работы, приходилось «настраиваться на политику», если вечером он слушал выступление представителя какой-нибудь партии. Политические деятели были не способны развивать социально-революционные идеи и взгляды, исходя из самого процесса труда; они просто ничего не знали о труде. В то же время они стремились установить связь с рабочими с помощью абстрактных идей высокой политики, которые совершенно не интересовали рабочих. Все аспекты рабочей демократии могут развиваться на основе технических особенностей труда. Как нам управлять фирмой, когда мы ее создадим? Какие трудности нам придется преодолеть? Какие меры необходимо принять, чтобы облегчить нашу работу? Чему мы еще можем научиться, чтобы лучше управлять своей фирмой? Что необходимо сделать для обеспечения жильем, питанием, уходом за детьми и т. д.? Такие вопросы стоят перед теми, кто выполняет ответственную работу с сознанием, что эта фирма — наш трудный ребенок. Отчуждение рабочего от своего труда можно преодолеть только тогда, когда сами рабочие научатся решать технические вопросы своей фирмы. Квалифицированный труд и социальная ответственность должны быть нераздельны, и тогда будет устранена противоположность между трудом, доставляющим удовольствие, и техническими условиями труда.

В условиях правления фашистов в Германии рабочий совершенно не интересовался процессом труда. Он был безответственным подчиненным, выполняющим приказы управляющего фирмой, на котором лежала вся ответственность. Рабочий мог предаваться националистическим иллюзиям и полагать, что он представляет фирму в качестве «немца», а не социально ответственного производителя потребительских ценностей. Такой иллюзор-

но-националистический подход был характерен для всей деятельности НСБО * в Германии, которая стремилась скрыть очевидное отсутствие интереса рабочего к своему труду с помощью иллюзорной идентификации с «государством». В Германии, Америке или Гонолулу общество остается обществом, а машина — машиной. Как и сам труд, общество и машина являются интернациональными реальностями. «Немецкий труд» — это абсурд! Естественная рабочая демократия устраняет отсутствие интереса. Она не скрывает его с помощью иллюзорной индентификации с «государством», цветом волос или формой носа. Она устраняет отсутствие интереса, создавая для рабочих возможность ощутить реальную ответственность за продукт своего труда и осознать, что «эта фирма наша». Дело заключается не в наличии или отсутствии формального «классового сознания» или принадлежности к определенному классу, а в наличии профессионального интереса к своему делу и объективной связи со своим трудом, которая обеспечивает замещение национализма и классового сознания сознанием своего мастерства. Только при наличии тесной, объективной связи со своим трудом можно понять всю пагубность воздействия диктаторских, формально демократических форм труда не только на сам труд, но и на удовольствие, доставляемое трудом.

Когда человек получает удовольствие от своего труда, мы называем его отношение к труду «либидозным». В связи с тесным переплетением труда и сексуальности (в широком смысле этого слова) отношение человека к труду также относится к сфере сексуальной энергетики народных масс. Гигиена трудового процесса зависит от способа использования народными массами своей биологической энергии. Источником труда и сексуальности служит одна и та же биологическая энергия.

Политическая революция, осуществленная рабочими, не внедрила в их сознание мысль о том, что они несут ответственность за все происходящее. Эта неудача вызвала отход к авторитаризму. Почти с самого начала правительство Советского Союза столкнулось с невнимательным отношением рабочих к своему инструменту. Поступало много жалоб на высокую текучесть рабочей силы в различных фирмах. 22 мая 1934 года в «Биржевом бюллетене» был опубликован подробный отчет о «неудовлетворительных» условиях в угледобывающих районах, особенно в Донбассе. В отчете сообщалось, что повысить суточную выработку со 120 до 148 тысяч тонн в январе 1934 года удалось только с помощью чрезвычайных мер, т. е. направив лишних инженеров и технических работников в шахты. Но даже и тогда не были использованы все машины, и в марте суточная выработка снова снизилась до 140 тысяч тонн. Одна из основных причин такого резкого падения производства заключалась в «халатном отношении» к машинам. Другая причина заключалась в том, что «с приближением весны» многие рабочие увольнялись с шахт. В прессе это объяснялось отсутствием интереса». В течение января и февраля с шахт увольнялись 33 000 рабочих и были приняты на работу 28 000 новых рабочих. Полагают, что такую большую миграцию рабочей силы можно было предотвратить, если бы управление улучшило жилищно-бытовые условия рабочих и предоставило возможность отдыха в часы досуга.

* НСБО — административное подразделение немецкой службы труда

«Чистому» экономисту это могло показаться причудой. Разумеется, «свободное время» предназначено для развлечений и участия в радостях жизни. Фирмы создавали клубы, театры и другие места отдыха и развлечений. Таким образом, в гигиене труда признавалось важное значение наслаждению. Но официально, особенно в социальной идеологии, «труд» определяли как «сущность жизни» и объявляли противоположностью сексуальности.

В фильме «Путевка в жизнь» показан бунт малолетних преступников на фабрике. Характерно, что бунт вспыхивает весной. Преступники разбивают машины и отказываются работать. В фильме возникновение бунта объясняется отсутствием рабочих материалов, доставка которых прекратилась в связи с затоплением железной дороги. Ясно, однако, что у молодых людей, проживавших без девушек, была «весенняя лихорадка», которая проявилась благодаря отсутствию рабочих материалов. Неудовлетворенная сексуальность легко превращается в гнев. В тюрьмах отсутствие полового удовлетворения приводит к бурным проявлениям садизма. Поэтому неудовлетворительные сексуально-энергетические условия в Советском Союзе послужили причиной того, что именно весной произошло увольнение 33 000 рабочих. Под «сексуально-энергетическими условиями» мы понимаем нечто большее, чем возможность регулируемой половой жизни, способной доставлять удовольствие. В первую очередь мы имеем в виду все то, что связано с удовольствием и радостью человека от своего труда. Однако советские политики использовали для борьбы с половыми потребностями своего рода трудовую терапию. Такие меры неизбежно приводят к неожиданным неприятным последствиям. За последние десять лет я не встретил в официальной советской литературе ни

одного упоминания о существенно важных биологических отношениях.

Связь между половой жизнью трудящегося и выполнением им своей работы имеет существенное значение. Может показаться, что труд предотвращает удовлетворение половой потребности, т. е. чем больше человек трудится, тем меньше он испытывает потребность в половом удовлетворении. В действительности дело обстоит совсем иначе: при выполнении всех внешних условий степень удовольствия от своей половой жизни определяет степень удовольствия от своего труда. Удовлетворенная половая энергия спонтанно превращается в интерес к труду и побуждение к деятельности. И, наоборот, подавление и отсутствие удовлетворения половой потребности приводят к различным нарушениям трудового процесса. Поэтому основной принцип гигиены труда в рабочем демократическом обществе гласит: необходимо создать не только оптимальные внешние условия труда, но и внутренние биологические предпосылки для обеспечения максимальной реализации биологического стремления к деятельности. Поэтому обеспечение удовлетворительной половой жизни трудящихся масс составляет существенное условие труда, доставляющего удовольствие. В любом обществе та степень, в какой труд уничтожает радость жизни и представляется как долг перед «родиной», «пролетариатом», «народом» или какой-либо иной иллюзией, служит надежным критерием для оценки антидемократического характера правящего класса данного общества. Между такими понятиями, как «долг», «государство», «дисциплина и порядок», «жертвенность», существует такая же тесная связь, как и между такими понятиями, как «радость жизни», «рабочая демократия», «саморегуляция», «приятный труд» и «естественная сексуальность».

В академической философии ведется оживленное обсуждение вопроса: существует или не существует биологическая потребность в труде? Здесь, как и во многих других областях, отсутствие необходимого опыта не позволяет найти решение данной проблемы. Влечение к деятельности возникает в биологических источниках возбуждения организма и поэтому имеет естественный характер. Но формы труда имеют не биологическую, а социальную детерминированность. Естественное и не требующее усилий влечение личности к труду реализуется спонтанно, на основе объективных задач и целей, и обеспечивает удовлетворение социальных и индивидуальных потребностей. Применительно к гигиене труда это означает, что труд должен быть организован так, чтобы биологическое влечение к деятельности получило развитие и удовлетворение. Такая деятельность исключает возможность возникновения любой формы авторитарно-моралистического труда под давлением чувства долга, поскольку она не терпит никакого начальства. Для реализации такой деятельности необходимо осуществить следующие мероприятия:

1. Создание оптимальных внешних условий для труда (охрана труда, сокращение продолжительности работы, разнообразие рабочих функций, установление непосредственной связи между рабочим и продуктом его труда).

2. Освобождение естественного влечения к деятельности (предупреждение формирования жесткой характерологической структуры).

3. Создание предварительных условий, которые позволят превратить половую энергию в интерес к труду.

4. Для этого необходимо обеспечить возможность удовлетворения половой энергии, т. е. создать все необходимые условия для удовлетворительной сексуально-энергетической, социально позитивной половой жизни всех трудящихся (приличные жилищно-бытовые условия, доступность противозачаточных средств, позитивная сексуальная энергетика в области регулирования детской и подростковой сексуальности).

Объективный подход к регрессивным явлениям в Советском Союзе позволяет убедиться в неправильности оценки трудностей, связанных с изменением психологии масс, которую обычно рассматривали как второстепенный, всего лишь «идеологический» фактор. То, что осуждалось с моральных позиций как «старые традиции», «праздность», «склонность к мелкобуржуазным привычкам» и т. д., составило гораздо более сложную и трудную проблему, чем механизация промышленности. Под угрозой агрессивных империалистических держав советское правительство было вынуждено с максимальной поспешностью осуществлять индустриализацию. Поэтому, отказавшись от осуществления общественного самоуправления, оно вернулось к авторитарным методам управления.

Прежде всего потерпели неудачу попытки превратить авторитарно-принудительный труд в добровольный, доставляющий биологическое удовлетворение. Трудовой процесс по-прежнему осуществлялся в условиях жесткой конкуренции при иллюзорной идентификации с государством. На XVII съезде Коммунистической партии Советского Союза Сталин отметил «обезличивание труда» и «безразличие к рабочим материалам» и продукции, прод-

назначенной для потребителей. Несмотря на всю свою демократичность, Рабоче-крестьянская инспекция, созданная в 1917 году при Центральном Комитете для осуществления контроля за его работой, не оправдала ожиданий. В этой связи Сталин отметил следующее:

> «В силу своей структуры Рабоче-крестьянская инспекция не способна полностью **контролировать** выполнение работы. Несколько лет назад, когда наша работа в экономической сфере была проще и менее удовлетворительной и каждый считался с возможностью проверки работы всех комиссаров и всех промышленных организаций, существование Рабоче-крестьянской инспекции было оправдано. Но теперь, когда расширилась и усложнилась наша работа в экономической сфере и отсутствует необходимость и возможность осуществления ее контроля из центра, нам необходимо преобразовать Рабоче-крестьянскую инспекцию. Теперь нам нужен не надзор, а **контроль за осуществлением решений Центрального Комитета.** Теперь нам нужен контроль за осуществлением решений центральных судов. Теперь нам нужна такая организация, которая не стремилась бы осуществлять надзор за всем, а была бы способна сосредоточить все свое внимание на контроле и проверке выполнения решений центральных учреждений. Такой организацией может быть только советская Контрольная комиссия Совнаркома Советского Союза. Этот Комиссариат должен нести ответственность за свою деятельность перед Советом комиссаров. Он будет иметь местных представителей, **независмых от местных организаций.** Тем не менее для обеспечения достаточного авторитета и возможности призвать к ответственности любое должностное лицо кандидаты в члены советской Контрольной комиссии должны назначаться партийным съездом и утверждаться Советом комиссаров и Центральным Комитетом партии. Я считаю, что только такая организация будет способна укрепить советский контроль и советскую дисциплину.
>
> **Члены этой организации должны назначаться и освобождаться от должности только высшим органом, съездом партии.** Несомненно, такая организация действительно сможет **обеспечить контроль за выполнением решений центральных партийных органов и укрепить партийную дисциплину**» (выделено В.Р.)

Здесь ясно выражен переход от самоуправления фирм к авторитарной форме управления. Рабоче-крестьянская инспекция, которая первоначально должна была осуществлять контроль за работой государственного руководства, полностью прекратила свое существование и была заменена органами, назначаемыми государством для контроля за работой рабочих и крестьян. Рабочие и крестьяне промолчали; провал социальной демократии был полным. Не нашла выражения и понимания неспособность народных масс к свободе.

Этот переход был вызван необходимостью сохранения единства российского общества. Стремление к самоуправлению осталось нереализованным. Оно не могло реализоваться потому, что коммунистическая партия, провозглашавшая принцип самоуправления, не признала правомерность средств, обеспечивающих самостоятельное развитие самоуправления. Вначале Рабоче-крестьянская инспекция должна была осуществлять контроль и надзор за работой советских комиссариатов и экономических организаций в качестве выборных представителей съезда советов. Другими словами, трудящиеся массы, избиравшие совет, контролировали работу партии и экономики. Теперь эта функция была передана партии и ее органам, независимым от местных советских организаций. Если Рабоче-крестьянская инспекция служила выражением стремления масс к саморегуляции и самоуправлению, то новая «контрольная комиссия» служила выражением авторитарной реализации партийных решений. Это был один из многих отказов от намерения установить самоуправление в пользу авторитарного управления обществом и экономикой.

Была ли обусловлена эта мера неопределенной сущностью советов? На этот вопрос можно дать следующий ответ. Неудачу потерпели не советы как представители трудящихся, а политиканы, манипулировавшие советами. Во всяком случае, Советское правительство должно было решать проблемы экономики и трудовой дисциплины. Нереализованность принципа самоуправления неизбежно должна была привести к авторитарному принципу. Это не означает, что мы оправдываем авторитарный принцип. Напротив, подчеркивая катастрофичность этого регресса, мы стремимся понять его причины, чтобы затем устранить трудности и в конечном счете обеспечить победу принципа самоуправления. Ответственность за эту неудачу полностью лежит на самих трудящихся массах. Они не могут рассчитывать на освобождение от авторитарных форм правления, если сами не научатся освобождаться от своих слабостей. Никто не может им помочь. Они, и только они, несут за все ответственность. И это вселяет надежду. Нельзя бранить Советское правительство за возвращение к авторитарно-моралистическим методам управления. Оно было вынуждено это сделать, чтобы не поставить все под угрозу. Его следует упрекать за то, что оно не обращало внимания на самоуправление, препятствовало его будущему развитию и не создавало предпосылок для его реализации. Советскому правительству следует поставить в вину забвение необходимости отмирания государства. Оно не использовало неудачу самоуправления и саморегуляции масс

в качестве отправной точки для новой, более энергичной деятельности. Советское правительство следует укорять за стремление убедить мир в том, что, несмотря ни на что, развивается саморегуляция и торжествуют «социализм» и подлинная демократия. Иллюзии всегда препятствуют подлинной реализации того, за что они себя выдают. Отсюда видно, что первая обязанность каждого подлинного демократа состоит в выявлении и анализе трудностей, чтобы затем помочь преодолеть их. Открытое признание существования диктатуры менее опасно, чем ложная демократия. Если от диктатуры можно защищаться, то ложная демократия подобна водоросли, цепляющейся за тело утопающего. Советские политики заслуживают упреки в обмане. Они причинили больший вред развитию подлинной демократии, чем Гитлер. Это тяжелое, но заслуженное обвинение. Нет смысла рассуждать о самокритике. Как бы это ни было тягостно, необходимо также и критиковать себя.

Неудачная попытка осуществить самоуправление в Советском Союзе привела к усилению трудовой дисциплины. Это ясно проявилось в пропагандистском обеспечении выполнения первого пятилетнего плана с использованием военной терминологии. Так, экономическая наука была «крепостью», которую молодежь должна была «взять штурмом». Как в военное время, пресса сообщала о «военных кампаниях» и «фронтах». Армии рабочих «вели бои». Бригады штурмовали «опасные перевалы». «Железные батальоны» брали «под сильным огнем участки фронта». «Кадры» назначались. «Дезертиры» подвергались общественному порицанию. Проводились «маневры». Людей «поднимали по тревоге» и «мобилизовывали». «Легкая кавалерия» атаковала «командные посты».

Эти примеры из советской литературы свидетельствуют о том, что осуществить гигантский пятилетний план было возможно только с помощью идеологии, заимствованной из военной обстановки и создающей военную обстановку. В основе всего этого лежала конкретная реальность — неспособность масс к свободе. Ускорение индустриализации способствовало наращиванию военной мощи страны. Ситуацию в Советской России действительно можно было сравнить с состоянием войны, поскольку социальная революции на Западе и, что более важно, самоуправление советского общества не осуществились. Перед советской дипломатией в то время стояла трудная задача — отсрочить любую военную конфронтацию, особенно конфронтацию с Японией по поводу Восточно-китайской железной дороги и Маньчжурии. И тем не менее

благодаря объективному развитию событий все то, что было неизбежным и приносило непосредственную пользу (поскольку Советский Союз смог вооружиться для отражения империалистической агрессии), имело два разрушительных последствия.

1. Если на протяжении нескольких лет страну с населением 160 миллионов человек держать в атмосфере войны и насыщать милитаристической идеологией, это неизбежно окажет влияние на формирование психологии человека даже в случае достижения цели военной идеологии. Милитаристская установка руководителей народа получила независимую власть. «Бескорыстная преданность», воспитываемая в массах как жизненный идеал, постепенно сформировала массовую психологию, обеспечившую осуществление диктаторских чисток, смертных казней и всех видов принудительных мер. Отсюда видно, что нельзя недооценивать роль биопсихологии в создании свободного общества.

2. Если правительство, осознавшее, что оно находится в окружении агрессивных держав, оказывает военно-идеологическое влияние на народные массы в течение ряда лет и при этом забывает об актуальных, самых трудных задачах, тогда может случиться так, что даже при достижении поставленной цели это правительство будет сохранять и усиливать военную атмосферу после того, как в этом не будет необходимости. Народные массы сохраняют свою отчужденность, держатся особняком, влачат жалкое существование и питают склонность к иррациональному шовинизму.

Авторитарное регулирование трудового процесса вполне соответствует военной атмосфере, в которой жил советский человек. Не могло быть и речи о превращении методов труда в самоуправление. В определенном смысле заслуживает восхищения героизм, особенно героизм, проявленный комсомолом в борьбе за строительство индустрии. Но чем отличается героизм комсомола от героизма гитлеровской молодежи или империалистических солдат? Как обстоит здесь дело с борьбой за свободу личности (а не народа)? Было бы заблуждением полагать, что героизм, проявленный в мировых войнах английским или немецким солдатом, хуже героизма комсомольской молодежи на строительстве советской индустрии. Если не проводить ясное различие между эмоцией героизма и целью свободы, тогда можно пойти по проторенной дорожке, которая уведет в сторону от цели (самоуправления). Героизм «необходим». Но перестройка психологии народных масс не дала результатов, и, как следствие этого, не состоялось социальное государство, за которое отдали свои жизни поколения борцов за сво-

боду. Поскольку трудящийся «лично» не был заинтересован в своей работе, понадобилось возвратиться к его «инстинкту стяжательства». Была вновь введена премиальная система. Оценка рабочих производилась в соответствии с их производительностью: те, кто больше производил, обеспечивались лучшим питанием и жильем. Но это было не самое худшее. Была вновь введена самая строгая форма конкурентной системы оплаты труда. Все это «необходимо»; но все эти меры преследуют диаметрально противоположную цель.

Принятие мер по предотвращению ухода рабочих с предприятий свидетельствует об авторитарно-моралистическом регулировании процесса труда. Например, с рабочих брали обязательство оставаться работать на предприятии до конца пятилетки. В то время около 40 процентов промышленных предприятий Советского Союза производили военные материалы. Это означало, что для поддержания на этом уровне производства потребительских товаров необходимо было существенно повысить производительность труда на соответствующих предприятиях. Для стимулирования честолюбивых стремлений устраивались «вечера труда», на которых проводились соревнования в выполнении технологических операций. На различных предприятиях устанавливались черные и красные щиты с информационными листками. Фамилии «нерадивых» рабочих помещались на черных щитах, а фамилии «прилежных» рабочих — на красных. Ничего не известно о влиянии морального роста одних работников и моральной деградации других на формирование личности. На основании всего, что нам известно о таких мероприятиях, можно с уверенностью заключить о пагубности их влияния на формирование личностной структуры. Те рабочие, чьи имена появлялись на черных щитах, непременно испытывали чувство стыда, зависти, своей неполноценности и, пожалуй, ненависти. В то же время рабочие, чьи имена появлялись на красных щитах, могли испытывать радость победы над соперниками, чувствовать себя победителями, давать выход своей грубости и позволять своему честолюбию выходить за рамки приличия. Несмотря на это, проигравшие в таком соревновании не всегда были «неполноценными». Напротив, можно предположить, что с точки зрения психологии они были более свободными личностями даже при повышенной невротичности. Победители не всегда были свободными личностями, так как психологические свойства, стимулируемые в их структуре, встречаются у амбициозных людей, предприимчивых дельцов и позеров.

О том, как мало уделялось внимания проблеме отмирания государства и передачи его функций человеку, свидетельствуют следующие строки, предназначенные для укрепления трудовой дисциплины.

«Государству нужны колхозы
И армия стальных агитаторов.
От Тихого океана до Минска,
От Вятки до Крыма
Богатая земля ждет тракторов.
Государство зовет тебя!
Вперед! Вперед! Все как один!
Сомкните ряды!

Днем и ночью
Мы бьем молотом.
Мы куем стального коня
Для нашей земли».

Здесь сказано «государству нужны» вместо «нам нужны». Такие различия ничего не значат для политического деятеля, который видит все сквозь призму экономики. Но они имеют существенное значение для перестройки структуры личности.

Так называемое стахановское движение служит ярким свидетельством жалкой роли трудовой деятельности. Те рабочие, чья производительность значительно превышала средний уровень, назывались стахановцами. Стаханов был первым промышленным рабочим, установившим рекорд производительности труда. Ясно, что в основе стахановского движения лежала незаинтересованность большинства рабочих в своем труде. Претензия на превосходство играет здесь незначительную роль. Советский Союз был вынужден повышать производительность. Поскольку рабочие в целом не выполняли производственные нормы, Советское правительство было вынуждено принимать меры, направленные на использование амбициозных стремлений рабочих. Кроме того, оно было вынуждено ввести жесткую шкалу ставок оплаты за труд. Этот процесс был необходим. Но при этом нельзя забывать о сути дела: минимальное повышение работоспособности и заинтересованности рабочих в своем труде устранит необходимость в стахановском движении. Для этого понадобилось бы полностью изменить сексуальную политику и сексуальное воспитание в российском обществе. Но в этом случае отсутствовали необходимые знания и желание.

Стахановское движение оказало пагубное воздействие на формирование личности. Отличиться в производственном соревнова-

нии способны были только грубые, амбициозные личности. Большинство рабочих либо значительно отставало в соревновании, либо отказывалось в нем участвовать. Создается разрыв между большинством обычных рабочих и меньшинством ударников труда, которые быстро превращаются в новый правящий класс. Нельзя ставить вопрос о переходе от принудительной дисциплины к труду, способному доставлять удовольствие, до тех пор, пока у подавляющего большинства рабочих будет отсутствовать заинтересованность в своем труде и сознание личной ответственности за него. По-прежнему будут поступать жалобы на рабочих, низкую производительность, прогулы и халатное отношение к технике. Этот новый разрыв порождает зависть и честолюбие в среде рабочих, а также высокомерие в среде сильных рабочих. В таких условиях не может возникнуть коллективное чувство причастности и сотрудничества. Будут и дальше преобладать обличения и мнения, характерные для «эмоциональной чумы».

В этом отношении надежным критерием служит используемый национал-социалистами и фашистскими идеологами способ оценки демократического и недемократического характера процесса труда. Необходимо проявлять бдительность, когда политиканы националистического, шовинистического толка начинают восхвалять что-нибудь. Например, Менерт сообщает следующее:

> «Очень часто случается так, что, придя на предприятие, чтобы помочь повысить производительность, комсомольцы не находят там радушного приема. Это объясняется тем, что методы, используемые комсомольцами, чтобы побудить рабочих повысить производительность своего труда, как правило, не отличаются тактичностью. Особенно не любят рабочих корреспондентов, которые обо всем печатают в своих газетах. Отсутствие инструментов и сырья, ужасные жилищно-бытовые условия и пассивное сопротивление многих рабочих — все это нередко оказывалось не по силам комсомольцам. Случалось и так, что они приходили, распевая победные песни, а уходили со слезами отчаяния».

Здесь изложены факты. А теперь приведем фашистское восхваление советского духа:

> «Этот миф прост и ясен. В наше время, свободное от мифов и тоскующее по мифам, он оказывает удивительное воздействие. Как и каждый миф, он создает этос, который носят в себе миллионы людей. Каждый год этос овладевает другими людьми. Для русских этос означает следующее: «Наша нужда велика. Наши цели далеки. Мы можем достичь их только в борьбе со всем миром, который боится и ненавидит нас, и в борьбе с внешними и внутренними врагами. По мере приближения к социализму наша нужда уменьшится. Но мы можем одержать победу только тогда, когда будем осуществлять девиз «один за всех и все за одного». Если завод в военное время выпускает недоброкачественное оружие, он совершает преступление не только против солдат, которые гибнут из-за такого оружия, но и против всего народа. Если теперь завод выпускает недоброкачественное оборудование, он совершает преступление против социализма, против всех нас — борцов за построение социализма. В военное время дезертирство с фронта — это не преступление против офицера, а предательство своих товарищей. Дезертирство с фронта пятилетки и социализма — это не удар по какому-то хозяину, а преступление против всех и каждого из нас. Ибо это наша страна, наши заводы и наше будущее!»

Для психологической структуры личности, сформированной на основе такой трудовой «дисциплины», характерны религиозный фанатизм и пассивное сопротивление. «Этос» немногих, с их дисциплиной, неизменно приводит к некомпетентности большинства народа. Миф и этос, возможно, героичны, но они всегда опасны, антидемократичны и реакционны. Все зависит от личности, воли, убеждения, радости принятия на себя ответственности и энтузиазма широких слоев трудящихся. Они сами должны стремиться и быть способными постоять за свою жизнь и обогатить свой опыт. Этос, основанный на страдании народных масс и требующий таких жертв и такой дисциплины, что лишь немногие могут выполнять его требования, может оказывать облагораживающее воздействие, но он никогда не решит ни одной объективной проблемы общества. Подлинный демократ, рабочий-демократ, просто пошлет к черту такой этос, мешающий ему установить контакт с массами.

Была ли необходима авторитарно-националистическая регуляция трудового процесса в Советском Союзе?

Да!

Была ли она способна вооружить страну?

Да!

Была ли эта регуляция прогрессивной мерой, направленной на установление самоуправления в российском обществе?

Нет!

Решила ли она какую-либо актуальную социальную проблему? Обеспечила ли она возможность решения таких проблем? Способствовала ли она удовлетворению потребностей общества?

Нет!

Напротив, она сформировала психологическую структуру личности, проникнутую и ограниченную духом национализма, и таким образом заложила основание красной, единоличной диктатуры.

Военная сила общества не влияет на оценку структуры и стремления данного общества к свободе. Ведение войны, строительство промышленности, проведение парадов, размахивание флагами — все это детская игра по сравнению с формированием свободной личности. Друг и враг легко приходят к соглашению, когда господствует милитаристски-шовинистический патриотизм. Но вавилонское смешение языков не идет ни в какое сравнение с путаницей, связанной с понятием «свободы». В качестве отправной точки для наших рассуждений мы хотели бы сослаться на мнение сторонника военной дисциплины, который сражался бы за Америку, стремящуюся к демократии, с такой же субъективной честностью, с какой он сражался бы за Америку, откатывающуюся к фашизму.

В 1943 году капитан Рикенбекер нанес официальный визит в Советский Союз. После его возвращения в Америку 18 августа в «Нью-Йорк таймс» появилась статья с подробным описанием его впечатлений. Приведем фрагмент из этой статьи:

> «...Капитан Рикенбекер отметил, что, в то время как Россия последние годы двигалась вправо, Соединенные Штаты «двигались влево».
>
> «Если так и дальше будет продолжаться, то Россия выйдет из этой войны в качестве величайшей демократии в мире, а мы окажемся там, где русские были двадцать пять лет назад»,— заявил он.
>
> «Вы хотите сказать, что Россия движется к капитализму, в то время как мы движемся к большевизму?»— спросили капитана Рикенбекера.
>
> «В определенном смысле, да»,— ответил он.
>
> ... Наряду с прочим в России на него произвела особенное впечатление железная дисциплина на промышленных предприятиях, строгость наказаний за систематические прогулы (вплоть до сокращения хлебного рациона), поощрительная оплата, обязательная сверхурочная работа и «никаких трудностей с рабочей силой». Русские, сказал капитан Рикенбекер, работают шесть дней в неделю по восемь часов в день плюс три сверхурочных часа каждый день...
>
> «Благодаря горячим поборникам коммунизма в этой стране мы составили себе неверное представление о большевизме в России. Существует много свидетельств тому, что в течение последнего года русские все больше поворачивают вправо. Ни в одной стране мира я не видел такого уважения к армейскому званию, как в России. Такое отношение характерно для всех слоев общества (сверху донизу) и свидетельствует о движении к капитализму и демократии. Офицерские мундиры были в значительной мере скопированы с мундиров царской армии. В прессе восхваляются дореволюционные герои».

Мы научились выслушивать мнения консерваторов, понимать их и признавать справедливость изложения фактического материала, когда оно соответствует истине. Кроме того, мы понимаем, что реакционно-консервативные явления обусловлены биопатией народных масс. Мы отличаемся от таких сторонников авторитаризма, как Рикенбекер, тем, что мы испытываем радости при обнаружении неприятных явлений. Мы просто стремимся обнаружить естественные процессы, ибо рассуждения сторонников строгой дисциплины могут быть справедливы только в случае блокирования таких процессов. Если в Советском Союзе существует то, что Рикенбекер называет демократией, тогда мы не хотим иметь никакого отношения к ней. Нельзя ставить знак равенства между «капитализмом» и «демократией». Наличие военной дисциплины не свидетельствует о существовании свободы. Восхвалять современный Советский Союз и отвергать развитие социальной демократии в России во время Ленина — значит устранять всякую возможность достижения ясности. Нелепые утверждения, подобные приведенному, можно делать только тогда, когда неизвестна история страны и ее суровой борьбы за освобождение от рабства. В 1943 году Рикенбекер рекомендовал Советский Союз в качестве модели развития Америки. Он сделал это потому, что на него произвела впечатление та легкость, с которой диктатура, по-видимому, способна преодолевать социальные трудности. Но если это так легко сделать, тогда зачем беспокоиться о свободе, освободительных войнах и новом мире? Эта болтовня является следствием «политиканства». В заключение я хотел бы предостеречь (пока еще осталось время), что Америка может скоро оказаться в состоянии войны с Россией, если ситуация будет развиваться так, как она развивается в настоящее время. Советский Союз не потерпит существования ни подлинно демократической Америки, ни подлинно демократической Германии. Одна из многих причин такого развития событий заключается в ошибках, лежащих тяжким бременем на совести руководителей государства, которые начали с борьбы за освобождение всего мира, а закончили старомодным шовинизмом, против которого вели суровую борьбу основатели этого государства.

Глава XI

ЗНАЧЕНИЕ СУЩЕСТВЕННО НЕОБХОДИМОГО ТРУДА

В последнее время во всем мире началось изменение социальных условий. Начало этому процессу положила капитуляция фюрера итальянского политического иррационализма. За ней неизбежно последует капитуляция немецкого политического иррационализма. Процесс политической перестройки начнется в Европе с вакуума в социальной жизни, которая будет преимущественно характеризоваться политическим хаосом. Для преодоления социального хаоса трудящимся всех существенно необходимых занятий и институтов понадобится осознать значение труда. Маловероятно, что какая-либо старая или новая политическая партия будет способна организовать фактическую и рациональную перестройку общественной жизни. Поэтому, как только позволят обстоятельства, самые выдающиеся, самые умные и политически нейтральные представители всех существенно необходимых сфер труда должны собраться на национальных и интернациональных совещаниях для обсуждения и решения в духе рабоче-демократического сотрудничества практических задач индивидуальной и социальной жизни, за которую они несут ответственность. Как только начнется работа таких аполитичных, строго практических совещаний, их деятельность будет неуклонно следовать логике, присущей объективно-рациональному процессу труда. Ясно, что ответственность за результаты будущего развития общества лежит не на каком-либо чисто идеологическом органе, а на представителях существенно необходимых профессий. К этому заключению пришли, независимо друг от друга, ученые в различных странах Европы и в Америке.

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ «РАБОЧАЯ ДЕМОКРАТИЯ»!

Рабочая демократия — это естественный процесс любви, труда и познания, который определял, определяет и будет определять экономическую, социальную и культурную жизнь до тех пор, пока существовало, существует и будет существовать общество. Рабочая демократия — это совокупность всех видов жизнедеятельности, определяемых рациональными межличностными отношениями, которые возникли и развиваются естественно-органическим путем.

Рабочая демократия не является идеологической системой. Не является она и «политической» системой, которую могла бы навязать обществу с помощью пропаганды какая-либо партия, политический деятель или группа лиц с общей идеологией. Не существует ни одного формального, политического критерия, в соответствии с которым можно было бы «установить» рабочую демократию. Ее невозможно установить так, как устанавливают республиканскую или тоталитарную диктатуру. Это объясняется тем, что рабочая демократия всегда существует и действует независимо от того, известно или не известно о ее существовании той или иной политической партии или идеологической группе. Процесс развития естественной рабочей демократии может соответствовать или не соответствовать задачам социальных институтов. Реализация рабоче-демократического процесса требует обеспечения соответствия между социальными идеологиями и институтами, с одной стороны, и естественными потребностями и межличностными отношениями, с другой, аналогично тому, как этот процесс проявляется в естественной любви, существенно необходимом труде и естественной науке. Развитию этих существенных видов общественной деятельности можно препятствовать или содействовать; трудящиеся (мужчины и женщины) могут сознавать или не сознавать их существование. Но их невозможно уничтожить. Поэтому они составляют надежную основу любого рационального социального процесса.

В основе идеологических и политических систем лежит представление о естественном процессе жизни. Они могут содействовать или препятствовать развитию естественного процесса жизни. Но эти системы не входят в состав основы общества. Они могут быть демократическими, и тогда они способствуют естественному развитию жизни. Они могут быть авторитарно-диктаторскими, и тогда они вступают в конфликт с этим процессом.

Рабочую демократию невозможно навязать народу в качестве политической системы. Те, кто выполняет существенно необходимую работу, могут сознавать свою ответственность за социальные процессы. Такое сознание развивается столь же органично, как и дерево или тело животного. Органическое развитие сознания социальной ответственности составляет непременное условие предотвращения распространения политических систем подобно опухо-

ли на социальном организме. Рано или поздно политические системы приводят к социальному хаосу. Кроме того, сознание социальной ответственности трудящихся (мужчин и женщин) составляет непременное условие постепенного приведения общественных институтов в соответствие с естественными функциями рабочей демократии. Политические системы появляются и исчезают, не затрагивая основы социальной жизни. Социальная жизнь не прекращается. Но если естественный процесс любви, труда и познания остановится хотя бы на один день, тогда перестанет биться пульс социальной жизни.

Естественная любовь, существенно необходимый труд и естественная наука являются рациональными функциями жизни. По своей природе они могут быть только рациональными. Поэтому они выступают в качестве главного врага любой формы иррационализма. Политический иррационализм отравляет, уродует и разрушает нашу жизнь. В строго психиатрическом смысле он представляет собой извращение социальной жизни, вызванное непониманием естественных функций жизни и исключением этих функций из регуляции социальной жизни.

Каждая форма авторитарно-тоталитарного правления опирается на иррационализм, внедренный в сознание народных масс. Каждая политическая диктатура (независимо от того, кто является ее выразителем) ненавидит и боится своего злейшего врага — естественный процесс любви, труда и познания. Они не могут сосуществовать. Диктатура способна только подавлять естественные функции жизни или использовать их в своих узких интересах. Она не в состоянии обеспечить их развитие. Не может она и сама выполнять эти функции, ибо при этом она уничтожает себя.

Отсюда можно сделать ряд выводов.

1. Нельзя вводить новые политические системы, ибо такое введение лишь приведет к катастрофическим последствиям. Что действительно необходимо сделать, так это обеспечить соответствие между естественными функциями жизни и регуляцией будущих социальных процессов. Нет нужды создавать что-то новое; необходимо лишь устранить препятствия на пути развития естественной деятельности общества, независимо от формы проявления этих препятствий.

2. Представители сфер естественной жизнедеятельности — это те люди, которые выполняют качественную работу во всех существенно необходимых областях профессиональной деятельности. Рабочий демократизм этих представителей определяется не их политическими увлечениями, а их деятельностью в качестве про-

шленных рабочих, фермеров, учителей, врачей, детских воспитателей, писателей, администраторов, техников, ученых, исследователей и т. д. Если представители существенно необходимого труда создадут интернациональную организацию с конкретными социальными и юридическими правами, такая организация будет непобедима.

3. Между общественным производством и потреблением существует естественно-органическая взаимосвязь. Создание организаций, обеспечивающих практическую реализацию этой естественной взаимосвязи, послужит надежной социальной гарантией от будущих катастроф, вызываемых иррационализмом. Ответственность за удовлетворение потребностей человека будет лежать только на производителях и потребителях. Никакая авторитарно-государственная администрация не вправе навязывать им такую ответственность вопреки их желанию. Принятие ответственности за свою судьбу, представленное в уже существующих (т. е. не вновь созданных) организациях производителей и потребителей во всех областях, составит существенный шаг на пути к рабоче-демократическому самоуправлению общества. Поскольку все процессы труда взаимозависимы и, более того, потребление определяет производство, естественно возникшая и органически функционирующая организация задана в общественном базисе, который способен взять на себя ответственность за будущее социальное развитие Европы.

4. В политическом отношении рабочая демократия не ориентируется ни на «правых», ни на «левых». В рабоче-демократическом процессе участвуют те, кто выполняет существенно необходимую работу. Поэтому рабочая демократия ориентируется только на будущее. Ей не свойственно стремление к борьбе против идеологий вообще и политических идеологий в частности. Но для обеспечения своей реализации рабочая демократия, в силу своей природы, неизбежно должна выступать против любой идеологии и политической партии, иррационально препятствующей ее развитию. Тем не менее в своей основе рабочая демократия выступает не против, а за конкретную постановку и решение проблем.

ЧТО НОВОГО СОДЕРЖИТ РАБОЧАЯ ДЕМОКРАТИЯ?

Идея демократии как лучшей возможной формы совместной социальной жизни и идея труда и потребления как естественной основы общественной жизни не отличаются новизной. Не новы и антидиктаторские установки рабочей демократии и ее решимость

бороться за естественные права трудящихся (мужчин и женщин) всех народов планеты. На протяжении столетий либеральные, социалистические, раннекоммунистические, христианско-социалистические и другие политические организации выступали в защиту всех этих требований, идеалов, программ и т. д.

Новым в рабочей демократии является следующее. Представители рабочей демократии не создавали политических партий для реализации некой рабоче-демократической структуры. Они не ограничивались повторением старых требований, идеалов и программ. С подлинно научных позиций они ставили вопрос: почему до сих пор все демократические требования, программы и идеалы терпели неудачу и уступали дорогу реакционным диктаторам в Европе и Азии?

Впервые за всю историю социологии возможность регулирования общественной жизни выводится не на основе идеологий и условий, которые необходимо создать, а на основе естественных, изначально существующих и развивающихся процессов. Отличительная особенность рабоче-демократической «политики» заключается в том, что она отвергает все формы политики и демагогии. Большинство трудящихся (мужчин и женщин) не будет освобождено от социальной ответственности. Рабочие-демократы не претендуют на роль политических фюреров. Им никогда не позволят сформировать такие претензии. Рабочая демократия стремится превратить формальную демократию, которая выражается лишь в избрании политических представителей и не влечет за собой дальнейшей ответственности избирателей, в подлинную, фактическую, практическую демократию на международном уровне. Эта демократия возникает на основе любви, труда и познания. Ее развитие имеет органический характер. Она ведет борьбу с мистицизмом и идеей тоталитарного государства не с помощью политических идей, а на основе практической жизнедеятельности, которая подчиняется своим собственным законам. Все это является новым в рабочей демократии.

Рабочая демократия вносит существенный вклад в познание всего спектра представлений о свободе. Трудящиеся, на плечах которых лежит бремя социальной жизни, не сознают свою социальную ответственность и не способны взять на себя ответственность за свою свободу. Это вызвано многовековым подавлением рационального мышления естественных проявлений любви и научного понимания всего живого. В основе всего связанного с «эмоциональной чумой» в общественной жизни лежит эта неспособность и отсутствие сознания. Рабочая демократия полагает, что по

самой своей природе политика является и должна быть антинаучной, т. е. выражает человеческую беспомощность, нищету и угнетенность.

Резюмируя сказанное, можно сказать, что рабочая демократия представляет собой вновь открытую, биосоциологическую, естественную, основную форму деятельности общества. Она не является политической программой.

Я один несу ответственность за это краткое резюме.

Глава XII

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОСЧЕТ В БОРЬБЕ ЛИЧНОСТИ ЗА СВОБОДУ

НАШЕ УЧАСТИЕ В РАЗВИТИИ СВОБОДЫ

В этой главе рассматривается биологический просчет, который, как свидетельствует история, допускали все освободительные движения. Этот просчет пресекал в корне освободительную деятельность и делал тщетной уже достигнутую, удовлетворительную регуляцию общественной жизни. Мы исходим из убеждения, что только рабочая демократия может создать основу подлинной свободы. Мой опыт участия в общественных дискуссиях свидетельствует о том, что открытое заявление об этом просчете будет дурно истолковано. Такое заявление предъявляет повышенные требования к стремлению каждого из нас к истине. На практике это означает, что в повседневной борьбе за существование все несут огромную ответственность, так как вся социальная ответственность возлагается на тех (мужчин и женщин), кто работает на фабриках и фермах, в клиниках, конторах и лабораториях.

Мы установили, что при отрицании существования фундаментальных реальностей, которые, возвышаясь над политической сумятицей повседневной жизни, уходят корнями в древнюю историю человечества и связаны с биологической структурой личности, использовались различные аргументы. Однако в основе использования этих аргументов неизменно лежит иррациональный мотив. В мирное время, когда жизнь идет неспешно, обычно говорят: «Все идет хорошо. Лига Наций служит гарантом мира. Наши дипломаты разрешают конфликты мирным путем. Генералы существуют лишь для украшения. Зачем ставить вопросы, которые уместны только в военное время? Мы только что закончили войну, чтобы положить конец всем войнам. Нет нужды волноваться». Теперь, когда показано, что такие аргументы основаны на иллюзиях, когда Лига Наций и дипломаты продемонстрировали свою неспособность справиться с актуальными проблемами, когда

во всем мире свирепствует новая, самая жестокая за всю историю война, все внимание сосредоточено на том, чтобы «выиграть войну»,— теперь говорят: «Прежде всего нам нужно выиграть войну. Сейчас не время для глубоких истин. Они нам понадобятся, когда будет выиграна война, ибо тогда мы должны будем обеспечить мир». Таким образом, здесь проводится четкое различие между ведением и победой в войне, между прекращением военных действий и заключением мира. Только после победы и заключения мира можно приступить к обеспечению безопасного мира. При этом упускается из виду, что именно в разгар войны происходят глубокие социальные потрясения, которые разрушают старые институты и изменяют человека. Другими словами, на развалинах войны прорастают семена мира. Стремление человека к миру никогда не бывает столь сильным, как во время войны. Поэтому только в такой социальной обстановке зарождается так много сильных импульсов, направленных на изменение условий, которые приводят к войнам. Человек научился строить дамбы, когда страдал от наводнений. Мир можно выковать только во время войны.

Вместо того чтобы немедленно извлечь из войны уроки и приступить к построению нового мира, принятие важных решений откладывается на то время, когда дипломаты и государственные деятели настолько углубятся в проблемы мирных договоров и репараций, что не останется времени на «фундаментальные реальности». В период перехода от прекращения военных действий к заключению мнимого мира мы слышим заявления: «Вначале необходимо возместить убытки, причиненные войной; военное производство необходимо перевести на выпуск мирной продукции; у нас много дел. Прежде чем заняться фундаментальными реальностями, давайте решим все мирным путем». Тем временем уроки войны были забыты; снова все устроили так, что на протяжении жизни одного поколения разразилась новая, еще более ужасная война. Снова ни у кого «нет времени», и снова все «слишком заняты», чтобы заняться «основными истинами». Эмоции военного времени быстро уступили место прежней жестокости и эмоциональной апатии.

Если кто-либо, подобно мне, станет свидетелем такого откладывания решения существенных проблем и услышит те же самые аргументы во второй раз на протяжении 45 лет своей жизни и если он увидит, что новая катастрофа содержит все особенности старой катастрофы, тогда он вынужден будет, как бы ему этого ни хотелось, признать, что после первой катастрофы не произошло

никаких существенных изменений (если не считать существенными изменениями повышение качества средств уничтожения и широкое распространение садизма среди людей). В таком человеке медленно и верно формируется убежденность в том, что по какой-то странной причине народные массы не хотят понять тайну войны. Они боятся истин, способных принести им болезненное исцеление.

Люди склонны смотреть на войну как на «социальную грозу». Утверждают, что война «очищает» атмосферу; она имеет свои достоинства — «закаляет молодежь» и делает ее отважной. Говорят, что войны всегда существовали и будут существовать. Они биологически мотивированы. По мнению Дарвина, «борьба за существование» составляет закон жизни. Тогда зачем нужно проводить мирные конференции? Я никогда не слышал, чтобы медведи или слоны разделялись на два лагеря и уничтожали друг друга. В животном царстве не существует войн в пределах одного вида. Война с себе подобными, как и садизм, относится к приобретениям «цивилизованного человека». По какой-то причине человек не решается указать причины войны. Несомненно, существуют лучшие, чем война, способы сделать молодежь здоровой и работоспособной, а именно: насыщенная здоровой любовью жизнь, постоянная, доставляющая удовольствие работа, физическая культура, а также отсутствие злобных сплетен старых дев. Одним словом, вышеуказанную аргументацию следует считать пустой болтовней.

Что означает это явление?

Почему люди боятся правды?

Почему, зная правду в глубине своей души, каждый человек боится признаться в этом себе и своему ближнему?

Суть дела заключается в следующем. В результате тысячелетнего извращения в области воспитания и общественной жизни народные массы приобрели биологическую жестокость и утратили способность к свободе. Они не способны к мирному сосуществованию.

Какими бы циничными и безысходными ни показались эти две формулировки, тем не менее они содержат ответ на три вышеуказанных вопроса. Никто не хочет признать истину, которая содержится в них, или хотя бы выслушать их. Ни один демократический политикан не знает, как это следует понимать. Каждый честный человек знает правду. В основе власти всех диктаторов лежала социальная безответственность народных масс. Они без колебаний использовали социальную безответственность народных

масс в своих целях. На протяжении многих лет половина цивилизованных немцев выслушивала утверждение о том, что из масс извергается только то, что в них вложили. Они отнеслись к этому с рабской покорностью. Они сами виноваты в том, что оказались в таком унизительном положении. Нелепо утверждать, что психопатический генерал способен самостоятельно угнетать семидесятимиллионный народ.

«Почему вы утверждаете, что американцы не способны к свободе? — спросит учтивый политик и филантроп.— Что же тогда вы скажете о героических повстанцах Чехословакии и Югославии, об английских десантниках, о мучениках в Норвегии, об армиях в Советской России? Как вы смеете порочить демократию?»

Мы не говорим здесь о военных кругах, правительствах, меньшинствах, отдельных ученых и мыслителях, поскольку подлинная социальная свобода не является достоянием отдельных групп. Направление развития общества определяется только подавляющим большинством трудящихся мужчин и женщин, независимо от того, покорно они относятся к тирании или оказывают ей активную поддержку. Способны ли массы самостоятельно управлять обществом без политиканов и партий, которые говорят им, что и как они должны делать? Безусловно, они способны пользоваться предоставленной свободой, выполнять указанную работу, выступать против войны и в защиту мира. Тем не менее до сих пор они не были способны защитить труд от злоупотреблений, регулировать его через свои организации, способствовать его развитию, предотвращать войны, преодолеть свой иррационализм и т. д.

Массы не способны выполнять эти действия, потому что до настоящего времени у них не было возможности приобрести и реализовать эту способность. Справиться с войной можно только на основе осуществления массами общественного самоуправления и управления производством и потреблением через свои организации. Тот, кто серьезно относится к массам, требует, чтобы они несли полную ответственность, так как только массы отличаются миролюбием. Теперь к миролюбию необходимо присоединить ответственность и способность быть свободным. Как это ни ужасно, все же факт остается фактом: в основе фашизма всех стран, народов и рас лежит безответственность народных масс. Фашизм возникает в результате тысячелетней деформации личности. Он мог бы возникнуть в любой стране и у любого народа. Он не составляет характерную особенность немцев или итальянцев. Фашизм проявляется в каждом индивидууме во всех странах мира.

Этот факт нашел отражение в австрийском выражении «от человека здесь ничего не зависит». Факт не меняется от того, что данное положение сложилось в результате тысячелетнего развития общества. Ответственность лежит на самом человеке, а не на «исторических событиях». Перенос ответственности с живого человека на «исторические события» приводил к краху социалистические освободительные движения. Тем не менее события последних двадцати лет требуют возложить ответственность на трудящиеся массы.

Если под «свободой» мы будем в первую очередь понимать ответственность каждого индивидуума за рациональное формирование личной, профессиональной и общественной жизни, тогда можно сказать, что не существует большего страха, чем страх перед общей свободой. Существование любой формы свободы будет ограничено жизнью одного или двух поколений, если основная проблема не получит приоритетного значения и не будет решена. Для решения этой проблемы понадобится затратить больше усилий (больше вдумчивости, порядочности и честности, больше экономических, воспитательных и социальных преобразований в общественной жизни народных масс), чем все усилия, затраченные на ведение прошлых войн (и те, которые будут затрачены на ведение будущих войн) и осуществление послевоенных программ по восстановлению хозяйства. Одна только эта проблема и ее решение содержат все то, что большинство самых смелых мыслителей видели в идее интернациональной социальной революции. Мы являемся сторонниками и носителями колоссального революционного переворота. Если страдание неизбежно, тогда «кровь, пот и слезы» необходимо проливать, по крайней мере, ради достижения разумной цели, т. е. ради ответственности трудящихся масс за общественную жизнь. Это заключение с неумолимой логикой следует из утверждений:

1. Каждый социальный процесс определяется позицией масс.
2. Массы не способны к свободе.
3. Подлинная социальная свобода установится тогда, когда массы приобретут способность быть свободными.

Что побуждает меня отступить от обычной политики сокрытия общеизвестных фактов, особенно если учесть, что я не претендую на роль политического лидера?

Существует несколько мотивов. В течение ряда лет я просто боялся последствий принятия такого решения. Нередко меня охватывали сомнения в необходимости изложения своих идей на бу-

маге. Я пытался освободиться от этого затруднения, убеждая себя в том, что я не был политиком и политические события не представляли для меня никакого интереса. Я убеждал себя в том, что я был слишком занят своей оргонной биофизикой и не видел причины, почему я был должен взвалить на себя такой неблагодарный труд, как решение запутанной социальной проблемы, которое по крайней мере тогда представлялось безнадежным. Я пытался заставить себя поверить в то, что в глубине души я стремился включиться в борьбу иррационально-политических идеологий. Я устоял под натиском своих амбиций. Ответственные политические и государственные деятели непременно должны были открыто заявить об этих фактах.

После многих лет мучительных колебаний и попыток уклониться от упоминания указанных фактов в конечном счете я и все мои коллеги были вынуждены уступить под нажимом результатов наших исследований явлений жизни. Исследователь хранит верность истине, выше которой нет иной верности, сколь бы высоко она ни ценилась. Сохранить верность истине чрезвычайно трудно, потому что в существующей ситуации сообщение истины рассматривается как нечто потенциально опасное, а не как естественное явление.

В принципе, мы здесь приводим лишь перечень фактов, которые в отдельности были нам давно известны.

1. С биологической точки зрения человечество следует считать больным.
2. Политика служит иррациональным выражением этой болезни на социальном уровне.
3. Все происходящее в общественной жизни — активно или пассивно, намеренно или ненамеренно — определяется психологической структурой масс.
4. Эта психологическая структура формируется на основе социально-экономических процессов. Она закрепляет эти процессы и придает им устойчивый характер. Биопатическая структура личности олицетворяет окаменение авторитарного исторического процесса. Она воспроизводит угнетение масс на биофизическом уровне.
5. Эта психологическая структура существует за счет противоречия между страстным стремлением к свободе и страхом перед ней.
6. Страх народных масс перед свободой выражается в биофизической жестокости организма и ригидности личностной структуры.

7. Каждая форма общественного правления служит социальным выражением той или иной стороны этой структуры народных масс.

8. Суть проблемы заключается не в Версальском договоре, нефтяных скважинах Баку или двухсотлетнем капитализме, а в авторитарно-механистической цивилизации, которая на протяжении четырех или шести тысячелетий своего существования разрушала биологическую основу деятельной личности.

9. Интерес к деньгам и власти служит замещением несостоявшегося счастья в любви.

10. Подавление естественной сексуальности детей и подростков способствует формированию психологической структуры, поддерживающей и воспроизводящей авторитарно-механистическую цивилизацию.

11. В настоящее время идет процесс устранения последствий тысячелетнего подавления личности.

Таковы в общих чертах результаты наших исследований структуры личности и ее связи с социальными процессами.

Наша заинтересованность в построении нового мира имеет три аспекта: личный, объективный и социальный.

1. Личная заинтересованность обусловлена угрозой нашему существованию как членов морально больного общества. Понять, через какие испытания на этой планете проходят многие миллионы мужчин и женщин, могут только те, кто, подобно мне, потерял свой дом, семью и имущество, лично пережил три с половиной года военной бойни, видел смерть и разорение многих друзей, был свидетелем массовых миграций и многого другого в период первой мировой войны. Мы хотели положить конец этому позору! Позорно то, что горстка прусских проходимцев и извращенных невротиков, выступающих в роли «фюреров», способна использовать в своих целях социальную беспомощность сотен миллионов трудолюбивых, честных мужчин и женщин. Позор усугубляется тем, что те же миллионы мужчин и женщин непреднамеренно и простодушно позволили этим политическим мошенникам обмануть себя (так обстояло дело не только в Германии, но и в других странах). Нам нужно только одно — мирно трудиться, любить без опаски своих жен и мужей и растить наших детей свободными от ядовитых миазмов. Короче говоря, мы не хотим, чтобы в этой короткой жизни нас беспокоила, обманывала и водила за нос горстка политических мошенников. Слишком долго политика разрушала наши жизни! Мы хотим положить конец этому! Раз и навсегда!

2. Поборники фашизма обратили внимание на неспособность народных масс к свободе и провозгласили ее непреложным биологическим фактором. Пропагандируя соблазнительные иррационально-расовые теории, они разделили человечество на биологически высшие и низшие расы и присвоили себе (самым больным и порочным) звание «сверхчеловека».

На этот обман мы можем дать следующий ответ. Расовая теория представляет собой мистическое мировоззрение. Естественное счастье человека в любви и чувство безопасности своей жизни положат конец этому мировоззрению.

3. Перед нашим институтом стоит важная задача. Мы должны подготовиться к двум принципиально различным возможностям.

В том случае, если вторая мировая война выявит в общественном сознании решение проблемы социального хаоса, мы будем призваны решать важные задачи. Нам придется взять на себя огромную ответственность. Мы должны заранее подготовиться к этой возможности. Нам необходимо иметь ясное представление о наших задачах. Для достижения успеха мы должны систематизировать наши сведения о психологических реакциях личности и результатах воздействия на нее фашистской эпидемии. Мы можем выполнить наши задачи только в рамках общей борьбы за установление подлинной свободы. Если мы будем предаваться иллюзиям о том, что психологическая структура личности непосредственно способна к свободе и самоуправлению или, другими словами, устранение заразы партийного фашизма обеспечит возможность осуществления социальной свободы и приведет к победе справедливости над несправедливостью, тогда наша деятельность будет обречена на провал вместе со всеми видами деятельности, в основе которых лежат такие иллюзии. Для достижения свободы необходимо безжалостно освобождаться от иллюзий, ибо только тогда можно будет искоренить иррационализм народных масс и открыть путь к ответственности и свободе. Идеализация масс лишь приведет к новым несчастьям.

Различные освободительные организации в Европе лечат эту болезнь народных масс так, как шарлатан лечит парализованного больного, убеждая его, что в действительности он не парализован и скоро, безусловно, будет танцевать польку, если не помешает «злой волк» (в 1914 году в роли «злого волка» выступали военные промышленники, а в 1942 году — психопатические генералы). Парализованному больному, возможно, будет приятно слушать такие утешения, но тем не менее он не сможет ходить. Честный врач

будет действовать «безжалостно»; он проявит максимальную осторожность, чтобы не вселить в больного ложную надежду. Он использует все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы определить природу данного паралича и решить, излечим он или нет. Если он в принципе излечим, тогда врач найдет средство для его излечения.

Фашистский диктатор заявляет, что народные массы биологически неполноценны и стремятся подчиниться власти, т. е. по природе своей они рабы. Поэтому авторитарно-тоталитарный режим является единственной возможной формой правления для таких людей. Примечательно, что, хотя все диктаторы, ввергнувшие сегодня мир в бездну страданий, вышли из среды угнетенных народных масс, у них отсутствует понимание развития естественных процессов и стремление к истине и исследованиям. Поэтому у них никогда не зарождается желание изменить существующее положение.

С другой стороны, во время пребывания у власти лидеры формальной демократии допустили оплошность, полагая, что народные массы способны автоматически стать свободными, и тем самым исключили всякую возможность установления свободы и ответственности народных масс. Они никогда не появятся, поскольку их поглотила катастрофа.

Мы предлагаем научно-рациональное решение проблемы. В основе его лежит тот факт, что народные массы действительно не способны к свободе. Но в отличие от расового мистицизма мы не считаем эту неспособность абсолютной, врожденной и вечной. Мы рассматриваем эту неспособность как результат предыдущих социальных условий жизни. Следовательно, эта неспособность поддается изменению.

Отсюда следуют две важные задачи:

1. Исследование и разъяснение тех форм, в которых проявляется неспособность личности к свободе.

2. Исследование медицинских, педагогических и социальных средств, необходимых для интенсивного формирования способности к свободе.

Здесь уместно напомнить об «ошибках», сделанных демократическими правительствами: пакты с эмоционально инфицированными диктаторами, многочисленные факты предательства по отношению к демократическим союзникам (Англия — Испания, Россия — Чехословакия и т. д.), преобладание деловых интересов над принципами (российская нефть для Италии во время войны в Эфиопии; мексиканская нефть для Германии во время борьбы с

фашизмом в Испании; шведская сталь для нацистской Германии; американская сталь и уголь для Японии; поведение англичан в Бирме и Индии; религиозно-мистическая вера социалистов и коммунистов и т. д.). Но тяжесть этих «ошибок» уменьшается при сопоставлении с ошибками, допущенными народными массами, их социальной апатией, пассивностью, стремлением подчиниться власти и т. д. Непреложным остается тот факт, что только трудящиеся массы (мужчины и женщины) несут ответственность за все происходящее — плохое и хорошее. Действительно, они больше всех страдают от войны, но ведь возможность возникновения войн в первую очередь обусловлена апатией народных масс, их стремлением подчиниться власти и т. д. Из этой ответственности неизбежно следует вывод: только массы трудящихся мужчин и женщин способны установить прочный мир. Для этого необходимо лишь устранить неспособность к свободе. С этой задачей могут справиться только сами народные массы. Для того, чтобы приобрести способность к свободе и обеспечить безопасность мира, неспособные к свободе народные массы должны обладать социальной властью. Это утверждение содержит противоречие и его разрешение.

Если исход этой войны не выявит основные реальности в общественном сознании и старые иллюзии сохранят свое существование, тогда наша нынешняя позиция в основном останется неизменной. В таком случае мы неизбежно придем к заключению: иллюзорные средства, формальные свободы, формальные радости и формальные демократии скоро приведут к возникновению новых диктаторов и новой войне. Тогда мы останемся в изоляции и будем бороться с этой социальной бедой. Наша задача останется такой же трудной, как и сейчас. Во всеобщей атмосфере иллюзий мы сохраним субъективную и объективную честность. Мы сделаем все возможное, чтобы сохранить в чистоте и углубить наши знания о природе человека. Тем, кто занимается биофизикой оргона, структурной психологией и сексуальной энергетикой, придется затратить немало усилий, чтобы не поддаться влиянию иллюзий и сохранить в кристально ясном и чистом виде свои знания для будущих поколений. Они должны сохранить практическое знание, чтобы после шестой, двенадцатой или двадцатой мировой войны можно было доказать правильность данного подхода к массовому психическому бедствию. В этом случае мы передадим нашим потомкам не военные награды и мемуары о героических подвигах и фронтовых приключениях, а наши знания, в которых содержится семя грядущего. Эту задачу можно выполнить даже в наихудших

социальных условиях. Когда настанет время преодоления «эмоциональной чумы», мы не хотим, чтобы будущее поколение делало ненужные ошибки и искало ответы на доводы в пользу этого бедствия. Мы хотим, чтобы будущее поколение вернулось за поддержкой к старым, забытым истинам и смогло построить более подобающую жизнь, чем поколение 1940 года.

В этот момент кто-нибудь из наших друзей может поддаться искушению и задать вопрос: «Почему же вы не боретесь за социальную власть, чтобы претворить в жизнь постигнутые вами истины? Если вы претендуете на обладание существенно важными знаниями, тогда ваша политическая пассивность свидетельствует о вашем малодушии. Проклятье! Вы должны бороться за посты министров здравоохранения и образования! Вы должны стать государственными деятелями!»

Нам понятны эти доводы. Многие из нас неоднократно выдвигали их. Много бессонных ночей прошло в обсуждении этих доводов.

Дилемма заключается в следующем.

Истины бесполезны, когда нет власти для осуществления их на практике. Они остаются чисто теоретическими.

Любая не опирающаяся на истину власть представляет собой некую диктатуру, поскольку в ее основе всегда лежит страх человека перед социальной ответственностью и бременем «свободы».

Диктаторская власть и истина не могут сосуществовать. Они представляют собой взаимоисключающие явления.

История показала, что истина всегда умирает, когда ее поборники приходят к власти. **«Власть» всегда означает подчинение** других. Тем не менее истинные знания можно осуществить на практике только путем убеждения, а не подчинения. Этому научила нас французская и русская революции. Ни одна из истин этих революций не просуществовала более нескольких десятилетий. Иисус возвестил истину, которая имела огромное значение в его время. Она умерла в христианском мире, когда место Иисуса заняли священники. Две тысячи лет назад глубокие истины о человеческом страдании уступили место догмам; простая ряса уступила место украшенным золотом церковным облачениям; протест против угнетения бедноты уступил место утешениям, что счастье будет обретено в загробном мире. Истины Великой французской революции умерли в французской республике и окончились борьбой за власть политических честолюбцев, невежеством Петена и коммерческими сделками Лаваля. Истины марксистской экономи-

ки умерли в русской революции, когда слово «общество» заменили словом «государство» и на смену идеи «интернационального человечества» пришел националистический патриотизм и пакт с Гитлером. Они умерли в Германии, Австрии и Скандинавии — несмотря на то, что вся социальная власть находилась в руках наследников великих борцов за свободу в Европе. Почти сто лет спустя после рождения истин 1848 года продолжает существовать тысячелетняя мерзость. **Власть и истина не сочетаются. Это** — горькая правда.

Действительно, те из нас, кто обладает политическим опытом, могли бы бороться за власть подобно любому другому политику. **Но у нас нет времени; у нас есть более важные дела. В процессе** политической борьбы, несомненно, будут утрачены дорогие для нас знания. Для достижения власти необходимо питать миллионы людей иллюзиями. Это тоже правда. Ленин привлек на свою сторону миллионы русских крестьян, без которых не смогла бы состояться русская революция, с помощью лозунга, который шел вразрез с коллективистскими тенденциями российской партии. «Берите землю помещиков. Она должна стать вашей **личной** собственностью». И крестьяне пошли за Лениным. Если бы в 1917 году им сказали, что настанет день, когда эта земля будет коллективизирована, крестьяне не проявили бы лояльность. Об этом свидетельствует ожесточенная борьба за коллективизацию российского сельского хозяйства в 1930 году. В общественной жизни существуют степени власти и степени лжи. Чем крепче народные массы держатся за истину, тем слабее стремление к власти. Чем больше проникают иррациональные иллюзии в среду народных масс, тем шире распространяется и неприглядное проявляется индивидуальное стремление к власти.

Было бы нелепо пытаться привлечь на свою сторону народные массы, утверждая, что ответственность за социальные беды несут не они сами, а отдельные психопаты; нет, ответственность за свою судьбу несут **они сами**, а не один из избранных ими руководителей; ответственность за все происходящее в мире несут **они** — и только **они**. Это утверждение идет вразрез со всем тем, что им всегда говорили и внушали. Было бы нелепо пытаться достичь власти с помощью таких истин.

С другой стороны, вполне возможно, что мировая катастрофа достигнет такой стадии, когда народные массы будут вынуждены осознать **свои общественные взгляды; они будут вынуждены** измениться **и взять на себя тяжелое бремя социальной ответственности**. Но в таком случае **они сами** приобретут власть и на за-

конных основаниях откажутся от услуг тех групп, которые «завоевывают» власть в «в интересах народа». Отсюда видно, что у нас нет причин бороться за власть.

Мы можем быть уверены, что мы понадобимся народным массам, они призовут нас и доверят нам выполнение важных задач, если когда-нибудь смогут приступить к рациональному преобразованию своей психологической структуры. Мы не превратимся в руководителей народных масс, их выборных представителей или «попечителей». Мы станем частью этих масс. Тогда, как это было много лет назад в Австрии и Германии, большинство людей устремятся в наши клиники и школы, на наши лекции и демонстрации научных достижений, чтобы получить ответы на жизненно важные вопросы. (Они не будут требовать, чтобы мы рассказали им, как необходимо решать их важнейшие задачи.) Но они придут к нам только в том случае, если мы останемся искренними. Когда народные массы будут вынуждены нести ответственность за общественную жизнь, они неизбежно столкнутся со своими слабостями и наследием порочного прошлого. Одним словом, они столкнутся с теми реальностями в своей психологии, мыслях и чувствах, которые мы включаем в термин «неспособность к свободе». В качестве социального института мы вместе с тысячами наших сторонников раскроем механизм неспособности к свободе и покажем препятствия на пути развития свободы, чтобы помочь народным массам обрести подлинную свободу.

Для этого нам не нужна власть. Доверие мужчин и женщин (независимо от возраста, занятия, цвета кожи и мировоззрения) к нам, как абсолютно честным врачам, исследователям, преподавателям, социальным работникам, физикам, писателям и техническим работникам, будет значительно более долговечным, чем любая власть, когда-либо приобретенная политическим деятелем. Это доверие невозможно завоевать; оно само возникает, когда человек честно относится к своей работе. Мы не собираемся приспосабливать наши взгляды к современному образу мыслей народных масс, чтобы «достичь влияния». Доверие к нашей деятельности может возрастать только по мере углубления нашего понимания природы эмоционального бедствия.

Когда мы понадобимся народу, это будет означать, что в общественной жизни действительно формируется самоуправление и в среде трудящихся мужчин и женщин пробуждается стремление к «глубокой истине» и плодотворной самокритике. Мы понадобимся народу потому, что только наша организация способна распознать иррациональность политики и старых идеологий.

Напротив, если мы останемся в «оппозиции», это будет означать, что общество не способно распознать и устранить иррациональность в своей психологии. В таком случае, однако, никакая власть не поможет нам, и мы сами не устоим под натиском иррациональности.

Сознательный отказ от борьбы за власть не должен приводить к недооценке нашего труда. Мы не выступаем в роли «скромных», «непритязательных» ученых. Мы трудимся возле источника жизни в соответствии с фундаментальной естественной наукой. Ложная скромность здесь была бы равносильна самоубийству. Действительно, «оргастическая потенция», «характерологическая жесткость» и «оргон» выглядят незначительными и теоретическими при сравнении с «Днепрогэсом», «секретностью» и «Батааном и Тобруком». Но так выглядит картина с современной точки зрения. Что останется от подвигов Александра Македонского при сравнении с законами Кеплера? Что останется от Цезаря при сравнении с законами механики? Что останется от кампаний Наполеона при сравнении с открытием микроорганизмов и бессознательной психической жизнью? Что останется от психопатических генералов при сравнении с космическим оргоном? Отказ от власти не означает, что необходимо отказаться от рациональной регуляции человеческой жизни. Различие между ними заключается в том, что в случае рациональной регуляции результаты будут иметь долгосрочный, глубокий, революционный, истинный и жизнеутверждающий характер. Не имеет значения то, когда мы ощутим эти результаты — завтра или послезавтра. Все зависит от того, когда массы трудящихся мужчин и женщин решат воспользоваться плодами нового знания — сегодня или завтра. Ответственность, которую они несут за свою жизнь и деятельность, не меньше ответственности сапожника за сапоги, врача за здоровье пациента, исследователя за свои формулировки, архитектора за свои здания. Мы относимся серьезно к народу! Когда мы ему понадобимся, он позовет нас. И тогда мы придем. Что касается меня, то я отказываюсь от борьбы за власть, с помощью которой можно навязать свои знания.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЖЕСТОКОСТЬ, НЕСПОСОБНОСТЬ К СВОБОДЕ И АВТОРИТАРНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Мы стоим перед несомненным фактом: ни разу за всю историю человечества народным массам не удалось сохранить, организовать и развить свободу и мир, завоеванные ими в кровопролитных сражениях. Под свободой здесь подразумевается подлин-

ная свобода личного и общественного развития, свобода жить без страха, свобода от всех форм экономического угнетения, свобода от консервативных торможений развития; короче говоря, свободная саморегуляция жизни. Нам необходимо освободиться от всех иллюзий. В самих народных массах существует сила торможения, которая имеет не только консервативный, но и разрушительный характер. Она постоянно препятствует реализации деятельности борцов за свободу.

Эта консервативная сила появляется в народных массах в виде общего чувства страха перед ответственностью и свободой. Это отнюдь не моралистические оценки. Этот страх глубоко коренится в биологической структуре современного человека. Тем не менее, в отличие от фашистов, мы полагаем, что эта структура не является врожденной; она сформировалась в процессе исторического развития и поэтому в принципе поддается изменению. Нелегко дать краткое и ясное описание социальной роли страха перед свободой. Возможно, лучше всего начать с репортажа Джеймса Олдриджа, который появился 24 июня 1942 года в «Нью-Йорк таймс» под названием «Англичанам в Африке не хватает стремления к убийству». Приведем фрагмент из этого репортажа.

> «Немецкий африканский корпус разгромил восьмую армию благодаря быстроте, ярости, энергии и упорству. В традиционном понимании немецкие солдаты ни на что не годятся. Но ярость и упорство маршала Эрвина Роммеля и его банды граничат с идиотизмом. Они обладают мужеством и быстротой. У этих головорезов почти полностью отсутствует воображение. Они представляют собой практичных людей, которые жили практичной, трудной жизнью. Их взяли в армию, чтобы они практично воевали. Это — нацисты, обученные убивать. Немецкие командиры — это ученые, которые постоянно экспериментируют и совершенствуют математическую формулу убийства. Их обучали так, как обучают математиков, инженеров и химиков, которым предстоит решать сложные проблемы. Здесь нет места ни искусству, ни воображению. Для них война — это чистая физика. Для психологии немецкого солдата характерно безрассудство трекового гонщика. Немецкий солдат — это сосредоточенный на своем деле профессиональный убийца. Он верит, что он самый стойкий солдат на земле. В действительности он легко теряет самообладание. Противник, использующий такие же безжалостные, оперативные методы, какие использует немецкий солдат, может одержать над ним быструю и убедительную победу. Английский солдат — самый героический солдат на земле. Но не следует смешивать героизм и солдатскую стойкость. Английский солдат обладает решимостью, но у него отсутствует стойкость, благодаря которой он мог бы научно убивать своего врага».

Мне не приходилось встречать лучшего описания механического милитаризма, чем приведенное описание. В нем сразу раскрывается полная идентичность механистической естественной науки, механистической структуры личности и убийцы-садиста. Эта идентичность нашла наиболее полное выражение в тоталитарно-диктаторской идеологии немецкого империализма. Механическое триединство рельефно выступает на фоне мировоззрения, которое не считает человека машиной, машину — хозяином человека, а милитаризм — самым ценным достоянием человека. Это живое мировоззрение нашло свое последнее прибежище в западных демократиях. Будущее покажет, удастся ли ему пережить этот хаос.

Мое утверждение, возможно, покажется странным какому-нибудь генералу, тем не менее я полагаю, что поражения демократий, при всем их ужасе и трагизме, были проникнуты глубокой человечностью, которая составляет полную противоположность механическому автоматизму. Они содержали признание ценности человеческой жизни. Олдридж ошибается, упрекая демократических командиров за стремление сберечь человеческую жизнь вместо того, чтобы подражать человекоподобным роботам. Он ошибается, когда требует, чтобы антифашисты научились убивать более механически, более автоматически, более научно, чем прусские автоматы. Те, кто пытается победить механические автоматы с помощью их собственных методов, лишь попадут из огня в полымя. Другими словами, стремясь стать более квалифицированными убийцами, они сами превратятся в механические автоматы и обеспечат дальнейшее существование процесса, начало которому положили их противники. И тогда окончательно исчезнут последние надежды всех живых людей на создание совершенно иного, вечно мирного общества.

Мы придерживаемся иной концепции антифашистской борьбы. Она заключается в ясном, бескомпромиссном осознании исторических и биологических причин, которые приводят к таким убийствам. Искоренить фашизм можно только на основе такого осознания, а не путем подражания ему. Невозможно победить фашизм, подражая ему и подавляя его с помощью его собственных методов, и при этом самому не стать фашистом. Путь фашизма — это путь автомата, смерти, ригидности и безысходности. Путь жизни принципиально отличается от фашистского пути; он труднее, опаснее, честнее и оптимистичнее.

Оставим на время все текущие политические интересы и рассмотрим только один вопрос: каким образом формируется такая

полная идентичность машины, человека и научного убийства. Этот вопрос, возможно, не имеет отношения к таким вопросам, как: соответствует или не соответствует число построенных судов числу потопленных судов, доберутся или не доберутся механические чудовища до нефтяных скважин Баку. Мы понимаем важность текущих вопросов подобного рода. Если мой дом неожиданно загорится, я в первую очередь, естественно, постараюсь погасить пожар и спасти все, что еще можно спасти, из самых важных рукописей, книг и аппаратов. Но рано или поздно я вынужден буду приступить к постройке нового дома, и тогда мне придется поразмыслить о причинах, вызвавших пожар в старом доме, чтобы уберечься от повторения несчастья.

В основе своей человек является животным. Животные отличаются от человека отсутствием механистичности и садизма. Их сообщества (внутри одного вида) несравненно более мирные, чем сообщества людей. В принципе, вопрос стоит так: что привело человека-животного к вырождению и превращению в подобие робота?

Употребляя слово «животное», я имею в виду не нечто порочное, ужасное или «низшее», а некий биологический факт. Тем не менее человек составил себе особое представление, что он — не животное; он был «человеком»; он давно освободился от «порочного» и «скотского». Человек прилагает значительные усилия, чтобы отмежеваться от порочного животного и доказать, что он «лучше», указывая на свою культуру и цивилизацию, благодаря которым он отличается от животного. Вся его позиция, его «теории ценностей», мораль, «лицемерные суды» — все это свидетельствует о его нежелании, чтобы ему напоминали о том, что в основе своей он является животным, с которым он имеет гораздо больше общего, чем с тем, чем он и мечтает быть. Стремление человека отмежеваться от животного служит источником теории немецкого сверхчеловека. Его порочность, неспособность жить в мире с себе подобными, войны — все это свидетельствует о том, что человек отличается от других животных безграничным садизмом и механическим триединством авторитарного мировоззрения, механической науки и машины. Если оглянуться на многочисленные плоды человеческой цивилизации, то обнаружится, что претензии человека не только не имеют под собой основания, но и составлены так, чтобы заставить его забыть о том, что он является одним из животных. Где и каким образом человек приобрел эти иллюзорные представления о себе?

Жизнь человека разделена на две части: одна часть его жизни определяется биологическими законами (половое удовлетворение, потребление пищи, связь с природой); другая часть его жизни определяется машинной цивилизацией (механистические представления о своей структуре, его доминирующее положение в животном царстве, его расовое или классовое отношение к другим группам людей, представления о праве собственности, наука, религия и т. д.). Жизнь и мышление человека проникнуты двойственностью: он — животное и не животное, он имеет биологические корни, с одной стороны, и техническое развитие, с другой. Все представления о себе человек создает на основе созданной им машины. Создание и использование машин вселили в человека веру, что благодаря машине его развитие направлено на достижение чего-то «высшего». В тоже время он придал машине облик животного. Двигатель паровоза наделен глазами, чтобы видеть, и ногами для передвижения, ртом для пожирания угля и отверстиями для удаления шлака, рычагами и другими устройствами для подачи сигналов. Таким образом, продукт механистической технологии превратился в дополнение самого человека. Действительно, машины существенно расширяют возможности органов тела человека. По сравнению с руками они позволяют человеку подчинять себе природу в значительно большей степени. Машины позволяют человеку овладевать временем и пространством. Таким образом, машина стала частью самого человека, любимой и бесценной частью. Он мечтает о том, как машины сделают его жизнь легкой и приятной. Человек всегда мечтал о наслаждении жизнью с помощью машины. А в действительности? Машина стала, остается и будет оставаться самым опасным разрушителем человека, если он сам не обособится от машины.

Развитие цивилизации, определявшееся развитием машины, сопровождалось чудовищным непониманием биологической структуры человека. Создавая машину, человек следовал законам механики и безжизненной энергии. Эта технология достигла высокого уровня развития задолго до того, как человек начал задумываться о своем собственном устройстве. Когда, наконец, человек стал постепенно, осторожно и нередко под угрозой смерти со стороны своих собратьев исследовать свои органы, он интерпретировал их функции так, как за много столетий до этого научился создавать машины. Его интерпретация носила механический, безжизненный, ригидный характер. Механистическое мировоззрение представляет собой копию механистической цивилизации. Но живая деятельность принципиально отличается от механической

деятельности. Особая биологическая энергия, оргон, не подчиняется законам механики и электрики. Поглощенный механической картиной мира, человек не мог постичь живую, немеханистическую деятельность. Человек мечтает когда-нибудь создать гомункулуса в духе Франкенштейна или, по меньшей мере, искусственное сердце или искусственный протеин. Представления о гомункулусе, порождаемые фантазией человека, создают картину грубого, человекоподобного, механически тупого и угловатого чудовища. Чудовище обладает огромными силами, которые могут выйти из-под контроля и произвести ужасные разрушения. В своем фильме «Фантазия» Уолт Дисней блестяще изображает такой поворот событий. В своих фантазиях о себе и своей структуре мы не находим выражения для всего живого, доброго, социального и связанного с природой. С другой стороны, примечательно, что человек наделяет изображаемых им животных теми свойствами, которые он не обнаруживает в себе и в своих гомункулусах. Эта особенность также замечательно передана в фильмах Диснея о животных.

В его фантазиях человек предстает в виде механического, жестокого, властного, бессердечного, безжизненного чудовища, тогда как животное предстает в виде общительного, доброго, вполне живого существа, наделенного всеми человеческими достоинствами и недостатками. В связи с этим возникает вопрос: отражает ли человек реальность в своих фантазиях? На этот вопрос следует ответить утвердительно. Человек ярко отражает свое внутреннее биологическое противоречие:

1. В идеологии: порочное животное — величественный человек.

2. В действительности: доброе, свободное животное — скотоподобный робот.

Таким образом, машина оказала механическое, механистическое, «отупляющее» и «закрепляющее ригидность» воздействие на представление человека о своей структуре. Человек составил следующее представление о себе. Мозг является «высшим продуктом развития». Мозг человека представляет собой «центр управления», который направляет отдельным органам команды и импульсы аналогично тому, как «правитель» государства отдает распоряжения своим «подданным». Органы тела соединены с хозяином, «мозгом», с помощью телеграфных проводов, нервов. (Естественно, здесь представлено совершенно неправильное понимание, так как органы тела осуществляли соответствующую биологическую деятельность задолго до появления мозга в миллиардах

организмов. Физиологические опыты показали, что существенная жизнедеятельность продолжалась в течение некоторого времени у собак и кур после того, как у них был удален мозг.) Младенцы должны выпивать в установленное время определенное количество молока. Они должны спать определенное число часов. Их диета должна содержать x унций жиров, y унций белков и z унций углеводов. Человек не должен ощущать полового влечения вплоть до дня бракосочетания. Это влечение начинает проявляться именно в этот день. Бог создал мир ровно за шесть дней и отдохнул на седьмой день — аналогично тому, как человек отдыхает от своих машин. Дети должны изучать x часов математику, y часов химию и z часов зоологию. Все они должны получить одинаковый объем мудрости. Высший показатель развития умственных способностей равен ста баллам, средний показатель — восьмидесяти баллам, а низший — сорока баллам. При девяноста баллах человек получает степень доктора философии, а при восьмидесяти девяти не получает.

Даже в наше время психическая жизнь остается для человека чем-то неопределенным и загадочным. В лучшем случае он рассматривает ее как некое выделение мозга, которое аккуратно хранится в отдельных ячейках. Она имеет не больше значения, чем испражнения, извергаемые из кишечника. На протяжении многих столетий человек не признавал существования души и, что хуже, отказывался от попыток исследовать ощущения и психический опыт. В то же время человек создавал мистические представления, отражавшие его эмоциональную жизнь. Тех, кто подвергал сомнению его мистические представления о жизни, преследовали и наказывали смертью. Таким образом, человек одновременно формировал механистические, механические и мистические представления о своей личности. Поэтому его понимание биологии значительно отстало от умения создавать машины, и он отказался от попыток понять себя. Созданной человеком машины было достаточно для объяснения отправлений его организма *.

Вызван ли только отсутствием знаний этот разрыв между замечательными производственными достижениями и биологическим

---

* Трагическая раздвоенность между биологической и технической структурой, между действительно живым, с одной стороны, и автоматическим и механистическим в человеке, с другой, ясно проявилась в следующем событии. Ни один из индивидуумов, составлявших массы этого мира, не хотел войны. Все они без исключения стали жертвой войны, подобной чудовищному автомату. Но именно ригидная личность и является этим чудовищем

пониманием? Можем ли мы предположить, что здесь реализуется бессознательная интенция, бессознательно-произвольное отторжение интуитивного проникновения в сущность своей структуры? (При проведении экспериментальных исследований оргона меня неизменно поражал тот факт, что тысячи выдающихся исследователей не обратили внимания на атмосферный оргон.)

На поставленный вопрос существует неопровержимый ответ: отставание нашего понимания жизни, ее механическая неправильная интерпретация и завышенная оценка роли машины обусловливались и обусловливаются бессознательными интенциями. Непонятно, почему человек не мог создавать машины и одновременно исследовать живые, немеханические явления с помощью живых методов. Внимательное изучение поведения человека в важных жизненных ситуациях позволяет понять природу этой интенции.

Машинная цивилизация означала для человека не только улучшение его существования как животного; в субъективном отношении она выполняла более существенную, иррациональную функцию, постоянно подчеркивая, что человек не является животным, он принципиально отличается от животного. Далее возникает вопрос: почему в науке, религии и искусстве человек постоянно вопит о том, что он действительно человек, а не животное, высшее предназначение человеческой жизни составляет «умерщвление его животной части» и культивирование «ценностей», ребенка необходимо превратить из «маленького дикого животного» в «высшего человека»? Почему человек должен отмежеваться от биологической ветви, на которой он вырос и частью которой он является? Затем мы должны задать такой вопрос: почему человек не видит опасностей (психические заболевания, различные виды биопатии, садизм и войны) для своего здоровья, культуры и разума, которые вызвали это отречение от биологии? Может ли человеческий разум допустить, что с человеческим страданием можно покончить только в том случае, если человек полностью осознает свою животную природу? Должен ли человек понять, что он отличается от животного лишь более высоким уровнем безопасности жизни и ему необходимо отказаться от иррационального неприятия своей подлинной природы?

«Долой животное! Долой сексуальность!» Таковы основные принципы формирования всей человеческой идеологии. Эти принципы остаются неизменными, независимо от того, рядятся ли они в фашистскую форму расово чистого «сверхчеловека», коммунистическую форму чести пролетариата, христианскую форму «духовной и нравственной природы» человека или либеральную форму «высших духовных ценностей». Во всех этих идеях звучит один и тот же монотонный мотив: «Мы не животные; это мы открыли машину, а не животное! У нас нет таких гениталий, как у животных!» Все это усиливает завышенное значение интеллекта и «чисто» механического аспекта. При этом логика и разум противопоставляются инстинкту, культура — природе, разум — телу, труд — сексуальности, государство — индивидууму, высший человек — низшему человеку.

Как объяснить тот факт, что из миллиона шоферов и радиослушателей лишь очень немногие знают имена изобретателей автомобиля и радио, тогда как любой ребенок знает имена генералов «политической чумы»?

Естественная наука постоянно вдалбливает человеку в сознание, что в основе своей он ничтожный червь в мироздании. Честолюбивые политиканы постоянно твердят, что человек не животное, а «зоон политикон», т. е. хранитель ценностей, «существо нравственное». Сколько вреда причинила платоновская философия государства! Понятно, почему человек лучше знает политиканов, чем ученых. Он не желает, чтобы ему напоминали о том, что в основе своей он сексуальное животное. Он не желает быть животным.

С этой точки зрения животное обладает не разумом, а «порочными инстинктами», не сознанием ценностей, а «материальными потребностями». Такие «различия» любит подчеркивать тот человек, который видит смысл всей жизни в зарабатывании денег. Если нынешняя смертоносная война и обладает какой-то разумностью, то эта разумность заключается в обнажении бездонной иррациональности и лживости таких идей. У человека было бы достаточно оснований для счастья, если бы он был столь же свободен от садизма, извращений и подлости и так же проникнут естественной спонтанностью, как любое животное, будь то муравей или слон. Если предположение о том, что Земля является центром мироздания и единственной обитаемой планетой, свидетельствует о тщеславии человека, то представление о животном как «бездушном», абсолютно лишенном нравственности существе не имело под собой оснований и оказало пагубное влияние. Если, считая себя великодушным святым, я возьму топор и расколю череп моего соседа, тогда меня вполне могут отправить в психиатрическую больницу или на электрический стул. Это сопоставление, однако, точно отражает существующее в душе человека противоречие между его идеальными «ценностями», с одной стороны, и действитель-

ным поведением, с другой. Хотя это противоречие и облекается в форму таких высокопарных социологических выражений, как «нев войн и революций», «возвышенные фронтовые переживания» и «высшее развитие военной стратегии и политической тактики», тем не менее остается непреложным факт безнадежной путаницы в представлениях человека о своей биологической и социальной структуре.

Ясно, что эта структура сознания сформировалась не естественным путем, а в результате развития машинной цивилизации. Нетрудно доказать, что в период замещения матриархального уклада патриархальным подавление и вытеснение генитальной сексуальности детей и подростков служили основными механизмами адаптации личностной структуры к условиям авторитарного строя. Подавление природы, «животного» в ребенке было и остается до сих пор основным средством формирования механических субъектов *. Социально-экономическое развитие общества до настоящего времени имело механический и независимый характер. Основа всех идеологических и культурных структур развивалась и расширялась одновременно с социально-экономическим развитием: «Долой генитальность!» и «Долой животное!» Стремление человека отмежеваться от своих биологических истоков нашло отчетливое и полное выражение в двух процессах: социальном и психологическом. Садисткая жестокость в экономической деятельности и войне, характерологическая механичность, двусмысленное выражение лица, зашищенность чувств, извращенные и преступные стремления — все это постепенно приобрело отчетливые очертания.

Прошло сравнительно немного времени с тех пор, как мы обратили внимание на пагубные последствия биологического развития, которое шло окольным путем. В связи с этим можно легко поддаться искушению смотреть на существующее положение слишком оптимистично. Чрезмерный оптимизм выражается в следующем рассуждении. Несомненно, человек сбился с пути, когда истолковал свою природу в рамках машинной цивилизации. Теперь, когда мы признали ошибку, ее будет нетрудно исправить. Цивилизация должна быть механистической, но механистическое отношение человека к жизни можно без труда превратить в отношение, опирающееся на процессы живой деятельности. Прони-

* Этот социально-экономический процесс и его влияние на формирование личностной структуры и идеологии описаны в «Der Einbruch der Sexualmoral».

цательный министр образования мог бы издать соответствующие указы с целью изменения системы образования. Ошибка будет исправлена на протяжении жизни нескольких поколений. Так говорили некоторые умные люди во время русской революции 1917—23 гг.

Вышеприведенное рассуждение действительно было бы верным, если бы механистическое мировоззрение было лишь «идеей» или «точкой зрения». Характерологический анализ поведения обычного человека во всех социальных ситуациях выявил факт, который мы не вправе недооценивать. Оказалось, что механистическое мировоззрение служит не только «отражением» социальных процессов в психической жизни личности (как полагал Маркс), но и составляет нечто значительно более важное.

На протяжении тысячелетий механического развития механистическое мировоззрение постепенно укоренялось в биологической структуре человека и передавалось от поколения к поколению. В процессе этого развития деятельность человека фактически претерпела механическое преобразование. Разрушая свою генитальность, человек приобрел биологическую ригидность. Он закрылся надежной броней от естественного и спонтанного в себе и утратил связь с биологической саморегуляцией. Теперь он испытывает смертельный страх перед всем живым и свободным.

Биологическая ригидность в основном проявляется в повышении общей жесткости организма и очевидном снижении пластической подвижности: ослабление умственных способностей, блокировка естественно-социального сознания, распространение психоза. Фактический материал, подтверждающий справедливость этого утверждения, подробно рассмотрен в моей работе «Функция оргазма». Так называемый цивилизованный человек действительно приобрел угловатость и механичность, утратив свою спонтанность. Другими словами, он превратился в автомат, «мыслящую машину». Поэтому он не только верит, что действует как машина; **он действительно действует автоматически, механистически и механически. Он живет, любит, ненавидит и мыслит все более и более механически.** При усилении своей биологической жесткости и утрате свойственной ему саморегуляции человек приобрел все те личностные особенности, которые привели к появлению «диктаторской чумы»: иерархическое представление о государстве, механическое управление обществом, страх перед ответственностью, стремление подчиниться фюреру и власти, потребность подчиняться командам, механическое умерщвление на войне. Не случайно, что платоновская идея государства родилась в греческом

рабовладельческом обществе. Не случайно и то, что она существует и по сей день: на смену крепостничеству пришло внутреннее рабство.

Проблема «фашистской чумы» привела нас к углубленному исследованию биологической структуры человека. Те, кто рассматривает общество с чисто экономических позиций, соотносит фашизм с формированием империалистических интересов в течение последних двухсот или даже двадцати лет. В действительности проблема фашизма связана с тысячелетним развитием. Поэтому нынешняя война ни в коем случае не ограничивается империалистическими устремлениями к нефтяным скважинам Баку или каучуковым плантациям на тихоокеанском побережье. Версальский договор выполняет во второй мировой войне такую же функцию, как колесо машины в передаче энергии угля к паровому поршню. Чисто экономический подход, при всей его эффективности, совершенно не пригоден для овладения катастрофическими, жизненно важными процессами.

Библейская легенда о сотворении человека по образу и подобию божию и его власть над животными ясно отражает борьбу человека со своей животной природой. Тем не менее деятельность его тела, производство потомства, жизнь и смерть, половое влечение и зависимость от природы каждый день напоминает человеку о его истинной природе. Его стремление осуществить свое «божественное» или «национальное» «призвание» постоянно требует затраты новых усилий. Отсюда проистекает глубоко укоренившаяся ненависть ко всем подлинно естественным наукам, т. е. к тем наукам, которые не имеют отношения к созданию машин. Прошло несколько тысячелетий, прежде чем Дарвину удалось убедительно доказать происхождение человека от животного. Прошло столько же времени, пока Фрейд не открыл совершенно банальную истину: ребенок в целом и преимущественно сексуален. Какой шум устроил человек, узнав об этих открытиях!

Существует непосредственная связь между «господством» над животными и «господством» над «неграми, евреями и французами». Ясно, что человек предпочитает быть джентльменом, а не животным.

Для того чтобы обособиться от животного царства, человек отрекался от ощущений своих органов и в конечном счете перестал их воспринимать. В результате этого процесса он приобрел биологическую ригидность. В механистической естественной науке до сих пор существует твердое убеждение в ригидности автономных нервов и невозможности ощущать автономную деятельность. Это

убеждение существует, несмотря на то, что каждому трехлетнему ребенку прекрасно известно, что чувство удовольствия, страх, гнев и желание возникают в животе. При этом остается без внимания тот факт, что самоощущение представляет собой не что иное, как общее ощущение своих органов. Утратив ощущение своих органов, человек не только утратил интеллект животного и способность к естественным реакциям, но и уничтожил возможность решения жизненно важных проблем. Естественную разумную саморегуляцию телесной плазмы он заменил «гоблином», которого наделил как метафизическими, так и механическими свойствами. Телесные ощущения человека действительно стали ригидными и механическими.

В образовании, науке и философии жизни человек постоянно воспроизводит механический организм. Под лозунгом «Долой животного!» биологическое уродство добивается ошеломляющих успехов в борьбе «сверхчеловека против низшего человека» (приравненного к человеку природному), а также в научном, математическом и механическом осуществлении убийства. Но кроме механических философий и машин для осуществления убийства необходим еще один фактор. Таким фактором и является садизм, вторичное влечение, которое проистекает из подавленной природы и составляет единственную существенную особенность, отличающую психологию человека от психологии животного.

И все же катастрофическое развитие механической, механистической тенденции не учнитожило антипода. В своей природной основе человек все еще остается животным. Несмотря на неподвижность таза и спины, жесткость шеи и плеч и напряженность мышц живота, человек ощущает в сокровенных глубинах своего существа, что он составляет лишь часть организованной живой природы. Но его восприятие природы не может быть живым и рациональным, поскольку он отвергает и подавляет любое проявление природы. Таким образом, восприятие человеком природы неизбежно становится мистическим, трансцендентным и сверхъестественным, проявляясь в виде религиозного экстаза, космического единения с мировой душой, садистской жажды крови или «космического кипения крови». Прусские военные парады обнаруживают все характерные черты мистической механической личности.

Мистицизм, олицетворяющий последние остатки жизненного начала, стал источником возникновения механического садизма в гитлеризме. Несмотря на всю ригидность и порабощенность, из все еще живых истоков биологической деятельности постоянно

прорывается мольба о «свободе». Не существует ни одного общественного движения, которое, включив в свою программу «подавление жизни», могло бы надеяться привлечь на свою сторону народные массы. Каждое общественное движение, умалчивающее саморегуляцию жизненной энергии, выступает в защиту «свободы» в том или ином виде: свобода от греха, свобода от «земного», свобода жизненного пространства, свобода пролетариата, свобода культуры и т. д. Мольбы о свободе столь же стары, как и биологическая ригидность.

Стремление к свободе — это и есть проявление подавленной биологической структуры человека. Оно будет существовать до тех пор, пока человек будет чувствовать себя загнанным в ловушку. При всех своих различиях все устремления к свободе неизменно выражают одно и то же: невыносимость ригидности организма и механичности институтов, которые находятся в остром противоречии с естественными жизнеощущениями. Если бы возникло общество, в котором прекратились бы вопли о свободе, тогда человек наконец преодолел бы свою биологическую и социальную уродливость и достиг подлинной свободы. Человек сможет создать подлинную культуру только тогда, когда признает, что в основе своей он — животное.

«Возвышенные стремления» человека суть не что иное, как биологическое развитие жизненных сил. Такие стремления возможны только в пределах законов биологического развития, а не вопреки им. Стремление к свободе и способность быть свободным представляют собой стремление и способность осознать и содействовать развитию биологической энергии человека (с помощью машины). Подавление такого развития и страх перед ним исключают возможность установления свободы.

Под влиянием политиканов народные массы склонны возлагать ответственность за войну на власть предержащих. Если виновниками первой мировой войны считались военные промышленники, то вину за вторую мировую войну возлагали на психопатических генералов. Это просто перекладывание вины на других. Ответственность за войну лежит только на народных массах, так как они располагают всеми необходимыми средствами для предотвращения войны. Апатия, пассивность и отчасти активность приводят к катастрофам, от которых больше всех страдают сами народные массы. Акцентирование вины народных масс и возложение на них всей полноты ответственности означает серьезное отношение к ним. С другой стороны, сочувствие к народным массам как к жертвам означает, что к ним относятся как к маленьким, беспомощным детям. В первом случае выражена позиция борцов за подлинную свободу, а во втором — позиция честолюбивых политиканов.

СРЕДСТВА БОРЬБЫ ЗА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ

Короли и императоры всегда проводят смотр своих войск. Финансовые магнаты внимательно следят за финансами, которые обеспечивают их власть. Все фашистские диктаторы контролируют уровень иррациональности психологических реакций, поскольку эта иррациональность позволяет им устанавливать и сохранять власть над народными массами. Представители естественных наук оценивают уровень знаний и методы исследования. И только организации борцов за свободу до сих пор не произвели инвентаризацию биологических средств, необходимых для установления и сохранения свободы личности. Несмотря на точность работы нашей социальной структуры, термин свобода все еще существует без естественнонаучного определения. По злоупотреблению и неправильному толкованию это слово не имеет себе равных. Определять свободу — значит определять сексуальное здоровье. Но никто не желает заявить об этом открыто. Нередко возникает впечатление, что защита личной и общественной свободы связана с чувствами страха и вины, как будто свобода означает греховность или по меньшей мере нечто непристойное. Сексуальная энергетика интерпретирует это чувство вины следующим образом. Свобода без сексуальной саморегуляции суть противоречие в себе. В соответствии с преобладающей психологической структурой, однако, быть сексуальным — значит быть «греховным» или виновным. Существует мало людей, способных переживать любовь, не испытывая чувства вины. «Свободная любовь» приобрела дискредитирующее значение и утратила тот смысл, который ей придавали старые борцы за свободу. В фильмах повышенная сексуальность представляется как неотъемлемый атрибут преступника. Поэтому неудивительно, что аскеты и консерваторы пользуются большим почетом, чем влюбчивые южане; высокое социальное положение несовместимо с естественным поведением в сексуальной сфере; «официальное лицо», как полагают, не должно иметь «личной жизни»; великий исследователь Ламетри подвергался хуле и преследованиям; любой извращенный моралист может безнаказанно оскорблять счастливую пару; подростков можно заключать в тюрьму за совершение половых сношений.

В этой главе мы рассмотрим характерный для всех борцов за свободу просчет: социальная неспособность к свободе имеет сексуально-физиологическую укорененность в организме человека. Отсюда следует, что преодоление физиологической неспособности к свободе составляет одно из существенных условий подлинной борьбы за свободу. Мы не будем подробно останавливаться здесь на таких общеизвестных составляющих элементах свободы, как свобода слова, свобода от экономического угнетения и эксплуатации, свобода собраний и объединений, свобода научных исследований и т. д. Нам представляется существенным уделить внимание основным препятствиям на пути к установлению свободы.

Мы понимаем, почему сформировавшаяся в структуре характера народных масс неспособность к свободе никогда не была предметом открытых обсуждений. Этот предмет слишком неясен, скучен и непопулярен для таких обсуждений. Ибо тогда большинство людей должны будут подвергуть себя самокритике (а это, несомненно, вызовет у них чувство неловкости) и в корне изменить свой общий подход к жизни. Более того, открытое обсуждение этого вопроса потребует переложить ответственность за все общественные события с небольших групп на подавляющее большинство трудящихся, от труда которых зависит существование общества. Это подавляющее большинство никогда не управляло делами общества. Высшее достижение трудящихся на данный момент заключается в возможности поручить управление своей жизнью порядочным, а не порочным лицам. «Парламентарная» форма правления не могла устоять под давлением обстоятельств, так как другие социальные группы и слои народа доверили садистам и империалистам власть над своими судьбами. Слишком велика опасность, что формально-демократическая структура превратится в диктаторскую структуру, когда вынуждена будет защищаться от авторитарного диктатора. Поскольку сами трудящиеся массы фактически и практически не осуществляют руководства своей жизнью, в произвольном составе правительства уже содержится зародыш угнетения. Это представляется общеизвестным фактом. Со всех сторон раздаются все более отчетливые голоса о том, что больше нельзя рассчитывать на возвращение старого и необходимо создать принципиально новый мировой строй. Все это верно, но здесь отсутствует конкретная формулировка, а именно: необходимость возложения всей полноты ответственности за свою будущую судьбу на большинство трудящихся, которые до сих пор выполняли только пассивную социальную роль. Создается такое

впечатление, как будто существует тайная широко распространенная боязнь переложить ответственность с плеч демократического, действующего из лучших побуждений правительства на плечи тех, кто до сих пор были только избирателями, а не ответственными членами общества. Эта боязнь связана не с недоброжелательной или безнравственной ориентацией, а со знанием данной биопсихичекой структуры народных масс. Именно по этой причине закончилась неудачей и установлением диктатуры русская революция, которая началась с возложения ответственности на народные массы. Тем не менее анализ нынешней войны и ее причин позволяет сделать вывод о необходимости осуществления социальной революции путем превращения формальной демократии в полную, фактическую демократию. Я хотел бы повторить заключения, которые несомненно следуют из изложенного выше.

1. Народные массы не способны к свободе.

2. Общую способность к свободе можно приобрести только в поседневной борьбе за свободное формирование жизни.

3. Поэтому **народные массы, в настоящее время неспособные к свободе, должны обладать социальной властью, чтобы приобрести способность быть свободными и установить свободу.**

Я хотел бы пояснить эту практическую задачу на примере из жизни растений. Мне довелось некоторое время наблюдать за влиянием сорняков на рост сеянцев пихты. Сеянцы, которые не находятся в окружении множества сорняков, получают всестороннее развитие. Едва появившись над землей ствол дает раскидистые ветви. Хвоя полная и сочная. Растение беспрепятственно устремляется к солнцу. Оно развивается «свободным» и «здоровым». Но если семя пихты попадает на участок с множеством сорняков, тогда ствол растения развивается бесхвойным и искривленным. Ветви не получают полного развития; хвоя сохнет или вообще не растет. Многие сеянцы неспособны пробиться через сорняки. Влияние сорняков проявляется непосредственно в деформированности растения. Ему приходится вести трудную борьбу, чтобы пробиться к солнцу. Такой процесс приводит к деформированию растения. Если освободить такой сеянец от сорняков, он будет лучше расти и получит более полное развитие. Тем не менее влияние сорняков на раннем этапе развития растения невозможно устранить. Пихта растет чахлой, ствол искривлен, а хвоя теряет сочность. В то же время каждое новое семя, попавшее на свободную от сорняков землю, сразу получает свободное и полное развитие.

Если свободное развитие общества можно сравнить с развитием свободного от сорняков сеянца пихты, то положение общества,

в котором правит диктатура, может сравниться с побегом пихты, оказавшемся в окружении сорняков. Демократию, оказавшуюся во власти влиятельных политических кругов, можно уподобить растению, которому приходится вести трудную борьбу, чтобы пробиться к солнцу. Такая борьба приводит к биологической деформации ствола растения. В то же время не существует ни одного демократического общества, которое может развиваться в соответствии с естественными законами свободной саморегуляции, т. е. свободного от деформирующего влияния авторитарно-диктаторских условий как в данном обществе, так и вне его. Опыт фашизма предоставил в наше распоряжение многочисленные средства распознавания начальных стадий развития гитлеризма как в его собственных пределах, так и за его пределами. **С биопсихологической точки зрения гитлеризм представляет собой не что иное, как завершенную форму механизма в сочетании с мистическим иррационализмом народных масс.** Уродливость личной и общественной жизни суть не что иное, как совокупный результат векового влияния авторитарно-иррациональных институтов на современного человека. Фашизм не воссоздал эти условия; он лишь использовал и усовершенствовал старые условия, которые использовались для подавления свободы. Поколение, в природе которого заложены пережитки векового авторитарного уклада, может лишь уповать на то, что ему доведется свободнее дышать. Даже после удаления сорняков (т. е. после уничтожения фашистской машины) оно не сможет жить и развиваться в соответствии с естественными законами развития пихты.

Другими словами, **биологическую ригидность нынешнего поколения невозможно устранить, но живые силы, которые еще действуют в этом поколении, могут получить простор для лучшего развития. Тем не менее каждый день рождаются новые люди, и через тридцать лет человечество биологически обновится; оно появится в мире без признаков фашистской деформации.** Все зависит от условий, в которых родится новое поколение. Будут эти условия авторитарными или они обеспечат безопасность свободы? Отсюда ясно видно, в чем заключается задача социальной гигиены и законодательства.

Необходимо сделать все возможное и использовать все средства, чтобы защитить будущие поколения от влияния биологической ригидности старого поколения.

Биологическая ригидность и деформированность предыдущего поколения немцев составили ту основу, на которой возник немецкий фашизм. Крайней формой выражения этой ригидности послужил прусский милитаризм с его механистической дисциплиной, «гусиным шагом» и командами «убрать живот, грудь вперед». Немецкий фашизм смог опереться на биологическую ригидность и деформированность народных масс в других странах. Этим объясняется его успех на международном уровне. На протяжении жизни одного поколения ему удалось устранить последние признаки биологического стремления к свободе в немецком обществе и за десять лет превратить новое поколение людей в роботоподобные автоматы для ведения войны. Отсюда ясно, что социальная свобода и саморегуляция несовместимы с механизированными, биологически ригидными личностями. **Основное оружие в арсенале свободы — это могучее стремление каждого нового поколения быть свободным.** Возможность установления социальной свободы в основном зависит от эффективного использования этого оружия.

Предположим, что формальные демократии победят в этой войне. Далее предположим, что в борьбе за свободу они оставят без внимания или откажутся признать социальное значение биологического просчета, т. е. общей биологической ригидности народных масс. Тогда они сформируют новые, авторитарные мировоззрения, для которых будет характерен страх перед жизнью. Свободы, за которые так отчаянно сражались демократии, будут содержать множество лазеек и проломов. Их реализация будет натыкаться на биологические препятствия. Народные массы никогда не смогут проявить в полной мере чувство ответственности за общественную жизнь. Поэтому тем, кто не заинтересован в саморегуляции общества, необходимо лишь предотвращать освобождение каждого нового поколения от гнета ригидности старого поколения, используя любое из средств власти: деньги, положение или силу.

Эта задача имеет три аспекта: социальный, медицинский и педагогический.

В социальном отношении задача состоит в том, чтобы отыскать все источники биологического разрушения личности и принять соответствующие законы для обеспечения безопасности свободного развития. Такие общие формулировки, как свобода печати, собраний, слова и т. д., не нуждаются в доказательствах, но их недостаточно. В соответствии с этими законами иррациональная личность обладает такими же правами, как и свободная личность. Поскольку сорняки всегда растут и размножаются быстрее, чем здоровое дерево, в конечном счете гитлеризм одержит победу. Необходимо осознать, что существование «гитлеризма» не ограничивается теми, кто открыто носит фашистские знаки отличия.

Кроме того, необходимо в повседневной жизни распознавать фашизм и вести с ним борьбу на социально-научной основе. Формулировка законов, направленных на борьбу с фашизмом, станет естественной только в процессе повседневной борьбы с ним.

Приведем один пример. Лицо, намеревающееся водить автомобиль, должно сдать соответствующий экзамен. Это требование необходимо для гарантии безопасности других лиц. Лицо, владеющее большим домом, чем оно может себе позволить, вынуждено арендовать или купить меньший дом. Лицо, намеревающееся открыть обувной магазин, должно предъявить доказательства своей способности сделать это. В нашем XX столетии не существует ни одного закона, способного защитить новорожденных от родителей, неспособных обеспечить соответствующее воспитание, и их невротического влияния. Согласно фашистской идеологии, можно и необходимо производить на свет много детей. Но при этом никто не задает вопрос, возможно ли обеспечить надлежащее питание и воспитание детей в соответствии с возвышенными идеалами. Сентиментальный лозунг «большой семьи» характерен для фашизма — независимо от того, кто его пропагандирует *.

Что касается медицины и образования, то здесь печальное положение также нуждается в коррективах. Судьба каждого нового поколения находится в руках врачей и учителей, которые не имеют ни малейшего представления о законах биосексуального развития ребенка. И это несмотря на то, что уже прошло сорок лет после открытия детской сексуальности. Из-за невежества педагогов и врачей в сознание миллионов детей каждый день и каждый час внедряется фашистская ментальность. В этой связи необходимо выдвинуть два требования. Во-первых, каждый врач, воспитатель и работник социальной сферы, которому приходится иметь дело с детьми и подростками, должен доказать, что он сам здоров с сексуально-энергетической точки зрения и обладает познаниями в области сексуальности детей и подростков в возрасте от 1 года до 18 лет. Другими словами, воспитание воспитателей в области сексуальной энергетики должно стать обязательным. Формирование взглядов на сексуальность не должно подвергаться риску, произволу и влиянию обязательной невротической морали.

Во-вторых, ясно сформулированные законы должны надежно защищать естественную любовь к жизни ребенка и подростка. Эти требования, возможно, покажутся радикальными и революционными. Но все должны признать, что фашизм, возникший на основе разрушения детской и подростковой сексуальности, оказал более радикальное, революционное воздействие (в негативном значении этих слов), чем социальная защита природы. В каждом современном демократическом обществе предпринимаются отдельные попытки осуществить преобразования в этой области. Но эти островки понимания гибнут под напором «эмоциональной чумы», распространяемой моралистическими воспитателями и врачами с жесткой биологической структурой, которые занимают высокое положение в обществе.

Мы не будем подробно рассматривать этот вопрос. Каждая индивидуальная деятельность будет спонтанно зарождаться только при соблюдении основного принципа сексуальной позитивности и при социальной защите детской и подростковой сексуальности.

Что касается экономики, то только естественные трудовые взаимосвязи, т. е. естественно-экономические формы зависимости людей друг от друга, могут создать костяк и основу изменения биологической структуры народных масс.

Мы называем совокупность всех естественно-трудовых взаимосвязей рабочей демократией; она предствляет собой форму естественной организации труда. По своей природе эти трудовые взаимосвязи имеют функциональный, а не механический характер. Они не поддаются произвольной организации; они возникают спонтанно на основе самого процесса труда. Взаимозависимость между плотником и кузнецом, ученым и шлифовальщиком стекол, маляром и изготовителем красок, электриком и металлургом определяется взаимосвязями трудовых функций. Никто не может произвольно создать закон, способный изменить эти естественно-трудовые взаимосвязи. Человек, работающий с микроскопом, неизбежно зависит от шлифовальщика стекол. Характер линз определяется законами света и технологией, форма индукционной катушки определяется законами электричества, а деятельность человека определяется характером его нужд. Естественные функции трудового процесса не зависят ни от какой формы психологического, механистического и авторитарного деспотизма. Трудовой процесс осуществляется свободно; он свободен в строгом смысле этого слова. Только трудовой процесс рационален, только он может определять общественную жизнь. Даже психопатические генералы зависят от него. Любовь, труд и познание составляют содержание понятия рабочей демократии.

* К сожалению, в 1942 году этот лозунг появился в прогрессивном плане Бевериджа в Англии.

Действительно, естественные процессы труда, любви и познания можно подавлять и неправильно использовать. И тем не менее в силу своей природы они осуществляют саморегуляцию. Они осуществляли и будут осуществлять саморегуляцию до тех пор, пока будет существовать социальный процесс. Эти процессы составляют фактическую основу (а не «требование») рабочей демократии. Понятие рабочей демократии не включает в себя политическую программу, «экономический план» или «новый порядок». Рабочая демократия представляет собой реальность, которая до настоящего времени оставалась за пределами человеческого восприятия. Рабочую демократию, как и свободу, невозможно организовать. Рост дерева, животного и человека также невозможно организовать. Биологическая основа организма обеспечивает свободу его развития. Это утверждение справедливо и для естественного развития общества. Общество само регулирует свою деятельность и поэтому не нуждается в законодательстве. Повторим еще раз, естественную саморегуляцию можно лишь сдерживать и неправильно использовать.

Дело в том, что все формы авторитарного правления стремятся затруднить реализацию естественной саморегуляции. Поэтому задача действительно свободного строя должна заключаться в устранении всех трудностей на пути естественной деятельности. Для выполнения этой задачи необходимы строгие законы. Таким образом, демократия, которая ставит перед собой важную, истинную цель, служит непосредственным проявлением естественной саморегуляции любви, труда и познания. В то же время диктатура, т. е. иррациональность личности, служит непосредственным проявлением препятствий на пути осуществления естественной саморегуляции.

Отсюда следует, что борьба против диктатуры и иррационального стремления народных масс подчиниться авторитету может заключаться только в одном, принципиально важном действии: необходимо отделить естественные, жизненные силы человека и общества от всех препятствий на пути спонтанного проявления естественной жизненной энергии.

Мы должны содействовать развитию жизненных сил и устранять препятствия на их пути.

Упорядочение общественной жизни не имеет никакого отношения к естественной трудовой деятельности. Существование цивилизации, в строгом смысле этого слова, может иметь только одну цель — создание оптимальных условий для развития естественных процессов любви, труда и познания. Свободу невозможно

организовать, поскольку любая форма организации противоречит свободе. Тем не менее можно и необходимо создавать условия, которые расчистят путь для свободного развития жизненных сил.

Мы не определяем содержание и образ мышления наших сотрудников. Мы не «организуем» их мышление. Но мы требуем, чтобы каждый сотрудник освободился от ложного образа мыслей и действий, приобретенного в период воспитания. Таким образом, освобождается его способность к спонтанным и рациональным реакциям.

Свобода отнюдь не означает, что в зале суда ложь имеет такие же права, как истина. Подлинная рабочая демократия не уравнивает в правах мистический иррационализм и истину, угнетение детей и их свободу. Нелепо спорить с убийцей о его праве убивать людей. И тем не менее эта нелепая ошибка постоянно фигурирует в отношениях с фашистами. Фашизм рассматривается не как иррациональность и подлость на государственном уровне, а как «форма государства», обладающая равными правами с другими формами государства. Это объясняется тем, что каждая личность заключает в себе фашизм. Естественно, даже фашизм «иногда» бывает прав. Это относится и к душевнобольному. Только он не знает, когда он бывает прав.

С этой точки зрения свобода принимает вид простой, понятной и контролируемой реальности. Нет надобности устанавливать свободу, поскольку она спонтанно проявляется в каждом акте жизни. Необходимо сделать только одно — устранить все препятствия для проявления свободы.

С этой точки зрения свобода имеет в своем распоряжении богатый выбор средств — как биологических, так и механических. Нет нужды сражаться за нечто замечательное. Необходимо лишь освободить все живое. Постижение реальности обеспечивает возможность осуществления вековой мечты. В арсенале свободы мы находим следующие средства.

Живое, спонтанное значение естественных законов жизни, которым обладают все мужчины и женщины, не зависит от возраста, занятия и цвета кожи. Необходимо устранить помехи и искажения этого знания, вызываемые убеждениями и институтами, для которых характерны жестокость, механичность, мистицизм и враждебность к жизни.

Естественны трудовые связи между мужчинами и женщинами, и естественно удовольствие, доставляемое им трудом. В этих связях чувствуется сила. Они вселяют надежду на лучшее будущее. На пути развития естественной рабочей демократии необхо-

димо устранить преграды, создаваемые произвольными авторитарными ограничениями и постановлениями, проникнутыми враждебностью к жизни.

Естественное дружелюбие и нравственность присущи мужчинам и женщинам. Необходимо устранить отвратительное морализирование, которое препятствует осуществлению естественной нравственности, а затем указывает на вызванные им самим преступные побуждения.

Эта война, как никакая другая война, устранит с пути естественной саморегуляции многие препятствия, устранение которых казалось немыслимым в мирное время. К таким препятствиям, например, относятся: авторитарная ссылка женщин на кухню, произвол в деловых отношениях, злоупотребление служебным положением, искусственные границы между народами и т. д. Мы не относимся к категории лиц, утверждающих, что войны необходимы для развития культуры. Механичность, мистичность и авторитарность общества и психологической структуры масс постоянно подвергают человеческие жизни механическому уничтожению на войне. Все живое и свободное в человеке и обществе протестует против этого. Поскольку во время войны биологическое уродство человека и общества приобретает гипертрофированные размеры, все подлинно живое вынуждено прилагать усилия, на которые оно не способно в менее благоприятных обстоятельствах, поскольку ранее все живое не осознавало себя.

Здесь уместно выдвинуть следующее возражение.

Допустим, что на протяжении тысячелетий человек позволял своему телу постепенно уподобляться машине, поскольку он попал под влияние машинного производства. При этом его мышление становилось все более иррациональным. Тем не менее мы не понимаем, каким образом можно прекратить механическое вырождение организма и освободить силы саморегуляции личности, если народные массы продолжают жить под гнетом и влиянием машины. Ни один здравомыслящий человек не потребует, чтобы мы уничтожили машинную цивилизацию. Биологически деструктивное воздействие машинной технологии не встречает сколько-нибудь существенного противодействия. Для освобождения человека от биологической ригидности необходимы более эффективные средства, чем научные разъяснения. Вполне вероятно, что нынешняя война не устранит, а усилит биологическую ригидность путем оглупления и усиления ригидности деятельности человека.

Приведенное возражение следует признать вполне справедливым. Существующие технические средства не позволяют рассчи-

тывать на прекращение неправильного биологического развития породы животных, именуемой человечеством. Мне понадобилось много времени, чтобы решиться на опубликование моего открытия в области биологического воспроизведения машинной цивилизации. Я уверял себя в бесполезности обнародования истин, неспособных дать практические результаты.

Выход из этой мучительной дилеммы был неожиданно найден, когда я размышлял над тем, как я пришел к функциональным представлениям в области психиатрии, социологии и биологии. Эти представления позволили мне объяснить механизацию и мистицизм указанных областей и обеспечить их адекватное замещение. Я не считаю себя кем-то вроде сверхчеловека. Я мало чем отличаюсь от обычного человека. Как же тогда мне удалось найти решение, которое ускользнуло от внимания других исследователей? Постепенно я понял, что мои многолетние профессиональные занятия проблемой биологической энергии вынудили меня освободиться от механистических убеждений и методов. Если бы я не освободился от этих убеждений и методов, я не смог бы заниматься исследованием живого организма. Короче говоря, **моя работа вынудила меня научиться мыслить функционально.** Если бы я развивал только механическую, мистическую структуру, которая была внедрена в мое сознание с помощью воспитания, я не сделал бы ни одного открытия в области биофизики оргона. Тем не менее потайная тропинка к открытию оргона была обнаружена в тот момент, когда я ступил в запретную область оргастического сжатия плазмы. Оглядываясь на пройденный путь, я вижу, что в своем развитии я миновал ряд критических моментов, которые могли бы увести меня от живого, функционального мировоззрения и привести к механистическому, мистическому мировоззрению. Не знаю, как мне удалось избежать ловушек. Разумеется, моя работа с биологической энергией, т. е. с энергией оргона, служила источником, питавшим функциональное мировоззрение, в котором содержится много существенных решений проблемы нынешней неразберихи.

Незнание законов биологической деятельности привело к механизации и замещению живой реальности мистицизмом. Тем не менее проявления космического оргона, т. е. особой биологической энергии мироздания, не имеют ни механического, ни мистического характера. Энергия оргона подчиняется своим особым функциональным законам, которые не поддаются анализу с позиций материализма, механицизма и ригидности. Понятия положительных и отрицательных электрических флюидов здесь также непримени-

мы. Энергия оргона подчиняется таким функциональным законам, как притяжение, диссоциация, расширение, сжатие, излучение, пульсация и т. д. Я не уверен, что энергия оргона пригодна для какого-либо убийства, а следовательно, и для механистических способов убийства. Эта или следующая война существенно повысит потребность в мерах, обеспечивающих безопасность жизни. Оргонное излучение составляет значительный вклад сексуальной энергетики в дальнейшее развитие человечества. Широкие круги людей когда-нибудь ознакомятся с функциями оргона. В процессе работы с космической жизненной энергией мужчины и женщины будут вынуждены научиться мыслить на функциональной, живой основе, чтобы овладеть космическим оргоном. Аналогично этому они научились мыслить психологически, когда распахнулись двери к знанию детской сексуальности; они научились мыслить экономически, когда были открыты экономические законы. В процессе постижения и овладения механическими законами неодушевленной природы человек сам был вынужден стать механически ригидным. Таким образом, по мере овладения оргонной жизнедеятельностью каждое новое поколение будет постигать все живое и учиться любить, защищать и развивать его. Этот вывод по аналогии представляется мне вполне обоснованным.

Поэтому я прошу вас не смешивать вышеприведенное рассуждение с мессианским воззванием. Как я уже неоднократно подчеркивал в своих работах, я считаю себя «ничтожным червем мироздания», лишь орудием определенной научной логики. Мне совершенно не свойственна та иллюзорность, которая помогает зараженному «эмоциональной чумой» генералу совершать злодеяния. Я не верю в то, что я сверхчеловек. Отсюда следует, что я не верю в расовую неполноценность народных масс. На основе открытия оргона я пришел к заключению, которое имеет важное значение для решения социальной проблемы биологического разрушения личности. Это скромное, но верное заключение, вероятно, можно сопоставить с заключением о том, что силу земного тяготения можно преодолеть, наполнив шар газом, удельный вес которого ниже удельного веса воздуха. Я не располагаю (как полагают многие из моих друзей) средством, которое позволило бы нам немедленно осуществить политические преобразования. «Естественно-биологическая саморегуляция», «естественно-рабочая демократия», «космический оргон», «генитальный характер» и другие открытия служат оружием, предоставленным сексуальной энергетикой в распоряжение человечества для искоренения таких условий порабощения личности, как «биологическая ригидность»,

«характерологическая и мышечная ригидность», «боязнь удовольствия», «оргастическая импотенция», «формальный авторитет», «покорность авторитету», «социальная безответственность», «неспособность к свободе» и др. Характер данной работы определил то удовольствие, которое доставляют исследования, открытия и понимание спонтанной порядочности и мудрости природы. Это исследование осуществлялось без расчета на награды, богатства, академическое признание и популярность. При этом, разумеется, совешенно отсутствовало садистское удовольствие от страданий, угнетения, распространения лжи и обмана, войны и убийств. Вот и все.

Глава XIII

О ЕСТЕСТВЕННОЙ РАБОЧЕЙ ДЕМОКРАТИИ

АНАЛИЗ ЕСТЕСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СИЛ С ЦЕЛЬЮ ПРЕОДОЛЕНИЯ «ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЧУМЫ»

В настоящей главе представлены общие принципы спонтанного психологического познания. В связи с отсутствием социальной структуры этих данных они не получили дальнейшего развития и не оказали практического влияния на широкую публику.

Стремительным потоком понеслись общественные и политические потрясения. Во всем мире люди спрашивали: куда мы идем? Что необходимо сейчас сделать? Какая партия, какое правительство, какая политическая группа возьмет на себя ответственность за будущую судьбу европейского общества? Эти вопросы у всех на устах. У меня нет на них ответов. Настоящая глава не дает политических рекомендаций. Она ставит своей целью привлечь внимание к конкретному, практическому, рациональному явлению, которое не будет упоминаться на многочисленных политических дискуссиях о том, как обустроить мир после войны. Это явление называется естественной рабочей демократией. Теперь я постараюсь описать, что представляет собой естественная рабочая демократия. Обратите внимание: что она собой представляет, а не то, что она должна собой представлять.

В 1937 году, т. е. за два года до начала второй мировой войны, когда грозовые тучи сгущались над Европой, в Скандинавии была издана брошюра под названием «Естественная организация труда в рабочей демократии». Имя автора брошюры отсутствовало. Отмечалось, что брошюра была написана работником лаборатории с согласия других мужчин и женщин, занятых практической работой в данной области. Немецкий текст брошюры был отпечатан на ротаторе. Впоследствии она была переведена на английский язык. Брошюра не получила широкого распространения, поскольку не

пользовалась поддержкой никакого политического пропагандистского аппарата и не претендовала на политическую роль. Тем не менее о ней отзывались с энтузиазмом те, кому удалось прочесть ее. Она распространялась в узких читательских кругах Парижа, Голландии, Скандинавии, Швейцарии и Палестины. Несколько дюжин экземпляров брошюры были доставлены в Германию контрабандным путем. Одна-единственная рецензия на брошюру появилась в Париже в немецком социалистическом еженедельнике. Она не сыграла сколько-нибудь значительной роли в политических событиях того времени и вскоре сгинула в суматохе повседневной жизни. Брошюра не имела политического характера; напротив, написанная тружеником, она была направлена против политики. Тем не менее в памяти сохранились два момента, которые неоднократно затрагивались в дискуссиях, разгоравшихся среди мужчин и женщин с различной политической ориентацией. Первое, что запомнилось,— это словосочетание «рабочая демократия». Кроме того, обратили на себя внимание два предложения, которые казались утопичными, чуждыми политике, не от мира сего. Они были проникнуты чувством глубокой безысходности. «Покончим с политикой раз и навсегда! Возьмемся за практические задачи реальной жизни!»

Как ни странно, политическая газета, посвятившая брошюре большую статью, также уделила основное внимание словосочетанию «рабочая демократия» и двум предложениям, походившим на лозунг. Статья сочувственно отозвалась о рабочей демократии, но решительно отвергла лозунг. Это противоречие показало тем, кто ознакомился с брошюрой, что она не была понята. Брошюру, по-видимому, написал бывший социалист. Она определенно отмежевывается от всех методов и интересов социалистической партии. Тем не менее, вопреки своему основному лозунгу, она содержит множество политических формулировок и замечаний по политическим вопросам.

Несмотря на недостатки и неясности, брошюра произвела большое впечатление на одного немецкого социалиста, и он доставил ее контрабандой в Германию. В течение последующих шести лет войны о ней ничего не было слышно. Однако в 1941 году появилось ее продолжение под названием «Дополнительные проблемы рабочей демократии». Эта брошюра, как и ее предшественница, также была доставлена контрабандой в несколько европейских стран и даже была «перехвачена» американской тайной полицией (ФБР).

Слова рабочая демократия прижились в неформальных кругах сторонников сексуальной энергетики и вегетотерапии. Слова начали жить своей собственной жизнью. Они постепенно входили в широкое употребление; стали говорить о рабоче-демократических институтах, «рабочей семье» и т. д. К этим понятиям стали серьезно относиться. В разгар войны из оккупированной европейской страны пришло письмо, в котором один сторонник сексуальной энергетики сообщал о том, что брошюра уже переведена и получит распространение, как только позволят обстоятельства.

В течение последних четырех лет войны я занимался концептуальным содержанием рабочей демократии. Я стремился осмыслить и развить содержание этого словосочетания. При этом я опирался на беседы с норвежскими друзьями, которые имели различные профессии. Чем больше я углублялся в эту концепцию, тем отчетливее становились очертания ее могучего потенциала. Наконец я составил себе представление, которое полностью соответствовало большому числу забытых, но существенных социологических фактов.

В дальнейшем я представлю свое понимание естественной рабочей демократии.

ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ТРУДОМ И ПОЛИТИКОЙ

Для получения разрешения на медицинскую практику студент-медик должен предъявить убедительные доказательства своих практических и теоретических познаний в области медицины. С другой стороны, в нашем обществе политический деятель, который берет на себя смелость определять судьбу не сотен, как студент-медик, а миллионов трудящихся мужчин и женщин, не обязан подтверждать свою профессиональную пригодность.

Это обстоятельство, по-видимому, послужило одной из основных причин той социальной трагедии, которой отмечено тысячелетнее существование общества людей как социальных животных. Это кратко очерченное противоречие заслуживает подробного рассмотрения.

Человек, выполняющий практическую работу в любой области, обязан пройти определенный курс обучения, независимо от того, происходит он из богатой или бедной семьи. Он не избирается «народом». Опытные рабочие, чье мастерство выдержало проверку временем, определяют уровень профессиональной подготовки подмастерья, которому предстоит работать в данной области. Это требование неизменно предъявляется, даже если оно опережает события. Во всяком случае, оно позволяет человеку сориентироваться. В Америке это требование было доведено до крайности. Так, например, продавщица универмага должна иметь университетское образование. При всей своей гипертрофированности и социальной несправедливости, это требование ясно показывает, под каким огромным социальным давлением выполняется простейшая работа. Каждый сапожник, столяр, токарь, механик, электрик, каменщик и строитель должен выполнять строгие требования.

С другой стороны, политический деятель совершенно свободен от таких требований. Для того чтобы занять высшее общественное положение в условиях социального хаоса, необходимо лишь обладать достаточной хитростью, невротическим честолюбием, волей к власти и грубостью. На протяжении последних двадцати пяти лет мы наблюдали, как посредственный журналист доводил до звероподобного состояния пятьдесят миллионов здоровых итальянцев и в конечном счете ввергал их в бездну страдания. Двадцать пять лет волнений по пустякам, кровопролития и грома пушек закончились бесславно. Всех охватило чувство разочарования. «Все оказалось бесполезным». Что осталось после этого бурного потрясения, заставившего мир затаить дыхание и вырвавшего многие народы из привычного уклада жизни? Ничего — ни одной стоящей мысли, ни одного полезного института. Даже доброй памяти не осталось после него. Эти факты убедительно свидетельствуют о том, что социальный иррационализм время от времени приводит нашу жизнь к краю бездны.

Молодой маляр, неудачно выбравший профессию и не сделавший ничего полезного, способен заставить весь мир говорить о себе на протяжении двадцати лет. И в этом случае галдеж утихает, не оставив ничего после себя. Мир труда спокойно продолжает идти своим жизненно важным путем. Ничего не остается от галдежа, кроме одной главы в лжеисторических книгах, которые лишь будут в тягость нашим детям.

Если разыскать эти книги, то в них можно обнаружить ясно очерченный антагонизм между трудом и политикой, который позволяет сделать ряд замечательных заключений, применимых к практической общественной жизни. Этот антагонизм понятен каждому и давно известен всем трудящимся мужчинам и женщинам. Указанные заключения в первую очередь относятся к системе политических партий, которые определяют идеологическое и политическое формирование личности во всех странах мира. В наши задачи не входит подробное рассмотрение процесса развития современной системы политических партий на основе первых пат-

риархально-иерархических систем правления в Европе и Азии. Здесь необходимо обратить внимание только на влияние системы политических партий на развитие общества. Как уже отмечалось, естественная рабочая демократия представляет собой уже существующую социальную систему. Поэтому нет надобности ее устанавливать. Она имеет такое же отношение к системе политических партий, как вода к огню.

Противоречие между трудом и политикой приводит нас к следующим заключениям. Для определения и устранения хаотических условий в пределах социального, животного или мертвого организма необходимо провести широкие научные исследования. Не входя в подробности, мы назовем научной такую личность, которая выполняет жизненно важную работу, требующую осмысления реальности. В этом смысле научной личностью является рабочий лущильного станка на фабрике, поскольку в основе его изделия лежат плоды не только его труда и исследований, но и других лиц. Теперь сравним научную личность с мистиком (политическим идеологом).

Научная личность (педагог, рабочий лущильного станка, технический работник, врач) должна соответствовать требованиям процесса общественного труда и обеспечивать его безопасность. В социальном отношении такой работник занимает весьма ответственное положение. Он должен на практике доказывать правомерность каждого своего утверждения. Он должен усердно трудиться, размышлять, искать новые способы повышения качества работы и распознавать ошибки. В качестве исследователя он должен проверять и доказывать несостоятельность ложных теорий. Когда ему удается создать что-нибудь принципиально новое, он должен бороться с недоброжелательством людей, чтобы достичь своей цели. Ему не нужна власть, так как с помощью политической власти невозможно строить моторы, получать сыворотку крови, воспитывать детей и т. д. Трудящийся (научная личность) живет и работает без оружия.

По сравнению с трудящимся мистик и политический идеолог занимают более удобное социальное положение. Никто не требует, чтобы они доказывали свои утверждения. Находясь в своих министерствах, они могут обещать доставить бога с небес, вызвать дьявола из ада и установить рай на земле. При этом они прекрасно знают, что никто не призовет их к ответу за обман. Их нелепые утверждения защищены неотъемлемым демократическим правом на свободу слова. Поразмыслив над этим, мы обнаружим, что концепция свободы слова далека от совершенства, поскольку

художник-неудачник может воспользоваться этим правом, чтобы за несколько лет завоевать вполне законным путем такое положение в мире, которое не занимали выдающиеся представители науки, искусства, образования и техники. Отсюда следует,что в определенной области наше социальное мышление имеет существенные недостатки и поэтому нуждается в радикальных коррективах. Результаты клинических исследований в области сексуальной энергетики свидетельствует о том, что авторитарное воспитание детей в духе смирения и покорности позвляет политическому честолюбцу использовать в своих целях покорность и доверчивость миллионов трудолюбивых мужчин и женщин.

Рассмотрим еще один аспект противоречия между трудом и политикой.

На титульном листе официального издания Института Оргона неизменно появляется девиз «Любовь, труд и познание —источники человеческой жизни. Они должны определять жизнь!» Без естественной любви между мужем и женой, матерью и ребенком, между сотрудниками, без труда и познания общество немедленно развалилось бы на части. Как врач я не обязан ориентировать свою деятельность на ту или иную политическую идеологию или дипломатическую задачу, сколь бы важной она ни была. Моя задача заключается только в исследовании важных, но неизвестных явлений. Как ни странно, ни одна из трех основных форм общественной жизни не претерпела изменений в связи с введением всеобщего избирательного права и тайного голосования. Более того, эти три формы общественной жизни не оказали заметного влияния на процесс развития парламентарной демократии. С другой стороны, политические идеологии, которые не имеют никакого отношения к естественным процессам любви, труда и познания, имеют беспрепятственный, неограниченный доступ к любой форме социальной власти на основе всеобщего избирательного права и партийной системы. Следует заметить, что я всегда был и остаюсь сторонником всеобщего избирательного права. Тем не менее это не меняет того твердо установленного факта, что в условиях парламентарной демократии социальный институт всеобщего избирательного права абсолютно не соответствует трем основным формам общественной жизни. Обеспечение или необеспечение безопасности основных форм жизнедеятельности общества зависит от случая, т. е. определяется парламентским голосованием. В законодательстве парламентарной демократии не предусмотрено никаких исключительных прав для любви, труда и познания в области определения судьбы общества. Этот разрыв между демократическим

избирательным правом и основными формами общественной жизнедеятельности оказал катастрофическое воздействие на основу социальных процессов.

Я хотел бы лишь заметить, что существует множество институтов и законов, определенно препятствующих осуществлению указанных форм жизнедеятельности. Ни одна группа ученых и политических деятелей ни разу не показала это основное противоречие настолько ясно, чтобы оно было понятно для каждого человека. Тем не менее это противоречие составляет сущность биосоциальной трагедии человечества. Система политических партий не соответствует условиям, задачам и целям общества. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что сапожник просто не может решить стать портным, врач — горным инженером, а учитель — столяром. С другой стороны, в Америке республиканец может в любой день стать демократом, не внося существенных изменений в образ своих мыслей. До прихода Гитлера к власти в Германии коммунист мог легко стать фашистом, фашист — коммунистом, либерал — коммунистом или социал-демократом, а социал-демократ — немецким националом или христианским социалистом. Такие превращения были способны укреплять или ослаблять идеологические позиции соответствующих партий. Другими словами, такие превращения позволяли манипулировать судьбой целой нации самым бессовестным образом.

Все сказанное указывает на иррационализм политики и абсолютный антагонизм между политикой и трудом. Я не буду подробно рассматривать вопрос, была ли вообще у политических партий объективно-рациональная опора в социальной среде. Это особый вопрос. Современные политические партии не могут сообщить об этом ничего определенного. Реальные, позитивные мероприятия, проводимые в обществе, не имеют никакого отношения к партийным размежеваниям и идеологиям. Об этом убедительно свидетельствует «Новый курс» Рузвельта. Ввиду отсутствия объективной ориентации так называемые партийные коалиции позволяют преодолевать временные трудности, не решая реальных проблем. Реальные проблемы невозможно решить на основе убеждений, которые можно менять, как рубашку.

Первые попытки внести ясность в понятие рабочей демократии уже дали ощутимые результаты, позволяющие разобраться в социальном хаосе. Поэтому мы обязаны продолжить ход наших рассуждений о естественной рабочей демократии. Если мы не продолжим наши рассуждения, это будет непростительной ошибкой. Ибо никто не может предугадать, где и когда человеческая мысль

найдет решение проблемы социального хаоса, порождаемого политикой. Итак, мы продолжим свой путь подобно тому, кто ищет в девственном лесу удобное место для поселения.

Даже нашу попытку разобраться в социальном хаосе следует рассматривать как составную часть практической, рациональной работы. Поскольку основу рабочей демократии составляет труд, а не политика, мы можем рассчитывать, что данное «исследование социального организма» приведет к соответствующему практическому результату. Тогда труд впервые возьмет под контроль социальные проблемы. Этот труд будет рабоче-демократическим, так как понудит других социологов, экономистов и психологов заняться исследованием социального организма. Поскольку данный труд критикует политику как принцип и как систему, он, несомненно, встретит противодействие со стороны политических идеологий. Будет интересно и важно убедиться, что рабоче-демократическая социология выдержит испытание на практике. Рабочая демократия, насколько я понимаю ее, противопоставляет политическим идеологиям социальное действие и социальное развитие, т. е. реальности и возможности. Она не противопоставляет им другую политическую точку зрения. Она применяет метод, аналогичный тому, который был использован в области морали. Сексуальная энергетика имеет дело с результатами пагубного воздействия обязательной морали. Она противопоставляет ей не другой тип морали, как это принято в политике, а конкретные знания и практические сведения о естественной функции сексуальности. Другими словами, рабоче-демократическая социальная экономика должна доказать свою правомерность в практической жизни — аналогично тому как утверждение о том, что пар содержит энергию, доказывается способностью двигателей осуществлять передвижение. Поэтому у нас нет причин вступать в идеологические и политические дискуссии относительно существования или несуществования рабочей демократии, ее практической пригодности или непригодности и т. д.

Трудящиеся мужчины и женщины, образ мыслей и действий которых имеет рабоче-демократический характер, не выступают против политического деятеля. Он не виновен в том, что практический результат его труда изобличает иллюзорно-иррациональный характер политики. Те, кто занимается практической работой в любой области, решают практические задачи по улучшению жизни. Те, кто занимается практической работой, не выступают против того или иного явления. Только политический деятель, перед которым не стоят практические задачи, всегда выступает про-

тив и никогда за что-либо. Вообще говоря, для политики характерна такая негативная позиция. Все плодотворное осуществляется не политиками, а трудящимися мужчинами и женщинами, независимо от того, соответствует это идеологиям этих политиков или не соответствует. Многолетний опыт убедительно показал, что мужчины и женщины, выполняющие практическую работу, неизменно вступают в конфликт с политиком. Таким образом, те, кто работает ради живой деятельности, ведут борьбу против политики, независимо от того, хотят они этого или не хотят. Воспитатель выступает за воспитание детей без предубеждений; фермер выступает за машины, необходимые для сельского хозяйства; исследователь выступает за доказательства научных открытий. Нетрудно убедиться, что в тех случаях, когда трудящийся (мужчина или женщина) выступает против того или иного достижения, он делает это не как рабочий, а под давлением политических или иных иррациональных воздействий.

Следующее утверждение, возможно, покажется невероятным и преувеличенным. Позитивный труд всегда осуществляется ради чего-то; он никогда не бывает направлен против чего-то. Это объясняется тем, что в нашей трудовой жизни отсутствует дифференциация между мнениями с иррациональной мотивировкой и объективными оценками. Например, фермер выступает против рабочего, а рабочий — против инженера. Тот или иной врач выступает против применения того или иного лекарственного препарата. Нам могут сказать, что демократическая свобода слова означает выступления «за» и «против». С другой стороны, я полагаю, что основной причиной провала европейских демократий послужило именно это необъективное, формалистическое понимание концепции свободы слова. Возьмем пример врача, который возражает против применения определенного лекарства. В этом случае возможно одно из двух следующих объяснений.

Первое — лекарственный препарат действительно опасен и врач является добросовестным работником. Тогда фармацевт изготовил недоброкачественное лекарство. Его труд не увенчался успехом. Очевидно, что у него отсутствовала объективная мотивировка для изготовления эффективного, безвредного лекарства. Фармацевт не учитывал назначения данного препарата и руководствовался финансовыми интересами. Другими словами, в основе его действий лежала иррациональная мотивировка. Мотив не соответствовал цели. В этом случае врач поступил рационально. Он выступил в защиту здоровья человека, т. е. он автоматически возразил против применения недоброкачественного лекарства, потому что защищал здоровье. Он действовал рационально, так как побуждение выразить мнение соответствовало цели труда.

Второе — лекарство пригодно к употреблению, и врач является недобросовестным работником. Если врач выступает против применения доброкачественного лекарства, значит он не заинтересован в обеспечении здоровья человека. Можно предположить, что конкурирующая фирма заплатила ему, чтобы он рекламировал другое лекарство. Как врач он не выполняет свою работу, он высказывает свое мнение, руководствуясь побуждением, которое не связано ни с содержанием его работы, ни с целью любого труда вообще. Он высказывается против применения данного лекарства потому, что втайне рассчитывал на извлечение выгоды; он не борется за здоровье человека. Но извлечение выгоды не составляет цель труда врача. Поэтому он настойчиво выступает «против», а не «за» что-то.

Этот пример можно применить к любой сфере труда и любой форме выражения мнения. Нетрудно убедиться, что выступление за что-либо составляет неотъемлемую часть рационального процесса труда. «Выступление против» чего-либо проистекает не из самого процесса труда, а из факта существования иррациональной жизнедеятельности. Отсюда следует, что в силу своей природы каждый рациональный процесс труда спонтанно противодействует иррациональной жизнедеятельности.

Внимательный читатель, достаточно знакомый с жизнью, согласиться с тем, что данный анализ концепции свободы слова дает возможность демократическому движению использовать новый, лучший подход. Принцип, «все, что пагубно для жизни, суть плохая работа, а следовательно, не является работой вообще» — насыщает понятие рабочей демократии рациональным смыслом, тем смыслом, который отсутствует в понятии формальной или парламентарной демократии. В условиях формальной демократии фермер выступает против рабочего, а рабочий — против инженера, так как в социальной структуре преобладают не объективные интересы, а политические. Если перенести ответственность с политики на труд (а не на трудящихся), тогда сотрудничество между фермером и рабочим автоматически займет место политического противоборства.

В связи с важностью этой мысли мы остановимся на ней подробнее. Прежде всего мы рассмотрим проблему так называемой демократической критики, которая также опирается на демократическую свободу слова.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ КРИТИКЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИДИРЧИВОСТИ

В соответствии с рабоче-демократическим образом жизни каждый трудящийся (мужчина или женщина) должен иметь право на свободу обсуждений и критики. Это требование оправданно, необходимо и должно быть неотъемлемым. Если оно не выполняется, тогда иссякает источник производительности. Тем не менее под воздействием общей эмоциональной тревожности «обсуждение» и «критика» в определенной мере ставят под угрозу выполнение серьезной работы. Покажем это на примере.

Представим себе инженера, который столкнулся с определенными трудностями при ремонте неисправного двигателя. Работа сложная, и поэтому ему приходится напрягать все свои умственные и физические способности, чтобы преодолеть трудность. Он жертвует временем отдыха и работает допоздна. Он не позволяет себе отдохнуть вплоть до окончания работы. Некоторое время спустя появляется посторонний человек. Остановившись возле двигателя, он с минуту рассматривает его, а затем, подняв камень, приводит в негодность электропроводку. В то утро во время завтрака жена ворчала на инженера.

Затем появляется другой посторонний человек. Он издевается над инженером, заявляя, что инженер не разбирается в двигателях, иначе он давно бы закончил ремонт. Какой он грязный! Весь пропотел и испачкался в смазке. И это еще не все. Инженер — безнравственная личность, ибо в противном случае он не покидал бы надолго семью. Оскорбив до глубины души инженера, он уходит. В то утро инженер получил от своей фирмы письмо с уведомлением об освобождении его от должности инженера-электрика. Он не очень хороший работник в своей области.

Появляется третий прохожий, плюет инженеру в лицо и уходит. Теща инженера, обладающая особым талантом терзать своих близких, изводит его придирками.

Эти примеры служат иллюстрацией «критики» равнодушных прохожих, которые, подобно разбойникам с большой дороги, без всякой причины портят работу, о которой они ничего не знают, в которой они не разбираются, которая их совершенно не касается. В значительной мере эти примеры типичны для использования так называемой «свободы обсуждений» и «права на критику» в широких слоях общества. Аналогичный характер носила и критика первых оргонных исследований со стороны традиционной школы психотерапевтов и онкологов. Они не заинтересованы в оказании помощи и в улучшении работы. Они лишь срывают выполнение трудной работы без всякой на то причины. В основе их действий лежат побуждения, которые не имеют отношения ни к предмету критики, ни к объективности.

Подлинное обсуждение и подлинная критика имеют совершенно иной характер. Мы покажем это на примере.

Возле гаража, в котором работает с двигателем первый инженер, останавливается другой инженер. Обладая большим опытом в этой области, он тотчас замечает, что у первого инженера возникли проблемы. Он снимает пиджак, и, засучив рукава, в первую очередь пытается разобраться в ошибках. Он указывает на упущение первого инженера, обсуждает и критикует работу, а затем помогает сделать работу лучше. «Ворчанье» тещи и собственные профессиональные неудачи не служат стимулом к работе. Он объективно заинтересован в успехе дела.

Нередко бывает трудно установить различие между двумя вышеупомянутыми видами критики. Иррациональная придирчивость часто скрывается под личиной сложной объективности. Эти два столь различных вида критики обычно включают в одно понятие «научной критики».

В строгом научно-объективном смысле этого слова можно признать допустимой только имманентную критику. Это означает, что человек, осуществляющий критику, прежде всего должен отвечать ряду требований.

1. Он должен хорошо разбираться в той области, которую он собирается критиковать.

2. Он должен знать эту область по меньшей мере не хуже, если не лучше, чем критикуемое им лицо.

3. Он должен быть заинтересован не в срыве работы, а в ее успехе. Если же он стремится сорвать работу, т. е. не руководствуется объективными интересами, тогда он — невротический ворчун, а не критик.

4. Он должен осуществлять критику с точки зрения критикуемой сферы труда. Он не вправе критиковать с чуждой точки зрения, т. е. с таких позиций, которые не имеют отношения к данной сфере труда. Глубинную психологию невозможно критиковать с позиций поверхностной психологии. В то же время поверхностную психологию можно критиковать с позиций глубинной психологии. Объясняется это просто. Глубинная психология вынуждена включать поверхностную психологию в свои исследования. Поэтому ей знакома проблематика и методология поверхностной психологии. С другой стороны, поверхностная психология

по определению поверхностна, т. е. она не ищет биологические побуждения, которые лежат в основе психологических явлений.

Мы не можем критиковать электрическую машину с точки зрения машины, предназначенной для обогрева помещения. Теория теплопередачи имеет значение для электрической машины лишь постольку, поскольку она позволяет инженеру-электрику предотвратить перегрев электрической машины. С этой точки зрения инженер-электрик, безусловно, будет благодарен специалисту в области теории теплопередачи за полезные рекомендации. Но было бы нелепо винить электрическую машину за то, что она не может обогревать помещение.

Из вышесказанного следует, что сексуальную энергетику, стремящуюся освободить естественную сексуальность детей, подростков и взрослых от неврозов, извращений и преступности, невозможно критиковать с позиций антисексуального морализма, так как моралист стремится не освободить, а подавить естественную сексуальность детей и подростков. Музыкант не вправе критиковать шахтера, а врач не вправе критиковать геолога. Мы можем любить или не любить определенный вид работы, но наши чувства не влияют на ее характер или полезность.

Вышеприведенные замечания о критике и придирчивости имеют только одну цель — смягчить отношение молодых сторонников сексуальной энергетики и биофизиков оргона к критике.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ТРУДА

Анализ понятия рабочей демократии, как мы видим, привел нас к сфере человеческой жизни, которой на протяжении тысячелетий придавалось огромное значение. Эта сложная сфера так называемой «человеческой природы» издавна считалась неподвластной человеку. То, о чем не только философы, поэты и политики, но и великие психологи с горечью говорят: «Такова человеческая природа», — полностью соответствует сексуально-энергетическому клиническому понятию **«эмоциональной чумы»**. Мы можем определить ее как совокупность всех иррациональных форм жизнедеятельности природного человека. Если «человеческая природа», которую считают неизменной, соответствует «эмоциональной чуме», а «эмоциональная чума» в свою очередь соответствует совокупности всех форм иррациональной жизнедеятельности природного человека и если трудовая деятельность, независимая как таковая от человека, рациональна, тогда мы имеем дело с двумя противоположными сферами человеческой деятельности: существенно необходимый труд как рациональная форма жизнедеятельности, с одной стороны, и «эмоциональная чума», как иррациональная форма жизнедеятельности, с другой стороны. Нетрудно догадаться, что с рабоче-демократических позиций представляются иррациональными все виды политической деятельности (как проявления «эмоциональной чумы»), которые не опираются на познание, труд и любовь. На древний вопрос: «Как можно вплотную подойти к проблеме «пресловутой» человеческой природы?» — рабочая демократия дает следующий ответ: образование, гигиена и медицина, которые с незапамятных времен пытаются разрешить проблему человеческой природы, находят в рациональной форме существенно необходимого труда могучего союзника в борьбе против «эмоциональной чумы».

Для того чтобы проследить до конца ход рабоче-демократических рассуждений, необходимо в первую очередь полностью освободиться от общепринятых форм политического и идеологического мышления. Только таким образом можно сопоставить принципиально иное направление мысли, источником которого является мир любви, труда и познания, с направлением мысли, источником которого является мир пышности и торжественности дипломатических и политических совещаний.

Политик мыслит в категориях «государства» и «нации»; трудящийся живет «открытой» и «общительной» жизнью. Политик мыслит в категориях «дисциплины», «закона и порядка»; для обычного трудящегося характерны «наслаждение трудом», «трудовой распорядок», «регуляция» и «сотрудничество в труде». Политик мыслит в категориях «морали» и «долга»; для трудящегося характерны «спонтанная порядочность» и «естественная любовь к жизни». Политик говорит об «идеале семьи»; трудящийся наслаждается или хотел бы наслаждаться «любовью мужа, жены и детей». Политик говорит об «экономических и государственных интересах»; простого трудящегося интересует «удовлетворение потребностей и наличие продуктов питания». Политик говорит о «свободном предпринимательстве» и думает о «выгоде»; простой трудящийся стремится к свободе самому все испытать и быть таким, каков он есть, или таким, каким он мог бы стать.

Политик осуществляет иррациональное господство в тех сферах жизни, в которых рационально действует или мог бы действовать трудящийся, если бы ему не мешал политический иррационализм. Хотя термины «рациональный» и «иррациональный» относятся к одним и тем же сферам жизни, тем не менее они диаметрально противоположны по отношению друг к другу; их

невозможно менять местами. В действительности они взаимоисключаемы. Об этом свидетельствует тот факт, что на протяжении всей истории существования общества авторитарно-государственная дисциплина всегда подавляла естественное дружелюбие и доставляемое трудом удовольствие; государство подавляло общество; обязательная святость семьи подавляла любовь мужа, жены и детей; обязательная мораль подавляла естественную порядочность, источником которой служит радость жизни; политик постоянно подавлял трудящихся мужчин и женщин.

Жизнь нашего общества в основном определяется иррационально-политическими понятиями, которые позволяют использовать человеческий труд для достижения иррациональных целей с помощью силы. Для обеспечения свободы жизнедеятельности народных масс необходимы эффективные институты. Старые взаимозаменяемые политические ориентации и идеологии не могут составить социальную основу этих институтов; такой основой может служить только социально значимая, существенно необходимая трудовая деятельность, которая естественно возникает в результате переплетения различных существенно необходимых областей труда в трудовой общей сфере.

В своем анализе рабоче-демократической мысли мы сделаем еще один шаг, продвигаясь в зарослях тесно переплетенных рациональных и иррациональных форм жизнедеятельности. При этом мы будем строго придерживаться логики развития мысли, стремясь максимально исключить из анализа наши личные интересы. Для того чтобы прийти к приемлемому заключению, мы должны в своем анализе рабочей демократии исходить из позиций самой рабочей демократии. Другими словами, мы должны поступать так, как если бы мы стремились возложить на естественную рабочую демократию ответственность за общественную жизнь. Короче говоря, мы должны подвергнуть ее разумность объективной и всесторонней проверке. Если мы позволим своим субъективным интересам влиять на нас даже в чем-то незначительном, мы автоматически выйдем за рамки данного обсуждения.

Человечество давно бы прекратило свое существование, если бы существовала только «эмоциональная чума» в своих различных проявлениях. Политическая идеология, мистический ритуал, аппарат военной власти и дипломатические обсуждения не могут сами по себе обеспечить продуктами население какой-либо страны (даже на один час), поддерживать бесперебойную работу транспортной системы, обеспечить жильем, лечить болезни, обеспечить воспитание детей, раскрывать тайны природы и т. д. Реальная

жизнь, в которой правят любовь, труд и познание, не нуждается в них. Существенно необходимые формы жизнедеятельности подчиняются своим собственным законам; они недоступны влиянию иррациональных идеологий. Любовь, труд и познание не являются «идеями», «культурными ценностями», «политическими программами», «психологическими установками» или «символами веры». Они составляют те конкретные реальности, без которых общество не смогло бы просуществовать ни одного дня.

Если бы жизнь общества была рационально организована, тогда приоритет любви, труда и познания был бы бесспорным. В таком случае они (а не бесполезные институты) имели бы право определять жизнь общества. В соответствии с рабоче-демократической концепцией отдельные группы могли бы вооружаться и уничтожать друг друга, другие группы могли бы упиваться мистическими ритуалами, третьи группы могли бы наслаждаться дискуссиями. Но они не смогут влиять на основные формы биологической деятельности общества и использовать их в своих эгоистических интересах. Более того, они не смогут лишить их всех прав оказывать определяющее воздействие на жизнь общества.

Социальный иррационализм доминирует в подходе к указанным двум сферам человеческой деятельности.

Политик может обманывать миллионы людей; например, он способен обещать установить свободу, не собираясь осуществить свое обещание. При этом никто не требует от него доказательств его компетентности или осуществимости его обещаний. Он может сегодня обещать одно, а завтра — совершенно противоположное. Мистик может беспрепятственно насаждать в народных массах веру в существование жизни после смерти. При этом он не обязан предъявить никаких доказательств. Теперь мы сопоставим права политического деятеля или мистика с правами инженера по железнодорожному транспорту. Инженера немедленно отправили бы в тюрьму или психиатрическую больницу, если бы он стал убеждать в своей способности полететь на Луну людей, которые собираются совершить поездку из одного города в другой. Далее представим себе, что наш инженер вооружился ружьем и настаивает на справедливости своих убеждений. Тогда он посадил бы под арест тех пассажиров, которые отказались поверить ему. Инженер-железнодорожник обязан обеспечивать перевозку людей из одного места в другое. Если он стремится сохранить свою работу, он должен эффективно выполнять свои обязанности, обеспечивая безопасность перевозки людей.

Для строительства школы, лечения больных, изготовления мебели и ухода за детьми не имеет никакого значения, является ли архитектор, врач, столяр и воспитатель фашистом, коммунистом, либералом или христианином. Никто из них не произносит длинных речей и не дает фантастические обещания, потому что должен выполнять конкретную, практическую работу. Так, например, прежде чем приступить к строительству школы, архитектор должен все тщательно обдумать и подготовить чертежи с указанием расположения учебных классов и административно-хозяйственных помещений, окон, вентиляционных устройств и выходов. Либеральная, социал-демократическая, религиозная, коммунистическая или фашистская идеологии оказываются бесполезными, когда дело доходит до выполнения практической работы. Ни один трудящийся не может позволить себе тратить время на пустую болтовню. Каждый трудящийся должен знать свою работу и выполнять ее. В то же время идеолог может свободно предаваться своим фантазиям, не выполняя никакой серьезной работы. Какая-нибудь группа политиканов может довести до полного разорения страну и после этого в другой стране по-прежнему приводить избитые доводы в пользу правоты своей идеологии. Реальные процессы абсолютно недоступны пониманию политикана. В действительности никто не возражал бы против этого, если бы политиканы ограничивались дискуссиями в своей среде и не стремились навязывать свою идеологию другим и определять судьбу народов.

Однажды я попытался на себе проверить приведенную систему рабоче-демократической мысли. В 1933 году я интуитивно выдвинул гипотезу о существовании универсальной биологической энергии. Если бы в то время я открыто заявил, что такая энергия действительно существует и способна разрушить раковые новообразования, я лишь подтвердил бы диагноз шизофрении, столь излюбленный не в меру усердными психоаналитиками, и тогда меня отправили бы в психиатрическую больницу. На основе своих исследований в области биологии я мог бы пропагандировать любое число идеологий и основать какую-нибудь политическую партию, скажем, партию рабоче-демократической свободы. Несомненно, это могли бы сделать и другие люди, обладающие меньшим практическим опытом. Благодаря своему влиянию на людей, я без труда мог бы окружить себя своими собственными эсэсовцами и снабдить тысячи людей рабоче-демократическими знаками отличия. Все это, однако, не приблизило бы меня ни к решению проблемы рака, ни к пониманию космического или океанического чувства природного человека. Я бы возвел на твердое основание

рабоче-демократическую идеологию, но при этом естественный — и все еще неосознанный, рабоче-демократический процесс остался бы нераскрытым. В течение многих лет мне приходилось много работать, проводить исследования, исправлять ошибки и преодолевать свой иррационализм, чтобы понять, почему биология одновременно механистична и мистична. Я не роптал. Я читал книги, препарировал мышей и экспериментировал с различными материалами, пока действительно не открыл оргон, накопил его в аккумуляторах и показал наглядно его существование. Только после этого я смог затронуть практическую сторону вопроса, а именно целебные свойства оргона. При этом я исходил из органического развития процесса труда. Это означает, что каждая форма практического, существенно необходимого труда представляет собой рационально-органическое развитие. Его невозможно преодолеть или обойти стороной. Эта формулировка содержит существенный биологический принцип, который мы называем принципом «органического развития». Прежде чем дерево вырастет на два ярда, оно должно вырасти на один ярд. Прежде чем ребенок сможет понимать, о чем сообщают другие люди в своих письмах, он должен научиться читать. Для того чтобы разбираться в патологии, врач должен в первую очередь изучить анатомию. Во всех этих случаях развитие проистекает из органического хода трудового процесса. Трудящиеся мужчины и женщины представляют собой функциональные органы этого трудового процесса. Трудящийся может быть хорошим или плохим органом, но сам процесс труда не претерпевает принципиальных изменений. Является трудящийся хорошим или плохим функциональным органом, по существу, зависит от степени наличия иррационализма в его психологической структуре.

«Закон органического развития» не свойствен иррациональной деятельности. Цель такой деятельности изначально существует как идея, т. е. задолго до начала осуществления на практике трудового процесса. Иррациональная деятельность осуществляется в соответствии с жестким, заранее составленным планом; поэтому по своей природе она дожна быть иррациональной. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что известные всему миру иррациональные личности не оставили после себя буквально ничего полезного для потомков.

На протяжении тысячелетий закон органического развития проявился во всех областях науки и техники. Своими научными достижениями Галилей обязан критике Птолемеевой системы мира. Они составляют продолжение труда Коперника. Кеплер про-

должил труд Галилея, а Ньютон продолжил труд Кеплера. Многие поколения пытливых трудящихся формировались на основе этих функциональных частей объективных естественных процессов. С другой стороны, абсолютно ничего не осталось после так называемого Александра Великого, Цезаря, Нерона и Наполеона. Среди иррационалистов мы не находим ни малейшего следа преемственности, если, разумеется, не считать преемственностью мечту Наполеона стать вторым Александром или Цезарем.

В случае вышеупомянутых личностей иррационализм проявляется как небиологическая и несоциальная, а точнее, антибиологическая и антисоциальная жизнедеятельность. Иррационализм не содержит таких существенных особенностей рациональной жизнедеятельности, как зарождение, развитие, непрерывность, необратимость процесса, переплетение с другими функциями, фрагментация и продуктивность.

Теперь мы рассмотрим проблему преодоления «эмоциональной чумы». Несмотря на свой садизм, мистицизм, болтливость, непостоянство, ригидность и поверхностность, человек естественно тяготеет к рациональности в своей трудовой деятельности. Рациональность личности осуществляется и развивается в процессе труда аналогично тому, как иррационализм осуществляется и развивается в идеологических процессах и мистицизме. Человек не может быть иррациональным в своей трудовой деятельности, так как рациональность присуща трудовому процессу. По своей природе и в силу характера самого труда человек вынужден быть рациональным. Иррационализм автоматически самоупраздняется потому, что он прерывает трудовой процесс и предотвращает достижение цели труда. Острое, непримиримое проиворечие между «эмоциональной чумой» и трудовым процессом находит ясное выражение в следующем. При обсуждении трудовой деятельности каждый человек в качестве трудящегося всегда может прийти к согласию с любым специалистом, промышленным рабочим и врачом. Тем не менее согласие исчезает, как только разговор касается идеологии. Характерно, что подавляющее большинство диктаторов и политиков бросают свою работу, когда начинают заниматься политикой. Сапожник неизбежно будет неправильно кроить подошвы и пропускать стежки, если будет предаваться мистическим экстазам и считать себя посланником божьим, призванным спасти человечество. Со временем он столкнется с угрозой голодной смерти. С другой стороны, этот процесс позволяет политику стать сильным и богатым.

Эмоциональный иррационализм способен только нарушать трудовой процесс; он не может обеспечить осуществление трудового процесса.

Рассмотрим ход рабоче-демократической мысли с точки зрения самой рабочей демократии. Должны ли мы в этом случае говорить об идеологии, восхвалении или идеализации «труда»? Этот вопрос возник у меня в связи с необходимостью обучения врачей и педагогов. В качестве врача, исследователя и преподавателя я обязан проводить различие между рациональным, существенно необходимым трудом и иррациональной, ненужной идеологией. Другими словами, я обязан определять рациональный и рационально-эффективный характер труда. Я не смогу помочь ни одному из своих студентов-вегетотерапевтов преодолеть хотя бы одну практическую трудность в его собственной психологической структуре или в его работе с пациентами, если буду вселять в него надежды на лучшую жизнь в загробном мире или назначу его «главным вегетотерапевтом». Вряд ли звание «главного вегетотерапевта» сможет повысить его способность преодолеть трудности. Назначив этого студента «главным вегетотерапевтом», я лишь подвергнул бы его опасности и, может быть, даже ускорил бы несчастье. При этом я руководствуюсь ходом своего развития и своим опытом. У меня нет идеологии, которая предписывала бы мне рациональное поведение по этическим или иным причинам. Моя работа объективно диктует мне рациональное поведение. Я бы умер от голода, если бы не старался поступать рационально. Моя работа тотчас вносит необходимые коррективы в мои действия, если я пытаюсь скрыть трудности под покровом иллюзий. Это объясняется тем, что я не могу лечить биопатический паралич с помощью иллюзий аналогично тому, как машинист, архитектор, фермер или учитель не может выполнять свою работу с помощью иллюзий. Я не нуждаюсь в рациональности. Она объективно присутствует во мне независимо от «эмоциональной чумы» и независимо от того, кто я такой. Я не приказываю своим студентам быть рациональными, так как такие приказы ни к чему не приводят. В интересах самих студентов и в свете практических трудовых процессов я даю советы студентам и учу их отличать рациональное от иррационального в самих себе и в мире. Я учу их поддерживать рациональное и обуздывать иррациональное. Основная особенность проявления «эмоциональной чумы» в общественной жизни заключается в уходе от трудностей, связанных с ответственностью, и реальностей повседневной жизни и труда с целью

найти утешение в идеологии, иллюзии, мистицизме, грубости или политике.

Мы исходим из принципиально новой позиции. Ее новизна заключается не в рациональности труда и его рациональном воздействии на трудящихся мужчин и женщин, а в том, что труд в себе и для себя рационален и оказывает рациональное воздействие независимо от того, знаю я об этом или не знаю. Разумеется, лучше знать об этом, ибо тогда можно действовать в соответствии с рационально-органическим развитием. Эта позиция также нова для психологии и социологии. Для социологии она нова потому, что до сих пор социологи рассматривали иррациональные формы деятельности общества как рациональные. Для психологии она нова потому, что психологи не подвергали сомнению рациональность общества.

СУЩЕСТВЕННО НЕОБХОДИМЫЕ И ДРУГИЕ ВИДЫ ТРУДА

Чем глубже погружаешься в сущность естественной рабочей демократии, тем отчетливее становится рабская покорность человеческого мышления, сформированная на основе политических идеологий. Для разъяснения этого утверждения мы рассмотрим содержание концепции труда.

До сих пор мы противопоставляли труд политической идеологии, отождествляя труд с «рациональностью» и политическую идеологию с «иррациональностью». Но настоящая жизнь никогда не бывает механической. Таким образом, мы вновь приходим к иррациональному разделению на черное и белое. Но это прямолинейное разделение следует признать оправданным постольку, поскольку политика действительно в основном иррациональна, а труд, по сравнению с политикой, в основном рационален. Однако можно ли считать трудом строительство казино? Этот пример свидетельствует о необходимости установить различие между существенно необходимым трудом и трудом, который не является существенно необходимым. К категории «существенно необходимого труда» следует относить любой вид труда, который необходим для сохранения человеческой жизни и социальной структуры. Поэтому существенно необходимым является такой труд, отсутствие которого окажет пагубное или тормозящее влияние на процесс жизни. С другой стороны, нельзя признать существенно необходимым такой труд, отсутствие которого не влияет на ход развития общества и человеческой жизни. Мы назовем антитрудом такую деятельность, которая нарушает процесс жизни.

На протяжении многих столетий политическая идеология правящих, но неработающих классов умаляла значение существенно необходимого труда. В то же время она представляла антитруд как признак аристократизма. Все социалистические идеологии ответили на эту позицию чисто механистически, изменив знак оценок на обратный. Социалисты считали «трудом» только такую деятельность, на которую в феодальном обществе смотрели с высокомерием, т. е. преимущественно ручной труд. При этом деятельность правящих классов рассматривалась как антитруд. Безусловно, эта механическая перестановка идеологических ценностей вполне соответствовала политической концепции двух экономически и личностно противоположных классов, правящих и управляемых. С чисто экономической точки зрения общество действительно можно разделить на «тех, кто владеет капиталом» и «тех, кто владеет товаром, рабочей силой». С точки зрения биосоциологии, однако, невозможно ясно очертить ни идеологическое, ни психологическое различие между этими двумя классами. Невозможно установить различие между ними и на основе труда. Следует отметить, что идеология группы людей необязательно должна соответствовать ее экономическому положению, причем экономическая и идеологическая ситуации нередко находятся в остром антагонизме по отношению друг к другу. Открытие этих особенностей позволило нам понять фашистское движение, которое дотоле оставалось непонятым. В 1930 году приобрело ясные очертания существование «раскола» между идеологией и экономикой и возможность превращения идеологии определенного класса в общественную силу, существование которой не ограничивается данным классом. В связи с подавлением естественной сексуальности детей и подростков впервые было показано, что основные формы биологической деятельности природного человека не имеют отношения к экономическому разделению на классы, причем классовые границы пересекаются и перекрывают друг друга. Подавление сексуальности не только связано со всеми слоями и классами каждого патриархального общества, но и нередко находит наиболее яркое выражение в среде правящих классов. Действительно, сексуальная энергетика смогла показать, что подавленная сексуальность служит основным источником садизма, который используется правящим классом для угнетения и эксплуатации других классов. Связь между садизмом, подавлением сексуальности и классовым угнетением замечательно показана в знаменитом романе Де Костера «Тиль Уленшпигель».

Реальные формы общественного труда также перекрывают и пересекают классовые, политко-идеологические границы. В социалистических партиях многие крупные политики никогда не участвовали в существенно необходимом труде и абсолютно не разбирались в трудовом процессе. Когда рабочий становится политическим функционером, он, как правило, бросает свою работу. С другой стороны, значительные слои рабочих входили в состав тех классов, которые политический социализм называл «правящими, неработающими классами» в противоположность рабочим. Типичные политические идеологии не воспринимали реальность. Об этом, вероятно, наиболее убедительно свидетельствует тот факт, что крупные представители политической реакции, например в Австрии, были выпускниками технологического университета. Эти специалисты были инженерами на угольных шахтах, строителями локомотивов, аэропланов, мостов, зданий культурно-социального назначения и т. д.

Теперь рассмотрим представление о капиталисте с точки зрения рабочей демократии. В политической идеологии капиталист рассматривался либо как «руководитель промышленного предприятия», либо как «неработающий паразит». Обе концепции отличаются механистичностью, идеологичностью, отсутствием политического реализма и ненаучностью. Существуют капиталисты, которые трудятся, и капиталисты, которые не трудятся. Существуют капиталисты, чей труд существенно необходим, и капиталисты, чей труд нельзя признать необходимым. В этом отношении представляются совершенно несущественными идеология и политические взгляды капиталиста. Противоречие между трудом и политикой в равной мере относится к капиталисту и наемному работнику, которые могут сочетаться в одном и том же лице. Аналогично этому каменщик может быть фашистом, а капиталист — социалистом. Теперь мы ясно понимаем, что политические идеологии не позволяют ориентироваться в социальном хаосе. Конкретная ориентация возможна на основе всего спектра рабоче-демократических идей, который опирается на реальную оценку концепции труда. Поэтому в аспекте существенно необходимого труда политический класс капиталистов подразделяется на группы, которые не только противоположны, но и нередко антагонистичны по отношению друг к другу. Одна группа включает тех, кто владеет капиталом и не трудится, но заставляет других работать ради их прибыли. Генри Форд может придерживаться тех или иных политических взглядов; в идеологическом отношении он может быть добрым или злым гением. Но это не меняет того факта, что он

первым среди американцев построил автомобиль и совершенно преобразил технический облик Америки. С политико-идеологической точки зрения Эдисон, несомненно, был капиталистом. Тем не менее хотелось бы встретить политического функционера рабочего движения, который не пользовался бы лампой накаливания, на изобретение которой Томас Эдисон затратил так много труда. Кто осмелится открыто назвать Эдисона тунеядцем? С точки зрения рабочей демократии это утверждение справедливо для братьев Райт, Юнкерса, Райхерта и Цейса. К этому перечню можно добавить много других имен. Между капиталистами, выполняющими реальную работу, и неработающими капиталистами, которые лишь используют тот факт, что они владеют капиталом, существует определенное различие. Что касается труда, то неработающие капиталисты не составляют особый класс, поскольку в принципе они ничем не отличаются от бюрократов социалистической партии, которые, сидя в своих кабинетах, определяют «политику рабочего класса». Мы достаточно испытали на себе пагубные последствия деятельности неработающих владельцев капитала и неработающих политических функционеров. Мы предпочитаем исходить из практической деятельности, а не из идеологических концепций.

С точки зрения существенно необходимого труда многие глубоко укоренившиеся политические концепции и опирающиеся на них «политические науки» дополняются и изменяются. Необходимо расширить концепцию «трудящегося». Концепция экономических классов дополняется реальностью психологической структуры, и тем самым существенно снижается социальное значение экономических классов.

Принципиально новые общественные события и открытие реальности естественной рабочей демократии привели к необходимости существенно изменить концепции. Я не питаю иллюзий относительно того, как будут встречены эти изменения. Политические идеологи будут возмущены, но от этого реальность фактов и процессов не изменится. Применение силы также неспособно изменить реальность. Политический процесс может иметь далеко идущие последствия. Можно казнить любое число «истов». Но все это не изменит того факта, что врач или техник, педагог или фермер в Америке, Индии, Германии или в другой стране выполняет существенно необходимую работу. Более того, в повседневной жизни они на практике, в радости и в горе, делают значительно больше для развития жизненных процессов, чем весь Коминтерн сделал, начиная с 1923 года. Роспуск Коминтерна в 1943 году никак

не отразился на жизни людей. В то же время совершенно невозможно представить себе, что Китай или Америка могли бы в один прекрасный день запретить всем учителям или врачам участвовать в социальном процессе.

События последних двадцати лет не оставляют сомнений в том, что партийные идеологии, пропагандирующие «устранение классовых различий», «установление национального единства» и т. д., не столько содействуют устранению классовых различий, раздробленности общества и подавления свободы и порядочности, сколько обостряют эти проблемы, вызывая тем самым катастрофические последствия. Поэтому естественнонаучное решение проблемы социальной трагедии природного человека должно начинаться с анализа и изменения тех партийно-идеологических концепций, которые способствуют раздроблению общества.

Рабочая демократия не сводит концепцию «трудящегося» к промышленному рабочему. Во избежание путаницы рабочая демократия называет трудящимся каждого человека, который выполняет существенно необходимую социальную работу. Концепция «рабочего класса», которая политически и идеологически ограничивалась группой промышленных рабочих, оттолкнула промышленных рабочих от педагогов и технических работников и создала атмосферу враждебности среди представителей различных сфер существенно необходимого труда. Действительно, эта идеология привела к подчинению врачей и учителей «революционному пролетариату»; их стали называть «слугами буржуазии». Против такого перевода в низший разряд возражали не только врачи и учителя, но и промышленные рабочие. Это вполне понятно, так как реальные взаимосвязи и сотрудничество между врачом и рабочими в промышленном центре значительно глубже и серьезнее, чем взаимосвязи между промышленными рабочими и теми, кто держит в своих руках политическую власть. Только трудящиеся и переплетения различных сфер существенно необходимого труда способны противодействовать политическому раздроблению, ибо они опираются на естественные процессы и интересы. Ясно, что в тех случаях, когда существенно необходимая группа промышленных рабочих низводит в равной мере необходимую группу врачей, технических работников или учителей до уровня «слуг» и возводит себя до уровня «хозяев», учителя, врачи и технические работники попадают в лапы проповедников расового превосходства, потому что они сами не хотят быть слугами даже «революционного пролетариата». В то же время «революционный пролетариат» попадает в лапы какой-нибудь политической партии (или

профсоюза), которая не обременяет их никакой ответственностью и внушает им мысли о том, что они составляют «передовой класс», который, впрочем, не способен взять на себя социальную ответственность и даже доходит до расовой ненависти, как, например, в Америке, где профсоюзы белых рабочих отказываются принять в свои ряды черных рабочих.

Все это проистекает из глубоко укоренившихся партийно-идеологических концепций, под властью которых задыхается сообщество, сформировавшееся на основе труда. Поэтому преодолеть разрыв между различными социальными группами и обеспечить соответствие между ними и структурами существенно необходимого труда можно только на основе новой концепции трудящегося как лица, выполняющего существенно необходимую работу.

Несомненно, приведенная интерпретация концепций не найдет восторженного приема у партийных идеологов. Независимо от формы аппарата власти, отношение к данной интерпретации концепций приведет к спонтанному отделению идеологической мякины от здорового зерна. Здоровое зерно составляют те, кто защищает естественно-трудовое сообщество, основанное на переплетении всех видов существенно необходимого труда. С другой стороны, мякину составят те, для кого партийные идеологии и концепции, препятствующие развитию нашего общества, важнее, чем сообщество всех трудящихся мужчин и женщин. К мякине отойдут и те, кто затевает ссоры под тем или иным предлогом. И тем не менее данная интерпретация политико-идеологических концепций войдет в состав естественных знаний трудовых отношений и таким образом будет способствовать осуществлению стремления устроить общественную жизнь в соответствии с переплетением всех сфер труда.

При обсуждении концепции трудящегося я лишь следовал логике рабоче-демократического мышления. Хотел я того или нет, я неизбежно должен был прийти к вышеизложенным результатам. Это объясняется очень просто. В то время, когда я писал эти страницы, мне понадобилось изготовить несколько указателей и табличек для Оргонона *. Поскольку я не был столяром и художником, я не мог изготовить таблички и сделать аккуратные надписи без посторонней помощи. Однако нам были нужны таблички для нашей лаборатории. Поэтому мне пришлось связаться с художником и столяром и на равных обсудить наилучший способ изготовления табличек и нанесения на них надписей. Без их опыта и

* Дом и исследовательская лаборатория В.Райха в Рэнгли, штат Мэн

практических советов я не смог бы справиться с этой задачей. При этом не имели никакого значения такие факторы, как мое мнение о себе как всесторонне образованном ученом и отношение столяра и художника к фашизму и «Новому курсу». Столяр не мог относиться ко мне как к «слуге революционного пролетариата», а художник не считал меня никчемным «интеллигентом». Процесс труда привел нас к необходимости поделиться друг с другом опытом и знаниями. Например, для успешного выполнения задания художнику необходимо было понять наш символ функционального метода исследований. Узнав значение символов, он с энтузиазмом взялся за работу. С другой стороны, от художника и столяра я узнал много о расположении надписей и самих табличках, которые должны были создать точное представление у посторонних лиц о деятельности нашего института.

Этот пример объективно-рационального переплетения различных сфер труда достаточно ясен, чтобы сделать более понятным тот бездонный иррационализм, который определяет формирование общественного мнения и таким образом подавляет естественный процесс труда.

Чем конкретнее я стремился представить себе процесс своего труда во взаимосвязи с другими сферами труда, тем лучше я понимал весь спектр рабоче-демократической мысли. Несомненно, работа пошла замечательно, когда я позволил изготовителю микроскопа и инженеру-электрику дать мне пояснения, а они в свою очередь позволили мне объяснить им особенности применения линзы и электрического прибора в области исследования физики оргона. Без шлифовальщика линз и инженера-электрика я не смог бы и на шаг продвинуться в исследовании оргона. Инженеру-электрику и шлифовальщику линз в свою очередь пришлось потрудиться над нерешенными проблемами теории света и электричества, некоторые аспекты которой, как я полагал, можно было выяснить благодаря открытию оргона.

Я умышленно привел подробное и упрощенное описание очевидного факта переплетения различных сфер труда, поскольку у меня были все основания полагать, что при всей своей простоте этот факт воспринимается трудящимися мужчинами и женщинами как нечто странное и новое. Безусловно, в это трудно поверить, но тем не менее это так. Реальность естественного переплетения и нерасторжимой взаимозависимости всех процессов труда находит ясное и непосредственное отражение в образе мыслей и чувств трудящихся мужчин и женщин. Действительно, благодаря практической работе трудящиеся обладают непосредственным зна-

нием этого переплетения. В то же время им кажется странным, когда им говорят, что общество не могло бы существовать без их труда и они несут ответственность за социальную организацию своего труда. Этот разрыв между существенно необходимой деятельностью и сознанием своей ответственности за эту деятельность возник благодаря политической системе идеологий. Идеологии служат причиной разрыва между практической деятельностью и иррациональной ориентацией трудящегося. Это утверждение, возможно, также покажется странным. И все же каждый может убедиться в его справедливости, если внимательно просмотрит любую газету, изданную в Европе, Азии или в другом месте. В газетах крайне редко можно найти статьи, посвященные основным принципам и сущности процессов любви, труда и познания, их существенной необходимости, переплетению, рациональности, серьезности и т. д. С другой стороны, газеты содержат множество публикаций, посвященных высокой политике, дипломатии, официальным мероприятиям и военным событиям, которые не имеют отношения к реальным процессам жизни. Таким образом, в сознание обычных трудящихся внедряется мысль о ничтожности их существования по сравнению с возвышенными, сложными, «умными» дискуссиями по вопросам «стратегии и тактики». Обычные трудящиеся ощущают свою второсортность, неполноценность, ненужность и случайность в этой жизни. Нетрудно проверить справедливость этого утверждения и для массовой психологии. Я неоднократно проводил такие проверки и неизменно получал одинаковый результат.

1. К нам обратился некий рабочий с хорошей идеей, которая позволяет ему существенно улучшить свой труд. Мы предложили ему написать и опубликовать статью о своем открытии. При этом мы столкнулись со своеобразной реакцией. Создалось впечатление, как будто у рабочего, выполняющего важную и необходимую работу, вдруг возникло желание спрятаться в какую-то скорлупу. «Кто я такой, чтобы писать статью? Моя работа не имеет значения»,— нередко говорят такие рабочие. Это отношение рабочих к своему труду — типичное явление массовой психологии. Я упростил характеристику отношения рабочих к своему труду, но суть передал верно. В правильности этой характеристики может убедиться каждый желающий.

2. Теперь мы обратимся к редактору любой газеты. Мы предложим ему сократить материал по «вопросам политической стратегии и тактики» до двух газетных страниц и оставить первую и вторую страницы газеты для больших статей, посвященных акту-

альным, практическим вопросам техники, медицины, образования, горного дела, сельского хозяйства, промышленности и т. д. Наше предложение приведет редактора в замешательство и не оставит у него сомнений относительно нашего душевного состояния.

Вышеупомянутые подходы, т. е. подход народных масс и подход создателей общественного мнения, дополняют и определяют друг друга. Общественное мнение, по существу, имеет политический характер и невысоко ценит повседневную жизнь любви, труда и познания. Все это соответствует ощущению социальной незначительности, которое испытывают те, кто любит, трудится и обладает знаниями.

И все же произвести рациональную переоценку общественных условий невозможно до тех пор, пока общественное мнение, а следовательно, и психологическая структура личности будут формироваться на 99 процентов за счет политического иррационализма и лишь на 1 процент за счет основных форм жизнедеятельности общества. Полное изменение этого соотношения на обратное составит минимальное требование, если понадобится лишить политический иррационализм силы и установить саморегуляцию общества. Другими словами, реальный процесс жизни должен найти адекватное отражение в печати и во всех формах общественной жизни; он должен совпадать с этими формами.

При обобщении и исправлении политических концепций мы встречаемся с аргументацией, которую трудно опровергнуть. Эта аргументация сводится к следующему. Политические идеологии нельзя игнорировать, так как рабочие, фермеры, технические специалисты и другие работники определяют динамику развития общества не только через свой существенно необходимый труд, но и через свои политические идеологии! Крестьянская война в средние века была политическим восстанием, которое кардинально изменило общество. Коммунистическая партия преобразила лицо России. Утверждают, что невозможно запретить или предотвратить «политизацию» и формирование политических идеологий. Идеологии, подобно любви, труду и познанию, также составляют человеческие потребности и оказывают воздействие на общество. На эту аргументацию следует возразить следующим образом.

1. В сферу рабоче-демократической мысли не входят задачи запрещения или подавления чего бы то ни было. Она направлена исключительно на выполнение биологических функций любви, труда и познания. В случае поддержки со стороны какой-либо политической идеологии естественная рабочая демократия получает лишь дополнительный стимул к развитию. Но если политическая идеология выдвигает иррациональные претензии и таким образом препятствует развитию рабочей демократии, тогда рабочая демократия будет действовать так, как действовал бы лесозаготовитель, подвергшийся в процессе заготовки леса нападению со стороны ядовитой змеи. Для беспрепятственного продолжения своей работы он убьет змею. Он не откажется от лесозаготовки только потому, что в лесах водятся ядовитые змеи.

2. Политические идеологии действительно представляют собой реальности, которые оказывают реальное воздействие на общество, и поэтому от них невозможно просто отказаться или отговориться. С точки зрения рабочей демократии эти реальности играют роковую роль в трагедии природного человека. Тот факт, что политические идеологии составляют ощутимые реальности, еще не доказывает их существенной необходимости. Бубонная чума была весьма ощутимой социальной реальностью, но никто не считал ее существенно необходимой. Поселение людей в девственном лесу имеет жизненно важное значение и составляет реальное, социальное явление. Но наводнение также относится к явлениям подобного рода. Кто поставит знак равенства между разрушительной силой наводнения и деятельностью поселения людей лишь потому, что оба они имеют социальные последствия? Тем не менее наша неспособность установить различие между трудом и политикой, между реальностью и иллюзией, а также наше ошибочное понимание политики как рациональной деятельности человека, сопоставимой с севом и строительством зданий, привели к тому, что какой-то художник-неудачник вверг весь мир в бездну страданий. Я неоднократно подчеркивал, что основная задача этой книги, которая в конечном счете была написана отнюдь не для забавы, заключается в том, чтобы показать катастрофические заблуждения человеческой мысли и исключить иррационализм из политики. Существенную роль в трагедии нашего общества играет тот факт, что фермеры, промышленные рабочие, врачи и другие трудящиеся оказывают влияние на общественную жизнь не столько посредством своей общественной деятельности, сколько посредством своих политических идеологий. Ибо политическая деятельность препятствует реальной, профессиональной деятельности, раскалывает лиц каждой профессии на враждебные идеологические группы, сеет рознь в среде промышленных рабочих, ограничивает деятельность врачей и причиняет вред больным. Короче говоря, политическая деятельность препятствует достижению тех целей, за которые она якобы сражается: мир, труд, безопасность,

международное сотрудничество, свобода слова, свобода вероисповедания и т. д.

3. Действительно, политические партии иногда изменяют облик общества. Однако с точки зрения рабочей демократии такие изменения носят принудительный характер. Вначале, когда Карл Маркс приступил к критическому анализу политической экономии, он не был ни политиком, ни членом какой-либо партии. Он был ученым, экономистом и социологом. Благодаря распространению «эмоциональной чумы» в среде народных масс он остался непонятым. «Эмоциональная чума» привела его к нищете и побудила основать пресловутый «Коммунистический союз», который был вскоре им самим распущен. Под воздействием «эмоциональной чумы» научный марксизм превратился в марксизм политических партий, который утратил всякую связь с научным марксизмом и в значительной мере несет ответственность за возникновение фашизма. Об этом убедительно свидетельствует сам Маркс, воскликнувший, что он «не был марксистом». Он никогда бы не основал политическую организацию, если бы вместо иррационализма в мышлении народных масс преобладал рационализм. Действительно, политическая структура нередко становится необходимой, но эта принудительная мера вызвана лишь человеческим иррационализмом. Если бы труд и социализм идеологии соответствовали друг другу и если бы потребности, их удовлетворение и средства их удовлетворения соответствовали психологической структуре личности, тогда не существовало бы никакой политики, так как она была бы просто не нужна. Если у человека нет дома, он вынужден жить в полом стволе дерева. Полый ствол дерева бывает хорошим и плохим, но тем не менее это не дом. Хороший дом остается целью даже в том случае, если человек вынужден жить какое-то время в полом стволе дерева. Упразднение политики и государства, которое служит источником возникновения политики, составляет ту цель, о которой забыли основатели социализма. Я знаю, что неловко напоминать о таких вещах. Слишком много размышлений, порядочности, знаний и самокритики понадобится для того, чтобы врач увидел основную цель своей деятельности в профилактике заболеваний, лечение которых доставляет ему средства к существованию. Мы будем считать рационально-объективными социологами тех политиков, которые помогают обществу разоблачить иррациональные мотивации существования политики и ее «необходимости» настолько, что любая форма политики становится ненужной.

Критическое отношение к политике характерно не только для рабочей демократии. Так, например, в Америке получили широкое распространение ненависть к честолюбивой борьбе за политическую власть и понимание ее социальной опасности. Кроме того, мы узнали, что в Советском Союзе технократы берут верх над политиками. Даже осуществление политиками казни ведущих российских политических деятелей, может быть, имеет скрытый от нас социальный смысл, несмотря на то, что мы привыкли рассматривать такие казни как проявление политического иррационализма и садизма. Политика европейских диктаторов не встречала существенного противодействия на протяжении целого десятилетия. Для понимания сущности политики достаточно поразмыслить хотя бы над тем, что какой-то Гитлер заставил весь мир затаить дыхание на много лет. Тот факт, что Гитлер был политическим гением, убедительно разоблачает сущность политики. При Гитлере политика достигла высшей стадии своего развития. Мы знаем, какие плоды она принесла и как весь мир отнесся к ним. XX век с его невиданными общественными потрясениями, как я полагаю, знаменует начало новой, свободной от политики эпохи общественного развития. Разумеется, мы не можем предугадать, какую роль в искоренении «эмоционально-политической чумы» будут играть сама политика и сознательно организованные процессы любви, труда и познания.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Открытия и заблуждения Вильгельма Райха 7
Предисловие 10
Глоссарий 28

Глава I
ИДЕОЛОГИЯ КАК МАТЕРИАЛЬНАЯ СИЛА 31
Раскол 31
Экономико-идеологическая структура немецкого общества 1928—1933 гг. 37
Проблема раскола с точки зрения психологии масс . . 45
Социальная функция сексуального вытеснения 50

Глава II
АВТОРИТАРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ СЕМЬИ, ПСИХОЛОГИЯ МАСС И ФАШИЗМ 59
Фюрер и психология масс 59
Биографические данные Гитлера 61
Психология мелкой буржуазии 64
Семейные узы и националистические чувства 71
Националистическая самоуверенность 84
«Приручение» промышленных рабочих 89

Глава III
РАСОВАЯ ТЕОРИЯ 96
Содержание расовой теории 96
Объективные и субъективные функции идеологии . . . 99
Расовая чистота, отравление крови и мистицизм . . . 101

Глава IV
СИМВОЛИЗМ СВАСТИКИ 116

Глава V
СЕКСУАЛЬНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АВТОРИТАРНОЙ СЕМЬИ 121

Глава VI
ЦЕРКОВЬ КАК МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПО БОРЬБЕ С СЕКСУАЛЬНОСТЬЮ 131
Интерес к церкви 131
Борьба с «культурным большевизмом» 135
Обращение к мистическим чувствам 142
Цель культурной революции в свете фашистской реакции 151

Глава VII
БОРЬБА СЕКСУАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ С МИСТИЦИЗМОМ 155
Три основных элемента религиозного чувства 156
Укоренение религии с помощью сексуальной тревоги . 163
Укоренение мистицизма в детстве 163
Укоренение мистицизма в психологической структуре подростков 166
Здоровая и невротическая уверенность в себе 177

Глава VIII
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СЕКСУАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ 179
Теория и практика 179
История борьбы с мистицизмом 180
Противоречие между сексуальным счастьем и мистицизмом 185
Индивидуальное искоренение религиозного чувства . . 187
Применение сексуальной энергетики и возражения против него 190
Аполитичная личность 206

Глава IX
МАССЫ И ГОСУДАРСТВО 210
1936 год: говорите правду. Но как и когда? 212
«Что происходит в народных массах?» 220
Стремление к социализму 227
«Отмирание государства» 238
Энгельс и Ленин о самоуправлении 238
Программа РКП(б) (VIII съезд партии, 1919 г.) . . . 248

«Введение советской демократии» 252
Формирование аппарата авторитарного государства на основе рациональных общественных отношений 263
Социальная функция государственного капитализма . . 272

Глава X
БИОСОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ТРУДА 279
Проблема «добровольной трудовой дисциплины» 279

Глава XI
ЗНАЧЕНИЕ СУЩЕСТВЕННО НЕОБХОДИМОГО ТРУДА 300
Что представляет собой «рабочая демократия»? 300
Что нового содержит рабочая демократия? 303

Глава XII
БИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОСЧЕТ В БОРЬБЕ ЛИЧНОСТИ ЗА СВОБОДУ 306
Наше участие в развитии свободы 306
Биологическая жестокость, неспособность к свободе и авторитарное мировоззрение 319
Средства борьбы за свободу личности 333

Глава XIII
О ЕСТЕСТВЕННОЙ РАБОЧЕЙ ДЕМОКРАТИИ 346
Анализ естественных социальных сил с целью преодоления «эмоциональной чумы» 346
Противоречие между трудом и политикой 348
Замечания об объективной критике и иррациональной придирчивости 356
Основополагающая рациональность труда 358
Существенно необходимые и другие виды труда . . . 366

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Психология масс и фашизм

ЛР № 071351 от 23.10.96.

Подписано в печать 27.02.97.
Формат 84×108 1/32. Печать высокая.
Бумага офсетная. Печ. л. 24. Тираж 7 500 экз.
Заказ 510.

"Университетская книга"
193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга»
Комитета Российской Федерации по печати.
198052, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29